

Валерий Писигин

П О С О Л О Н Ь

(Письма с Чукотки)

Москва, ЭПИЦентр

2001 г.

ISBN 5-89069-052-3

© В.Ф.Писигин

*Памяти
Бориса Исааковича Зингермана*

*Пóсолонь — по-солнцу, по теченью
солнца, отъ востока на западъ,
отъ правой руки (кверху) къ левой.
Борони пóсолонь,
лошадь не вскружится.
Крути веревку пóсолонь.*

В. Даль

Предисловие

То, что собрано под одной обложкой, я не рискну назвать книгой. Тем более книгой о Крайнем Севере, о котором вообще нелегко писать, еще труднее думать, и уж совсем непросто совмещать одно с другим.

Я оказался на Чукотке не волей обстоятельств, не случайно и не по недоразумению. Этого требовал замысел будущего повествования, в котором Северу как «действующему лицу», отводилась роль не большая, чем внешнего оформления событий более существенных.

Однако, Север настолько вторгся в замысел, что стал доминировать в нем, и мне с трудом удавалось (и не известно, удалось ли) удерживать себя, чтобы следовать задуманному. Пробыв на Чукотке чуть больше двух месяцев и притащив оттуда целый ворох записей, набросков, документов, не говоря уже о впечатлениях, я оказался в положении кладоискателя-кустаря, который

в поисках кувшина с монетами набрел на захоронение Чингисхана. Глядя на кипу бумаг, я не знал, что с ними делать.

Когда я отчаялся и уже было отложил затею, мне подсказали выход: собрать отосланные с Чукотки письма и как есть опубликовать, добавив немного документальных материалов, «для апперцепции», как выразился мой друг.

Теперь мне предстояло собрать письма, что оказалось не проще, чем их написать.

Больше всего писем я отослал в Париж. Вероника Г. В свое время работала журналисткой в Москве, прекрасно знает русский и еще лучше нашу историю — предмет ее профессиональной деятельности. Другие адресаты — это преподаватель философии из Казани; петербургский художник; искусствовед и теоретик театра, проживающий в Москве; литературовед из Пскова, а также учительница русского языка и литературы из Торжокского педагогического училища.

Кроме них, я написал два больших письма своему другу Г., известному политику. Все попытки заполучить эти письма или хотя бы их копии закончились безрезультатно. Говорит, письма бесценны и он всегда носит их в кармане, не помнит только в каком. Скорее всего они утеряны. Не вернула мне три письма и одна милая особа, хотя я грозил ей разрывом тех отношений, которые и составляют основной предмет моих к ней посланий. В результате нет ни писем, ни отношений. Таким образом, читатели ничего не узнают ни о моих политических воззрениях, ни о сердечных переживаниях. Надеюсь, это не окажется единственным достоинством повествования.

4 ноября, Москва

Дорогая Вероника!

Как ты догадываешься, я готовлюсь к поездке. Похоже, это будет настоящая экспедиция, причем в край, о котором не имею даже малейшего представления. Знаю только, что это далеко. Ничего о Чукотке не читаю, стараюсь избегать даже косвенных соприкосновений с тем, что предстоит увидеть.

Мой приятель, к которому я обратился за советом, какую одежду взять, увлекся и стал рассказывать о красотах Крайнего Севера, о том, как на побережье Ледовитого океана он видел огромный красный танкер, в то время как вода была фиолетовой, вокруг плавали белые льдины, а небо было зеленоватым... Я остановил приятеля, потому что своим рассказом он вторгся в мое воображение, предвосхищая события. Всю ночь я не мог уснуть, представляя пейзажи с фиолетовой водой, зеленым небом и красным пароходом... Для меня также подобрали стопку книг, убеждая, что их необходимо прочесть. Но и от книг я отказался. В мои планы не входит писать научный труд и соперничать с североведами, съевшими на Чукотке не одну упряжку собак.

Если помнишь, замысел таков: некто отправляется на поиски первого младенца двухтысячного года. Я хотел отослать этого воображаемого господина сначала на край Чукотки, например, в Уэлен, через неделю перебросить в Петропавловск-Камчатский, а затем в Магадан, полагая, что в одном из этих мест обязательно родится счастливый младенец. Ведь световой день начинается именно там. Поскольку поиск младенца — это миграция от одного родильного дома к другому, из одного города в другой, то это и станет сюжетом книги. Я считал, что меся-

ца вполне хватит, но теперь планы придется менять вместе с представлениями о расстояниях.

Чукотка, Камчатка и Магадан — не просто далеки друг от друга. Это разные страны, и перебраться с Чукотки на Камчатку, тем более зимой, не многим легче, чем из Парижа на... Луну. То же и с Магаданом. На такие перемещения не хватит ни времени, ни денег. Кроме того, сюжет получит ритм, если поиск вести от центра на восток. Тогда край земли, восход солнца и рождение младенца — соединятся. Идеально, если бы первый ребенок родился на побережье Берингова пролива — в Уэлене или в Лаврентия. В крайнем случае пусть он родится поближе к центру полуострова, только бы это была Чукотка. Если же младенец появится на свет в Магаданской области или на Камчатке, за ним останется громадное пространство, в то время как перед ним должна быть и вся Россия, и весь мир...

Интересно, может ли в тундре родиться ребёнок и чтобы никто об этом не узнал?

Почему бы и нет. Ведь там, в чуме, среди снегов, наверняка, рожают. Что же они о каждом докладывают?

Теперь вот о чём.

Неожиданно возник вопрос: настанет ли двадцать первый век и третье тысячелетие вместе с двухтысячным годом? В народном сознании, в том числе и моем, новый век ассоциируется с круглой датой, но теперь, ссылаясь на математиков, стали доказывать, что двухтысячный год не начинается новый век, но заканчивает старый. Если так, то мой младенец, окажется «нелегитимным». Послушный науке, я уже было решил отложить затею на год, но у меня возникли сомнения: не математические, а метафизические.

Моя бабушка родилась в 1900 году и всегда считала, что родилась в двадцатом веке. В то время как дедушка, родившийся в 1899 году, был убежден, что родился в прошлом, девятнадцатом столетии. Никогда ни у кого сомнений на этот счет не было,

и всякий, кто родился в 1900 году, считал себя ровесником века. Теперь, если следовать науке, все не так.

Я не знал, как быть, пока не встретился с одним мудрым стариком. Он посетовал на то, что людей одолевает гордыня и все ответы они ищут в науке, а надо бы их искать у Бога; сказал, что для него нет и не может быть иного летоисчисления, чем то, которое берет свое начало от Рождества Спасителя, и посоветовал ехать на Чукотку сейчас. Говорит, в сознании останется только круглая дата. Еще он сказал, что через год, может и нас уже не будет...

Этот разговор утвердил меня, что ехать надо сейчас.

До свидания, привет Парижу, о котором скучаю, а Москва, вместе с политиками, надоела донельзя.

«Абсолютный рекорд по числу москвичей, утонувших в собственных ваннах, будет поставлен в нынешнем году.

Как сообщили "МК" в Региональной общественной организации профилактики и спасения на водах (РООПСВОД), за 9 месяцев 1999 года во время водных процедур захлебнулись 47 жителей Первопрестольной. Эта цифра больше чем в два раза(!) превосходит показатели прошлых лет, когда в течение года в ваннах тонули около 20 человек...»

«Московский Комсомолец», 16 ноября, 1999 г.

НЕ ПОКУПАЙТЕ «ШАNELЬ» ВЕДРАМИ!

В Москве запретили продажу духов и туалетной воды «в розлив».

Благоухать дорого желает и дама, чей достаток не превышает прожиточного минимума, и та, которая не имеет понятия о каком-то минимуме. Разные у двух представи-

тельниц прекрасного пола способы достижения желаемого результата: первая идет в магазин и выбирает понравившуюся цену, вторая идет в магазин и выбирает понравившийся аромат. Так что такая услуга, как продажа духов и туалетной воды «в розлив», для последних пришлась как нельзя кстати. «Шанель», «Лоран» и «Ланком» в дешевом флаконе приемлемого объема выливались в итоге в смехотворную сумму.

Купить розливные духи можно было в обыкновенном переходе или на рынке.

Почему в прошедшем времени?

Да потому, что с начала ноября главный санитарный врач Москвы И.Филатов запретил реализацию парфюмерной продукции таким образом. Так как подобная торговля нарушает Санитарные правила и нормы и Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

«Московская Правда», 19 ноября, 1999 г.

Ирина Понаровская не устает удивлять публику.

На закрытии экспозиции своих нарядов она выступила в амплуа и ведущей аукциона, и модели, демонстрирующей лот. Однако зрители порыв певицы поддержали лишь аплодисментами. Желания приобрести уникальное колечко с бриллиантами и изумрудами работы любимого ювелира Ирины даже за начальную цену — 2 тысячи «зеленых» — никто не изъявил. Больше эмоций вызвал другой лот - дрожащий щенок китайской голой собаки. Причину продажи этого лысого чуда Понаровская объяснила тем, что у нее дома живут «уже три такие собачки...»

«Московский Комсомолец», 19 ноября, 1999 г.

ИЗУМИТЕЛЬНЫЕ мгновения.

Удивительно прочно вошла в столичную жизнь страсть к японской культуре. Интеллектуалы стремятся на выставки бонсай, в театр кабуки, на концерт японских барабанов — вадайко. Новые русские отвечают им привязанностью к кухне Страны восходящего солнца. Суши и сашими, сакэ и теппаныки стали для них созвучны словам «армани» и «мерседес». В их кулинарном сознании закрепился и элитный японский ресторан «Изуми» на улице Спиридоновка, дом 9, поход в который обычно заказывается за день.

Это заведение решило с нового тысячелетия еще больше «объяпонить» столичную элиту — здесь полным ходом идет подготовка к открытию первого в России ночного японского татами-клуба...

«Московский Комсомолец», 20 ноября, 1999 г.

20 ноября, Москва

Привет, Наиль!

Получил твоё письмо, но отвечаю лишь неделю спустя, так как занят сборами. Все же я еду не в Торжок и не в Казань. На Чукотку, говорят, попасть хоть и трудно, но можно, а вот выбраться... Меня предупредили, чтобы я не совался в какой-нибудь отдаленный поселок: можно до весны застрять.

Ты спрашиваешь: почему Чукотка, да еще зимой, накануне Нового года? Не сошел ли я с ума?

Знаешь, я никогда не был романтиком. Мне непонятны коллективные восторги от походов, палаток, костров, ночных бдений и самодеятельных песен вокруг всего этого. Меня раздражают великовозрастные дяди и тети, поющие под гитару. К тому же вся эта «романтика» ассоциируется у меня с пионерией и комсомолом, которых я не любил еще больше, чем они меня. Поразительно, но при этом я был и пионером, и комсомольцем, ходил в походы, жег костры и даже пару раз играл возле них на гитаре. Вот только не пел, потому что сорвал голос, еще будучи октябреньком.

Меня также никогда не тянуло в экзотические страны и на необитаемые земли, тем более на Крайний Север, где вечная мерзлота, свирепствуют вьюги и метели. Мой «романтизм» не простирался дальше самого себя, что можно было бы назвать самосовершенствованием, если бы я чего-то достиг. Я всегда считал, что именно сидя дома, в тепле, уюте и безопасности, лучше всего созерцать окружающий мир и пытаться его понять. Когда же я выбираюсь в какую-нибудь деревню или близлежащий город, моим домом становится автомобиль, который я не оставляю

дольше чем на два часа и от которого не отхожу дальше чем на двадцать шагов.

Чукотка возникла в замыслах не потому, что эта далекая и неведомая страна меня притягивает и манит, не потому, что решил забраться на край земли и оттуда посмотреть на мир, и не потому, что бегу от себя (я хорошо к себе отношусь). Просто этого требует сюжет будущей книги. Какой? Пока не скажу. Прости, я уже способен утаивать замыслы. Сообщу лишь, что он связан с восходом солнца. Если бы день начинался на Украине, в Бразилии или у тебя в Татарстане, я бы отправился туда. Причем с бóльшим энтузиазмом, потому что не терплю холода. Более теплолюбивого существа, наверное, нет, так как труднопредставить большее тепло, чем то, которое сопровождало мое детство...

Пуховая белоснежная перина, прежде чем принять меня, разогревалась несколькими грелками, которые аккуратно подкладывала в кровать бабушка. Взбитая подушка также подогревалась, но не сильно, потому что, согласно Суворову (генералиссимус почитался в доме наравне с Пушкиным, Ломоносовым и Тарасом Шевченко), голову надо было «держат в холоде». И, пока разогревалась постель, бабушка грела мою фланелевую рубашку, для чего помещала ее в большую кастрюлю, а уже кастрюлю — в духовку. Только после этого обеспуговиченная рубашка (чтобы пуговицы не причиняли неудобств) надевалась на меня. Затем я укладывался спать (не сам — бабушкой!), и, пока не усну, она должна была находиться рядом, гладить меня по голове своей теплой рукой и ласково приговаривать. Иначе я не засыпал! Затем бабушка, чуть шурша, уходила, оставив меня в сказочном мире, где я был защищен неприступными перинами и подушками, а еще толстыми кирпичными стенами старого дома. Никакие внешние события не касались меня. Холодные ветры, мороз, слякоть и всякая непогода были мне неведомы, равно как и суровые законы человеческих отношений. Был лишь добрый и солнечный мир, готовый меня с радостью принять. Даже и теперь, когда мне плохо, я нахожу утешение в глубоком сне, уку-

тавшись с головой тяжелым одеялом. Можешь ли представить, что значит для меня отправиться зимой на Чукотку?

К тому же у меня не оказалось одежды, пригодной для настоящей зимы. Ни обуви, ни носков, ни куртки, ни теплого свитера, ни белья, ни шапки... Вся моя одежда хороша лишь для соблазнения девиц и дефилирования от подъезда к машине и обратно. На Чукотке ей грош цена. Мне подсказали адрес магазина для летчиков, где я приобрел куртку из овчины, летчицкий зимний комбинезон, унты (особая радость!), пару шерстяных свитеров, теплые тельняшки, меховые рукавицы, несколько пар носков, четыре комплекта теплого белья. Кроме прочего, купил американский спальный мешок и даже не отвечу, чего больше испытал от этой покупки: удовольствия или гордости?

Кстати, недорого, в сравнении с ценами в спортивных магазинах, клиенты которых забавляются альпинизмом и горными лыжами. Впрочем, Крайний Север — тоже «забава» еще та. Билет в Анадырь, в один конец, стоит почти восемь тысяч и, говорят, на днях подорожает.

Вчера в новостях передали репортаж с Чукотки, связанный с предстоящими выборами. Показали дома, занесенные снегом, спасающихся от метели людей, бегущее стадо оленей, а журналист подытожил, что скоро на Чукотке начнется зима... После такого репортажа я отогревался в горячей ванне.

Мои друзья вместе с завистью высказывают опасения и советуют перенести поездку на лето. Кого ни спроси — все всё знают о Крайнем Севере и, в частности, о Чукотке. Мне без конца дают советы: где и что говорить, как себя вести, что брать с собой. Один знаток советует обязательно взять шматок сала, которое в Заполярье окажется важнее фотоаппарата. Другой — рекомендует запастись гусиным жиром и перед выходом на мороз смазывать им пятки, «чтобы не потрескались». Третий — убеждает купить солнцезащитные очки...

Все рекомендации я добросовестно выполнил, хотя на Чукотке сейчас полярная ночь, а гусь на московских рынках стоит столько, что дешевле заказать из Франции. Еще один приятель советует взять охотничий нож, на случай, если нападут медведь, волк или еще кто-нибудь. На его друга, художника, напал морж. Тот вроде бы стоял на берегу то ли Охотского, то ли моря Лаптевых, возле Чукотки или Камчатки, рисовал Ледовитый океан, был увлечен айсбергами и не заметил, как подполз здоровенный морж. Я спрашиваю: как же он сумел незаметно подкрасться? Оказалось, шум океана скрадывал прочие звуки, к тому же уморжей не слышно шагов. Они устроены так, что не ходят, а переливаются: жир перекачивается из одной части тела в другую, и таким образом осуществляется движение. Художник лишь услышал сопение за спиной. Повернулся, а морж уже изготовился к прыжку. Где видано, спрашиваю, чтобы моржи прыгали? Но приятель говорит, что на Чукотке какие-то особенные моржи, они вроде бы и прыгают, и даже скачут. Словом, купил я нож, в котором, кроме нескольких лезвий, штопора, пилы, напильника, отвертки, шила, линейки и ножниц, есть еще вилка, консервный нож и ложка, так что в развернутом виде изделие похоже на ошестинившегося ежа. Кстати, продавщица напомнила о судьбе Роберта Скотта, экспедиция которого погибла из-за того, что нечем было открыть консервы. Из-за мелочи, сказала девушка, погибли хорошие люди.

Мне также посоветовали взять фонарик, причем непременно мигающий. На случай, если заметет следы и не найду обратной дороги. Так хоть фонариком помигаю, глядишь, кто-нибудь отзовется. Мне рассказали, как недавно один молодой человек пошел по нужде и был немедленно окружен стаей голодных волков: сидящего на корточках, его приняли за зайца. Он стал звать на помощь, но на крик сбежались еще и медведи. Фонариком бы осветил — зверье бы и разбежалось, а так парень спасся только благодаря суматохе: звери начали выяснять отношения из-за добычи, и он бочком, между сопок, проскочил к своим...

Поразительно! Не побывав даже рядом с Севером и Чукоткой, все, с кем я разговаривал, прекрасно осведомлены о положении дел в тех краях, знают о природе, о коренном населении и даже о вековых обычаях. Буквально каждый рассказывал о невероятном гостеприимстве чукчей и эскимосов, которые, чтобы показать расположение к гостю, подкладывают ему в постель своих жен. Мне, как приехавшему издалека, обязательно подсунут, так что я не должен проявлять высокомерия и небрежения по отношению к обычаям и нравам малочисленных народов, а то чукчи — народ воинственный... «Если угостишь гостя, а он откажется, ты ведь обидишься? — рассуждал мой приятель. — Так это всего лишь еда. Что же говорить об игнорировании чужеземцем любимой женщины!»

Довели до того, что мне приснилось, будто я остался на ночлег в чуме и в ожидании того, что мне подсунут чью-нибудь жену, никак не мог уснуть. (Приснится же: во сне и не мог уснуть!) Лежа в своем спальном мешке, я озирался, прислушивался ко всякому шороху и вот слышу, как впотьмах, ступая по оленьим шкурам, ко мне пробираются хозяева. Перешептываясь и перемигиваясь, они хотят засунуть мне в мешок большой сверток — не это ли чья-то жена? — а я пытаюсь уклониться и делаю вид, что сплю. Но лишь только я выразил недовольство — тут же блеснули в их руках кривые ножи, которыми только что был мелко нашинкован какой-то зверь, и оскалились их смуглые засаленные чингисханьи рожи, и со всею ненавистью оскорбленного народа они посмотрели на меня и то ли спросили, то ли приговорили: «Не уважаешь?!» — «Как же не уважаю?» — взмолился я. — «Докажи, однако!» — потребовали от меня... и усилием воли я проснулся.

Вот какие страсти, дорогой друг, сопровождают подготовку к моей экспедиции. Не знаю, будет ли возможность написать

тебе до отъезда, но с Чукотки напишу обязательно. Правда, письма оттуда идут по три месяца.

P.S. Пересылаю тебе заметку о чукчах из Настольного Энциклопедического словаря Граната. Она хоть и устаревшая — 1901 год, — зато лишена советской риторики.

ЧУКЧИ, инородцы Приморск. и Якутск. областей, въ сев.-вост. углу Камчатки по рр. Калыму и Анадыру, около губы св.Лаврентія и по берегамъ Охотск. моря. Чукчи постепенно вымирають, и численность ихъ, некогда громадная, не превышаетъ теперь 8 т. По образу жизни разделяются на оседлыхъ и кочевыхъ (оленныхъ). Первые живутъ на морскомъ берегу, вторые ведутъ жизнь пастушескую. Внешностью Чукчи похожи на эскимосовъ: они низкаго роста, толсты, смуглы, съ малыми косыми глазами. Живутъ въ подвижныхъ юртахъ изъ оленьихъ шкуръ, тесно и неопратно. Часть Чукчей крещена, большинство состоитъ въ шаманстве, полигамия дозволена, но редка; по смерти супруга жена переходитъ къ младшему брату. Чукчи управляются старшиной (наиболее вліятельнымъ и богатымъ оленями человекомъ). Главнымъ занятіемъ ихъ являются рыболовство и звероловство, собаки ценятся высоко и служатъ для охоты и для езды. Оленные имеютъ страсть къ торговле, которая производится въ Анюйской креп., Анадырске и Гижиге и состоитъ въ обмене пушнаго издѣлія, холстъ и пр.; кроме того, Чукчи ведутъ торговлю съ американцами и съ эскимосами Берингова пролива.

Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красною нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это — факт географический.

П. Я. Чаадаев, «Апология сумасшедшего»

ЧАСТЬ I. БИЛИБИНО

29 ноября

Привет, дорогой Иверий!

Ты советовал записывать первые впечатления, самые сильные и точные. Я стараюсь, вот только не пойму, когда заканчиваются первые впечатления и начинаются вторые, третьи... десятые. Во всяком случае, часть впечатлений пересылаю тебе: быть может, из них когда-нибудь получится очерк.

* * *

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Многочасовой перелет в направлении, обратном вращению Земли, уничтожил сутки. Вылетали из Москвы — было темно, летели во тьме и приземлились в Певеке тоже затемно. Прячущийся день лишь мелькнул пурпурно-серебряным отражением во льдах океана, глядя на которые, думаешь: «Не приведи Господь!» Когда-то Гоголь писал о наших пространствах: три года скачи, ни до какого государства не доедешь... Вот и здесь — летишь, летишь, а внизу всё та же безжизненная бесконечность и хоть бы один огонек. Сентиментального Николая Васильевича, выросшего в нежной Украине, раздражали унылые и однообразные российские пейзажи. Что бы он почувствовал, взглянув в иллюминатор?

Известно, что Чукотка находится далеко. Но как далеко — представить невозможно, потому что мы, живущие в России, не понимаем, что такое наши расстояния. То ли все относительно близко, то ли все относительно далеко... Я искал в московских магазинах карту Чукотки, но взамен продавцы предлагали карты

Камчатки, Якутии и даже Дальнего Востока, полагая, что все это в одном и том же месте. Для жителя центральных районов все, что находится за Уралом, — далекое и малодоступное. Что же говорить о Чукотке, если от Москвы до Иркутска такое же расстояние, как от Иркутска до Уэлена, и Байкал является лишь географическим центром России!

Чукотка и Камчатка действительно граничат, а Магадан и Петропавловск-Камчатский — ближайšie к Анадырю крупные центры. Но между этими городами и Анадырем расстояние такое же, как между Москвой и Тюменью! Еще недавно Чукотка входила в состав Магаданской области, но от Магадана до залива Святого Лаврентия, где я намереваюсь побывать, расстояние такое же, как между Москвой и... полуостровом Ямал! Вместе с тем для жителей Чукотки Магадан и Петропавловск-Камчатский — ближние города, о которых в Анадыре, Билибино или Певеке говорят так, как в Москве о Подмоскovie. Кстати, Москва от мыса Семена Дежнёва находится дальше, чем столица Мексики.

Но масштабы наших расстояний не определяются лишь километрами и часовыми поясами. Существует множество причин, которые удаляют Чукотку и Крайний Север гораздо дальше, чем они на самом деле находятся, оставляя эти земли не просто труднодоступными и оторванными от остальной России, но еще и разделенными между собой. Проще попасть из Нью-Йорка в Москву и даже из Анадыря в Нью-Йорк, чем перебраться из Билибино в кажущиеся соседними Уэлен или Провидения.

Недавно в прессе сообщили, что где-то в этих широтах нашли хорошо сохранившегося мамонта. Его двухметровые бивни торчали из-под земли много тысяч лет, и никто их не замечал. Но не потому, что люди у нас *ленивы и нелюбопытны*. Просто за все это время никто не проходил мимо. Лишь французская экспедиция обнаружила бивни и теперь пытается извлечь из мерзлоты всего мамонта, чтобы клонировать или даже оживить. Да! Непросто будет интегрироваться в мировую экономику стране, в кото-

рой двадцать тысяч лет из-под земли торчат бивни мамонта и остаются незамеченными.

...Певек, куда мы приземлились, находится на побережье Восточно-Сибирского моря. Было темно, поэтому город я не видел, а кроме того, прямо с одного самолета мы пересели на другой, грузовой. В нем не было окон, сидений, туалета и стюардесс, зато все пассажиры друг друга хорошо знали, словно это сельский автобус. Получасовой пересадки хватило, чтобы я оценил Певек. Температура минус двадцать, но с таким ветром, что я вмиг промерз. Московскую одежду пришлось сбрасывать и прямо в самолете переодеваться в настоящую зимнюю. Спустя час приземлились в Кепервееме. От аэропорта до самого Билибино еще сорок километров. Это чуть меньше часа пути на «уазике». Температура ровно на двадцать градусов ниже, чем в Певеке, но ветра не было вовсе.

Мои чукотские благодетели разместили меня в обычной двухкомнатной квартире, в которой сейчас никто не живет, но где все приспособлено для проживания. Здесь тепло, тихо, есть горячая вода, ванная, туалет... Если бы мне сообщили, что я не на Чукотке, не нашлось бы оснований сомневаться.

На кухне плита «Лысьва», известная у нас не меньше, чем находящийся здесь же холодильник «Бирюса»; в спальне типовые шкаф и двухспальная кровать; в большой комнате — знакомая раскладывающаяся софа и отечественный телевизор; в прихожей — трюмо с тумбочкой, внутри которой лишь несколько шариковых ручек, давно негодных к употреблению, и устаревшие телефонные справочники; остальное — стулья, стол, линолеум, обои... — такое же, какое имеется на всем нашем необъятном пространстве, начиная от Калининграда. Те же кастрюли, сковорода, чайник, вилки, ложки, ножи, половник, солонка, сахарница, пепельница, дверные ручки, выключатели и розетки, равно как и радио, точно такое же, какое я недавно видел в гостинице на Валдае, и всякая прочая мелочь, известная каждому, кто только знает

наш советский быт. В ванной все то же и такое же, что можно увидеть в ваннных комнатах Пскова и Екатеринбурга, Пятигорска и Смоленска, Кемерово и Перми. Имеется даже обязательный кусочек пемзы, которым наши граждане приводят в порядок пятки, причем он такого же размера, той же формы и того же цвета, что и повсюду, и если вас с намыленной головой и зажмуренными глазами незаметно перенесут за тысячи километров, куда-нибудь в Орел или Иваново, то, пошарив по краю ванны, вы обязательно отыщете такой же кусок пемзы и даже не почувствуете, что находитесь на противоположном конце Земли. Зеркало и краны, мыльница и само мыло, старые зубные щетки и тюбики из-под пасты, тазик под ванной, табуретка, выцветшая полиэтиленовая занавеска и все прочее — точно такое же, как и повсюду, поэтому привыкать и приспособливаться не приходится. А к этому надо добавить те же звуки, издаваемые канализацией, к ним — те же запахи, присовокупить позывные «Маяка» и задушевные песни, раздающиеся из радио, и ко всему — телеэкранные физиономии, которые пребывают в тех же позах, произносят те же слова, с той же интонацией, даже не подозревая, что, пока они болтают, телезритель успел перелететь на другой конец света и уже оттуда ворчит на них...

Я не обратил бы внимания на все эти перлы унификации, если бы обнаружил их в Брянске, Нижнем Тагиле или даже в Сургуте. Но здесь! Пролететь девять часов и увидеть все то же самое! Это не может не потрясти. Действительно, великая страна!

Впрочем, одно различие я все же заметил. В поведении тараканов. У нас, если зажжешь свет, они тотчас разбегаются, здесь же некоторое время пребывают в оцепенении, словно отможенные. Отчего так? Почему не бегут?

Еще недавно на месте Билибино, кроме волков голодных, ничего не было. Теперь же, среди мерзлоты и холода, ночью я набираю в ванну горячую воду и окунаюсь... Разве не чудо? Ведь кто-то затащил сюда эти ложки, вилки, табуретки, холодильники, кровати, кирпичи, трубы, котлы, насосы, атомные реакторы, за-

тем собрал, соорудил конструкцию, заставил ее работать, и вершина этой работы — возможность забраться в ванну с горячей водой.

До самого утра я не мог уснуть и, стоя у окна, ждал рассвета, чтобы наконец увидеть саму Чукотку, а не то, что сюда завезли. Кроме того, было интересно — во сколько зажгутся окна?

В понедельник 29 ноября в 6 часов 00 минут из трехсот двадцати окон, которые я мог обозревать, светились лишь пятнадцать. Спустя час картина не изменилась, зато появились билибинцы, выгуливающие собак. На сорокапятиградусном морозе это не особое удовольствие. Через двадцать минут стали зажигаться окна, но ожидаемого массового включения не последовало. Еще через полчаса билибинцы — взрослые и дети — пошли на работу и в школу. Несмотря на мороз, никто не торопился. К девяти часам окна вновь стали темными. Понедельник — день тяжелый.

Город Билибино появился на карте в 1958 году, хотя до того уже несколько лет существовал поселок геологоразведчиков. Юрий Александрович Билибин — легендарный геолог — в городе, названном в его честь, никогда не был. Он вычислил на Колыме золото, и по стопам его расчетов направились колоритные бородатые люди. Вскоре они действительно обнаружили несметные золотые залежи.

Билибино расположен в континентальной тундре на реке Большой Кепервеем, среди живописных гор, и со стороны может напомнить высокогорный курорт. Впрочем, слова «горы» на Чукотке не существует, и, если кто-то его произнесет, глядя на заснеженные вершины, его тотчас поправят: «Это не горы, а сопки». И будут поправлять до тех пор, пока слово «горы» не будет напрочь забыто. Горы — на Кавказе, в Гималаях, в Альпах, а на Чукотке только сопки. Билибинцы также не любят, когда склоняют название их города, как это принято в русском языке. Один литератор склонял, и его книгу уже только за это невзлюбили. Я

даже не знаю, как быть и чему следовать: пожеланиям будущих читателей или правилам? Конечно, в книге я буду придерживаться правил, но сейчас, в набросках и письмах, оставлю так, как говорят на Чукотке.

Билибинский район занимает территорию в 174 652 квадратных километра. Нас иногда тешат сравнения: это вместе взятые Австрия и Португалия. Самый восточный поселок — Омолон. Он расположен на границе с Магаданской областью, на реке Омолон (с юкагирского — «Хорошая река»). От сочетаний «омолонская тундра», «омолонская чукчанка» веет недоступностью, но еще больше — холодом. Здесь как-то была зафиксирована температура минус шестьдесят семь! На западе район граничит с Магаданской областью и Якутией, с обязательным ударением на «и». Иначе здесь не произносятся. Якутия — холодный континент, отделяющий Чукотку от Красноярского края. С севера Билибинский район омывается Восточно-Сибирским морем, причем весьма условно, потому что омываются им чукотские берега только тогда, когда море не сковано льдом.

Теперь о географических названиях. Они здесь самые причудливые и если имеют коренное происхождение, то не всякий их выговорит. Вот некоторые реки: Пыркинайвеем, Майнгычаутапан, Кайчаутапан, Гуйвиниэг, Ныгчеквеем, Куйвырэннэт... Это еще попроще. Бывают названия такие, что язык сломаешь: западнее Билибино есть река Лельвергыргын (что означает «Росистая река»), а если плыть по Малому Анюю, то обязательно встретится речка Ыттыльывеем. Что касается буквы "ы", то она употребляется не реже прочих букв, а в названиях горных перевалов даже чаще: Ыттытылян, Ымынкаяушкин, Ымыскываам, Ыльвэнейский, Ыльчуней...

Выводя эти названия, я сочувствую корректорам будущей книги, которым предстоит их сверять. Никогда они этого не сделают, потому что подробной карты Чукотки не найдут, а если найдут, то едва ли отыщут эти реки, ручейки, горы и перевалы. Никакого времени не хватит, не говоря о терпении. У меня тер-

пения предостаточно, и, внимательно просмотрев Топонимический словарь, могу сообщить, что не Билибинскому району принадлежит первенство по труднопроизносимым и длинным названиям. В Чаунском районе есть реки Умкырыннэткырыткынвээм, что значит «Исток кустарниковой реки», и Гыргочанрыннатватапваам, в переводе — «Верхний распадок моховой реки». Но и это еще не всё. Рекордсменом чукотской топонимики можно считать речку из Анадырского района — Майегытколенныскываамкай, то есть «Река, протекающая по холмистой местности, где растет ягода голубица».

Длина, впрочем, еще не значит, что слово самое труднопроизносимое. Есть названия короткие, но такие, что и не знаешь, как с ними быть: в Чаунском районе есть гора Ы'твьынэй («Лодка-гора»). Понадобится отыскать — как спросить? Пропадешь да так эту гору и не отыщешь... Словом, с названиями на Чукотке сплошной сюр. Кстати, и речка Сюр тоже протекает где-то в этих краях. С якутского переводится как «Страшная» или «Ужасная»...

Я упомянул названия коренные, а есть русские, лирические.

Неподалеку от Билибино в Большой Кепервеем впадает речка Сойка, а чуть западнее — Тополевка, будто это не Крайний Север, а Тверская губерния. Кроме того, на Чукотке множество названий сугубо советских. Вот реки и ручьи: Бивачный, Тонкий, Торный, Каркасный, Вредный, Спокойный, Нартовый, Лагерный. Вот названия гор и сопок: Мрачная, Острая, Плоская, Овальная, Серая, Баранья. А вот озера: Вольное, Пасмурное, Воронье. У некоторых ручьев названия и вовсе пролеткультовские: Каменистый, Щебеночный, Смежный, Базисный, Суходрев, Трубный. Есть такие названия, что не догадаешься, чем вызваны они. Например, маленький ручеек почему-то назван Прорвой, а его собрат — Вражым. Есть ручьи Двоякий и Двойной, а есть едва заметный ручеечек, каким-то шутником названный Необъятным. На границе с Якутией безобидно петляет ручей под названием Вампир. В Магаданской области на полуострове Тайгонос выделяется мыс с явно несевверным названием — Акчори. Ученые

долго ломали голову, пока кому-то не пришла идея приставить к слову зеркальце. Оказалось — Ирочка! Один билибинец рассказал, что в районе есть ручей Кидэ. В свое время работал здесь геолог Эдик, всем замечательный, но мало пил. Поэтому в его честь назвали не реку, а лишь ручей.

Вернусь поближе к Билибино.

Город окружают сопки Поэнурген, Раздольная, Острая, Верблюды и Орбита, на которой находится телеретранслятор. Но самая близкая названа сопкой Любви (Sopka of Love). В недавние времена, когда все жили в бараках и не было возможности уединиться, на эту сопку поднимались парочки и занимались любовью. Разумеется, в летнее время. Мне рассказал об этом один уважаемый билибинец, неоднократно поднимавшийся на сопку Любви и знающий там всякий кустик...

Если есть сопки-горы, значит, есть и долины. И одна из них, по которой ведет дорога в аэропорт и село Кепервеем, напоминает легендарную Изреельскую долину. Только там жарко, а здесь холодно. Настолько, что всех этих озер, рек, ручьев и ручейков попросту нет. Они вымерзли до дна, и даже русла их не отыскать. Все занесено снегом. Зимой карта Чукотки представляет сплошной белый лист, а все перечисленные названия — условны.

Тем не менее жизнь не замирает. Здесь водятся зайцы, волки, медведи, огромные лоси (их зовут сохатыми), горностаи, соболь, россомаха, белка простая и белка летающая (летяга), и, конечно, здесь есть олени, в том числе дикие. Законы выживания суровые. Все друг за другом охотятся и нещадно поедают. Охотятся и люди. Не ради удовольствия, но чтобы прокормиться.

Пернатый мир тоже разнообразный и хищный. Филины, совы полярные и неясити бородатые постоянно высматривают — от кого бы урвать кусок плоти. Но есть и птицы мирные. Если по забывчивости спросишь у чукчи, кто это сидит на дереве и долбит по стволу, тебе ответят: «Это же уттырэвымрэвыт!». Впрочем, зимой дятлы улетают. Но остаются глухари (уттырэвымрэв)

и куропатки (рывымрэв). А кроме них имеется пернатая мелочь с милыми названиями вроде чечетки, сероголовой гаички, бурой оляпки или кедровки. Все они не только летают, но щебечут, воркуют и поют. Но я пока видел только здоровенных ворон, которых не в состоянии удержать хилые ветки лиственниц. Заметил также двух зайцев и от неожиданности за обоими погнался.

Летом здесь распускается самая разнообразная флора. Из трав — копеечник темный, смородина печальная, грушанка красная, горец живородящий, пушица влагалищная (*Eriophorum Vaginatum*), растут одуванчики, полынь Тилезуса, Сон-трава, Иван-чай, астра альпийская и еще много чего. Из деревьев — сосна стланиковая, или кедровый стланик, лиственница даурская, береза плосколистная, ольховник кустарный, береза тощая, ива чукчей, тополь душистый. Из ягод — брусника, морошка, шикша, голубика, водяника. Много грибов: подосиновики, маслята, сыроежки. Меня здесь упрекают, что я приехал зимой...

Сейчас, конечно, никаких кустов, грибов и цветов нет. Только стланик на сопках, вид у которого довольно жалкий. Деревца невысокие, и многие покошены, оттого что корни растут по поверхности, тщетно надеясь согреться. Но и эта зимняя скудность — благодать, потому что радует глаз. Все растет экономно, не спеша. Десятилетние карликовые березки имеют высоту всего несколько сантиметров и несут от двух до десяти листьев. К тридцати годам высота этих березок достигнет 20-26 сантиметров. За

то доживают они до 120–140 лет.

Вот бы оказаться в этих краях несколько тысяч лет назад! Не дятлы с росомахами, а несметные стада мамонтов и носорогов бродили здесь; не белки и куропатки, а пещерные львы властвовали в районе; не хилые американские бизончики обитали в долинах, а наши, российские, с трехэтажный дом, по несколько тонн весом!

В подвале местного краеведческого музея хранится разобранный мамонт. Площадей не хватает, да и потолки низкие, а то

работницы музейные мигом бы его собрали. Пока же экспонируются лишь ноги доисторического животного, его челюсти, часть позвонков, берцовая кость и кусок кожи — морщинистой, серой и волосистой. Эта кожа сантиметров пять толщиной. Дальше у мамонта шло сало, метра полтора-два, затем столько же мяса и лишь потом кости. Поверх кожи росла еще шерсть, да такая густая, что не пробьешься. И все же народ первобытный этих мамонтов выслеживал, нечеловеческими криками и истощными воплями загонял в заранее выкопанные ямы, закидывал камнями, палками и всем, что только попадалось под руку, затем пробирался через волосистой покров к коже, вгрызался в нее, проникал сквозь сало к мясу, в мгновение ока выедал начисто, оставляя нам, потомкам, лишь отполированные скелеты. Теперь нас упрекают, что этим скелетам мы никак не подберем место в музеях.

Мне хотел один билибинец подарить двухметровый бивень. У него в сарае их несколько. Но я отказался: куда же я с бивнем? Тогда он, взяв слово, что я не выболтаю, отвел меня в сторону от Билибино и показал место, где неглубоко покоится целехонький мамонт среднего возраста. Теперь я сам являюсь носителем тайны и, конечно же, о местонахождении животного не проболтаюсь.

Постройка дома, поселка, тем более города в этих местах — чудо, героизм, подвиг. Эпитетов не жалко. К тому же всякий из них будет преуменьшением и ничего не объяснит. Жители привыкли, многие сами строили Билибино и не склонны преувеличивать свои заслуги. Более того, стремятся отсюда убраться. Мы восхищаемся Петром Великим, сумевшим заложить город, но что в сравнении с берегами Невы берега Колымы, Малого Анюя и Большого Кепервеема? Конечно, дворцов здесь нет. Все жилые дома — с виду обыкновенные пятиэтажки. На деле они более прочные, стоят на сваях и потому выше обычных. Почти все подъезды трехдверные, чтобы сберегалось тепло, а сами двери хорошо подогнаны, обиты войлоком и плотно захлопываются с

помощью пружин. Подъезда с распахнутой дверью не встретишь. Рамы оконные — двойные и качественные, поэтому в квартирах жарко. В пятидесятиградусный мороз форточки можно не закрывать. К батареям не притронешься.

Архитектура города максимально утилизирована. Кажется, все подчинено сбережению тепла и удобству жителей, которых еще в середине восьмидесятых проживало двадцать тысяч, а в районе — тридцать. Теперь в районе осталось двенадцать тысяч жителей, а в Билибино лишь шесть. (В Австрии и Португалии на такой же территории ютятся около двадцати миллионов граждан!) Оставшиеся билибинцы улучшили жилищные условия и перебрались в квартиры, расположенные в центре, оставив пустующими целые дома. Сейчас стоимость двухкомнатной квартиры — от трех до шести тысяч рублей. Столько же стоят хорошие ботинки! Причем однокомнатная может стоить дороже трехкомнатной. Этот парадокс объясняется невероятно высокой платой за жилье, при которой выгоднее иметь однокомнатную квартиру. За нее платят примерно триста рублей в месяц, за трехкомнатную — восемьсот. Дороже всего обходится тепло.

Возле жилых домов нестройными рядами стоят контейнеры — огромные железные ящики, в которых перевозится имущество северян. Контейнеры — неременный атрибут полярного города. Они уродуют вид, но не больше, чем железные гаражи. Вместе с тем стоящий у дома контейнер — не просто железный ящик, но еще и овеществленная вера в возможность покинуть Крайний Север. Присутствие контейнера создает владельцу ощущение временности пребывания, а значит, и временности бедственного положения. Занесенный снегом и видимый из окна железный ящик — частичка желаемого и воображаемого материка. Так, столичный путник, вынужденно поселившийся в провинциальной гостинице, не выпускает из виду свой чемодан, который даже не распаковывает. Он надеется убраться из этой гостиницы на рассвете, первым же проходящим поездом.

Билибино состоит из двух жилых массивов, но есть еще старая, покинутая жителями, часть города, состоящая из ветхих одноэтажных домов и их развалин. Центр устроен так, чтобы до всякого здания было близко. Две школы, два банка, бассейн, Дом культуры, узел связи, кафе, библиотека, школа — находятся внутри своеобразной карусели, в центр которой стягивается жизнь билибинцев. В отличие от наших городов, не имеющих форм и лишенных замкнутости, Билибино имеет то и другое. Замкнутость обеспечивают окружающие сопки. Они выполняют роль городских стен и защищают от ветров. Мне кажется, билибинцы чувствуют себя неуютно во всяком другом месте. Они невольно ищут знакомый горизонт над крышами.

Гнетущее впечатление оставляют пустующие дома. Их постепенно сносят, но все же они остаются, и один находится в самом центре. Кажется, в его оставленных, пустующих комнатах с выбитыми стеклами, в темных подъездах без дверей поселились злые духи. Они свирепствуют, устраивают оргии, злорадствуют и, потирая костлявые руки, поют бесовские песни, в которых грозятся захватить соседние дома... Я всегда обхожу эти мертвые здания. Их надо скорее убрать, как убирают покойника из мира живых.

Есть в Билибино и своя главная площадь, на которой проходили демонстрации и устраивались торжественные мероприятия. Здесь находятся детская школа искусств, занимающая здание райкома партии, кинотеатр и административное здание горно-обогатительного комбината. Был на площади и памятник Ленину, но его взорвал один не совсем нормальный билибинец...

Говорят, он штудировал полное собрание сочинений Ленина (55 томов!), но увлекся, «выпал» из исторического контекста и перенес классовую борьбу на улицы полярного города. По мере прочтения ленинских трудов в нем укреплялся революционный дух. Он стал поджигать коммерческие киоски, устраивал разные гадости местным предпринимателям и вскоре пошел на «эксы», взорвав машину директора пищекомбината. На очереди

были другие руководители... Но, дойдя до последних работ Ильича, в которых были сформулированы идеи нэпа, отчаянный билибинец разочаровался, вошел в левый уклон и расправился с вождем. Взорванные ленинские останки разлетелись со страшной силой. Пострадали: школа, в которой не осталось ни одного стекла; здание горно-обогатительного комбината, покрывшееся трещинами и теперь требующее ремонта, а также школа искусств. Осколки монумента разобрали работники ГОКа. Теперь в их кабинетах находятся у кого — рука, у кого — кусок головы, в приемной стоит на видном месте ленинский нос, в бухгалтерии — губы и брови, так что, если постараться, памятник можно собрать. Пока же на освободившемся постаменте установили стелу, посвященную сорокалетней годовщине города. Ортодоксального марксиста арестовали, судили, но он уже свое отсидел и сейчас на свободе. По последним данным, он соорудил на озере Тытыль небольшой шалаш и занимается, очевидно в конспиративных целях, ловлей рыбы. Изредка к нему приезжают соратники. Что у взрывателя на уме — не известно, и, возможно, поэтому начальство ГОКа не спешит с ремонтом своей конторы.

Есть в Билибино еще одна достопримечательность, едва ли оцененная его жителями. Без сомнения, этот город на одном из первых мест по количеству магазинов на душу населения. Буквально в каждом доме, даже в каждом подъезде по магазину, а то и по два. Отчего их столько, когда покупательская способность невелика? Я спрашивал продавцов, но они не в силах объяснить и лишь твердят: «Если магазины есть — значит, нужны».

Быть может, такое большое количество магазинчиков обусловлено тем, что из-за сильных и продолжительных морозов уличные киоски — не лучшее место для торговли. Гораздо удобнее занимать освободившиеся квартиры, расположенные на первых этажах. Это выгодно и властям, которые получают плату за аренду и не оставляют бесхозной жилплощадь. В магазинчиках товары почти одни и те же, покупают их неактивно, и продавцы, чтобы не помереть от скуки, обзавелись телевизорами. Все эти

магазинчики — частные. Государственных лишь два, и они большие.

В эти дни билибинцам выдали долгожданную зарплату. Как говорят, в связи с выборами в Думу, чтобы народ «правильно» проголосовал. Можно подумать, без зарплаты народ наш проголосовал бы как-то иначе. Что касается цен, то таких я еще не встречал. Разве только в Норвегии. Но что мы знаем о норвежской зарплате?

Чтобы вникнуть в быт, нравы и прочее, связанное с жизнью людей, должно пройти время. Зато природу видишь сразу и восхищаешься ею тотчас.

Билибино находится за полярным кругом, и зимой здесь на несколько недель воцаряется полярная ночь. Жители не видят солнца. Зато видят неповторимые... точнее, неповторяющиеся картины, потому что пейзажи, рождаемые скрытым за горизонтом солнцем, ежеминутно меняются, одаривая билибинцев невиданной красотой. Самое впечатляющее полярной ночью — полярный день, продолжительность которого лишь два-три часа. Его правильнее называть сумерками. И больше всего восхищает в этих сумерках — синий цвет. Он не просто доминирует над прочими цветами, он единственный и отражается в воздухе, в небе, на сопках, на деревьях, на зданиях и даже на прохожих, которые кажутся бледными. Ближе к полудню с южной стороны на кромке горизонта появляется узкая светлая полоса, которая, постепенно расширяясь, розовеет, затем краснеет, набирает силу и контрастность, все настойчивее напоминая о прячущемся за горизонтом солнце. Рассвет набухает, словно бутон алой розы, но, вопреки ожиданиям, не распускается. Если же в это время обратиться к северу, то увидишь, как безжизненные сопки, только что сливавшиеся с синим небом, оживают, окрашиваясь в бледно-розовые тона.

...Всякому действительному художнику мучителен повтор. Настоящий талант предпочтёт поражение на пути к новому, неизведанному и до сих пор непостижимому. Природа — самый совершенный художник и самый великий талант — не знает повтора. Казалось бы, вечный ритм приливов и отливов, восхода и захода солнца, сияние и блеск неподвижных горных вершин, извержение вулканов и грохот водопадов, милое и размеренное колыхание золотистых колосьев и раскачивание вековых деревьев — все это повторяется миллионы лет с пугающим однообразием и постоянством. Но приглядишься и увидишь, что повтора нет, а каждый миг — и новый, и другой. Просто природа добавляет к своему творчеству то самое «чуть-чуть», которое отличает высшее из всех искусств. В этом она лучший мастер и величайший из учителей. Так вот, на Чукотке природа к этому «чуть-чуть» — прибавляет еще немного. Здесь, на краю земли, вдали от посторонних взглядов, она позволяет себе больше обычного. Так ведет себя перед зеркалом, оставшись одна, молоденькая кокетка: примеряет разнообразные наряды, надевает одну за другой шляпки, принимает самые неожиданные позы и сворачивает губки трубочкой без боязни быть кем-то замеченной. Подлови именно сейчас эту застенчивую кокетку, поймай в зеркале ее безмятежное, даже ветреное отражение — и поймешь, отчего самые смелые и отчаянные бросаются в эти безлюдные заснеженные пустыни и нередко пропадают там.

С каждым днем напоминание солнца о себе и яркость горизонта будут ослабевать, пока полярная ночь не достигнет пика. Непоявляющееся солнце искушает, манит, невольно побуждает к тому, чтобы проникнуть за горизонт, и укрепляет мечты о благодатном, теплом и уютном материке. В такие сумерки, когда синий свет разлит по долинам континентальной Чукотки и лишь сопки своей белизной очерчивают пространство, — всякий огонек чудо, каждый лучик — надежда. Желтые огни полярного города на фоне голубого океана — живописное зрелище. Им можно было бы долго любоваться, если бы не пятидесятиградусный мо-

роз. Нельзя назвать пейзажи континентальной Чукотки суровыми и сравнить их, например, с уральскими, где могучие леса и обнаженные ветхие скалы властвуют над тобой и над всем вокруг. Здесь, кажется, властвуешь ты, обволакиваемый нежным голубым сиянием. Я встречал подобное односветие лишь на Псковщине, в Пушкиногорье, в знаменитых михайловских рощах. Там господствовал зеленый свет, но пространство было ограничено кронами могучих деревьев. Здесь же, на Крайнем Севере, пространство бесконечно.

Летом, коротким чукотским летом, здесь красота иная. Она также очаровывает и впечатляет. Встрепенувшись, природа поражает многоцветием. Трава, мох, кустарники, цветы, деревья, камни, земля, вода и небо — словно соперничают между собой за право громче высказаться и напомнить о себе. Кажется, все существует для того, чтобы удивить, восхитить, даже ошарашить. Природа уже не застенчивая кокетка. Она больше напоминает провинциальную торговку, выставившую товар перед заезжим столичным франтом. Только природа не продает, а по-детски дарит себя каждому, явившемуся на ее просторы, без обмана и претензий на взаимность.

Но зимой природе Севера не до того. С синим светом ничто не соперничает. Он в отсутствии солнца остался один. Можешь любоваться, можешь не замечать, до тебя дела нет. Сейчас, на этом боку, планета спит, и не рискуй тревожить ее почем зря.

...В медленно ползущем автомобиле мы поднимаемся на сопку. По мере подъема открываются все более фантастические картины. С высоты видно, как долина, в которой находится город, залита густым голубым туманом. Это холодный воздух спустился с окрестных гор. Лишь с южной стороны полыхает красно-розовая полоса несостоявшегося восхода. Розовый свет не касается Билибино, а проходит над городом. Если бы неведомые силы перенесли сюда Руанский собор, то готическое строение

выступало бы из голубого тумана и стопятидесятиметровым шпилем соединялось с красно–розовым горизонтом.

Какие звуки услышал бы творец музыки, если бы находился здесь! Что за стих родился бы у поэта и какая песня полилась бы из его уст! Какие виды и оттенки смог бы запечатлеть художник, если бы краем глаза увидел то, что вижу сейчас я!

Кто-то утверждал, будто на Чукотке нет полутонов, но есть четкое, контрастное разделение цветов. В пример приводили Рокуэлла Кента. Я даже приобрел его альбом, но... Какой там! Возможно, летом в этих местах контрасты встречаются. Но зимой здесь все тонкое, хрупкое, едва уловимое и, повторяю, нежное. Тут нужен Рембрандт! Только он, заливая полотна темно-желтым, почти коричневым светом, мог изображать застывшее время. Здесь же с помощью лишь синей гаммы следовало бы изобразить бесконечность. Но так, чтобы из этого не получился безжизненный космос.

«Прекрасное зрелище создает солнце, когда оно на закате. Оно освещает все высокие здания городов и замков, а также высокие деревья в открытом поле и окрашивает их в свой цвет; все же остальное, вниз от них, остается малорельефным, так как, освещенное лишь воздухом, оно мало отличается в своих тенях от своих светов и поэтому не слишком отделяется; те же предметы, которые среди этого наиболее возвышаются, задеваются солнечными лучами и, как сказано, окрашиваются в их цвет. Поэтому ты должен взять ту краску, которой ты делаешь солнце,

и примешивать ее к каждой светлой краске,
которой ты освещаешь эти тела.»

Леонардо да Винчи, «Пейзажи»

30 ноября

Дорогая Валентина Федоровна, привет с Чукотки!

Уверен, еще никто не писал Вам из такого далека. Устроили меня совсем неплохо. Бытовые удобства, каких в Торжке не сыщешь. Во всяком случае, электричество не отключают. С едой забот тоже нет, так что Вы напрасно беспокоились. Конечно, освоиться непросто: разница во времени, полярная ночь, незнакомый город. Днем клонит ко сну, а ночью не могу уснуть.

Поскольку я отправился в места, о которых не имел никакого представления, то накупил гору лекарств. Приятель посоветовал. Говорит: «Посмотри на карту! Какие там аптеки!» Так он отвечал на все, о чем бы ни заходила речь: «Посмотри на карту! Какой там стиральный порошок?.. какой кофе?.. откуда там взяться бумаге?..» Следуя его советам, я должен был захватить на Чукотку всё на свете. Между тем другой приятель убеждал не брать ничего. О чем бы я ни спрашивал, он уверенно отвечал: «Там есть всё! Это же Чукотка!»

Я был в растерянности: то упаковывал всё подряд, то, напротив, игнорировал самое важное. И все же лекарств набрал столько, что они едва поместились в сумку. Теперь, если у меня действительно что-нибудь заболит, я не распознаю, чем лечиться. Все таблетки, коробочки и бутылочки перепутались, и нужна помощь опытного фармацевта, чтобы разобраться. Глотаю только активированный уголь — единственные таблетки, которые не путаю с остальными. А валокордин, с помощью которого я обычно борюсь с бессонницей, — забыл.

В Билибино на шесть тысяч жителей — две аптеки. Частная и муниципальная. Я зашел в частную, расположенную на первом этаже двухэтажного здания. Внешне она мало отличается от других провинциальных аптек. Такая же витрина, та же

стойка с окошечком для выдачи лекарств, те же стерильные запахи, вот только при входе раздается звон колокольчика, предупреждающий аптекаря, что кто-то вошел. Здесь такие колокольчики подвешены к дверям многих магазинчиков. В аптеке есть, кажется, все для поддержания здоровья, включая лекарства, которые я привез с собой. Все дело в цене. «Как только дорожают билеты на

материк, — объяснила аптекарша, — мы сразу ждем повышения цен. Зависимость полная, потому что борт — единственный способ доставки лекарств».

Поскольку Вы советовали обращать внимание на лекарства, я записал стоимость некоторых из них. Панадол — 60 руб.; фестал (10 таблеток) — 20 руб.; эссенциале форте (50 капсул) — 250 руб.; ношпа (100 таблеток) — 120 руб.; бисептол (20 таблеток) — 55 руб.; нужный мне валокордин — 40 рублей.

Аптекарша — пожилая женщина — сказала, что все лекарства на днях подорожают, но покупать их все равно будут, особенно витамины. Заметив у меня блокнот, она поинтересовалась, не связан ли мой приезд с предстоящими выборами, и, на всякий случай, стала рассказывать о трудной жизни. Будто я смогу что-то изменить. Сказала, что без лекарств на Чукотке не обойтись, поскольку питание скудное, пожаловалась на то, что многие старики перебиваются кое-как, а едят в основном хлеб и кашу; детей стараются кормить разнообразнее, но и им недостает витаминов, нет настоящего молока, лишь сухое, от которого развивается диабет; сама она специалист с высшим образованием, теперь на пенсии, а на пенсию не прожить, поэтому работает в аптеке с утра до вечера, а кроме аптеки, подрабатывает еще и в больнице, но там с апреля не выплачивают зарплату, хотя у медсестер она мизерная — 1200 рублей, и «накопилось» этой невыданной зарплатой уже тысяч двадцать; говорит, в прошлом году было то же самое: выдавали полугодичную задолженность по частям, эти части незаметно тратились, и на то, чтобы поехать в отпуск, денег не осталось; аптекарша также сказала, что перед выборами зарплату

должны выдать: так обещал губернатор, который сейчас объезжает Чукотку со своим депутатом. Ее муж хотя и работает, зарплату не видит уже три года. Говорит, так все живут, если это можно назвать жизнью...

После радости от встречи с Крайним Севером этот «поход» за валокордином меня расстроил. Мне казалось, что на Чукотке, где такие холода, власти наши должны бы постараться не оскорблять людей задержкой зарплаты или пенсии. С этим повсюду беда, но одно дело — центральные районы, другое — Чукотка. Здесь картошку и морковь не посадишь. А ведь еще нужны деньги для отпуска. Надо обязательно вывезти детей погреться и привезти с собой такого, чего на Чукотке не найти. Например, теплую одежду. К своему удивлению, я ее здесь в продаже не видел...

Я уже успел оценить роль одежды на Севере. Это не Москва: в ботинки влез, куртку накинул, на ходу застегнулся... Здесь, пока тщательно не оденешься, из дому не выйдешь. Обычно я забываю надеть перчатки. Но в Билибино и захочешь — не забудешь.

Никогда не обращал внимания на то, как зимняя одежда красит женщину. В Москве морозов нет, поэтому настоящую зимнюю одежду никто не носит. Курточки, шапочки, ботиночки, пальтишки отношения к зиме не имеют и вида не придают. В Билибино нет той роскоши и утонченной эстетики, какую можно встретить в Тюмени, Екатеринбурге, Томске или Красноярске. Здесь доминирует практичность. Повседневная одежда должна быть теплой, качественной и надежной. При том, что хочется еще и хорошо выглядеть. Какие только шубы и шапки не носят билибинские женщины! Все из натурального меха. Соболь, чернобурка, белый песец, россомаха, норка, нерпа, рыжая лиса, ондатра. На ноги надевают хорошие зимние сапоги или торбаса (панрапьякыт) — национальную зимнюю обувь, похожую на унты, но более изящную и удобную.

Особенно забавно выглядят дети. В пушистых шубках, огромных шапках и торбасах, они, кажется, не ходят, а перекачиваются, словно колобки. Но если женщины и дети одеваются в меха благородные, то мужики обходятся одеждой попроще. Шапки из собаки, волка или лисы, закрывающие почти все лицо (такую шапку называют «магаданкой»), а вместо дубленок и шуб — меховые куртки или простецкие полушубки.

Раньше зимнюю одежду шили в самом Билибино и в поселках. Теперь везут с материка. Это дополнительные хлопоты, излишние расходы, к тому же деньги, которые могли бы остаться в местном бюджете, уплывают. Шьют здесь лишь торбаса, в небольшой мастерской. Но это не настоящие тундровые торбаса, а их гибрид с нашей зимней обувью.

Конечно, законодатели мод и стилей, форм и вообще всей эстетики зимней одежды — коренные народы Чукотки: чукчи, эскимосы, эвены... Ничего выдумывать уже не надо. Остается лишь заимствовать и стараться не делать хуже. Сочетание практики и удобства, выработанное и усовершенствованное столетиями и даже тысячелетиями, не подлежит сомнению. Отсюда одежда альпинистов, полярных летчиков, путешественников, исследователей — всех, кто устремляется навстречу холоду. Скорее всего, никакой иной зимней одежды, кроме той, в которую веками одеваются северные народы, в действительности нет. Ни нагольные тулупы, ни сентиментальные валенки, ни близкие сердцу шапки-ушанки, ни прочее, с чем ассоциируется у нас зима, не уберегут от беспощадного холода тундры.

Основной материал для зимней одежды чукотских народов — оленьи шкуры. Из шкуры теленка оленя (пыжика) шьют шапки (малахай), а также детские комбинезоны (калгэкэр). Ребенок родился — его засовывают в этот комбинезон, и он в нем какое-то время живет.

...Я интересовался: куда же они писают и какают? Мне объяснили, что все это прodelывается прямо туда. Если ребенок бежит по тундре, резвится с товарищами, затем неожиданно

останавливается, словно о чем-то задумываясь, значит, он справлял нужду. Ему в комбинезон заботливая мамаша подкладывает тщательно отобранный высушенный мох (чукотские памперсы), и, когда надо, ребенок расстегивает специальный клапан, палочкой счищает мох, затем клапан закрывает и бежит дальше...

Из шкур взрослого оленя (такие шкуры называются «неблшой») шьется верхняя и нижняя одежда — кухлянка (ирьин), штаны (конагтэ), головные уборы (кьэли), ритуально-обрядовая праздничная одежда, а также жилище чукчей и эскимосов — яранга. Чтобы сшить одежду из оленьего меха, нужно быть незаурядным мастером, но прежде шкуру надо выделывать, чтобы получился этот самый «неблшой». Вот как он делается:

«Высохшую шкуру замачивают до увлажнения мездры, которую снимают путем соскабливания скребком (энанвэнан). Для дальнейшей выделки используют олений кал (кораль) как дубильное средство. Кораль наносится на поверхность шкуры, которую складывают вдвое до полного высыхания и пропитки дубильными веществами. После скоблят каменным скребком (выквыпойгын). Одновременно с соскабливанием оленьего кала происходит первоначальное смягчение шкуры. Окончательное смягчение производится глажением пяткой с усилием».

Все непросто. А мне казалось: заарканил оленя, снял с него шкуру, прошил нитками в двух-трех местах, нацепил на себя — и пошел в тундру...

Существуют специальные «конструктивные» швы, которыми сшиваются части будущей меховой одежды. Технологически их исполнить довольно сложно, не говоря о физическом усилии и напряжении. Малейшая щель, неточность или непрочность повлечет гибель человека, причем близкого: мужа, отца, брата.

Тундра не прощает небрежностей. Посмотрите, что значит на Севере «простая» нитка, изготовленная из сухожилий оленя: сначала сухожилия (пыльгэтэн) надо распушить, чтобы получить основные составляющие (тимлюн) для будущих нитей; потом из них закручиваются тонкие нити, и только затем, сплетая их по две-три, получают окончательную нить (рытриирьын).

Для пошива одежды используют также собачьи, волчьи и росомашьи шкуры, разумеется, предварительно их выделав. Росомаший мех ценен тем, что не индевет. Его используют для отделки шапок, чтобы от дыхания не собирался иней вокруг лица. (Почему росомаха не индевет, когда все остальные покрываются инеем, — никто не знает. Вот как устроено: всякая тварь хоть в чём-то незаменима!)

Коренные жители прибрежных районов охотятся на морских зверей и, кроме оленей, шьют одежду из нерпы и лахтака, продолговатого морского животного вроде тюленя. Его также называют морским зайцем, хотя ни лап, ни длинных ушей я у него не заметил, и вообще, о существовании лахтака знал до сих пор не больше, чем он о моем.

Чем севернее — тем одежда сложнее. Какой диапазон! На экваторе туземец прикрывает листиком интимную часть тела, а здесь пошив одежды является высочайшим технологическим процессом, который уместно сравнить с изготовлением скаффандра. Человек в тундре, будь это оленевод или охотник, должен быть защищен от холода, ветра и влаги. Как же надо выделять шкуры, затем их кроить и сшивать, чтобы охотник, стоя по пояс в ледяной воде, оставался сухим, оленевод в пятидесятиградусный мороз шел по тундре десятки километров — и не замерз, а каюр, сидя в нарте, сутками мчался по морозу — и не пропал!

Выносливость, врожденная приспособленность и крепкий организм? Да! Все это у северных народов есть. Но сверх того — безусловно скроенная и сшитая женскими руками одежда, драгоценный плод тысячелетней борьбы за выживание там, где, кажется, жить невозможно.

А что такое яранга, о которой мы чего только не наслушались? Ведь и она сшита из оленьих шкур! И кто ответит: жилище чукчей – это продолжение одежды или, напротив, их одежда — продолжение жилища? А может, это одно целое? Вот что пишут о яранге в чукотских книжках:

«Яранга, во-первых, — это жилище кочевого народа; во-вторых, это защита и опора человека, живущего в суровых северных условиях; наконец, в-третьих, яранга — плод особых законов жизни кочевников: место проведения обрядов, праздников, повседневных ритуалов, характерных для жизни оленных людей. Это является главной причиной того, что чукотскую ярангу не заменит никакое другое жилище, как бы с первого взгляда оно ни было удобно и практично. Любая замена все же остается чуждой по своей сути, так как не может выполнять всех функций, которые несет в себе яранга».

Главное место в яранге — полог (ерон'ы). Это внутри яранги как бы еще одна яранга, поменьше. Полог — святая святых семьи. *«Это место отдыха человека после трудового дня и место общения в долгие холодные зимние вечера, это место камлания шаманов, место любовных признаний, зачатия и рождения человека...»*

Вот какое впечатление произвела яранга на Федора Федоровича Матюшкина, лицейского товарища А.С.Пушкина, побывавшего в этих краях еще в первой половине прошлого века с экспедицией Врангеля:

«Сначала мы входимъ въ верхнюю палатку, намётъ, сделанный изъ дубленныхъ оленьихъ кожъ, которыя растягиваются и держатся посред-

ствомъ тонкихъ жердей. Дымовое отверстіе вверху и котелъ посредине показываютъ, что здесь передняя и кухня находятся вместе. Но где же хозяйева? Вероятно, подъ большимъ, сшитымъ изъ тонкихъ шкурокъ оленячь двойнымъ мешкомъ, занимающимъ вместе съ железнымъ котломъ средину намета. Чтобы войти въ него, нужно несколько подняться къ единственному незашитому краю боковой стенки, на четверенькахъ взлезть въ отверстіе, осторожно пройти подъ шкуру, закрывающую полъ, и вотъ мы въ собственно жилой и приѣмной комнате, пологие. Этотъ ящикъ довольно удобенъ, но, къ сожаленію, онъ такъ низокъ, что можно сидеть только на полу, и нетъ никакого отверстія ни для света, ни для воздуха. Страшный чадъ встречается насъ, мы протираемъ глаза, и, несколько привыкнувъ къ едкой атмосфере и слабому полусвету лампы, въ которой горитъ китовый жиръ, мы замечаемъ на полу почти совершенно голыхъ и что-то жующихъ членовъ семейства, къ которому пришли засвидетельствовать свое почтеніе...»

Удастся ли мне увидеть ярангу? Для этого надо выехать в тундру, к оленеводам. Теперь даже в национальных поселках в ярангах не живут. Остается довольствоваться тем, что представлено в краеведческом музее.

Я с Вами прощаюсь и обязательно напишу еще.

Из книги «Жилище, одежда, национальная кухня» (автор и составитель — А.Тевлялькот, Анадырь, 1993):

«...материалом для полога служат особо качественные олени шкуры позднеосеннего или зимнего забоя с теплым и пушистым мехом. Но прежде чем эти шкуры займут свое место как деталь полога, они используются как постели ("айкол"). Служа постелью, они как бы проходят первый этап проверки ворса на прочность. По прошествии нескольких месяцев, ближе к лету, с них снимают с помощью скребка ("энанвэнан") и доски для обработки шкур ("вивыр") мездру ("рымнын")...

Не менее ответственное мероприятие — это выкройка с минимальными отходами и подбор меха по цвету и оттенку. Экономя каждую минуту, отрывая время от забот и сна, хозяйка изготавливает жильные нити ("рытриирийын"). Для долговечности, прочности и лучшего скольжения нить смазывают древесным углем и жиром. Обычно на шитье полога уходит месяц, если, конечно, заранее был подготовлен материал для его изготовления. Приурочивают его установку к "нэнриун" — празднику возвращения мужчин с летовки после долгой разлуки.

Полог устанавливается на подстилке из веток полярной ивы или кустарников других видов. На них стелится постель из оленьих шкур, зачастую в несколько слоев. Края полога опускаются с большим запасом, чтобы их можно было подогнуть и таким образом избавиться от сквозняков. Полог хорошие хозяйки ежедневно выбивают на улице на снегу, как и постель, так и одеяла».

КРАСНЫЙ КРЕСТ НА ЧУКОТКЕ

«С июля этого года Красный Крест России и Канады проводит совместную гуманитарную акцию "Север", "Дальний Восток, 1999". В ходе этой акции для малообеспеченных семей будет распространена 21000 продуктовых посылок, по одной на члена семьи. В посылке по 2 кг муки и макарон, по 1 кг манной крупы и сахара, 1 литр растительного масла, 0,5 кг чая и по 2 банки сгущенки и тушенки...»

*Золотая Чукотка.
Газета Билибинского района. №26, 30 июля, 1999 г.*

1-4 декабря. Билибино

Дорогой Борис Исаакович!

Пишу Вам с самой Чукотки. Отыщите на карте Билибино и ужаснитесь, сколь это далеко.

Почему я оказался именно здесь — узнаете из письма. И еще. Поскольку Вы искусствовед, я могу рассказывать о добыче золота без риска быть обличенным в невежестве. Ведь кроме того, что в слове «добыча» ударение надо ставить на первый слог, я о золоте ничего не знаю. Зато мы можем оценить лирическую сторону золотодобычи, которую сами добытчики не всегда замечают. Хотя и среди них встречаются поэты.

Я знаю одного такого «поэта», быть может, самого крупного и авторитетного среди золотодобытчиков. Правда, он стихов не пишет, но говорит так, как разговаривал лишь Сократ. Я изредка прихожу к нему на работу и завожу разговор. Вскоре я замолкаю и только слушаю. Если в это время кто-нибудь заходит, он тихо придвигает стул и тоже слушает. Если еще десять человек придут или даже сотня, то и они, разместившись на стульях, столах и подоконниках, также внимают рассказчику, стараясь его не отвлекать, потому что прервать Вадима Ивановича — значит прервать спектакль.

Не менее, чем речь, любопытна пластика главного лирика золотодобычи, его движения, жесты и мимика. Невозможно, например, оторвать глаз от его могучих рук. Друзья жаловались, что не могут подобрать Вадиму Ивановичу ремешок для часов: все они оказывались короткими и никак не сходились. Представьте, Вадим Иванович держит все одинаково: телефонную трубку, ручку, ложку, вилку, лопату, кайло, рычаг экскава-

тора — и если бы делал операцию, то и скальпель держал бы точно так же — всей кистью, в обхват, сжимая хирургический инструмент здоровенным кулаком. И не зарезал бы!

А взгляд Вадима Ивановича! Его глаза, брови, уши... Кто-то из русских философов сказал, что мы к старости выслуживаем свое лицо, как солдат — Георгия. В этом смысле лицо Вадима Ивановича выслужено не только им самим, но и всем уходящим веком. Здесь постарались вожди и генсеки, председатели и президенты, либералы и консерваторы, которые, меняя гимны, знамена и риторику, в сущности оставались одинаковыми — все они мешали Вадиму Ивановичу и таким, как он, жить и трудиться. В итоге воспроизведен образ, в котором мужество, отвага и сила соединились с хитростью и природной, поистине дикой осторожностью, явив идеальный синтез того, чем должен обладать человек в России, чтобы не пропасть. Если бы меня спросили: каким лицом должна быть представлена наша страна в двадцатом веке? — я, не раздумывая, предложил бы Вадима Ивановича.

Патриарх золотодобычи удостоился многих восторженных эпитетов и характеристик, ему посвящены стихи выдающихся поэтов, о Вадиме Ивановиче слагают песни и поют их у костров, книги о нем написаны талантливыми прозаиками и публицистами, кинофильмы снимаются непрерывно, публикациям в газетах и журналах нет числа.

Увы, все книги, песни, стихи и кинофильмы бессильны передать не только образ Вадима Ивановича, но даже небольшой штрих с его действительного портрета. Оттого в стране не все знают о Вадиме Ивановиче. А если бы узнали, увидели, услышали — он бы давно стал президентом, сидел в Кремле за большим начальничьим столом и читал свежие газеты. Мы же — его друзья и приятели — сидели бы вокруг и слушали рассказы, в то время как страна уверенно вырубивала бы из очередного кризиса.

Почему же ни один художник, сколь бы талантлив ни был, не может отразить в своих малых и больших произведениях ис-

тинный образ Вадима Ивановича? Почему всякий, кто берется запечатлеть его, терпит фиаско и почему я никогда не отважусь на подобный шаг?

Да потому, что никакая бумага, ни одна пленка (особенно звуковая) не стерпит речи Вадима Ивановича: бумага немедленно пожелтеет и превратится в труху, а пленка тотчас размагнитится. Ведь речь Вадима Ивановича разукрашена такими словами и выражениями, что физиками еще не изобретены материалы, стойкие к этим словам. А может, таких соединений и вовсе не существует, и физики здесь ни при чем.

Подсчитаны французские вкрапления в произведениях Пушкина — более двухсот тысяч! Но никогда никто не подсчитает специфические вкрапления в речь Вадима Ивановича, потому что ни один филолог не разберет, где эти вкрапления, а где, собственно, сама речь.

Парадоксально, но в Вадиме Ивановиче нет и намека на пошлость. Крепкие выражения так гармонируют с его внешним обликом и выглядят столь естественными, что без них нет Вадима Ивановича. Без них это уже не он, а другой человек. Женщины никогда не узнают настоящего Вадима Ивановича, потому что, как человек культурный, он при дамах не выражается.

Мне не известны корни, из которых вышел говор и словарь Вадима Ивановича, откуда произошли его мимика и жестикуляция. По-видимому, искать эти корни надо в самых суровых и забытых Богом местах, главным образом в магаданских и колымских. Но знаю точно, что нет такого золотого прииска, рудника или артели, на которых бы ученики и коллеги Вадима Ивановича не использовали бы его «словарный запас», не жестикулировали бы так же, как он, и мне рассказывали, что на приисках в Африке и Южной Америке туземцы, добывающие золото, ругаются теми же словами, с такими же выражениями своих чернолицых физиономий, какое бывает обычно у Вадима Ивановича.

«Ты знаешь, — признался он однажды, — когда я слышу, как кто-нибудь называет золото — "золотишком" и у него появ-

ляется блеск в глазах... Я все сразу понимаю. Такой человек для меня больше не существует».

«У-у! Это настоящий зверюга», — говорил один сибирский писатель, написавший о Вадиме Ивановиче книгу. «Как это?» — спросил я. «А вот так. Он такую школу прошел, что выбрал все от медведя, волка и лисы... Иначе бы не выжил. Когда он идет по тайге, волки шарахаются!»

Как-то Вадим Иванович признался, что в молодости не ругался вовсе. Но с годами... «А как еще можно выразить свое отношение к какой-нибудь мрази? — спрашивал Вадим Иванович. — Сказать, что он сволочь, подонок или негодяй? Но это так мало для тех, кого я на своем веку повидал. Это почти что ничего не сказать... Это все равно что их похвалить...»

Видимо, брань наша матерная еще и оттого, что хроническая неустроенность понижает порог подлости, в то время как язык — великий и могучий — не поспевает формировать равнозначные приличные слова. Приходится применять неприличные укрепляющие выражения, и без того крепкие...

Так вот, я пришел к Вадиму Ивановичу, полагая, что у него на Чукотке есть друзья. Чукотка — не Рязань, куда взял да махнул, когда вздумается. На Севере без участия крепких людей не обойтись. Я обратился к Вадиму Ивановичу и рассказал ему о замысле книги.

Сидя за своим рабочим столом перед стопкой свежих газет — Вадим Иванович их исправно просматривает и кроет всех подряд, — он внимательно слушал меня минуты две или три, затем перебил, взял читанную только что газету и дал краткие характеристики руководителю государства и главе правительства, спикерам обеих палат Федерального Собрания, руководителям силовых ведомств и некоторым ключевым министрам, а также руководителям парламентских фракций и самим фракциям. После этого он отложил газету и спросил, чего мне надо.

Я повторил просьбу, но Вадим Иванович всё еще находился под впечатлением от прочитанного. О чем была статья —

можно судить по истории, которую тут же вспомнил Вадим Иванович.

«Ты знаешь, когда я впервые увидел [...] Чубайса, я вздрогнул [...]. Однажды на Колыме появился один рыжий [...] с такими же [...] глазками... Как же его звали?.. Только он почему-то все время ходил в шапке, даже летом. Ребята шутили: "Наверное, сука, знает, что когда-нибудь по голове достанется." Он был [...] зубным техником, и, наверное, неплохим, потому что действительно умел делать зубы. Кто поблатнее, тем из более чистого золота, кто попроще — из обыкновенного, а тем, кто в шахтах работал, он лепил не из золота, а [...] из латуни, из разной гадости, может, из бронзы или из меди. И, конечно, во рту от этого все портилось [...]. А тогда [...] фиксы, хотя бы одна, были в моде. Как-то летом иду — а вечера на Колыме [...] светлые, — смотрю, между бараками творится что-то страшное. Человек шестьдесят или восемьдесят кого-то [...]. Спрашиваю, что [...] случилось?.. А у него была кличка... Доктор Калюжный!.. Ребята говорят: "Калюжного бьют"... Так вот, поверь мне, этот Калюжный — точно как [...] Чубайс. Ну совершенно точно. Только надо шапку надеть [...]. Кстати, ему руки сломали, ноги... Колыма!.. Так чего ты хотел?» — вспомнил Вадим Иванович, отодвигая газету на край стола.

Я ещё раз рассказал о своем замысле.

Вадим Иванович надел очки, полез в стол и долго рылся в ящиках, взывая к помощнику из приемной: «Саша [...] ты не видел [...] мою тетрадку? Какая [...] у меня тут роется?» Наконец Вадим Иванович извлек старенькую школьную тетрадь и стал ее листать.

В этой тетрадке с аккуратностью библиографа были выписаны имена более трехсот друзей, товарищей и приятелей, с которыми Вадим Иванович был связан судьбой. Список также включал фамилии и клички воров в законе тридцатых, сороковых и пятидесятых годов, которых хорошо знал Вадим Иванович. Отхватывая сразу по несколько страниц — он их не перелисты-

вал, как это мы обычно делаем, а поддевал ладонями, отчего листки страшно мялись, — Вадим Иванович погрузился в воспоминания. Передо мной промелькнули ныне забытые герои грез целого поколения: Иван Львов, Петр Дьяков (Дьяк), Колька Турок, Вася Корж, Женька-Немец... В живых уже никого не осталось.

Вадим Иванович с грустной улыбкой отложил тетрадку: «Это были умные, интересные ребята, читающие, много думающие [...]. Понимаешь? Теперь таких почти не осталось [...]. В лагерях вели добычу золота и, конечно, воровали. Обычно в зоне крутилось килограмма два-три. Играли в карты, меняли на табак, на махорку, на спирт, на чифир... Вот и все! Но так, чтобы кто-то говорил: “Ах! Золотишко!” — таких не помню».

Наконец, Вадим Иванович сказал, что у него в Билибино есть отличный парень, Женька, и он все устроит.

Не полагаясь на память Вадима Ивановича, я тут же попросил позвонить этому Женьке, на что Вадим Иванович выругался, но все же дал команду помощнику соединить с Билибино. После нескольких минут разговора с Женькой и попутного рассказа о летчике из Алдана по прозвищу Гастелло, с которым он как-то взлетел, но в полете выяснилось, что забыли залить топливо, — Вадим Иванович стал рассказывать обо мне: «Тут у меня сидит такой [...]. Он хороший парень, хотя и [...]. Так вот, он [...] хочет [...] написать книгу [...] про Чукотку [...] про этот [...] Север и про этих, как их [...]. Ты ему помоги, Женя, а то он [...]. Ладно?»

Этих слов было достаточно, чтобы на другом конце планеты отозвались, прислушались и помогли. По-настоящему! Не лишь бы. Вот что значит Вадим Иванович, вот что такое артель, состоящая из золотых людей. И когда я благодарил Вадима Ивановича, он лишь сказал: «Да перестань [...]. Женька отличный парень! Он все сделает. Ни перед кем не унижайся [...]. Пошли всех на [...]»

Вот, дорогой Борис Исаакович, как затевалась моя экспедиция, и Вы, как искусствовед, сможете оценить эти приготовления.

Женька — это Евгений Леонидович, генеральный директор Билибинского ГОКа. Ему еще нет пятидесяти, он лысоват, но лысину компенсирует борода, словно волосы с макушки сползли на подбородок. Он человек мягкий, веселый и, кажется, крайне непрактичный. Не сразу поверишь, что это руководитель коллектива, да еще на Севере.

Евгений Леонидович прибыл на Чукотку четверть века назад после окончания института. Был рабочим, горным мастером в шахте, начальником карьера, главным инженером и директором прииска, председателем крупной старательской артели, наконец, дослужился до генерального директора. Теперь он имеет квартиру в центре Москвы, где проживает в основном его супруга Людмила, а главной задачей и даже целью считает заботу о двух дочерях. Они родились и выросли в далеком чукотском поселке Алискерово, там же пошли в школу, но заканчивают учебу уже за границей. Олеся учится в Чикаго на макроэкономиста, а Вероника — в Ирландии и готовится продолжить образование в Оксфорде. Евгений Леонидович изо всех сил помогает дочерям, пренебрегая отпусками, чтобы сэкономить деньги. Если думаете, что руководитель ГОКа имеет их немерено, — заблуждаетесь. Его зарплата, конечно, астрономическая для большинства жителей страны, но смешная, если примерять ее к мировым стандартам и тем целям, которые поставили перед собой две чукотские девушки.

Евгений Леонидович принадлежит к тем, кто стремится делать не карьеру, а профессию. Люди подобного склада не толкаются локтями, не выклянчивают должности, не выслуживаются и с иронией смотрят на все, что относится к политике. Если же их все-таки в нее втягивают, для них это мучение и пустая трата времени. На просьбы рассказать о себе и о добыче золота Евге-

ний Леонидович неизменно отвечает: «На кой тебе это? Лучше отдыхай». Мой приезд на Чукотку под Новый год, в то время, когда всякий стремится отсюда уехать, воспринимается им как чудачество. Он мне искренне рад, но относится ко мне примерно с тем же чувством, с каким здоровый и вменяемый человек относится к блаженному. В конце дня, где-то после восьми, он звонит: «Хватит ерундой заниматься!» — предлагая, вместо писанины, идти в сауну и париться под строганину с водкой. Он убежден, что от этого больше толку, и у меня не хватает аргументов его опровергнуть.

Евгений Леонидович не только администратор, он ученый-практик. Директор ГОКа знает самые разные технологии добычи золота и готовится к защите докторской диссертации. В его кабинете масса специализированной литературы, и вся она добросовестно штудируется. Если случится на комбинате ситуация, из которой, кажется, нет выхода, Евгений Леонидович подойдет, еще и еще раз посмотрит — и найдет. Вот его неохотный дословный рассказ о добыче золота в Билибино.

«Добыча (ударение на "о" - авт.) руды на руднике (ударение на "у" - авт.) Коральвеем производится подземным способом. Бурение шпуров производится ручными перфораторами ПР-63, с последующей отбойкой руды с применением взрывчатых материалов. Доставка руды осуществляется электровозами, после чего руда попадает в дробильное отделение, где крошится. Затем происходит процесс измельчения на мельницах. Измельченная руда через классификаторы поступает на концентрационные столы, где ее потоки распределяются методом гравитации по удельным весам. Так как удельный вес золота — девятнадцать, оно осаждается с помощью золотых головок. Далее золото очищается методом магнитной сепарации. Тонкодисперсное золото извлекается на установках гидрометаллургии. Затем полученный концентрат плавится, и получа-

ется сплав Дорé, то есть слиток с пробностью восемьсот пятьдесят, который в дальнейшем поступает на Приокский аффинажный завод в Касимове.»

Теперь как эту картину понял я.

Несколько десятилетий назад выдающийся ученый Юрий Александрович Билибин предположил, что в этих местах должно быть много золота. Затем сюда пришли геологоразведчики во главе с Н.В.Маковским и, действительно, нашли золото. Началось строительство геологоразведочной базы. Это значит, что вслед за геологами прибыли горняки, строители, энергетики, авиаторы, автотранспортники, повара, бухгалтера, врачи... Затем прибыли их жены, а если появились жены, значит, появляются и дети. Стали вырастать один за другим поселки, и их справедливо называли именами первооткрывателей. Строились садики, школы, больницы... Поселки разрастались, а из одного вырос город, который стал районным центром, с райкомом партии, кинотеатром, райбольницей, милицией, магазинами, спортзалами, танцплощадками, музеями и жилищными конторами. Вместе с городом складывались и соединялись судьбы тысяч людей: свадьбы, рождение детей, разводы, юбилеи, радости и горести, надежды и утраты, — словом, жизнь пустила корни, развилась, разрослась, и уже остановить ее невозможно. А все потому, что существует золото, а не «золотишко»!

Легко сказать Евгению Леонидовичу пару-тройку сухих фраз, мало значащих для несведущего. А что за этими «доставками руды», «процессами дробления, измельчения и извлечения»? Кто поймет? Ведь не лопатой и кайлом добывают золото, а современным оборудованием. Как его доставить? Как установить? Как обучить работать на нем отечественных «циклопов» и как убедить их беречь эти дорогостоящие агрегаты?

Многотонное оборудование и запасные части к нему, сложные механизмы, бесчисленные дробилки, сенокосилки и сноповязалки со шламовыми насосами, задвижками и прочим ве-

зут из Центральной России по железной дороге до Усть-Кута, небольшого города, расположенного на реке Лене в Иркутской области. Там оборудование перегружают на пароход и через всю страну доставляют на Север. Затем, миновав два моря — Лаптевых и Восточно-Сибирское, — груз плывет к устью реки Колымы в порт Зеленый Мыс, где его перегружают на баржи, которые, пройдя по Колыме и Малому Анюю, если позволяет вода, доставляют оборудование в поселок Анюйск. Наконец, из Анюйска оборудование по зимнику перевозят автотранспортом в Билибино. Тысячи километров пути — железнодорожного, водного, наземного; разгрузки, погрузки, вновь разгрузки; труд сотен, а может, и тысяч людей. Ко всему — надо уберечь оборудование от

расхищения и порчи и, кроме оборудования, необходимо завезти топливо, да так, чтобы танкер по пути не обворовали; а еще надо доставить взрывчатые материалы, продукты и многое другое и на все этапы нужно посылать сопровождающих. Это же Россия! Здесь в виноватых не тот, кто украл, а тот, у кого украли. И все надо проделывать быстро, потому что скоротечно северное лето: не успеешь доставить груз водным транспортом — будешь доставлять воздушным, что в пять, в десять раз дороже. Никакого золота не захочешь. А не завезешь — тысячи семей останутся без средств к существованию. К тому же весной от твоего оборудования ничего не останется...

Все выглядит прозаически, а взять да описать один такой завоз — получится детектив. Не случайно службы, связанные с северными перевозками, отмечают конец навигации как завершение очередного жизненного этапа, кроме навигаторов, никому до конца не понятному.

Доставка оборудования — самый хлопотный процесс.

Но вот оборудование установлено между сопками, на золотоизвлекательной фабрике (ЗИФ), и рабочие приступили к работе... Опять-таки: одно только слово — «установлено». А попробуй установи его на скале да в сорокаградусный мороз! То одно

выходит из строя, то другое, а бывает, появляется более совершенное оборудование, с помощью которого можно добыть больше золота. Здесь, как и всюду, производство сочетается с обновлением технологии.

Итак, представьте гору. Её надо аккуратно взять, раздробить в пыль и извлечь золото. Для этого в гору врезаются шахтеры, прорубают горизонтальные тоннели, соединяют их вертикально горными выработками, рубят руду и загружают в вагонетки. По словам Евгения Леонидовича, это самый трудоемкий процесс. Затем раздробленную руду вагонетками доставляют на фабрику, где она поступает в дробильное отделение — большой цех, в котором, кажется, нет неподвижного предмета. Когда смотришь на огромные вращающиеся барабаны и слышишь хруст горной породы, еще недавно бывшей миллионотонным монолитом, кажется, что находишься внутри огромной мясорубки. Масштабы поражают, но не меньше восхищает и могущество человека. В дробильном отделении честолюбец может находиться долго.

После дробления измельченная в порошок гора попадает на концентрационные столы, которые трясутся и скачут, вымывая золото. Способ, немногим отличающийся от того, как вымывали золото на Клондайке или в Сибири с помощью тарелок-лотков. Больно смотреть, как весь этот концентрат, перемолка которого только что рождала в душе пафос, сливается в ведро, ничем не отличающееся от мусорного. (Здесь честолюбивому человеку находиться невыносимо.)

Когда ведро наполнится, его относят в соседнее помещение, и там происходит действие вовсе комичное: в небольшой особоохраняемой комнате, за которой все время следят, находятся три стола, на каждом из которых стоят небольшие агрегаты, напоминающие кофеварки. В эти «кофеварки» насыпается концентрат; с помощью черной магнитной жидкости золото очищается от лишней дряни и, уже очищенное, попадает обратно в ведро. По заполнении, ведро с золотом уносят и переплавляют в

слитки. Затем слитки еще тепленькими складывают в обыкновенный мешок и запирают в сейф.

Это выглядит комически, потому что трудно представить, сколь масштабна золотодобыча у своего начала: реки, моря, пароходы, гигантские сопки, героизм навигаторов и шахтеров... И сколь ничтожна в конце: ведро, «кофеварка» и невзрачный желтоватый слиток в мешковине. Это кажется противоестественным, как если бы река начиналась устьем и завершалась истоком. Но золотодобытчики на подобные вещи внимания не обращают. Говорят, есть металлы еще более ценные — палладий, висмут, осмий. Там крошат и перебивают горы всего за десять-пятнадцать граммов!

По словам директора ГОКа, в двухтысячном году рудник должен добыть полторы тонны золота. Не знаю, много это или мало. Сейчас при добыче одной тонны шахтеры получают от десяти до четырнадцати тысяч рублей в месяц. Когда добудут две, их заработок увеличится до двадцати тысяч. Шахтеры - наиболее высокооплачиваемые. Остальные получают в среднем по пять-семь тысяч, но уже в двухтысячном году надеются получать по десять-двенадцать. Евгений Леонидович говорит об этом уверенно. Ему верят и потому не увольняются. На рудник устроиться трудно. Существует строгий отбор. Основное требование — профессионализм. Наибольшая нужда именно в шахтерах. Проект создавался, когда еще не было ручных минибуров, значительно облегчающих добычу. Поэтому работают по старинке — ручными перфораторами, а молодых тяжелый физический труд не прельщает.

Всего на руднике и фабрике трудятся около пятисот человек. Треть из Билибино, остальных возят по двадцать-сорок человек вахтовым методом из Магаданской и Свердловской областей, а также с Украины — из Кривого Рога. Привозят на срок от трех месяцев до полугода. Живут шахтеры в общежитии, прямо на руднике. Там есть столовая и все прочее, что позволяет жить и работать, не отвлекаясь. Край суровый, работа тяжелая,

деньги неплохие, отношение соответственное. Основную часть зарплаты

выдают перед отъездом, чтобы не пропили. Каральвеемского месторождения хватит на пятнадцать лет. За это время рассчитывают добыть тридцать две тонны золота. Но предприятие существование не прекратит. В десяти-пятнадцати километрах еще одно месторождение — Озерное. Даже оборудование перевозить не будут. Купят десяток самосвалов, скорее всего в Беларуси, и будут привозить руду.

Конечно же, меня интересовало: можно ли приехать, взять лопату, кирку, лоток, поковыряться, найти самородок, продать и уехать... в Париж?

Оказывается, нельзя. Евгений Леонидович говорит: арестуют, золото отберут, а самого посадят. Есть закон о недропользовании, и, прежде чем взять лопату, надо приобрести лицензию на добычу. Иначе это будет считаться «хищнической отработкой недр.» Стоимость лицензии зависит от запасов месторождения. Если намереваетесь добывать золото частным образом — есть понятие: «вольный принос», — надо прийти в Комитет по природным ресурсам и подать заявку. Эту заявку выставят на конкурс, а информацию об участниках опубликуют в газете. В то же время производится расчет, чтобы установить плату за пользование недрами. Допустим, вы собираетесь копать на участке, где золота на 20–30 килограммов. Такая лицензия будет стоить две три тысячи долларов. Определяют сроки отработки этого месторождения, условия лицензирования и платежи в бюджет. Помимо прочего начинают проверять: серьезный ли вы человек, не больны ли психически, имеются ли механизмы или предпочитаете мыть лотком. Затем вас отправят в милицию, проверят на судимость и на благонадежность, и, если вы пройдете криминальную экспертизу, — можете брать лопату, лоток и идти мыть золото.

В договоре также сказано, что раз в десять дней вы обязаны сдавать намытое золото. Там же оговорена цена, по которой ГОК его у вас купит. Если вы романтик-энтузиаст, ничего не понима-

ющий, то едва ли что-нибудь заработаете. Еще и должником останетесь. Такое случалось. А опытный золотодобытчик может заработать за сезон и сто тысяч рублей, и двести. Но частники, как правило, лицензии не покупают. Их приобретают всевозможные товарищества и акционерные общества.

А что, если я, получив лицензию, возьму лопату, копну и обнаружу самородок, килограммов на десять? Куда идти?

Евгений Леонидович сказал, что такого самородка здесь еще не находили. Самый большой весил семь семьсот. И все-таки, если я найду такой же, то его у меня немедленно купят. За сколько? За семьдесят тысяч долларов, но с разными вычетами останется пятьдесят. Если же самородок представляет художественную ценность, напоминает чью-то голову, птицу или зверя — все зависит от воображения художественного совета при ГОХРАНЕ, — то такой самородок купит ГОХРАН.

Дорогой Б.З.! Как-то сообщали, что на одной из американских ферм объявилась пятнистая корова, левый бок которой имел окраску, в точности повторяющую карту Соединенных Штатов. Не было отбоя от туристов и политических деятелей. Сама же корова по всем статьям проходила уже не как рогатая скотина, а как произведение искусства с патриотическим уклоном, что ценилось особенно. Вот бы найти самородок, килограммов на восемь-десять, напоминающий левый бок этой коровы! Сколько бы мне отвесил за него американский ГОХРАН?

Войдя в мечтательный кураж, я спросил у Евгения Леонидовича, что будет, если, придя на рудник, я увижу кусок золота и положу его в карман? Ничего, говорит, не будет. Просто мне дадут пять лет строгача.

Золото крали и крадут, но сажают за это неактивно, и у директора ГОКа серьезные претензии к правоохранительным органам: то у них нет бензина, то кадрами не укомплектованы, то такие кадры, что лучше бы их не было... Как промсезон, у них начинаются отпуска. Не то что золотом, они и цветными металлами не занимаются. Сколько его вывезли из района, пока нако-

нец не издали приказ о запрете вывоза! Ну а если крадут золото, то, конечно, крупнячок, самородочки... Вывозят на материк. Покупают их в основном кавказцы. В Магадане, Сусумане, в Ягодном скупщики орудуют прямо на предприятиях. На золоте существует своя, особенная, мафия. Там и авиация, и автотранспорт: в зимнее время можно уехать на материк, прямо в Москву. Доехал по зимнику до Колымской трассы, а там на Якутию (с обязательным ударением на букву "и").

Вот что касается добычи золота. Я не собирался на этой теме останавливаться, но когда побывал на руднике... Какая Чукотка без золота!

«...въ конце пріисковыхъ работъ, землекопы получаютъ порядочныя деньги, но при ихъ необразованности, после утомленія целаго лета, получивъ на руки некоторую сумму, иные изъ нихъ считаютъ себя Крезами и потому позволяютъ себе немножко отдохнуть и погулять. Этотъ отдыхъ и гулянье, къ несчастію, бываютъ ужасно безобразны. Пьянство и разгуль бываютъ едва вероятны: невежественные бедняки думаютъ вознаграждать себя этимъ за труды и лишенія целаго лета. Нередко случается такъ, что рабочій, получившій за летнюю работу рублей сто, возвращается поздною осенью къ себе въ деревню вовсе безъ денегъ, оборванный и избитый».

Из книги А.Разина «Картины русской жизни. Золотые пріиски». С.-Пб., 1876.

Из книги Д.Мамина-Сибиряка, «У старателей»:

«— Старатель старателю розь, баринъ: который старатель съ семьей выходитъ на пріискъ, того не применишь къ одиночке. Эти намъ одиночки, бабы или мужики, вотъ где сидятъ! — проговорился старикъ, указывая на затылокъ. — Самый путанный народъ... Отъ нихъ много горя по пріискамъ. Все говорятъ про насъ, про стрателей, что мы и пьяницы, мы и воры... А это неправильно. Конечно, живемъ на людяхъ — грехъ-то не по лесу ходить — а все-таки грехъ греху розь.

— Но ведь стратели воруютъ хозяйское золото?

Старикъ внимательно посмотрелъ на меня и как-то нехотя ответилъ:

— Есть и такой грехъ, есть грехъ... Только, ежели разсудить его самое дело по правилу, старатель-то у кого, по-твоему, воруетъ?

— У хозяина пріиска.

— Вотъ и не угадалъ: у себя, баринъ, воруетъ... Вотъ ты и поди!.. да.. Возьми хоть какой пріискъ: Коренной, Желтухинскій, Копчикъ, Любезный, — кемъ дело держится? Старателями... Хозяинъ что? Хозяинъ заплатилъ по 15 к. съ сажени ренты, поставилъ контору — и все тутъ, вся ихняя заботушка. А старатель-то всей семьей робить-робить, колотится-колотится, а принесъ сдавать золото — на, получай рупь восемь гривенъ за золотникъ, все твои. А хозяинъ-то сдаетъ это золото въ казну по пяти рубликовъ, значитъ, съ каждого золотника ему три рубли двадцать въ карманъ...

— Но ведь на пріисках не везде старательскія работы, а моютъ золото и машинами.

— Это только для отводу глазъ, для левизора, баринъ, — убежденно говорилъ старикъ. — Ведь поденщику заплати, а что онъ добудетъ — твои счастки... А поденщина, известное дело, съ рук да съ ногъ: лопатку

песку бросилъ да два раза оглянулся; старатель-то въ это время десять успеетъ бросить, потому какъ робить онъ на себя. Ужъ я тебе, баринъ, верно скажу: все эти левизоры да анженеры, хоть разорвись, а такой машины не придумаютъ, чтобы съ голоду робила...»

ПЕРВОЕ ЗОЛОТО ЧУКОТКИ

На Чукотке впервые представители горного надзора появились в связи с началом деятельности золотоискателей, которые в 1890 году прибыли на восточное побережье с Аляски (хребты Золотой, Пекульней). Начало геологического изучения края было положено в Анадырском районе экспедициями, снаряженными российским полковником В.М.Вонлярларским. В 1902 году он передал свои права Северо-Восточному Сибирскому акционерному обществу, которое переуступило их американской компании «Пайнер Монинг Компани». В 1905 году горным инженером данной компании, французом Надо была обнаружена богатая россыпь золота (р.Первая Золотая, хребет Золотой). Через год компания завозит оборудование и ведет разведку в пределах долин рек Волчья и Колби. За это время Надо на прииске «Дискавери» было добыто и реализовано в Америке 173 килограмма золота. В период с 1911 по 1930 год в пределах Чукотки горные работы не производились, лишь чуть позже началась примитивная добыча угля для нужд пришлого населения.

Е.Хаджинов, начальник Чукотского
управления Госгортехнадзора

«Крайний Север», 3 декабря, 1999 г.

РЕШЕНИЕ О БЮДЖЕТЕ

БИЛИБИНСКОГО РАЙОНА НА 1999 год

Руководствуясь Законом ЧАО «Об окружном бюджете на 1999 год» N 15-03 от 12.04.99 г., ст.22 Устава Билибинского района, Совет депутатов Билибинского района РЕШИЛ:

1. Утвердить бюджет Билибинского района на 1999 год по расходам в сумме 155 530 тыс. рублей и по доходам в сумме 95 530 тыс. рублей. Установить предельный размер дефицита бюджета района 60 000 тыс. рублей, или 38,6% к расходам бюджета района на 1999 год.

2. Утвердить расходы районного бюджета на 1999 год по ведомственной структуре расходов согласно Бюджетной классификации, утвержденной приказом Минфина РФ N1 от 6.01.98 г.

3. Утвердить оборотную кассовую наличность по бюджету Билибинского района на конец 1999 г. в сумме 4000 тыс. рублей...

В.ЖИРКОВ, председатель Совета
депутатов Билибинского района
М.ДОМОЖИРОВА, секретарь

2 декабря. Билибино

Здравствуйте, дорогой Борис Исаакович!

Я уже несколько дней на Чукотке, но до сего дня не видел чукчей. Одни русские да хохлы. Скрізь чую рідну мову, в основном женскую. Хлопців не меньше, но Север изгнал из их голоса мелодраматичность и сентиментальность, в то время как женщины это сохранили. И русские, и украинки — цветущие, здоровые, румяные, плюс к тому разодетые в дорогие шубы и шапки. Ходят не торопясь, с достоинством. Мороз им нипочем. Минус сорок пять или даже пятьдесят, а они ведут беседу посреди улицы! Чукчей до сего дня видел только на фотографиях в краеведческом музее. Там, правда, работают две девушки — чукчанка и эвенка, — но они мне показались вполне городскими. И вот наконец встретил настоящего чукчу.

Он шел быстро, чуть вразвалочку, на голове — малахай, на самом — кухлянка, а вот на ногах почему-то не торбаса, а изношенные унты. Старые рукавицы, какие шьют для рабочих, и во все изорванные. Чукча первым поздоровался. Я машинально стал его о чем-то спрашивать, но выяснил только имя — Сергей. Поскольку долго разговаривать на морозе невозможно, я пригласил его к себе. Сергей согласился, и через несколько минут мы уже находились в моем жилище.

Он снял кухлянку, малахай, унты — и... вмиг пропала экзотика, а вместе с нею привлекательность. Остался невысокий, щуплый, темноволосый и не уверенный в себе человек, возраст которого ни за что не определишь. На нем был желтый старый и явно не по размеру свитер, который едва ли грел. Под свитером надета темно-синяя шелковая рубашка. Чукча постоянно потирал руки: то ли от холода, то ли от того, что не знал куда их деть. Я предложил вымыть руки, затем пригласил на кухню и усадил за стол. Сергей выполнил все старательно и без слов. Я заварил чай и вытащил из холодильника все, что у меня было. Тем временем мой гость грел руки, поглаживая батарею.

Я пытался его разговорить, но отвечал Сергей невнятно, и мне приходилось переспрашивать, от чего я быстро устал. К тому же он выпивал один стакан за другим, и я едва успевал заваривать новый. Сахар он не брал, и мне приходилось подсыпать ему в стакан и затем размешивать. За ним надо было все время ухаживать. Самостоятельно он только пил. Даже яйца я для него чистил, потому что Сергей, как мне показалось, чистить их не умел.

Мне было трудно разобрать его речь, но из сказанного я понял, что моему гостю сорок четыре года, что он работал оленеводом, но уже давно ушел из тундры и поселился в Омолоне, где проживает с женой и тремя дочерьми. Жена — Наташа — уборщица в местном клубе, получает пятьсот рублей. Сам он теперь кочегар и получает еще меньше. Старшей дочери двенадцать лет, средней — девять, а младшей — восемь. Все учатся в школе. Сергей жаловался, что семью содержать не на что. Бывает, когда просто нечего есть. Дети питаются в основном в школе. Продукты выдают в совхозе раз в месяц, но они быстро заканчиваются: по килограмму перловки, риса и сахара. Хотели купить картошку, но, когда она появилась, закончились деньги. К тому же с них высчитывают плату за электроэнергию. Зимой Сергей ловит рыбу, в основном хариуса, которого затем сушит. Говорит, надо уметь сушить, а то можно отравиться и умереть. Летом, вместе с женой, собирают бруснику, черную и красную смородину. Сер-

гей сожалел, что не сможет привезти на Новый год подарки детям: нет денег. Хотя перед выборами их вроде бы обещали дать. Сергей не имеет возможности охотиться, потому что у него отобрали ружье: оставшееся от отца, оно не было перерегистрировано. Питаться олениной тоже нет возможности. Почему, я так и не понял. Видимо, оленей осталось мало. Основную массу то ли кто-то увел в тундру, то ли они сами ушли, то ли их загрыз волк, то ли еще что-то с ними случилось... Пытался поставить капкан на зайца, но тщетно. Когда заяц попадался, голодные собаки поедали его прежде охотника. Можно было бы заработать на волчьих шкурах, но для этого опять-таки нужно ружье... Отвечая, Сергей постоянно поглаживал горячую батарею. Так же он грел руки, обхватив стакан с кипятком.

Сергей приехал в Билибино к врачу. Я не стал расспрашивать, в чем дело, так как, очевидно, у него не в порядке зубы. Я сказал, что мои друзья не поверят, что чукчи могут голодать, живя рядом с тундрой, где множество зверья и дичи, но он лишь улыбнулся: «Как это, не поверят?» Я спросил, почему он так плохо и беспомощно живет. «Не знаю», — отвечает и вновь улыбается. Но когда я спросил, что делать, чтобы выйти из этого положения, Сергей ответил: «Начальство надо найти такое, которое бы все делало правильно». Сами же они, по словам Сергея, «не знают, что и как надо делать, чтобы было хорошо». Понял я также, что в тундру постоянно приезжают какие-то коммерсанты, скупают мясо, пушнину и увозят. Спрашиваю, куда смотрит администрация? Сергей пожимает плечами.

За тот час, что мы разговаривали, я страшно устал и желал поскорее остаться в одиночестве. Но мой чукотский приятель покидать меня не собирался. Он не уходил не потому, что был бесцеремонным, и не потому, что ему нравилось пить чай и разговаривать, а потому, что никто не сказал ему, что пора уходить. И, как только я, сославшись на занятость, стал благодарить его за встречу, Сергей немедленно засобирался. Но если бы я вновь

предложил ему сесть за стол, он бы вернулся и пробыл у меня столько, сколько хочу я, хозяин, а не он, гость.

Надев экзотическую северную одежду и преобразившись, Сергей вышел из квартиры. Впервые его движения обрели свободу, и он с легкостью стал спускаться по ступенькам, сказав на прощание, что обязательно зайдет еще — «поговорить».

Дорогой Борис Исаакович! Я не пойму: кто же у меня был? Я видел перед собой беспомощного, полуграмотного человека, не способного ни к стройному изложению мысли, ни к более-менее ясному разговору. Только жалобы. Весь он был стеснен, зажат, и было видно, что ему не по себе. В то же время он не спешил покинуть чуждую обстановку.

Верить ли тому, о чем он поведал? Кажется, в его рассказе была логика, да и врать ему незачем. Но многое осталось неясным. Я спросил, когда он в последний раз ел яйца, и чукча ответил, что не помнит. Как может такое быть? Но ведь он действительно не знал, как очистить яйцо, и даже не пытался это сделать. Его руки, которыми он поглаживал батарею, явно не приспособлены к столь «тонкому» занятию. Сами яйца он проглатывал одно за другим, не обращая внимания на стоящую перед ним соль. Когда я собрал ему продукты и положил в полиэтиленовый пакет, он поблагодарил и пообещал этот пакет вернуть.

Жил пастух-оленеvod, трудился, был молод, полон сил, уважаем и в своем деле незаменим. По каким-то причинам покинул тундру и... пропал. А мы с Вами погибнем, если, напротив, окажемся в тундре.

...Когда-то в этих местах кипела торговля, и основным звеном ее были как раз чукчи. В библиотеке мне показали несколько редких книг, изданных в середине прошлого века. Одна из них — «Природа и человек на Крайнем Севере» (1866 г.), — составлена немцем Гартвигом на основании материалов путешественников, в том числе дневников Федора Матюшкина. Оторваться от этой книги невозможно, тем более когда сам находишься на Крайнем

Севере. Кое-что я даже переписал, в частности рассказ о самой северо-восточной ярмарке на Евро-Азиатском континенте.

Поселок Островное, расположенный на одном из островов Малого Анюя — до него от Билибино пять-шесть часов езды по зимнику, — был примечателен тем, что в нем ежегодно в начале марта проходила ярмарка. Здесь соединялся торговый интерес Евразии и Америки, а роль главного посредника выполняли чукчи, мигрирующие от Берингова пролива до Островного и обратно с различным товаром. Очевидно, кроме оленных и береговых чукчей, существовали чукчи-торговцы, да еще какие!

«Переехавши съ крайней восточной оконечности Азіи на своихъ кожанныхъ байдарахъ черезъ Беринговъ проливъ и выменявъ у жителей Северо-западнаго берега Америки моржовые бивни и пушной товаръ, Чукчи съ своими жилищами и товаромъ на саняхъ, запряженныхъ северными оленями, пріезжаютъ въ Островное. За караваномъ следуютъ сани, нагруженные мохомъ для корма северныхъ оленей, ибо часто, несмотря на большіе объезды, Чукчамъ приходится проезжать по совершенно обнаженнымъ местностямъ, где олень не находитъ даже лишая. Такимъ образомъ Чукчи употребляютъ 5–6 месяцевъ на путешествие, которое по прямой линіи немногимъ более 1000 верстъ, и проводятъ почти всю свою жизнь въ странствованіяхъ, но такъ какъ Чукчи съ собой берутъ свои палатки, то чувствуютъ себя всегда дома. Такой караванъ обыкновенно состоитъ изъ 300 человекъ, которые, закончивъ ярмарку, тотчасъ же начинаютъ приготовляться къ другой».

Самый главный и ходовой товар — табак. Гартвиг приводит основной механизм этой челночной деятельности чукчей-торговцев:

«Желаніе пріобрести несколько листьевъ табака побуждаетъ Эскимоса передавать изъ рукъ въ руки свои продукты отъ Ледянаго мыса и Бристольской бухты до острововъ Гвоздева, лежащихъ въ Беринговомъ проливе, здесь эскимосскіе продукты принимаются Чукчами, которые въ свою очередь едутъ съ ними въ Островное, чтобы выменять у Русскихъ на табакъ. Обыкновенно Чукчи за полъ-пуда листоваго табаку берутъ у Американцевъ партію меховъ, которую перепродаютъ Русскимъ за 2 пуда того же табака. Русскимъ это стоитъ, по самой высокой цене, около 160 руб., а вымененные на табакъ, меха они продаютъ въ Якутске по крайней мере за 260 руб., въ Петербурге же у меховыхъ торговцевъ цена эта удваивается».

Кроме табака, русские купцы привозили для чукчей «железный товар»: ножи и котлы; а также чай, сахар и различные ткани для русских, живущих по Колыме. В Островное съезжались не только чукчи, но и юкагиры, и тунгусы, и чуванцы, и эвены, и коряки, живущие на расстоянии до полуторатысяч верст от Островного. Вот какой представляла ярмарка накануне открытия:

«Вообразите странную вечернюю декорацію: огни съехавшихся на ярмарку гостей, расположившихся биваками подъ открытымъ небомъ; красный дымъ изъ палатокъ Чукчей, поднимающійся къ небесному своду, усеянному блестящими звездами; желтое, красное или зеленое северное сіяніе; глухой бой шаманскихъ барабановъ и вой несколькихъ сотъ собакъ; представьте все это — и невольно убедитесь, что во всемъ свете нетъ более оригинальной ярмарки. Русскій чиновникъ съ небольшимъ конвоемъ наблюдаетъ за порядкомъ и спокойствіемъ и собираетъ въ казну довольно незначи-

тельную пошлину съ Чукчей. Передъ открытіемъ ярмарки определяется такса для того, чтобы купцы не подрывали другъ друга (так, напримеръ, 2 пуда черкесскаго табаку стоимостію приравниваются к 16 лисьих и 20 куньих шкуръ), и кто отдастъ свой товаръ ниже такой нормальной цены, тотъ подвергается денежному штрафу».

Гартвиг пишет, что ярмарке предшествовал мелебен в церкви, в котором участвовали все православные, после чего поднимался флаг на башне острога, наконец, начало торговли было освящено ударом колокола.

«Лишь только пронесется гуль отъ перваго удара колокола, какъ по Русскимъ будто пробежитъ электрическая искра. Каждый, самымъ страннымъ образомъ нагруженный табакомъ, котлами, ножами и другими произведеніями, нужными для Чукчей, спешить изо всехъ силъ стать первымъ у саней, перескакиваетъ черезъ своего конкурента или же самъ растягивается на снегу. Что за дело, что дорогой потеряетъ шапку, рукавицы и, можетъ быть, пару зубовъ, — при 30 градусахъ мороза безъ шапки и рукавиць бежитъ онъ, сломя голову, чтобы вознаградить удвоенною деятельностью потерянное время. Не добежавъ еще до перваго Чукча, онъ уже издали расточаетъ передъ нимъ реки красно-речія и на странной смеси русскаго, чукотскаго и якутскаго языковъ восхваляетъ удивительную доброкачественность табака и необыкновенную прочность котла. Этой суетливости совершенно противоположны спокойствіе и непоколебимая важность Чукча, молча онъ выслушиваетъ болтовню и качаетъ головой, если, по его мненію, слишкомъ мало даютъ за его товаръ, и при этомъ ни на мгновение не теряется, тогда какъ Рус-

скій въ поспешности нередко отдаетъ 2 пуда табаку за одинъ и хватаетъ красную лисицу за чернобурую».

Ярмарка редко продолжалась более трех дней, после чего ее участники разъезжались, на целый год оставляя Островное, по выражению Гартвига, «в ультрасибирском одиночестве».

Не знаю, каково сейчас в Островном, но, судя по тому, что рассказывал Сергей об Омолоне, там — не лучше.

Только с кем-нибудь заговорю, тотчас слышу жалобы на цены. Очевидно, меня принимают за журналиста, который накануне выборов приехал разузнать о здешней жизни и доложить кому надо в Москве. Говорят: «Напиши им о наших ценах». Я поначалу объяснял, что приехал по своей воле, с целью сугубо частной, но кто же поверит, что на Чукотку в канун Нового года можно приехать по собственному желанию? В конце концов я согласился донести до общественности правду о ценах в Билибино, а при случае — рассказать начальству. Можно подумать, наше начальство способно чем-то обеспокоиться. Я зашел в два или три магазина и переписал цены. Вот некоторые из них:

*Батон хлеба — 16 руб.; сахарный песок — 45 руб./кг;
масло «Крестьянское» — 150 руб./кг;
картофель — 50 руб./кг; лук — 45–48 руб./кг;
сыр — 130 руб./кг; колбаса «Краковская» — 140 руб./кг;
яйцо — 40–50 руб. за десяток; молоко — 50 руб./литр;
майонез — 55 руб./500 г;
окорочка («ножки Буша») — 75 руб.;
мясо говяжье (США) — 52 руб.;
яблоки — 70 руб.; подсолнечное масло — 75 руб./литр;
лимоны — 90 руб./кг; апельсины — 78;
мандарины — 113; виноград — 160;
шампанское — 150 руб.; водка — 75–100 руб.;
сок — 55 руб./литр; рис — 14 руб./кг;*

перловка — 6 руб.; греча — 60 руб.; горох — 30 руб.;
сигареты «Ява» — 17 руб.; чай индийский — 24 руб./50 г;
скумбрия (консервы) — 26 руб.;
шпроты и килька в томате — по 22 руб.;
спички — 1 рубль; соль — 4 руб. за кг;
конфеты «Мишка» — 180 руб./кг;
сгущенное молоко — 32 руб./банка;
спагетти — 32 руб.; папиросы «Беломор» — 7 руб.;

2 декабря стоимость одного доллара США равнялась 26 рублям 75 копейкам.

...Пока переписывал цены, на меня недоверчиво смотрели продавщицы, а когда спросил об их зарплате, они и вовсе зашикали: «Зачем тебе это?» Потом одна призналась: «Зарплата такая, что надо год не есть — не пить, чтобы выехать на материк».

В частных магазинах цены чуть выше, чем в государственных, но и ассортимент побогаче. Лимоны, молоко, мандарины и виноград видел только в частных, причем фрукты раскупаются быстро: кто может, старается для детей. Хлеб продается в двух магазинах, но я покупаю в кулинарии при ресторане, где есть пекарня. Там хлеб почти всегда горячий, и съесть его можно целую буханку. (Почему-то в Москве нет простого хлеба, подобного тому, какой выпекают в какой-нибудь глуши.)

Цены уместно сопоставить с зарплатой билибинцев. Шахтеры ГОКа, как я уже Вам писал, самые высокооплачиваемые. Остальные получают (если получают) по две–три тысячи. Вообще, деньги здесь тратят осторожно, так как главная накопительная цель — отпуск. Его ждут и часто лишь им живут. Увы, теперь стоимость проживания такова, что отпуск для многих так и остается мечтой. Мне попала газета «Золотая Чукотка», в которой приводятся данные за июнь о так называемой «продуктовой корзине», включающей двадцать пять продуктов питания. В Анадыре эта «корзина» составляла 1529 рублей 38 копеек. По сравне-

нию с январем стоимость выросла на 37,5 процента. А прожиточный минимум (с учетом промтоваров и коммунальных услуг) в среднем по Чукотке — 2776 рублей на человека.

Для сравнения: потребительская корзина в среднем по России стоила в июне около 600 рублей. В Магадане — 917 рублей, в Якутске — 851 рублей, в Ульяновске самая дешевая — 442 рубля. Чукотка по ценам — в лидерах, а Билибино — лидер на Чукотке! Мне поведали, что сейчас, в начале зимы, в Билибино стоимость «продуктовой корзины» на человека — четыре тысячи. Так вроде бы сказал губернатор. Но я, глядя на цены, не рискнул бы остаться здесь на месяц с четырьмя, с пятью и даже с десятью тысячами.

Купил местную газету. Привлекла рубрика на первой полосе — «Хорошие новости».

Сообщается о пятнадцатипроцентной прибавке к пенсии каждому пенсионеру страны. В Билибино максимальная пенсия — 950 рублей 50 копеек, минимальная — 720 рублей 86 копеек. Добавьте к этому сто рублей с небольшим — получите первую хорошую новость.

Читаем далее. По указанию Президента РФ в стране установлен День матери, который отмечается в последнее воскресенье ноября. В честь праздника администрация района выделила из бюджета материальную помощь — по 200 рублей каждой из 134 многодетных семей, живущих в селах района и в самом Билибино. Это вторая хорошая новость. А рядом — третья: ко Дню инвалидов (3 декабря) детям-инвалидам и взрослым-инвалидам I и II групп выделена материальная помощь в размере 100 рублей на человека.

Это еще не все. В октябре-ноябре многодетные матери и матери-одиночки района получили гуманитарную помощь от Красного Креста и Красного Полумесяца в виде гигиенических наборов (мыло, шампунь, зубная паста, памперсы, прокладки и т.п.), всего — 455 наборов. Население района — чуть больше двенадцати тысяч. Если представить, что женщин половина, да

вычесть детей и старушек... Благодаря «хорошим новостям» мы можем прикинуть, какой процент составляют в районе матери-одиночки и многодетные матери. Какой материал для будущих исследователей!

Наконец, последняя «хорошая новость». В 1999 году 147 неработающих пенсионеров и инвалидов, выехавших в центральные районы страны, получили компенсации за сданное жилье на общую сумму 2.042.305 рублей. Это значит, что в среднем каждый получил по 13 тысяч 893 рубля 23 копейки. Этой суммы должно хватить на авиабилеты до Москвы. А на что жить дальше? Запасов ни у кого нет. Все истрачено или исчезло после 17 августа 1998 года.

Как жить в Билибино? Чем прокормить семью? Вариантов немного...

Я познакомился с водителем, который по выходным старается выезжать на охоту. Он притащил здоровенный кусок лосятины (сохатины), который я варил в огромной кастрюле несколько часов. Что в сравнении с этим бульоном полусинтетические супы в пакетиках! Так вот, этот Юра — родом из Курской области. Приехал на Чукотку на три года, а прожил тринадцать. Жена, двое детей, работа. Он не ропщет и, в отличие от других, на материк не рвется. По его словам, сейчас охотятся в основном «на мясо». Это сохатый, олень и зайцы. Медведи зимой спят, хотя встречаются шатуны — одинокие, голодные и потому опасные. Охота на медведей строго запрещена. Лишь браконьеры зарятся на шкуру, а мясо едят только смелые или очень голодные: можно отравиться. Из птиц в это время охотятся на глухарей и куропаток. Бывает, попадаются соболь, песец, лиса. Но охотиться на пушнину невыгодно. Денег ни у кого нет, и, следовательно, некому ее продавать, в то время как сама охота — занятие дорогое, если иметь в виду еще и бензин. Ведь на охоту, как правило, выезжают на машине. Охотятся с помощью ружей и карабинов, а мелочь ловят капканами и прочими приспособлениями. Как и в

золотодобыче, прежде заключают договор с охотничьей инспекцией и берут лицензии.

Юра рассказал, что на куропаток старики охотятся едва ли не в черте города. Денег на продукты нет, но голь на выдумки хитра. Например, берут бутылку из-под шампанского, заливают горячую воду, ставят в снег, он подтаивает, и получается ледяная лунка с сужающимся отверстием. В лунку-ловушку кладут несколько ягод. Куропатка туда попадает, а выбраться не может. Охотник приходит и забирает добычу. Ловят куропаток и сетью, набрасывая на кусты. Птицы запутываются, и ничего не стоит их взять. А вот как ловят горностая. Осенью с него спадает красновато-бурая летняя шерсть, и зверек становится белым с характерным черным пучком шерсти на хвосте, известным по роскошным мантиям королей. Поэтому горностая важно сохранить неповрежденным. Ведро с водой выносят на мороз и, когда по краям вода замерзнет, пробивают во льду небольшое отверстие, выливают не успевшую замерзнуть воду и получают ледяной сосуд с дырочкой. Внутри кладут кусочек мяса и ставят в места обитания горностая. Тот по дурости попадает, а выбраться не может. В итоге зверек замерзает, а вероломный охотник, обнаружив добычу, разбивает сосуд и забирает жертву.

Юра говорит, что горностай зверек очень кровожадный и опасный и бросается даже на медведя, вгрызается ему в ухо и замучивает до смерти. Были случаи, когда горностай садился на спящих орла или тетерева, поднимался с ними в воздух и кусал их до тех пор, пока птица не падала на землю замертво. Вместе с тем горностай невероятно заботлив о потомстве. Самка, если отнимут детенышей, преследует похитителя, ничуть не заботясь о собственной безопасности, а самец горностая и вовсе поступает геройски. Если становится невыносимо и нечем прокормить детенышей, он выбирает ветку с рогатиной, засовывает туда голову и лишает себя жизни. Поразительно! А у нас женщины жалуются, что мужики на спиртное последнее из семьи тащат.

Водится в этих местах и соболь, мех которого считается самым ценным. Вот только поймать этого зверька дело более чем хлопотное. Он очень труслив и за добычей выходит по ночам. Юра пытался их разводить, читал литературу и почерпнул любопытные сведения. Самка соболя, вынашивая детеныша, оказывается, может прерывать беременность. Даже не прерывать, а приостанавливать. Видит, что грядет неурожай, понимает, что не прокормит будущее потомство, и приостанавливает на некоторое время беременность. Затем, если ситуация улучшается, она оживает плод, донашивает его и затем рождает. Если бы такими способностями обладали наши женщины, то они ходили бы всю жизнь с животом, ожидая улучшений...

Кроме охоты, здесь ловят рыбу, и к зиме у многих она припасена. Меня угощали строганиной из чира. Это намертво замороженная рыбина с полметра длиной, которую буквально строгают большим острым ножом и стружку поедают под водку. (Или, наоборот, водку пьют под стружку.) Золотодобытчики для этого пригласили меня в сауну. Признаюсь, я так и не понял вкусовых достоинств строганины. Зато был ошеломлен тем, с каким задором ее строгали, с каким удовольствием обмакивали в аджику и быстро поглощали, при этом причмокивая, посапывая и похрустывая. Я в это время пил пиво с голландским сыром под хихиканье и упреки, что напрасно приехал на Чукотку.

Видя, что я остался равнодушным к столь изысканной еде, меня решили удивить щекой сохатого, по утверждению моих чукотских приятелей, самым изысканным деликатесом. На следующий день они сварили губы, щеки, ноздри, брови, подбородок и все прочее, что только имеется на лосиной морде, и принесли это варево в огромной кастрюле. Тут же открыли бутылку водки и стали с аппетитом эти щеки поедать. Я попробовал кусочек и, в отличие от строганины, почувствовал вкус.

Какой?

Как бы объяснить... Вот у Вас есть щеки. Теперь представьте, что их сварили.

Что касается кухни чукотских народов, то мы к ней вообще не готовы и вряд ли когда-нибудь изготовимся. Пересылаю Вам рецепты, которые не поленился переписать.

ПРЭРЭМ. Ягодичную часть оленьей туши хорошо проваривают, мелко нарезают и смешивают с теплым топленным салом. Остывшая масса быстро густеет, в это время блюду придают круглую форму, оно замораживается, и получается прэрэм. Сверху украшают оленьим костным мозгом, замораживают, что придает специфический вкус. Прэрэм служит гостинцем при поездках в дальние стойбища. Ему особенно рады дети, как деликатесу.

ВИЛЛЕВЫТ (квашеные головы рыб). До заморозков ловят рыбу в большом количестве. Рыбьи головы складывают в эмалированную посуду с плотной крышкой, дно застилают сочной травой и зелеными листьями ивы, или кладут в кожаный мешок с плотной и тугой завязкой. Можно подсолить. До готовности хранят в темном прохладном месте или закапывают в землю. Через 5-6 дней блюдо готово.

НАНУВЪЕ-Э'ЛЕГИТ. Вывернутые наизнанку сушеные оленьи кишки. Их используют в ритуальных целях, если они взяты из забитого личного оленя. Сушеные нанувье поджаривают на огне и используют как приправу к приготовлению жидких и горячих блюд.

МЫЛК'ОПАТ. Юшку от варки молодых листьев щавеля (рымавыт) приправляют сушеными оленьими кишками и варят до кипения. После, помешивая варево, заливают массой сгустившейся оленьей крови, хранящейся в темном месте, и варят на слабом огне.

КИВЛЕТ. Рорат — рубец или оленье кишки мелко нарезают и проваривают. После в кипящее варево вливают свежую оленью кровь. Постоянно помешивая, добавляют коренья п̄упук'ыт, доводят до кипения. Еда готова!

АЛЯГЪЕПАТ. Оленьё мясо с салом мелко нарезают, сало отбивают молотком. Затем варят с добавлением кореньев мигмиг или п̄упук'ыт. Эти коренья собирают и сушат летом в период цветения, когда они наиболее сочные. Их используют для приправ и в бульонах: они придают вкусовые качества и ароматические свойства блюду.

ЁМРАТ (кора молодых побегов молодой ивы). Кору употребляют в пищу зимой или ранней весной, когда еще стоят морозы. Кору отбивают молотком от стержня ветки, мелко крошат вместе с мороженой оленьей печенью или кровью и используют в пищу. Блюдо сладковато и приятно на вкус.

ВЫТРЕЛК'ЫРЭЛ. Собираются молодые листья полярной ивы, отбиваются, после чего делается масса в виде теста. Добавляют оленью кровь, любые ягоды и тщательно перемешивают. Получается вытрэлк'ырэл — «зеленая каша».

ВИЛК'ИТЫН. В конце лета забивают тонкошерстных оленей. Это время самое подходящее для заквашивания оленье-го мяса. Мясо взрослого оленя плотно укладывают в кожаные мешки пыгпыг, которые хранятся в прохладном темном месте. Мясо поспекает к зиме, к заморозкам. Зимой едят как строганину или варят. Едят в охотку.

ВИЛМУЛЛЫМУЛ. Копыточную, пантовую и губную части оленя хорошо прожаривают на открытом огне. Прожаренные, хорошо очищенные от золы и углей, они кладутся в посуду с холодной водой на 3-4 дня для удаления горького привкуса.

Потом кипятят на слабом огне для смягчения. Остывшее варево вместе с печенью и почками оленя закладывают в кожаный мешок пыгпыг, заливают свежую оленью кровь и плотно завязывают. Через несколько месяцев блюдо готово!

Это кухня оленных чукчей. Береговые питаются иначе, и, если раздобуду их блюда, — обязательно перешлю. Предполагаю, что Ваша реакция будет не многим отлична от той, какую вызвал у коряков маринованный огурец, предложенный им полтора века назад одним американцем.

Из книги Джорджа Кеннана «Кочевая жизнь в Сибири», С-Пб., 1877 г.:

«Однажды вечером они увидели, что я ем маринованный огурец, и так как этот новый предмет был для них совершенно незнаком, то они попросили у меня кусочек отведать. Предвидя, какие из этого выйдут последствия, я дал весь огурец самому грязному и дикому из них и посоветовал ему откусить как можно больше. Все его товарищи смотрели, притаив дыхание, пока он подносил огурец ко рту, чтоб увидеть, как он ему понравится. С минуту лицо его выражало самую смешную смесь удивления, недоумения и отвращения, и он был, кажется, готов выплюнуть откушенный кусок; но, сделав большое усилие, он превозмог себя, придал лицу своему выражение удовольствия, чмокнул губами, объявил, что это было "акмель немелькинъ" — очень хорошо, — и передал огурец ближайшему соседу. Этот последний был равно поражен и недоволен его неожиданной кислотой, но, не желая сознаться в обманутом ожидании и услышать насмешки товарищей, он также уверил, что это великолепно, и передал далее. Шесть человек последовательно разыграли эту комедию с ве-

личайшей серьезностью; но, когда все откусили по кусочку огурца, они разразились единодушным, удивленным "те-е-ее" и дали свободу долгосдерживаемому чувству отвращения. Усиленное плевание, кашель, умывание рта снегом, последовавшее за первым взрывом неудовольствия, доказали, что вкус к пикулям благоприобретен, а не свойственен первобытному человеку».

«Одним из признаков превосходства, по мнению чукоч, является способность быстро есть. *"Если молодые люди едят быстро, старые люди смотрят с удовольствием"*, — гласит чукотская пословица. Особенно оленные чукчи достигли в этом большого совершенства, причем еда у них сопровождается звуками, напоминающими рычание голодной собаки. Один из молодых пастухов, встретившихся мне на реке Анюе, настолько преуспел в этом отношении, что мог обдирать зубами мясо с целого сустава, сначала с одной стороны, потом с другой стороны: *"как волк"*, — замечали шутливо его товарищи».

Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»

3 декабря. Билибино

Дорогой Наиль!

Как и обещал, пишу с Чукотки, из районного центра Билибино. Акклиматизировался, можно сказать, привык. Все здесь тихо, спокойно и неторопливо. Нет сутолоки, беготни, вообще не наблюдаю резких движений и сам их избегаю. Впечатлений много. Особенно от природы, которая не стесняется себя показать.

Вчера увидел, как в Дом культуры сходятся старушки-чукчанки. Прошел за ними. Оказалось, они устроили нечто вроде посиделок. В одном из залов расставили столы, стулья, пьют чай с конфетами, разговаривают. И не только старушки. Здесь и средний возраст, и подростки, и почти грудные. Все пришедшие — человек семьдесят — жители Омолона, Анюйска, Илирнея, Островного и Кепервеема. Формальный повод собраться — празднование 69-й годовщины Чукотского округа. Организовать подобную встречу трудно. В Билибино коренных жителей не много, а чтобы привезти их из далеких сел никаких денег не хватит. Расстояния огромные. Пассажирский транспорт не курсирует. Только специальный. От Билибино до Островного шесть-семь часов езды по зимнику, а до Омолона или Анюйска добираются сутками. Но прибывших надо еще разместить, накормить; потом отправить обратно; словом, дело это неподъемное для хилых районных бюджетов. Жители поселков никак не могут добраться до районной больницы, а добравшись, остаются на два-три месяца, не имея возможности вернуться домой. В Доме культуры собрались как раз те, кто по каким-то причинам оказался в эти дни в Билибино.

Идея посиделок проста. Коренным жителям в городе пойти некуда. Вокруг, конечно, не враги, но чужие. Куда ни глянь — всюду мы со своими уставами и законами, а к ним добавь наши ужимки, ухватки и прочее, что мы и сами терпим с трудом. Чукчи и эвены, а именно эти народности самые многочисленные в районе, пребывают на положении бедных родственников, хотя живут у себя дома. Конечно же, им хочется побыть вместе, поговорить на родном языке, спеть свои песни, потанцевать. Многие уже десятки лет, как покинули тундру, и с тех пор не виделись с родственниками, друзьями. Здесь, например, встретились сёстры, которые расстались тридцать лет назад! Уже одно это — событие.

Среди участников вечера оказалась и моя новая знакомая — эвенка. Она работает смотрительницей в краеведческом музее. Надя пригласила меня за один из столов, и весь вечер я находился рядом с нею и её подругой Лидой, воспитательницей из детского сада в Анюйске. От них я узнал, что такие встречи проводятся по инициативе ЮНЕСКО, объявившей девяностые годы десятилетием малочисленных народов. Надо же! Девяностые на исходе, а я впервые об этом слышу. Мы пока народ немалочисленный, и не каждый у нас знает о существовании самого ЮНЕСКО.

Во всяком случае, необходимость подобных встреч назрела и без посторонней инициативы. Конкурсы, самодеятельные концерты и игры, сопровождаемые чаепитием. Приглашали всех желающих. Ограничения были лишь в деньгах. Районная администрация выделила полторы тысячи. Если разделить на семьдесят и сопоставить с ценами, получится сумма мизерная. Но и этому люди рады, а скромное угощение принимали с благодарностью. Когда такие посиделки устраивают в национальных селах, денег выделяют ещё меньше. Триста рублей на мероприятие. Хотя там собираются по сто и более жителей. Как обходятся? На эти деньги покупают муку и пекут пироги. Главное — побыть вместе.

Мне казалось, что все собравшиеся, кроме моих собеседниц, чукчи. Но здесь были и эвены, которых не надо путать с эвенками...

Ты, конечно, слышал анекдоты про чукчу. Откуда они пошли, не знаю, но, вероятно, анекдоты эти призваны высветить наш интеллект. Для русских чукча не национальность, а обобщенный образ. Эвены, эскимосы, юкагиры, ненцы, нанайцы, якуты, коряки, ханты и манси — все для нас чукчи, равно как и народы, живущие гораздо южнее, вплоть до монголов и даже включая их. Здесь главное, чтобы в наличии были чум, яранга или юрта, узкие глаза да широкие скулы, — вот тебе и чукча. То же, что и «лицо кавказской национальности». Так что мы относим это понятие к народам Севера вообще, не имея в виду чукотских чукчей. Тем не менее анекдоты эти высвечивают не интеллект, а наше скудоумие и высокомерие, свойственные народу, только-только переставшему считаться первобытным. Вот, кстати, анекдот:

«У самолета, летевшего над Чукоткой, отказали двигатели. К счастью, летчики сумели спланировать прямо в тундру, и пассажиры были вынуждены пробираться по сугробам к какому-нибудь жилью. Обессилевшие, замерзшие и голодные, они кричали: "Ау-у-у! Лю-ю-ди! Помогите!" На что выглянувший из-за редких кустов чукча заметил: "Как Москва — так *чукчи*, а как тундра — так *люди*».

Но, кроме чукчей, на Чукотке живут эскимосы, коряки, юкагиры, чуванцы... Здесь, в Билибинском районе, в основном живут чукчи и эвены. Мне сказали, будто они принадлежат к разным расам. Вроде бы чукчи относятся к негроидной, а эвены к монголоидной. Не знаю: верить ли этому? Для меня они мало отличимы. Я считал, что все эти народы являются остатками Золотой Орды и потомками Чингисхана. Мне казалось, что сразу после Куликовской битвы они бежали на восток и в конце концов прижились в этих недоступных местах, где мы их сумели достать лишь спустя несколько столетий. Я мало задумывался над

тем, что наши («наши»!) северные территории были всегда заселены народами, со своей культурой, религией, богами и божками, со своими историями и традициями, что, покоряя Сибирь, в действительности Ермак покорял людей, которые жили там тысячи лет, не подозревая о нашем славном существовании.

Эвены — их раньше называли ламутами — происходят от тунгусских племен, вышедших из Китая. Часть эвенов и поныне проживает в Китае и Монголии. Этот кочевой народ испокон веков пас оленей, передвигаясь на огромные расстояния и преодолевая любые препятствия. Так предки эвенов добрались до Ледовитого океана. Они были невероятно мобильными из-за того, что их стада не были большими, и обладатели двухсот или трехсот оленей считались богачами, в то время как у чукчей или коряков стада были в десятки раз многочисленнее. Кроме того, эвенские олени намного крупнее тех, что пасут чукчи. На них эвены ездили верхом, в то время как олени чукчей немногим больше крупной собаки. При обмене за эвенского оленя чукчи давали двух своих. Не оттого ли эвены считают себя более цивилизованными? А может, потому, что эвены христиане, причем православные? С чукчами эвены чаще воевали, чем дружили. По словам Нади, виноваты эвены, которые были агрессивны и часто вытесняли чукчей. Оправдывались они тем, что их, в свою очередь, теснили якуты. На якутов тоже давило какое-то воинственное племя... Словом, во всем виноваты мы, русские, потому что прогнали с насиженных мест то племя, которое теснило якутов. Ну а с нами, как показывает история, можно все что угодно делать, даже завоевать (Наиль, ты здесь ни при чем!). Вот только прогнать нас еще никому не удавалось...

Когда я обратил внимание на внешнюю схожесть чукчей и эвенов, мои собеседницы удивились. По их мнению, эвены отличны не только от чукчей, но и между собой. Омолонский эвен отличен от анюйского, и оба — от илирнейского. «Мы идем по улице, — говорит Лида, — и сразу определяем, откуда эвен родом».

А мы, русские, сможем отличить валдайца от скобаря или уральца от курянина? Я не отважусь. А ты отличишь татарина из Бугульмы от татарина из Мензелинска?

Я спросил, действительно ли эвены выше чукчей в культурном развитии? Мои собеседницы рассмеялись. Никто не выше и не ниже. Оба народа — великие труженики и, чтобы выжить, всю жизнь занимаются оленеводством и охотой. У чукчей — яранга, у эвенов — чум или юрта; у чукчей одежда более строгая, приспособленная, практичная; у эвенов, особенно у женщин, она отличается художественным изыском: орнаментом из красных, черных и синих лоскутков, украшениями из разноцветного бисера, а также серебряными пластинками, бляшками, колокольчиками или монетами. Передники (или фартуки) эвенок — главная достопримечательность. Женщина, бывало, расшивала его всю жизнь, и такой передник — предмет особого внимания коллекционеров. Стоимость иного доходит до тысячи долларов и выше.

Я познакомился с чукчей, бывшим оленеводом, и эта встреча произвела на меня гнетущее впечатление. Представляешь, он не помнит, когда в последний раз ел куриные яйца! Я рассказал об этом Наде и Лиде, но они не удивились. Говорят, и не такое возможно.

Лида рассказала об Анюйском совхозе, который преобразовали в фермерское хозяйство, никого о том не спросив. Оленеводы работали-работали, вдруг им сообщили, что отныне они трудятся на ферме. Руководство оставили за собой, а ответственность за стадо переложили на оленеводов. Хотя знают, что поодиночке пастухам не выжить. Теперь, когда фермерские хозяйства развалились, олени исчезли, а пастухи покинули тундру, начальство спохватилось. Решили вновь всех согнать в совхоз. Только уже некого согнать и нечего пасти. Осталось не более тысячи оленей. Это ничто. А оставшиеся оленеводы по пять лет не видят ни денег, ни даже хлеба.

Сама Лида получает тысячу рублей в месяц и тем спасается. А многие живут лишь на пособие, которое, впрочем, уже год

не выплачивают. Она говорит, что и рыбы в реках не стало. Вроде бы она поднялась в верховье и больше не спускается. Возможно, ее переловили, а может, отравили. На вопрос: «Как люди живут?» — эвенка отвечает известной формулой: «Хочешь жить — умей вертеться». Маленькая, щупленькая, по-детски наивная, и вдруг — эта поговорка, скорее советская, чем русская.

Знает ли начальство о столь бедственном положении?

Собеседницы убеждены, что все от него и исходит. Они стали рассказывать о каких-то средствах, выделяемых государством на развитие оленеводства и на поддержание жизни в национальных селах, о том, что деньги эти разворовываются, что начальство за их счет обогащается, и от этого у всех ностальгия по советским временам, когда в оленеводстве был порядок, а у населения достаток. Сейчас эвены и чукчи беззащитны и бессильны. Надя и Лида считают, что они вымирают. Возросли заболевания туберкулезом, который уже вроде бы победили. И русские, не успевшие выехать, тоже заболевают. Здоровых детей почти нет. Лида говорит, что они приходят в садик и первое время не могут ничего есть, кроме хлеба. Дали как-то на праздник яички, а дети спрашивают: «Что это за мячики?» Слава Богу, в садике налажено питание, в том числе и молочными продуктами. Разумеется, из сухого молока. Кроме того, есть сухие овощи. Стараются, как может, сельская администрация.

Но почему же оленеводы не возмущаются, почему не стоят за себя?

Надя отвечает, что оленеводы — трудяги и вообще не склонны к пустым разговорам. По её словам, на Чукотке нужны не только оленеводы, охотники и рыбаки. Нужны свои шофера, авиаторы, шахтеры, строители, врачи, учителя — словом, специалисты, владеющие всеми необходимыми профессиями, чтобы не возить их с материка за большие деньги. Чукча или эвен не станет тащить за собой контейнер. «Нам не нужны на материке дома или квартиры, — говорит Надя. — Мы уезжать не собираемся. Здесь наш дом, наша родина, наши предки, наши семьи, и,

даже если с голоду будем помирать, не уедем. Нам только надо помочь обрести профессии. Оленевод уходит из тундры и куда идет? Кочегаром в лучшем случае. Потом спивается и гибнет. Они ведь не знают, как жить без тундры».

Надежда рассказала, что некоторые эвены и чукчи обзавелись огородами и даже смогли вырастить капусту. Невероятно, но наше государство и не на такое сподвигнет, у нас и «на Марсе будут яблони цвести».

Мы заманили сюда врачей, учителей, шоферов, летчиков, шахтеров, а коренные жители как были, так и остались оленеводами, охотниками и рыбаками. Большинство приезжих Чукотку покинули, и оказалось, что эта земля, кроме северных народов, никому не нужна. Мы ведем себя здесь как временщики, а от временщиков какой прок?

Случается, что временщики, прожив на Чукотке и уехав на материк, пишут затем слезные письма. Надя говорит, что её друзья – русские – нигде не могут прижиться. И дома есть, и садовые участки, и машины, а жить не могут. Жалуются на то, что «люди какие-то не те».

Я здесь чувствую себя спокойно, безопасно. Честно говоря, устал от того, что человек человеку волк, что столица — город мертвых душ. Но для моих собеседниц Билибино в сравнении с Анюйском – что для меня Москва. В далеких поселках отношения между людьми лучше и чище.

Пока мы разговаривали, участники вечера пили чай, плясали, пели. Организаторы устроили викторину наподобие «Поля чудес», но главное, все — от стариков до самых маленьких — веселились. Они, включая летчика-подполковника, словно дети, радовались тому, что я их фотографирую, послушно выстраивались для снимка и особенно хотели, чтобы я запечатлел детвору. А как прихорашивались старушки, каждая из которых — настоящий клад! С ними можно разговаривать бесконечно. Они прожили жизнь в тундре, рожали и воспитывали детей, пасли оленей вместе с отцами, мужьями и братьями, каждая — мастерица по ши-

тью и рукоделию, ас в приготовлении пищи, искусный целитель и учитель, знаток древних преданий, обычаев, устоев, традиций. Женщина в тундре — особая тема...

Надя договорилась о моей встрече с пожилой чукчанкой. Говорит, она личность легендарная. Ей больше восьмидесяти, и почти всю жизнь прожила в тундре. К тому же у нее муж — русский. Она родила от него восьмерых детей!

...Там же была и эвеночка, лет пятнадцати... С такой пройдешь по Москве — все будут оглядываться. Да и по Казани, которая щедра на экзотику, я бы с нею прогулялся: от Университета до Кремля. Белый Кремль на фоне синего неба всегда меня восхищал.

P.S. Продолжаю письмо и для этого даже вскрыл конверт.

На следующий день ко мне зашли Надя с Лидой и принесли небольшую турочку. Слушая их рассказы о жизни в тундре, я пожаловался на то, что мне, несчастному, не в чем варить кофе, а они не пропустили мимо ушей...

Поскольку Надя родом из Анюйска и всех там знает, я взял телефонный справочник района за 1983 год и попросил назвать, кого из абонентов уже нет в Анюйске. Она без труда это сделала. Я отмечал, а Надя, глядя на список, ровным голосом произносила: «Этого нет... Этого нет... Этого нет...» Из ста четырнадцати абонентов остались лишь двадцать семь! Почти ничего не сохранилось и от солидной инфраструктуры поселка, который до появления Билибино был районным центром, а сам район назывался Восточно-Тундровским.

УСТРОЙСТВО ЭВЕНСКОЙ ЮРТЫ

«Мужчины приносили четыре длинные жерди, ставили их наклонно, чтобы они сходились между со-

бой вершинами. Получался остов юрты (халкамча). К двум опорным жердям остова над местом очага (в центре жилища) на определенной высоте горизонтально привязывали небольшую жердь (екэтэн) для подвешивания котла, чайника. В основе юрты делалась загородь из вертикальных палок (чора) одинаковой длины. Каждые три палки связывались между собой ремешком, пропущенным в отверстия на концах палок. Две из них свободными концами упирались в землю в виде треугольника, третья накладывалась поперечно на следующие две палки. Таким образом ряд острых треугольников, стоящих друг от друга на некотором расстоянии, составлял каркас стены. Таких треугольников ставили столько, сколько нужно для предполагаемого размера юрты. К поперечным жердям прикрепляли длинные жерди (хяранг), концы которых сверху образовывали конус с дымовым отверстием. Летом остов юрты покрывали ровдугой, в три ряда, один над другим, зимой — шкурой оленя мехом внутрь.

Имелся специальный вход в юрту — дверь (уркэ), которая покрывалась ровдугой или шкурой. Иногда в юрте имелись два противоположных входа — это зависело от количества хозяек в данном жилище. При этом по полу прокладывались две тонкие жерди, которые отделяли одну семью от другой, а очаг от жилых мест, расположенных по бокам от него. Пол устилали мелкими ветками стланика или лиственницы, а поверх них настилали невыделанные шкуры оленя.

При вселении в юрту старались сохранить традиционный порядок в размещении вещей. Первый с левой стороны от входа угол, а иногда и правый, был занят кухонными предметами. Это хозяйственный угол. В нем располагали утварь: деревянный столик на низких

ножках, медные чайники и котлы, деревянные блюда и костяные ложки, ножи, железные крючки для вытаскивания мяса, деревянный футляр с чашками и другие предметы. Около постели (у женского угла) лежали сумки с рукодельными принадлежностями, скребки для выделки шкур и доска для кройки шкуры.

С правой стороны от двери находились выючные сумы (мунгэрэ) с одеждой и продуктами, охотничье снаряжение, а около стенок юрты клали свернутую постель из прямоугольных мешков, сшитых из шкуры оленя мехом внутрь, одеяла из шкуры медведя или зайца; устанавливали пологи из ровдуги, тут же ставили люльку.

К жердям стенок вешали самодельный календарь, иконку, сумку со стружками, заменявшими полотенце, сумки с мелкими рукодельными принадлежностями. Иногда сумы из камуса с продуктами и одеждой складывали на улице около юрты и покрывали их шкурами. Тут же у входа оставляли лыжи, оленью упряжь и другой инвентарь.

Каждый член семьи имел свое определенное место для сидения в жилище: женщина — около хозяйственного угла, мужчина — в передней части юрты, а гостям предлагались самые почетные места, обычно между хозяевами».

*Краеведческие записки. Выпуск IV.
Магадан, 1962, с.121-123*

СООБЩЕНИЕ О РАБОТЕ III СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СЕВЕРО-ЭВЕНСКОГО РАЙОНА

5 октября 1936 г.

На далеком Севере открылся III съезд Советов Северо-Эвенского района. За последние 2 года район добился крупных успехов в своей работе. Вымиравший при царизме народ при Советской власти зажил полной жизнью. Коренное население увеличилось на 4,9%. Оленье поголовье возросло на 1360 голов — 32%. План пушины в 1936 г. Выполнен на 120%, по пушнине — на 100%. Заработок колхозников поднялся до 9400 руб. В национальных центрах выстроены 3 хорошие школы, фельдшерский пункт и 27 жилых колхозных домов. На каждом пункте построены магазин, пекарня и баня. Колхозники освоили производство кирпича, финской стружки и овладели техникой строительства. Кочевое население переходит на оседлую жизнь. Дети школьного возраста все охвачены школой. Веселее и радостнее стали жить колхозники, окруженные повседневной заботой партии и правительства. Вот почему эвены, якуты и другие представители народов Севера, собравшись на съезд, пишут руководителям Дальнего Востока т.Лаврентьеву, Крутову: "Воодушевленные проектом новой Конституции, делегаты съезда Советов заверяют вас, что и в дальнейшем неустанно будут бороться с удвоенной силой за выполнение плана, а также за выполнение возложенных партией и правительством перед Дальстроем задач по освоению Колымского края.

Да здравствует Советский Союз!

Да здравствует Коммунистическая партия большевиков!»

«Красный маяк», 1936г., 5 октября

О Б Р А Щ Е Н И Е!

Мы, представители коренных народов Севера, проживающие в г.Билибино, с.Омолон, с.Кепервеем, с.Илирней, с.Островное, отделении Кайэттын, в преддверии выборов главы администрации нашего района пришли к выводу, что сегодня в России малочисленные коренные народы Севера находятся на грани крайней нищеты. Безработица захлестнула аборигенов, оленеводство по всему Северу в полном упадке. Медицинское обслуживание, образование доведены до минимального уровня. Национальная культура народов Севера не имеет государственной поддержки.

Эти беды всего российского народа коснулись особенно жителей нашего района, в том числе и тех, кто родился и вырос в нем...

«Золотая Чукотка», 10 декабря, 1999 г.

4 декабря. Билибино

Привет, Веро!

Уже неделя, как я на Чукотке.

Быт у меня вполне приличный, и ничего страшного, к чему меня готовили, здесь нет. Живу в двухкомнатной квартире, в которой все то же, что и дома. Имеется большая кровать и раздвижной диван, но я предпочитаю спальный мешок, чтобы хоть в чём-то было отличие от Москвы.

Здесь полярная ночь. Вместо обычного дня эти сумерки, которые длятся не больше двух часов. Затем снова темнеет. Красоту этих сумерек ни передать, ни пересказать. Ее надо видеть. Постоянная ночь, быть может, кого-то угнетает, но только не меня. Солнце — искуситель. Его лучи мешают, отвлекают, куда-то зовут, грозят лишить разума и делают безвольным. При солнечном свете трудно писать. Для работы нужны ночь, сумерки, мрачная погода. В этом смысле Севера нет ничего.

Считается, будто Пушкин любил осень и не жаловал весну. Я с этим не спорил, имея в виду его буквальные высказывания. Тем более что осень и сам люблю. Но со временем меня озадачила эта определенность. Как это Пушкин мог не любить весну? Как можно не любить время, пробуждающее чувства, эмоции, умножающее восприимчивость и чувственность? Как остаться равнодушным к тем дням, часам и минутам, когда готова раскрыться душа и мы становимся беззащитными перед тем, что находится за гранью разума и рациональности? В этот период все ищут друг друга и часто находят. Весна дарит если не счастье, то радость от новой встречи. Невольно, даже не замечая, мы движемся к ней, потому что и нас, еще ни о чем не подозревающих, тоже кто-то ищет. И если не осталось у нас надежды и мы простились с иллюзиями, очерствели и обессердечили, то кто-то,

быть может, еще не пропал и, нечаянно явившись, вдруг спасет нас!

Но что принесет с собой эта ожидаемая встреча? Не новую ли любовь и не еще ли одну надежду на то, что всё ещё называют «человеческим счастьем»? Скорее всего, новые страдания, душевное беспокойство с бессонными ночами и печальными, хмурыми днями...

*Весна, весна, пора любви,
Как тяжело мне твое явление,
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови...
Как чуждо сердцу наслажденье...
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье.*

*Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгий мрак ночей.*

Неправда, что Пушкин не любил весну. Он её ждал и... боялся. Страшился своих чувств, новых страданий и нового горя — неизменного спутника любви. И страх этот с годами только увеличивался, вместе с опасениями грядущей весны. Пушкин старался скрывать страх и этот безобидный набросок тщательно переработал, прежде чем включил в «Евгения Онегина». А последние две строки и вовсе убрал.

В этих дилеммах лучше других разобрался Пруст:

«Пожалуй, можно сказать, что произведения, подобно воде в артезианском колодце, поднимаются тем выше, чем глубже в сердце проникает страдание. [...] И все-таки, раз уж кто-то так нескладно устроен (похоже, природа отвела эту роль мужчине), что не может любить, не страдая,

и, чтобы познать истину, ему просто необходимо страдать, — жизнь такого человека в конце концов становится не-носной. Годы счастья — потерянные годы, для работы надо дожидаться страданий. Мысль о неизбежных страданиях неразрывно связана с мыслью о работе, и всякий раз мы не можем без страха думать о муках, которые придется вынести прежде, чем родится замысел нового произведения. А когда осознаешь, что страдание и есть лучшее, что предлагает нам жизнь, о смерти думаешь без ужаса, как об освобождении».

Был ли еще кто-то так «нескладно устроен», как наш Александр Сергеевич? И, зная о его страданиях, особенно в последние годы, представляя одиноким, мечущимся по заснеженному Петербургу или скитающим по слякотным дорогам России, о смерти его думаешь как об избавлении.

Быть может, на Крайний Север бежали от несчастья и от новых страданий? Здесь меньше соблазнов и не много искушений, а те, что случаются, легче преодолеть. И сам Пушкин незадолго до гибели не замыслил ли отправиться в эти края? Не потому ли перечитывал книгу о Камчатке и писал заметки о ней? В Париж и Европу было нельзя, так он думал об Азии... Во всяком случае, географическое название Анадырь упоминается у Пушкина 26 раз!

...Но я отвлекся.

О своем плане найти первого младенца двухтысячного года никому не говорю. Не знаю, как это будет воспринято. Как только освоился, пошел в роддом. Он находится при районной больнице. Мои вопросы к акушерке настолько её насторожили, что она третий день избегает встречи. После безуспешных попыток войти к ней в доверие я был вынужден искать понимание у главного врача. С неё-то и надо было начинать, не нарушая субординацию, которая в подобных учреждениях соблюдается свято.

Главврачом Билибинского района быть хлопотно, но красиво. Мимо сугробов и сосенок Ирина Александровна идет в роскошной шубе до пят, в богатой шапке, и только слышится отовсюду: «Здрaсте!.. Здрaсте!..» Судя по всему, в районной больнице демократия в легкой форме, в зародыше, и, надеюсь, не разовьется. Иначе нельзя. Сама Ирина Александровна выглядит безупречно, одета строго и со вкусом, ее кабинет оформлен в соответствии с хозяйкой, на стенах несколько живописных картин с видами Чукотки, а в приемной сидит такая секретарша, что, если

главврач долго не принимает, — грех роптать.

Ирина Александровна приняла меня, я открыл ей тайну приезда, и она мигом разобралась во всем, что мне нужно.

Как выяснилось, младенца давно ждут. Все знают, что Чукотка первой встречает Новый год, а значит, есть шанс, что именно здесь появится на свет первый человек грядущего века. И хотя Билибино находится вдали от Берингова пролива, часовой разницы нет, и, если здесь родится ребенок в первые минуты двухтысячного года, Билибино войдет в историю. Ожидания эти закреплены не только эмоциями и амбициями, но и специальным приказом губернатора. А что такое приказ российского губернатора, европейцам не понять. Этот приказ не обязательно выполнять, но не чтить его, не вывешивать на стенды и не руководствоваться им (поймешь ли значение этого слова?) — нельзя.

Я попросил Ирину Александровну показать этот исторический документ. Главный врач вызвала секретаршу, и та спустя несколько минут принесла его копию, которую я прилагаю к письму. Отнеси его в Лувр.

Между тем Ирина Александровна пригласила двух акушеров — опытную, с тридцатипятилетним стажем, Галину Алексеевну (которая избегала встречи со мной) и совсем молоденькую Светлану, а также врача-педиатра Юрия Корнеевича. Получив высокий статус, я мог расспрашивать врачей о чем угодно. Вот что я выяснил.

Насчет первого ребенка (его здесь называют «Младенец-2000») акушеры осведомлены и не удивятся, если он появится на свет при их участии. Сейчас в больнице три роженицы, которые могут родить под Новый год. Но сказать, что в ночь на первое января это действительно произойдет, врачи не возьмутся. Сроки, в которые ребенок может появиться на свет, — от 38 до 42 недель. Они знают о приказе губернатора, но и без этого фиксируется точное время рождения каждого ребенка. Если это случится в ноль часов тридцать семь минут — в журнале так и отметят. Роды принимают акушер-гинеколог совместно с врачом-педиатром. Но еще задолго до этого педиатр и терапевт организуют охрану будущего ребенка: осматривают роженицу, изучают ее состояние — словом, доводят до родов. А после родов долго ухаживают за матерью и ребенком.

Обращаясь к опытной Галине Алексеевне, я спросил, не может ли ребенок родиться в отдаленной тундре, без ведома врачей, не замеченный никем, так что мы не узнаем точного времени его появления на свет.

Галина Алексеевна сказала, что такое, к сожалению, случиться может. Некоторые женщины работают в оленеводческих бригадах — готовят еду, кормят, шьют, убирают, рожают, воспитывают детей, ведут хозяйство, никуда из тундры не выезжают, и поэтому врачи не всегда могут знать, есть ли среди них беременные. Врачам лишь могут сообщить по рации, что где-то на берегах Анюя или Омолона родился ребенок. После этого они вылетают в тундру, забирают мать вместе с новорожденным, привозят в районную больницу, осматривают и, если надо, лечат. Время появления на свет такого ребенка точно никто не фиксирует, а о приказе губернатора в оленеводческих бригадах вряд ли осведомлены.

Итак, есть вероятность, что первый младенец родится и о том никто не узнает. Мы узнаем лишь о том ребенке, которого с точностью зафиксируем. И чествовать будем его, в то время как

настоящий первенец века будет беззаботно спать в яранге, укутанный в пыжиковые шкуры, не подозревая, кто он.

Мне казалось, чем глуше местность, тем вероятнее родиться незамеченным. Но все наоборот. Чем крупнее город, тем больше неучтенных детей. Здесь врачи бегают за каждой беременной, буквально выцарапывая их из поселков. За ними посылают дорогостоящий вертолет, ради них вылетают врачи, привозят в районную больницу, где благополучно доводят до родов. Это объясняется тем, что врачам строго наказано следить за численностью коренного населения. Существует приказ, давно изданный, но не отмененный, по которому беременную чукчанку или эвенку обязаны госпитализировать, обследовать и подлечить. Как выражается Юрий Корнеевич: «Коренная женщина должна идти в роды оздоровленной».

Как правило, женщины, работающие в тундре, не становятся на учет и от обследования отказываются. Не каждая соглашается оставить хозяйство и детей на длительное время, тем более если муж — оленевод и почти всегда в отлучке. Кроме того, женщины нередко пьют, и случалось, ребенка буквально спасали от матери. Всякое бывало... Однажды сообщили по рации, что в тундре у роженицы начались судорожные припадки. Срочно организовали вертолет. Ирина Александровна и Светлана вылетели в Омолон — это как от Москвы до Нижнего Новгорода. Когда прилетели, женщина была уже без сознания. Ее доставили в Библино. Прооперировали. У нее не сокращалась матка, не сворачивалась кровь... Женщину спасли, и, к счастью, остался жив ребенок! Галина Алексеевна до сих пор удивляется, как не отслоилось «детское место». (Во Франции и России по-всякому зачинают и по-разному рожают, но плод вынашивают в одном и том же «детском месте».) И это лишь один случай, когда спасли мать и ребенка, а таких примеров множество. Их подлечивают, сажают на вертолет и отправляют обратно в тундру. Обычно у этих рожениц нет ни одеяла, ни пеленок — нет ничего, во что можно за-

вернуть ребенка. Все это им выдается за счет больницы или из того, что приносят билибинцы.

Сейчас коренное население рождает больше, чем приезжие. Точнее, приезжие стали рождать меньше. Это происходит по разным причинам, из которых холод — не главная. По словам Юрия Корнеевича, здесь малый процент кислорода. Влияет и северное сияние, безобидное, на первый взгляд, но от которого многим становится дурно. Вдобавок в это время не работает связь, плохо показывает телевизор и не ловятся радиоволны. Часто болит голова от перепадов давления и от резкого колебания температур. Сказывается на здоровье плохое питание, отсутствие витаминов, фруктов и овощей.

Но меня все-таки больше интересовало: возможны ли в тундре роды, о которых вовремя не узнают врачи? Ведь тогда они не смогут установить точное время появления ребенка. Судя по всему, такое возможно, и опытная акушерка это подтвердила. Однако затем врачи стали утверждать, что подобные роды сейчас исключены. В каждой бригаде имеется рация, по которой оленеводы даже из самых отдаленных кочевий могут связаться с районом, и, случись что, тем более роды, уже через полчаса врачи об этом узнают, и в тундру вылетит вертолет.

«А если нет топлива?» — спрашиваю.

«Такого не бывает!» — отвечают дружно.

«А если непогода?»

Но врачи утверждают, что нелетной погоды для санавиации нет. Если жизнь в опасности — выполняется спецрейс «двадцать-один». Это значит, летчики подбираются самые опытные, способные вылететь в любую погоду.

Я засомневался: не случится ли подтасовка в связи с приказом губернатора? Не припишут ли акушеры первенство «своему» ребенку?

Мои собеседники ответили, что подобное исключено.

Мы условились поддерживать связь, и, если в Билибино родится ребенок в течение первого часа после Нового года, они

мне подробно обо всем расскажут по телефону. Вернуться сюда я вряд ли смогу.

Так обстоят мои дела, и о том, как они будут развиваться, — напишу.

Администрация Чукотского автономного округа
Департамент здравоохранения автономного округа

П Р И К А З

от 30 сент. 1999 г.

г.Анадырь

№133

*О рождении ребенка 2000 года
в Чукотском автономном округе.*

В соответствии с распоряжением Губернатора Чукотского автономного округа от 16.02.99 №35-РЗ «О мероприятиях начала третьего тысячелетия»

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Главным врачам Чукотской окружной больницы (Уманов В.М.), Анадырской муниципальной поликлиники (Фомина Н.Г.) и районов:

1.1. Установить количество беременных женщин, состоящих на учете в женских консультациях и ожидающих ориентировочно рождение ребенка 1 января 2000 года.

1.2. При рождении доношенного ребенка установить точное время в часах, минутах, секундах на 1 января 2000 года и представить информацию в Департамент здравоохранения ЧАО и Администрацию округа немедленно (тел. дом. Маркив В.М. -

2-20-33; Петренко Э.П. — 2-45-93; тел. деж. Администрации — 2-43-34).

1.3. Руководствоваться информационным письмом Управления охраны здоровья матери и ребенка Минздрава России от 17.06.99 г. N2510/6690-99-32 «О стандарте нормальных родов».

По определению ВОЗ, «нормальные роды» — это спонтанные роды при сроке беременности 37-42 недели в головном предлежании с низким риском начала и течения всего родового процесса. После родов мать и ребенок находятся в хорошем состоянии:

— для матери этот период завершается благополучным отделением плаценты и хорошим состоянием в течение 2-х часов после родов;

— для ребенка этот период завершается первичной обработкой и передачей его под наблюдение неонатолога или детской медицинской сестры. Оценка по шкале Апгар на 1-й и 5-й минутах должна соответствовать 7 баллам и более.

1.4. При определении критериев доношенности руководствоваться приказом МЗ РФ - постановлением ГК РФ по статистике от 04.12.92 г. N318/190 «О переходе на рекомендованные ВОЗ критерии живорождения и мертворождения».

1.5. При подаче информации в Департамент здравоохранения ЧАО о рождении ребенка указать:

1.5.1. Фамилию, имя, отчество, паспортный возраст матери, отца.

1.5.2. Место жительства родителей с указанием сведений о прописке в Чукотском автономном округе.

1.5.3. Пол ребенка, точное время рождения, вес, рост.

1.6. Выслать историю родов в Департамент здравоохранения ЧАО до 04.01.2000 г.

1.7. Ответственными за подачу своевременной и достоверной информации о рождении ребенка 2000 г. Назначить главных врачей и неонатологов больниц.

2. Заместителю начальника Департамента (Маркив В.М.) установить дежурство по Департаменту на 01.01.2000 г. для получения информации о рождении ребенка 2000 г.

3. Провести с 6.01.2000 г. заседание комиссии под моим руководством для обработки поступившей в ДЗО ЧАО информации о рождении ребенка 2000 г.

В состав комиссии включить: заместителя начальника (Маркив В.М.); главного эксперта-врача (Петренко Э.П.) и главного специалиста Департамента (Котыт Э.В.).

4. Контроль за выполнением настоящего приказа оставляю за собой.

*И.о. начальника Департамента
здравоохранения Г.Ю.Гудимов*

ВСЕ МЫ НАЧИНАЕМ С КОЛЫБЕЛИ

Колыбель эвенков — по-эвенски «бэбэ» — предмет, имеющий длительную историю. Модель такой колыбели, найденной археологами на Амуре, — свидетельство того, что тунгусские племена, предки эвенков и эвенков, заселили бассейн Амура уже около 2000 лет назад. Основа колыбели — два деревянных короба, выгнутых из досок и скрепленных под углом друг к другу. Деревянная конструкция покрыта чехлом из ровдуги — оленьей замши. В такой колыбели ребенку тепло и уютно в любую погоду, колыбель очень удобна при перекочевках на оленях. Такая эвенская колыбель, изготовленная около 100 лет назад, хранится в фондах Магаданского краеведче-

ского музея. Нет-нет да и удастся увидеть такие же в оленеводческих бригадах или в поселке, но очень редко. И вот в Анюйске, когда я был в гостях у Марии Филипповны Поповой, хозяйка показала мне настоящую эвенскую колыбель. К верхней части колыбели подвешена горизонтально палочка, отделанная узором из литого олова — точно так раньше эвены отделяли рукоятки ножей.

«Это игрушка для ребенка», — объяснили мне. — Такая есть у каждой колыбели-бэбэ...»

*А.Бурыкин. «Советская Чукотка».
№№118-119, 29 мая, 1993 г.*

5 декабря. Билибино

Привет, Веро!

Надеясь на Божию помощь, я предусматриваю и «страховочные» варианты. На то, чтобы искать младенца в Магадане или на Камчатке, не хватит ни сил, ни времени, ни денег. Поэтому я стараюсь разузнать, могут ли произойти роды в тундре. В этом случае я обойдусь без помощи чукотских мамаш и «рожу» ребенка в своем воображении...

Сегодня долго разговаривал с врачом — Валерием Михайловичем. Мы познакомились в библиотеке, но затем случайно встретились у дома, и он пригласил меня в гости. Живет Валерий Михайлович один в трехкомнатной квартире, которая больше походит на мастерскую художника. Стены увешаны картинами, в основном летними пейзажами Чукотки. (Скорее всего, именно его работы я видел в кабинете главного врача.) Развешены чучела птиц и животных, по углам расставлены извилистые коряги, корни и пеньки, в которых можно опознать лешего, Бабу-ягу и шамана. Много поделок из костей китового позвоночника, симметричность которых позволяет разгуляться воображению. Повсюду домашние растения и камни, которые за многие годы насобирал Валерий Михайлович. Поскольку большую часть жизни он проработал врачом, я надеялся разузнать о родах в тундре. В свои замыслы я Валерия Михайловича не посвящал, но он и без этого начал рассказывать о здравоохранении.

На Чукотке, которая ещё недавно входила в состав Магаданской области, ситуация с туберкулезом была чудовищной. Страдало в основном коренное население, образ жизни которого способствовал его распространению. В яранге живут нос к носу:

заболел один — сразу болеет вся семья. Туберкулез распространяется быстро, а лечить его трудно. В начале шестидесятых, когда Валерий Михайлович только приехал на Чукотку, заболеваемость была в десятки, в сотни раз выше, чем в центральных районах. Именно тогда появилась противотуберкулезная служба. Были созданы диспансеры и организованы медицинские отряды, которые ездили в тундру к оленеводам, проверяли их и, если обнаруживали больных, вывозили их в центральные усадьбы, где были развернуты медицинские пункты. (Усадьба — это нечто вроде метрополии, от которой работают кочующие по тундре оленеводы.) Затем больных доставляли в район, обследовали, лечили, а при необходимости отправляли в Магадан или даже в Москву. Врачи, в числе которых был и Валерий Михайлович, ездили по селам и бригадам, выявляли больных, лечили. Не было уголка, где бы не провели рентгеносмотр. За сорок лет Валерий Михайлович изъездил весь район. Было вложено столько сил и средств, что туберкулез заглушили, задавили, и решающую роль сыграли антитуберкулезные прививки детям, среди которых заболеваемость была поголовной, и они часто умирали.

За последние три десятилетия произошла смена поколений. Старики отошли в иной мир. Большинство больных вылечили, и в конце концов результаты на Чукотке стали даже лучше, чем в остальной России. В 1997 году в районе не было выявлено ни одного больного: ни среди коренного населения, ни среди приезжих. В 1998 году туберкулезом заболел всего один человек. Но главное: за последние семь лет этой болезнью не отмечен ни один ребенок! Об этом Валерий Михайлович говорил с гордостью, добавив, что по всему евро-азиатскому континенту заболеваемость туберкулезом была меньшей только в княжестве Монако...

Все-таки удивительная у нас страна! Сколько хлопот, средств, какие задействованы ресурсы, сколько кадров (и каких!) было привлечено к лечению оленеводов и охотников в далекой Магаданской области, в недоступной чукотской тундре! Вместе с тем на то, чтобы уничтожить и подавлять, запрещать и высы-

лать в тот же Магаданский край, — работали тысячи и десятки тысяч граждан в погонах, классных специалистов в штатском и тратились огромные деньги...

Я все ждал, когда Валерий Михайлович расскажет о рождаемости, а он стал вспоминать коллег. Упомянул Бориса Потаповича Бутенко из Чаунского района, отдавшего всю жизнь борьбе с туберкулезом; вспомнил Юрия Владимировича Булгакова, начальника медотряда в Билибинском районе, затем ставшего главным врачом Чукотского района, потом главным окружным врачом в Анадыре; рассказал об Александре Григорьевиче Вольфсоне, работавшем в свое время в Омолоне. Вольфсон ездил по самым отдаленным уголкам тундры, в любую погоду, не щадил сил, выявляя туберкулез. Затем он возглавлял лабораторию биологических проблем в Анадыре. Там же и умер... Много среди врачей настоящих подвижников, для которых не было ничего важнее здоровья людей. А сколько было медработников среднего звена! Они приезжали на Чукотку, отработывали несколько лет и уезжали. Валерий Михайлович уверен, что работали они не ради денег, званий или наград. И не потому честно трудились, что дали клятву Гиппократу, и не из-за того, что были религиозны или набожны. Работали, потому что были честными и совестьными. Кто сегодня оценит их труд, измерит вклад, наконец, кто хотя бы вспомнит?

Валерий Михайлович поделился, что за всю жизнь не встречал работника более ответственного, добросовестного и бескорыстного, чем Мария Ивановна Кузишина. Никто лучше нее не знал, как лечить детей, и на всей Чукотке противотуберкулезную работу грамотнее, чем она, никто не вел. Даже профессора ей в этом уступят. Мария Ивановна тридцать четыре года проработала на золотопромышленном участке Алискерово и за эти годы сделала несколько тысяч антитуберкулезных прививок. Сколько детей могли заболеть, но были спасены! Сейчас они уже взрослые, крепкие и сильные, разбрелись по стране и миру. Вспоминают ли о Марии Ивановне? А какая польза стране!

Сколько золота добыла она тем, что спасала золотодобытчиков от верной гибели! А ведь она — всего-навсего скромная медсестра, всю жизнь проработавшая в глухом и далеком, ныне закрытом и безжизненном поселке. И... до сих пор работает. Теперь в Билибино. Зарплата её — неизвестно, чего больше: смешная или позорная? Треть прожиточного минимума! Так ведь и этот мизер не выплачивают вовремя. Мария Ивановна ходит в магазин лишь за хлебом, потому что на остальные продукты этот великий врач, спаситель и охранитель Севера может только смотреть через стекло витрины...

...Мы справедливо чтим мертвых, тех, кто ценою собственной жизни спас, уберег, защитил. Возлагая цветы на могилы, стоим в безмолвии, склонив голову, или произносим слова благодарности, обращенные к праху. Что же мы не чтим тех, кто, отдав нам жизнь, все еще остается среди нас? Неужели такой подвиг менее значителен и не достоин нашего преклонения и благодарности? Почему, прежде чем произнести «Совершилось!», нужно взойти на Голгофу?..

Валерий Михайлович говорит без злобы и без тени претензий. Лишь горький укор слышится в его тихом голосе. Он вспоминает, что на каждом участке трудились и продолжают трудиться такие же скромные женщины. Закрыли поселок Встречный, а там много лет проработала великолепный работник Мадина Газзова. В Анюйске — Марина Мыщик, в Мандриково — Любовь Алексеевна Колпикова. Сейчас они уходят. Кто на пенсию, кто — из жизни. Уходят молча, с поникшей головой. Проработав всю жизнь и отдав её без остатка, сами остались ни с чем.

Валерий Михайлович называет мне, заезжему, незнакомому человеку, дорогие для себя имена. Но что я могу сделать, чем помочь? Неужели и во Франции так? Есть ли еще народ, который оставил своих стариков один на один с бедой и упреком: «Это вы нас такими воспитали»?

Как только Валерий Михайлович заговорил о детях, я спросил: может ли в тундре родиться ребенок и чтобы никто об этом не узнал?

Он ответил, что непосредственного участия в родах не принимал, но, бывало, спасал женщин от послеродового кровотечения и последствий криминальных аборт, когда аборт делали не врачи, а какие-то доброхоты, прямо в тундре. Были случаи, закончившиеся трагически. Сейчас женщин в тундре не много, а те, что там живут, состоят на учете. Рожать их вывозят в район. В особых случаях они могут родить в сельской больнице, но это бывает редко. По словам Валерия Михайловича, коренные женщины уже приучены рожать в родильных домах, и он не припомнит случая, чтобы чукчанка родила в тундре.

Я спрашивал: можно ли вообще здесь жить? Многие жалуются на климат, на нехватку кислорода, хотя мне здесь дышится легко. Говорят также о воздействии электромагнитных бурь, но у меня и намека нет на головную боль. Зимой и весной москвичи беспрестанно болеют гриппом, а я пребываю в Билибино уже вторую неделю и ни разу не чихнул. Нет ли надуманного в этих жалобах? Люди в стремлении уехать ищут оправдательные мотивы, и «климатический» не на последнем месте. То, что здесь холодно, — факт. Что цены высокие — тоже. Но опаснее всего «неподходящий климат». Тут уже ничего не поделаешь: надо уезжать.

Но Валерий Михайлович, прожив на Чукотке жизнь, считает рассуждения о плохом климате бредом. Он убежден, что воздух здесь во много раз чище, чем в Москве, Санкт-Петербурге или даже в Ялте. Если на какую-то сотую долю процента кислорода меньше, то организм приспособливается, и мы этого не замечаем. Но здесь кислорода как раз-таки в десятки раз больше, чем в центральных районах России, а Билибино — вообще оазис воздуха. В окрестностях нет ни одной трубы, ни одной газовой плиты, почти нет автотранспорта.

Я пожаловался на то, что постоянно хочу спать. Не объясняется ли это нехваткой кислорода?

Но Валерий Михайлович ответил, что спать хочется от его избытка. От нехватки не заснешь. Атомная станция избавляет библинцев от угольной копоти, свойственной северным поселкам. Нередко сюда приезжают с астмой и бронхитом, но, немного пожив, излечиваются и затем дышат легко. Здесь также нет аллергических растений, от которых многие мучаются. Валерий Михайлович привел в пример якутов, которые наряду с абхазами считаются долгожителями. Но если в Абхазии воздух, солнце, горы, чистая вода, то что же в Якутии? Полюс холода, а якуты — долгожители! Это значит, что холод не является помехой для жизни. Напротив, организму холод полезен. Мы закаляемся, всегда пребываем в тонусе. В центральных районах порой не определишь: зима ли на дворе? В троллейбусах, трамваях и метро — жарко. Вышел на воздух — сырость. Готово! Человек заболел. А здесь сухой мороз, который выполняет роль стерилизатора. Палочки и микробы погибают. То же происходит и летом, когда круглые сутки светит солнце, дезинфицируя почву и воздух. Если инфекцию не завозить — на Чукотке вообще болезней не будет.

Но тогда почему коренные жители Чукотки живут недолго в сравнении с якутами?

Валерий Михайлович считает, что все дело в питании. У якутов в рационе полный набор аминокислот, белков и всего прочего. Они переняли кухню у русских, казахов, бурятов. Из мяса у них идет в пищу олень, сохатый, свинина, говядина, конечно, конина, которую якуты ели всегда. Если дичь, то глухари, куропатки, утки, куры, которых они держат в домашних хозяйствах. А сколько видов рыбы у них водится! Хатыс (сибирский осетр), чир, омуль, муксун, нельма, хариус, таймень, пелядь... А что только они не делают из молока! Это когда-то якуты пили лишь кумыс. Теперь у них и творог, и масло, и сметана, и разные сыры. К тому же они научились готовить варенье из ягод, которых великое множество. Якуты приспособились даже выращивать

капусту, картошку и морковь. Так что у них полный набор витаминов. А чукчи или эвены едят лишь оленину и хлеб. Изредка рыбу. Больше ничего в рационе нет. Оленина — хорошее мясо, легко усвояемое, диетическое, вкусное, но бедное. Когда употребляешь только его, организм испытывает витаминное голодание. Ведь сам олень питается лишь ягелем.

Раньше на Чукотку чего только не завозили! Потом ограничились завозом алкоголя и табака. А ведь труд оленевода — изнурительный, каторжный. Это круглогодичное, круглосуточное дежурство возле стада. Оленеводы иной раз и не спят. За сутки чаю попьют — и то хорошо. Они и мерзнут, и промокают, а однообразное питание не восстанавливает организм. Оттого и стареют рано. Русские в деревнях тоже сейчас живут недолго. Особенно мужчины.

Валерий Михайлович к Чукотке прирос и в другом месте свою жизнь не представляет. Его картины, поделки, камни — часть тундры, которую он любит и с которой не расстанется даже в квартире. Кроме прочего, он ведет кружок детского рисунка и придает этой деятельности значение не меньшее, чем основной профессии. Его жизнь трудна, но небесплодна. Он не страдает психологией временщика, этим опасным заболеванием. Опасным, потому что временщик грезит о будущей жизни, относясь к текущей как к прологу. Но время бежит, и вскоре оказывается, что этот растянувшийся пролог и был настоящей жизнью, а ожидаемая «настоящая» — всего лишь эпилог, часто бесплодный, ничемный и незавидный.

Валерий Михайлович и многие его коллеги здесь действительно жили. Они не заглядывались на календари, не сидели на чемоданах, а самозабвенно трудились. И продолжают трудиться. Оттого нет в них горького чувства от бесплодного существования. Их жизнь продолжается, и это лучшее доказательство того, что на Чукотке она возможна. Не борьба за выживание, а сама жизнь: полноценная, насыщенная, интересная, переполненная чувствами и порывами, какую и в Париже не всякий устроит.

На этом заканчиваю. На днях должен встретиться с пожилой чукчанкой. Вот кто мне обо всем расскажет!

*Из книги П.Зайдфудима и Ю.Мизуна
«Российский Север. Проблемы развития». М., 1998.*

«Насколько успешно протекает процесс адаптации к неадекватным условиям среды, зависит не только от степени неадекватности условий среды и от исходного состояния здоровья адаптанта, но и от конституционно-генетического типа данного человека. Известно, что существуют различные темпераменты людей, различные типы высшей нервной деятельности. ...Эти типы, видимо, выработались в процессе эволюции в связи с тем, что условия внешней среды изменялись по-разному. Если условия внешней среды изменяются очень сильно и быстро, то биосистема (человек) для того, чтобы выжить в этих условиях, должна обладать высоким запасом прочности. В таких условиях формировался один конституционно-генетический тип, который В.П.Казначеев назвал "спринтерским". Если же условия внешней среды являются неадекватными, но они не меняются по существу длительное время, то биосистема (человек) должны иметь возможность длительное время (годы) в условиях напряжения поддерживать необходимые механизмы приспособления к этим условиям с тем, чтобы функционировать, по возможности, оптимально. Таких людей В.П.Казначеев назвал термином "стайер". Несомненно, имеются и другие типы, которые можно чисто условно назвать "смешанными". Для того чтобы успешно приспособиться, адаптироваться к условиям Крайнего Севера, которые будут в течение многих лет оставаться неадекватными, экстремаль-

ными, биосистема (человек) должна обладать свойствами "стайера". В.И.Хуснуллин склонен считать, что этими приспособляющимися к неадекватным условиям людьми являются те, у кого хорошо развито левое полушарие головного мозга (левши). Он настойчиво рекомендует развивать правое полушарие мозга, что позволило бы успешно адаптироваться к изменчивости погодных условий и условий внешней среды».

УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

«Непосредственно перед окончанием не столь удачного, если не катастрофического, 1998 года "Коммерсантъ" опросил "свой ряд" на предмет встречи Нового года. Вот один из "рядовых" ответов:

"Новый год я обычно встречаю с семьей и друзьями за пределами России. Вот и в этом году большая компания моих друзей с детьми отправится туда, где солнце, море и тепло. Честно говоря, я еще не выбрала, наверное, это будут Канары, Эмираты или остров Святого Маврикия. Как всегда, это буду решать только в последний день. Я же — существо теплолюбивое — даже и не припомню, когда в последний раз встречала Новый год на родине".

Эти слова принадлежат не просто "новой русской" из анекдота, а известнейшему российскому политику, в недавнем прошлом депутату Госдумы, затем - полномочному министру. Короче, Ирине Хакамаде. Еще короче - "элите"..."»

«Золотая Чукотка», N26, 30 июля, 1999 г.

ЗАКЛИНАНИЕ ЛЕЧЕБНОЙ МАГИИ

(Из книги В.Г.Тана-Богораза "Чукчи".)

"Если я хочу вылечить человека от болезни, я превращаю его в землю, а сам превращаюсь в огромного медведя. Я сильный, я разрываю лапами землю и разбрасываю ее кругом. Потом кладу болезнь в дыру и снова крепко закрываю ее землей. Так я делаю человека здоровым."

*Сообщил шаман «Скребущая женщина»
в Мариинском посту. 1900 год.*

ВОПКАРЫННЫЧЕВАРОЙНЫН

(Большерогий олень)

Стихи М.Сыроватской. Музыка народная.
(Подвижно. Ритмично.)

*Вопкарыннычеваройнын
Нойвынтакэн эннойпы.
Лыгэн, лыгэн нылекин
Вопкарыннычеваро.
Хэй, хэй, хэй!
Хэй, хэй, хэй!*

*Гымнин вопкачеваройнын
Гымнан колё ейвэчу,
Колё, колё ейвэчу
Вопкарыннычеваро.
Хэй, хэй, хэй!
Хэй, хэй, хэй!*

*Мури вопкачеваройнын
Нымнымэты мытрэле.
Бнкы мури мытрапавы,
Колё мытракоргычъат.
Хэй, хэй, хэй!
Хэй, хэй, хэй!*

6 декабря. Билибино

Наиль, привет!

Ночью никак не усну. Засыпаю под вечер, в полночь просыпаюсь и до утра бодрствую. Снотворное не помогает. Спасаясь тем, что пишу письма...

Не знаю, как на остальной Чукотке, но в Билибино самые употребляемые слова — «борт» и «материк». Они связаны с мечтой об отъезде и символизируют связь с цивилизацией. Здесь не скажут: «самолет». Будто такого слова не существует. Все, от шофера до библиотекаря, говорят: «борт». Слово это заботит каждого, так как бортом доставляются продукты, промтовары, почта, и самих билибинцев тоже доставляют в основном борты. Можно зайти в магазин и, не обнаружив нужный товар, узнать от продавца, когда и каким бортом этот товар прибудет.

Жители Билибино внесли в свой язык некоторые военные слова оттого, что в какой-то степени ощущают себя живущими на взлетно-посадочной полосе. Так, технические работники космодрома владеют лексикой космонавтов, хотя сами в космос не летают. Употребление слова «борт» — пока единственное, что меня здесь раздражает. Его невыносимо слышать из уст библиотекарей и учителей. Вместе с тем язык здесь достаточно богат, разнообразен и лишен канцелярита, которым разговаривают в столице, где через слово произносят «как бы», через два — «в принципе», через три — «так сказать» или «скажем так». Билибинцы не разговаривают пустотами, заменяющими язык, и не самоутверждаются с помощью наукообразных оборотов вроде «с одной стороны... с другой стороны...», «по большому счету...» и прочего, от чего пухнет голова. Разговорная речь здесь богата, потому что разноплеменно население.

Тут и украинцы, и белорусы, и татары, и другие национальности, да и сами русские из разных мест. Есть сибиряки, уральцы, малороссы, питерцы, москвичи... Все они привносят в местный лексикон колорит, словечки, понятия, выражения. Так что можно говорить об универсализме и взаимообогащении русского чукотского языка. Добавим к нему слова, заимствованные у коренных народов, — получим подвижный, развивающийся язык, которому омертвление не грозит. Поэтому слово «борт», заимствованное у авиаторов, отнесем на счет такого развития.

Но если «борт» — слово, то «материк» — понятие.

Я выяснял, что означает «материк», но никто ничего определенного ответить не смог. Для одних это то конкретное место, откуда они прибыли и куда собираются вернуться, и им может быть любая точка на карте, за исключением Чукотки; для других «материк» — это нечто абстрактное, не связанное с чем-то определенным; третьи называют «материком» лишь Москву, а кто-то считает, что он начинается уже с Магадана; для некоторых «материк» — всего лишь место отдыха. Похоже, «материк» — это и Брянск, и Кемерово, и Ялта, и Москва, и Казань... Если с местонахождением «материка» разобраться трудно, то в смысловом отношении все проще: «материк» — это мечта.

Можно ли представить, чтобы жизнь, та самая, которая даруется Богом, была наполнена лишь одним — ожиданием возврата? Причем не из плена, а из добровольного заточения. Люди приезжали на Север в расцвете сил, в надежде и уверенности, что за несколько лет смогут заработать достаточно, чтобы устроить жизнь. Приезжали из-за своей никчемности, которая бывает хуже беды, или бежали от такой беды, которая хуже никчемности; забирались сюда в поисках романтики и приключений, кого-то забрасывала судьба или позвали родственники, друзья, знакомые, убедили, что здесь есть к чему себя приложить и в чем проявиться, что есть шанс себя испытать и пожить по-настоящему, по-мужски; есть и такие, кто бросился сюда вслед за любимой... И вот, приехав на два-три года, оставались на десять лет, на пятна-

дцать, на двадцать... Приезжали, устраивали жизнь, влюблялись, женились, заводили детей, потом их растили, учили, старались выпроводить на материк, сами оставались еще на годик-другой, а получалось — на десять, на пятнадцать, на двадцать... Словно неразумное насекомое, попавшее в золотистую смолу и безнадежно там застывшее, человек застревал на Севере. Здесь и карьера, и быт, и привычка, и друзья, наконец, возраст, когда уже не попляшешь, не попрыгаешь, а на то, чтобы начать сначала, не осталось ни задора, ни прыти.

Все же мечта о возврате жила. Казалось, еще немного, еще чуть-чуть... Но исчезает страна, рушится быт, и ему на смену приходит безбытность. Умом человек все понимает, но сердце отказывается смириться: материка, куда стремился, о котором мечтал, больше не существует. Признать это — страшно. Это значит согласиться с тем, что жизнь прошла... в ожидании жизни. Прибывший с Севера вдруг обнаруживал, что его материк, подобно легендарной Атлантиде, ушел на дно. Не территорией (все как стояло, так и стоит), а человеческими душами и человеческим отношением. Россия «старанием» безжалостной власти и безучастием измученного народа ушла на дно и в одночасье едва ли поднимется. Тогда, разочарованный и уставший, человек вновь возвращается на Север и укрывается здесь. Удивительно, но в краю вечной мерзлоты сохранились и сердца, и души. Оказалось, это важнее материальных благ, важнее всего на свете. Так скажет всякий, потому что обездоленный, без денег и лекарств, без достойной одежды и хорошей еды, без надежды на будущее — русский человек сильнее всего страдает от очерствения душ, больше всего мучится, когда рядом нет плеча и некому верить. Он устал от страха и безнадеги, от клеветы и насилия, от опухших и обнаглевших физиономий с бесчувственными глазами, от проворовавшегося начальства... И от себя такого — тоже устал, от беспомощности своей и никчемности. И некуда уйти от этого, и не с чем, и уже, кажется, он смирился со своей уча-

стью и безропотно отдает себя в руки Провидения. Но и Провидение к нему неблагосклонно.

Мы всегда бежали от напастей куда глаза глядят, и больше всего — на Восток, на Север, на самый Крайний Север. И добегали туда, откуда бежать некуда. И, вместо того чтобы встать насмерть перед напастями и преодолеть их, русский человек продолжает грезить о том, чтобы бежать... обратно! Туда, откуда бежали предки. Мы, а не чукчи — настоящие кочевники!

В этом грустном и безнадежном тысячелетнем хороводе не участвуют только дети. И мы, пока были детьми, тоже в нем не участвовали. Увы, с годами, взрослея, — включались в него, и никто не был в силах уберечь нас от этого печального танца. Но вот подрастает поколение первых свободных людей в истории России. Быть может, они не пойдут за нами и сотворят то самое чудо, которое еще не удавалось никому, и мы, одряхлевшие, потрепанные и циничные, еще успеем хоть немного пожить рядом с ними, любуясь, радуясь и по-доброму завидуя от имени всех, кто когда-либо жил этими надеждами...

Я приглядываюсь к чукотским детям. Их вид притягателен. В огромных меховых шапках, торбасах и шубках, розовощекие и улыбающиеся, они словно плюшевые мячики. Они родились и выросли на Чукотке. В то же время родители постоянно ведут разговор об отъезде, о том, что здесь жить невозможно. Я говорил со старшеклассниками. Они в растерянности. Им внушено, что учиться надо только для того, чтобы уехать. Но, повзрослев, они понимают: обетованного материка на самом деле нет. И выросли они в условиях, совершенно отличных от тех, в которые их хотят отослать. Кто бы посоветовал им — уехать, отучиться и обязательно вернуться, чтобы жить именно здесь? Не потому, что на Чукотке хорошо, а потому, что там, на материке, им не будет лучше.

У детей Севера особое видение мира. Здесь большую часть времени — белый снег, синий воздух, голубые сопки... Ребенок

видит, как меняется освещение — то розовое, то бледно-голубое, то сиреневое. Подобных, на глазах меняющихся красок больше нигде не встретишь. И там, где взрослый удивлен и даже ошарашен, ребенок, выросший здесь, спокоен и невозмутим, он воспринимает чукотские пейзажи как нечто обычное и не фетишизирует увиденное, но сосредоточивается на сущности.

Творчество художника, попавшего на Чукотку, восторженно и гипертрофированно. Даже если до сих пор способности не были обнаружены, от увиденного они пробуждаются. Художник ли (что чаще), стихотворец (что реже) или музыкант (что совсем редко) просыпаются от желания запечатлеть увиденное или услышанное и непременно поделиться с другими. Оттого нередко за кисть или перо берутся учитель и врач, геолог и летчик. Новые, ранее неведомые ощущения выводят на пленэр людей самых разных, усаживают за письменный стол, кажется, невероятно далеких от труда литератора... Вот геолог прошел сотни километров по тундре, преодолевая препятствия и терпя лишения. Если он опишет свой путь — получится книга, которая будет читаться всюду, и чем дальше от этих мест, тем с большим интересом. Вот врач, приехавший к больному в отдаленное селение, передает на холсте удивившую его тундру. И это интересно. Оттого рисунки врача-художника можно встретить и в кабинете высокого начальника, и в краеведческом музее. Оценивать достоинства или искать недостатки этих работ не стоит. Настоящее искусство на Чукотке — только изделия из кости и шитье. Им владеют лишь коренные жители, и я надеюсь, увижу его.

Другое дело — дети. Их работы лишены декоративности, а смысл творчества не в том, чтобы восхитить, ошарашить и передать свои восторги другим. Дети рисуют и стараются передать не то, что видят перед собой, а то, что хотели бы увидеть. Вот почему внимательное отношение к творчеству детей обязательно для всякого, кто хочет заглянуть в будущее. Детская чувствительность и восприимчивость, облеченные в рисунок, музыкальный этюд или в стихотворение, могут многое объяснить и на

сложные вопросы дать ответ. Дети — лучшие футурологи, и потому представляет большую ценность выставка их рисунков, устроенная в Билибинском краеведческом музее. Тема выставки — «Я шагаю в будущее». На своих рисунках билибинские дети мечтают и в мечтах не отказывают себе ни в чем.

Летним солнечным днем стоит на пригорке шестнадцатилетняя Таня Гаврилюк. И что видит? Среди густой зелени, цветов, кустов и деревьев раскинулся огромный город, с зеркальными небоскребами, чем-то похожий на центр Хьюстона или Далласа, только гораздо светлее и величественнее. Над небоскребами зависли летающие тарелки, готовые доставить жителей в любую точку планеты. А в самом городе десятки тысяч людей заняты самым разнообразным трудом, в том числе, как Таня, художественным творчеством. Этот огромный светлый город — ее родной Билибино, будущее которого иным и не представляется.

А Оксана Воробьева рисует билибинское такси — небольшие летательные аппараты, сотворенные из прозрачного материала. Легкоуправляемые и бесшумные, они летают над утопающим в зелени городом и развозят жителей. Но не по рудникам и котельным, а по театрам и ресторанам, консерваториям и художественным салонам, парикмахерским и роскошным магазинам, которых в Билибино будет не счесть.

Ира Хуснуллина видит свой город похожим на европейскую столицу. На ее картине, в том месте, где сейчас жилой массив «Арктика», высится огромное здание с башней наподобие Биг Бена. А по реке плывет прогулочный катер: это туристы приехали полюбоваться знаменитым чукотским городом. Они запрокинули головы и не перестают удивляться заполярному чуду, живо напомнившему им Лондон. Но Ирине нет дела до туристов. Она, с распушившимися золотистыми волосами, в модных оранжевых брюках и коротенькой блузке (так что виден пупок), катается на велосипеде по набережной, подгоняемая радостным лаем собак. Впрочем, быть может, это не собаки, а кошки.

Лена Буркова, в которой пробуждается театральный художник, видит город, словно находящийся на огромной сцене. Дело происходит зимой, под Новый год. На улице мороз, но это не мешает дирижаблям, ракетам и летающим тарелкам (видимо, будет самый распространенный вид транспорта). На авансцене великолепно убранная новогодняя елка, а вокруг уже собираются школьники. Вижу Снегурочку в короткой шубке, ей вслед смотрит юноша, зачем-то сунув руки в карманы, а на заднике, на самом видном месте, в центре воображаемого города, — огромное табло, которое высвечивает: «Билибино — золотое сердце России!»

Для одиннадцатилетней девочки сердце России непредставимо в ином месте. Разве временщик способен проявить такую сердечную привязанность? И неужели нет будущего у города, о котором так мечтают?

По замыслу детей, здесь будет и великолепный цирк, и суперсовременное кафе с официантами-роботами, и луна-парк с аттракционами, о которых американские дети и не мечтают, будут зимние сады с прозрачными хрустальными крышами, и зоопарки с экзотическими тропическими животными... Чего только здесь не будет! Дети, родившиеся в Билибино, видят будущее своего города и живо находят себя в нем. Это добрые рисунки, в них много светлых, теплых красок, на каждом — леса, парки, скверы, луга, и почти на всех — Солнце! Нет ни одного рисунка безрадостного, холодного. Даже зиму дети чукотские рисуют тепло.

За окном краеведческого музея — сумерки. Билибино залито пятидесятиградусным голубым туманом. А на детских рисунках — тепло и светит солнце. Я вижу в этих рисунках воплощенную мечту. И не столько мечту детей, сколько их родителей и родителей их родителей, которые мечтали, чтобы дети их — так рисовали... А нынешние дети сами мечтают жить в большом и прекрасном городе, и их мечта, воплощенная пока только в рисунках, находится не на пресловутом материке, а здесь, на Чукотке, на Крайнем Севере. На всех картинках — веселые и ра-

достные жители. Люди и Солнце — дают шанс и надежду. Это значит, здесь есть будущее, и можно смело строить планы и превращать их, потому что видению и чувству детей можно доверять.

Мне обещали передать сочинения школьников. Я увидел, как они рисуют, — теперь хочу узнать, о чем они пишут.

*Из книги П.Зайдфудима и Ю.Мизуна
«Российский Север. Проблемы развития». М., 1998.*

«Изучение физического развития новорожденных позволило установить определенную ретардацию развития плода и, как следствие, меньший уровень физического развития новорожденных от тех матерей, которые в период беременности находились в процессе адаптации к экстремальным условиям Севера. Таким образом, неблагоприятные факторы Крайнего Севера оказывают сдерживающее влияние на физическое развитие плода и затем новорожденного. В течение первого года жизни у большинства детей развивается рахит первой степени. Исследовалось состояние здоровья детей, которые переехали на Север. При этом оказалось, что максимальное тормозящее действие на темпы роста детей оказывает стресс переезда. Наиболее неблагоприятные процессы в организме идут в течение первого года после приезда на Север. В это время в организме ребенка происходят основные адаптационные перестройки. Но с окончанием первого года нахождения на Севере процесс адаптации не заканчивается...»

КРУЖКОВ СТАНЕТ БОЛЬШЕ

Где в Провидения детям можно получить хорошие знания английского и эскимосского языков, глубже познать родной край, научиться красиво танцевать и еще многому другому? Кроме школы, конечно же, в районном Доме детского творчества, где работают кружки «Хозяюшка» и «Умелые руки», ансамбль «Радуга» и клуб «Почемучки». А в скором времени в этом детском учреждении начнут действовать еще и национальный ансамбль песни и танца, кружок декоративно-прикладного искусства и клуб «Родной край» по изучению эскимосского языка, национальной кухни, традиционной одежды, религии, а также произведений чукотских литераторов...

«Крайний Север», 3 декабря, 1999 г.

ПО МОРЮ И ПО ВОЗДУХУ

Несмотря на сложные погодные условия, в морском порту п.Провидения продолжается навигация. Экипаж танкера «Усинск» 27-го ноября осуществил нелегкую операцию: перекачал дизельное топливо в емкости нефтебазы. Всего в район завезено 5900 тонн солярки, почти 2 тысячи тонн предназначено для национальных сел, куда доставку его осуществляют с помощью малотоннажных танкеров. Следом на причале порта началась разгрузка судна со свежемороженой рыбой в трюмах. Она предназначена для жителей Чукотского района...

Соб.инф., «Крайний Север», 3 декабря, 1999 г.

7 декабря. Билибино

Здравствуйте, дорогая Валентина Федоровна!

Я еще в Билибино, но скоро переберусь в Анадырь. Говорят, дыра невероятная, вроде бы и название с этим связано. А главная беда в том, что там свирепствуют пурги (во множественном числе и с ударением на «у»). Спрашиваю: почему «пурги»? Отвечают: увижу — пойму...

На днях повстречал девочку-чукчанку, лет семи-восьми. Она была в черной шубке, белой шапочке и настоящих чукотских торбасах. Прямая черная челка контрастировала с шапочкой и заканчивалась точно над глазами-щелочками с черными бусинками-зрачками. Сообразив, что я не просто смотрю, а люблюсь, девочка не смутилась и приятно улыбнулась. Я увидел её белые смешные зубы — врастопырку. В поведении маленькой чукчанки не было кокетства, но проглядывались та открытость и доверчивость, от которой родители стараются поскорее избавить своих детей, чтобы они не стали жертвами этих несомненных добродетелей.

Я подошел и спросил, не позволит ли она себя сфотографировать. Девочка спокойно, с достоинством разрешила: «Пожалуйста!» Меня поразили чёткость и ясность её ответа и как чисто было произнесено маленькой чукчанкой русское слово. Мне даже показалось, что она сделала реверанс. После нескольких снимков я поблагодарил её и вновь услышал: «Пожалуйста». И опять это было сказано с неким подобием реверанса.

Так же произносят заветные слова «пожалуйста», «спасибо», «здравствуйте», «до свидания» — те, увы, уходящие люди, которые застали краешек века галантности и учтивости, когда важным считалось не только слово, но и то, как оно произносит-

ся, с какой интонацией, в сопровождении какого жеста. Этот некогда обязательный патриархальный ритуал делал жизнь краше и добрее. Без него те же слова оказались дежурным оформлением дежурных отношений. По пальцам одной руки я могу пересчитать тех, кто сопровождает даже мимолетное обращение почти-тельным поклоном. Все они далеко не молоды. Если бы мы так друг с другом здоровались и прощались, то уже одним этим добрым жестом изгнали бы из себя внутреннее рабство и вернули достоинство.

Но откуда взялась эта уходящая манера здесь, на Чукотке, у маленькой чукчанки? Глядя ей вслед, я сожалел, что больше ее не увижу, и спросил вдогонку, как ее зовут. Девочка повернулась и, прищурился без того узкий глаз, нежно произнесла: «Ксюша!»

...На следующий день я зашел в краеведческий музей. Он расположен в относительно старом двухэтажном здании и является гордостью Билибино. Собранным здесь материалам и экспонатам могут позавидовать лучшие музеи северных городов, в чем безусловная заслуга Григория Сергеевича Глазырина — основателя музея.

Он родился в 1909 году в глухой деревеньке в Вятской губернии. Закончил педагогический институт, Московский университет и работал инженером в столице. С началом войны был мобилизован, воевал, но в 1942-м попал в плен. Из плена бежал к своим. С армией прошел всю Восточную Европу, однако в Венгрии сгоряча прокомментировал гимн Советского Союза. То ли засомневался в строчках, то ли мотив не понравился, а может, понравился, но не так, как должен нравиться гимн отечества, — словом, загремел Григорий Сергеевич на десять лет. И ещё легко отделался. Могли дать и двадцать, и двадцать пять и даже расстрелять. Попал Глазырин, как и положено, на Колыму, а после освобождения, в 1953 году, еще дальше — на Чукотку. Но вместо того чтобы сгинуть, Григорий Сергеевич стал выдающимся гражданином. Сначала работал начальником геологоразведочной партии, которая базировалась в Билибино, затем гидрогеологом

Аньюйской геологоразведочной экспедиции, а выйдя на пенсию, занялся созданием музея, который принес ему общечукотскую славу. Так, выход на «заслуженный отдых» может оказаться не концом, а началом подлинной деятельности.

Я видел фотографию Глазырина: здоровенный сибирский дядька с длиннющей густой бородой, над которой нависает огромный, как у Жерара Депардье, нос. Григорий Сергеевич, в длинной толстовке, препоясанный, уверенно шагает по улице, теперь носящей его имя, и, если бы рядом с ним шел сам Депардье, на француза — при всей его славе — никто бы не обратил внимания: столь блеклым казался бы он на фоне Григория Сергеевича. У Глазырина и прозвище было соответствующее — «Дед». Говорят, не было такого, чего бы этот Дед не знал про Чукотку. Светлая ему память.

Нередко случалось, что этапированные на край земли становились видными учеными, учителями, топографами, краеведами и исследователями того самого края, куда их выслали. Поэтому о Колыме и Чукотке написано столько книг и таких, что нашим центральным городам и весям не снилось. Мне рассказали о старом чукче, который хвалил товарища Сталина именно за то, за что остальные клянут: тот высылал сюда хороших и образованных людей.

Помимо наследников и продолжателей дела Григория Сергеевича, в краеведческом музее работают еще и уборщицы-смотрительницы: чукчанка Лариса и эвенка Надя. Лариса родом из Кепервеема, ближайшего к Билибино села. У неё есть старшая сестра — Татьяна, которая живет в Кепервееме, и пять братьев. Они обитают в тундре. Родители уже умерли. Отец много лет работал учителем русского языка и литературы, затем председателем колхоза, а мать всю жизнь была чумработницей. Это и швея, и повар, и воспитатель... Все в одном лице! Лариса закончила восемь классов и ушла в тундру, куда звала душа, вышла замуж и, как мама, стала чумработницей. Ее муж, бригадир оленеводов, в 1997 году неожиданно заболел, и его вовремя не вывезли из

тундры. Лариса осталась с двумя сыновьями (шестнадцати и тринадцати лет) и восьмилетней дочерью... Ксюшей.

Я был рад тому, что моя знакомая так скоро и неожиданно обнаружилась, и уже на другой день видел ее в музее, куда Ксюша зашла после школы. Вторая смотрительница, Надя, и её муж, Афанасий, принесли эвенскую одежду, в которую меня нарядили. Уж очень хотелось иметь экзотическую фотографию на фоне костей мамонта. Поскольку пришла Ксюша, то я фотографировал и ее... Все дети светлы — это правда. Но маленькие дети тундры... Близость к природе и удаленность от цивилизации сделали их такими, что любоваться их душевной чистотой и искренностью можно без конца. Ксюша, вдобавок ко всему, отлично владеет русским. И я, кажется, выяснил, откуда это у нее.

Ксюша часто бывает у своей тети в Кепервееме, а та, как и бабушка, преподает русский язык и литературу в средней школе. Теперь ниточка потянулась в Кепервеем.

Уже через день я встретился с Татьяной Алексеевной в сельском клубе. Маленькая, хрупкая, спокойная, неулыбающаяся и в очках — Татьяна Алексеевна показалась мне самой настоящей русской учительницей, хотя, кроме языка, русского в ней не было ничего. Но прежде о Кепервееме.

Это пока единственное село, где я побывал, хотя меня убеждают отправиться в какой-нибудь отдаленный поселок «посмотреть на трудную жизнь». Я отвечаю, что мне хватит Билибино, но меня вновь и вновь убеждают ехать в Анюйск, в Островное и даже в Омолон, уверяя, что, не побывав там, я ничего о Чукотке не узнаю. Возможно. Но, если я доберусь до Омолона, меня и оттуда постараются отправить в ещё большую дыру, потому что всегда отыщется место, в сравнении с которым Омолон предстанет светочем цивилизации. В конце концов, я не краевед, не топограф, вообще не романтик и в Кепервееме оказался лишь потому, что глава этого поселка посадил меня в теплый «уазик» и пообещал доставить обратно в Билибино.

Село Кепервеем — по-чукотски «Росомашья река» — на-

ходится на реке Кепервеем, южнее Билибино. Иной раз называют или пишут это название через «э» — *Кэпэрвеем*. Проживают в нём в основном чукчи, хотя есть и эвены, и русские, и латыши, и белорусы, и киргизы. Всего шестьсот жителей. Здесь находится аэропорт — своеобразные ворота, не миновав которые в Билибино не попадешь.

Когда-то на берегах Малого Анноя жил богатый оленевод по кличке — Кэпэр (Росомаха). Росوماхи всеядны, жадны и поедают все, что попадает на глаза: зайцев, грызунов, птиц, — а попадемся мы — и на нас нападет ненасытная росомаха. Они нападают на больших рогатых оленей и даже на лосей, вспрыгивая им на спину и перегрызая сонную артерию, но не брезгают и падалью. Росوماхи разоряют продуктовые склады и умудряются вытаскивать приманку из капканов. Словом, это не по размерам сильный, хитрый, ловкий и осторожный хищник, и, кроме меха, в нем трудно отыскать что-нибудь доброе. Я видел чучело этого зверя, так у него ко всему еще и морда препротивная. А вот маленькие росомашки — очень милые создания, их хочется взять на руки и приласкать. Что ж такое: пока дети — все хорошие, все милые. Как вырастают — так черт знает что!

Так вот, этот богатый оленевод, владевший бесчисленными стадами, отличался неслыханной жадностью и потому заслужил в народе соответствующую кличку — Кэпэр. Когда он умер, его похоронили на берегу реки, у которой почему-то не было достойного названия. У нас безымянную реку назвали бы в честь какого-нибудь положительного героя, а у чукчей все по-другому.

Но это предания. На самом деле поселок Кепервеем возник в 1947 году. До этого здесь стояли лишь несколько яранг. Совхоз, который сюда переместился, возник вдалеке, на берегах Ледовитого океана. Там находилась центральная усадьба, которая затем разделилась на два совхоза с нечукотскими названиями: «имени Маленкова» и «Вперед!». Первый совхоз в 1957 году после разоблачения антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова превратился в по-

селок Илирней. А «Вперед!», в полном соответствии с названием, не стоял на месте и докочевал до реки Кепервеем. Оленеводы, пришедшие со стадами, решили строить новую центральную усадьбу неподалеку от Билибино, там, где сейчас добывают золото. Называется это место Коральвеем — «Холодная река». Уже было построили контору, школу-интернат и столовую, уже оленеводы приезжали за зарплатой, как обнаружили мотивы (я их так и не выяснил), по которым усадьбе оленеводов находиться здесь было нельзя. Надо было срочно искать новое место.

Его искали по всей тундре, но никак не могли найти, что неудивительно. Иной раз по комнате ходишь и не знаешь, куда табуретку поставить... Все же решили поставить контору там, где уже стояли яранги, неподалеку от места захоронения жадного оленевода Кэпэр-Росомахи. В 1947 году началось интенсивное строительство домов. Но последняя яранга исчезла лишь в конце семидесятых. В ней жила старенькая чукотская бабуля, которой по виду было лет шестьсот-семьсот. Она ни за что не хотела переселяться. И действительно: посмотришь на убогие кепервеемские дома — как в них жить?

Между тем, в одном из таких домов и живет Татьяна Алексеевна вместе с мужем и тремя детьми. Её родители (бабушка и дедушка маленькой Ксюши) были в этих краях знамениты. Алексей Родионович Канталин («Идущий за оленем») родом из богатой семьи. Он был оленеводом, кочевал, но, когда пришла советская власть, решил учиться. Закончил среднюю школу в Островном, затем педучилище в Анадыре, потом пединститут в Хабаровске, после чего вернулся и работал преподавателем в Красной Яранге. Что это такое?

Это непросто, Валентина Федоровна. Вы сорок лет преподавали в Торжокском педучилище, и к Вам со всей Тверской области приезжали учиться русскому языку и литературе. А здесь — наоборот. Алексей Родионович сам ездил и учил. Красная Яранга — это выездная кочевая школа. Представляете? Бегать по тундре и ликвидировать безграмотность... Вскоре его перевели в

Аньюиск, где Алексей Родионович стал вторым секретарем Восточно-Тундровского райкома партии.

Татьяна Алексеевна рассказывает, что отец был интеллигентным, образованным, к нему шли за помощью и за советом из самых отдаленных поселков, и он никогда не отказывал. Алексей Родионович сделал столько доброго, что старики-чукчи прозвали его Алексеем Революцией! Это не какая-то Росомаха. К сожалению, даже фотографии его не сохранилось. Весь семейный архив сгорел. А вот мама Татьяны Алексеевны (Ксюшина бабушка) была из бедной семьи и имела лишь три класса образования. Имя у нее было — Солнечная Женщина. Она воспитывала семерых детей и несла на себе все то тяжелое бремя, которое только и способна нести женщина в тундре. Но вот пришла советская власть, а с нею и организация новой жизни. Началась поголовная паспортизация. А в паспорте есть важнейший и первый параграф: фамилия, имя, отчество.

Представляете, советский ответственный работник в галифе, имея за спиной мощь великого пролетарского государства, спрашивает: «Как ваша фамилия, товарищ?» А ему в ответ: «Идущий за оленем». Он переспрашивает, полагая, что ослышался, а ему повторяют... А ведь имя должно быть как имя, а фамилия как фамилия. Все должно быть как у людей, без всяких «солнечных женщин».

Отобранные имена превращались в фамилии, а новые имена были уже нашими, понятными и привычными: Федя, Петя, Маша, Таня... Так чукотская семья обрела фамилию Канталины. Красиво, но создана-то фамилия из мужского имени. Впрочем, какое дело паспортистам до этой мелочи. А представьте, если весной в тундре родилась красивая и светлая девочка и родители дали ей имя Подснежник (по-чукотски — Ы'лгинтынэчьын)? Что делать с такой девушкой при выдаче паспорта? А если мальчик был резвым, много смеялся, шутил, клоуничал и старики называли его Шумным (Никуликин)? Так получались: Наталья Николаевна Ы'лгинтынэчьына и Юрий Владимирович Никуликин.

Но были чукчи, которые русскими именами-отчествами себя не имевали, а, поскольку закон соблюдать было необходимо, оставляли имена чукотские. Получались забавные созвучия, например: Таграй Эттувьевич Гыргольтагин или Векет Танатовна Нутеуги. В местной газете я встретил фамилию, которую ни за что не выговоришь, да и напишешь с трудом — Выквырагтыгыргина. Но ее выговаривали, причем часто: обладательница этой фамилии работала корреспондентом на радио.

Антропонимические вивисекции «Старшего Брата» вызывали повышенный интерес у исследователей, которые находили в них «прогрессивное влияние русского народа». Нам, русским, это действительно любопытно. А каково маленькому северному народу, где у каждого должно быть имя, отражающее внешность, характер, привычки? Но с чукчей требовали об этом забыть. Вот и живут они с русскими именами и переделанными фамилиями. Под этими фамилиями лежат на сельском кладбище в Кепервееме Идущий за оленем и Солнечная Женщина...

Пятеро их сыновей были заняты в оленеводстве, в совхозе, но, после его развала, остались безработными. Перебиваются, как могут. Младшая сестра, Лариса, работает в Билибинском краеведческом музее, и лишь Татьяна пошла по стопам отца. Она поступила в Анадырское педагогическое училище, по окончании которого в числе лучших студентов была направлена на учебу в Ленинград. В 1980 году вернулась в Кепервеем и с тех пор преподает в школе. Муж у Татьяны Алексеевны — украинец, работает кочегаром. Сын в армии. Старшей дочери — десять лет, младшей — пять.

Как живется на Чукотке учителям?

Татьяна Алексеевна отвечает: «Как везде».

Значит, живется плохо, бедно. Тем не менее все работают и не жалуются, хотя зарплату не получали семь месяцев. Да и что это за зарплата! Две с половиной тысячи. Высокая в сравнении с зарплатой учителя в Торжке и ничтожная для Чукотки.

«Мы — долгожители», — говорит Татьяна Алексеевна. Это означает следующее. Учителя, врачи, работники коммунального хозяйства и прочие идут в магазин, и продавец отмечает, на какую сумму получен ими товар. Речь идет о самом необходимом: хлеб, сахар, крупа... После этого «покупатель» становится должником и отдает деньги после получения зарплаты.

...Государство наше не наскучит. Вы работаете, учите, лечите, обогреваете, охраняете, но вам не выплачивают зарплату. У государства нет денег, и, следовательно, оно становится вашим должником. Но государство наше милосердно. Оно выдает продукты, чтобы вы не померли и не перестали учить, лечить, обогревать, охранять... Так, учитель или врач, не получающий полгода зарплату, сам оказывается в должниках. О каком роптании или недовольстве может идти речь, если ты — должник! И что же должно твориться с душами людей, какое унижение должны испытывать они, стоя в очереди и расписываясь при получении буханки хлеба или куска мыла в долг!

Но остерегитесь кого-то ругать. Парадокс (наш парадокс!) состоит в том, что ругать некого. Такая «раздача» продуктов — единственная возможность для местных властей хоть как-то поддерживать жизнь. Это все, на что они способны, потому что сами беспомощны.

И что же? Может, кто-нибудь озлобился, отвернулся, бросил школу, котельную, больницу и ушел в партизаны? Нет. Врачи продолжают добросовестно лечить, кочегары — топить, учителя — учить... Все несут свой крест. И худенькая чукчанка выходит к детям так же, как и ее коллеги из Твери, Нижнего Тагила или Воркуты, как тысячи учителей по всей России, и мелом выводит на старой школьной доске слова, а дети таких же бедных и измученных нищетой родителей читают вслух:

*Умом Россию не понять,
Аришином общим не измерить...*

И попробуй скажи что-нибудь дурное о России, заикнись о том, что есть в мире страны красивее, а люди лучше, заяви, что где-то есть поэты более великие и литературы не меньшие...

Всей школой, всем Кепервеемом отмечали двухсотлетие со дня рождения Пушкина. Устраивали викторины, конкурсы стихов, выставки рисунков по произведениям Александра Сергеевича, провели вечер «Болдинская осень» и даже бал, на котором ученики были одеты в бальные платья и в костюмы пушкинских героев. Особенно удался вечер, посвященный женщинам, которых любил Пушкин. Ученики определяли, какой из них было посвящено то или иное стихотворение. И на всех этих мероприятиях чукчи, эвены, белорусы, украинцы, киргизы, литовцы читали стихи. Даже самые маленькие знают о Пушкине, любят его сказки и играют в героев этих сказок. Не только в дни юбилея. И если зайти в библиотеку, то первое, что увидишь, — заботливо оформленный стенд с книгами Александра Сергеевича и слова: «Пушкин всегда с нами!»

Вот почему так хорошо говорит по-русски маленькая чукчанка Ксюша, вот откуда ее изысканные манеры и отчего искрится в её глазах жизнь.

«Зачем вы все это делаете, не получая зарплату?» — спрашиваю Татьяну Алексеевну.

«А кому тогда будут нужны наши дети?» — отвечает она.

Сейчас они с коллегами проводят декаду чукотского языка. Ученики должны знать обряды, обычаи и традиции чукчей, эвенов, эскимосов; проводятся уроки на коренных языках, устраиваются конкурсы рисунков и кроссвордов по Чукотке; дети читают чукотские, эвенкийские, эскимосские сказки, причем на языках этих народов, а иногда читают и собственные стихи. Завершит декаду всеобщий праздник с приглашением взрослых. Надо объединить поколения, чтобы все почувствовали себя единым народом.

Что же думает Татьяна Алексеевна о будущем России и

о том, что происходит сейчас? Говорит, что и сама, и ученики думают об этом постоянно, размышляют и переживают за свою страну. Недавно во время школьной олимпиады писали сочинения, и среди прочих тем была: «Каким тебе видится будущее России?» Татьяна Алексеевна пообещала передать эти сочинения, и я обязательно сохраню их для Вас.

Пока же прощаюсь и следующее письмо напишу уже из Анадыря.

*Из книги И.Гарусова
«Социалистическое переустройство сельского
и промыслового хозяйства Чукотки в
1917-1952 гг.» Магадан, 1981 г.*

«Большим тормозом на пути дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов стала личная собственность. Имея 500-600 голов в личном хозяйстве, семья колхозника зачастую не участвовала в общественном производстве, пользуясь всеми его привилегиями. При нормальном приросте своего стада колхозник мог забивать в год до 200 оленей, что давало ему 200 шкур и приблизительно 7 тонн мяса. Этого было достаточно, чтобы содержать в нормальных условиях семью в составе 4-5 человек, не участвуя в колхозном производстве.

В товариществах по совместному выпасу оленей владелец 500-600 голов животных, как правило, всегда находился в своем стаде. С ним, как и прежде, жили безоленные и малооленные пастухи, которым он, согласно решению общего собрания, платил по 10-20 рублей в год за выпас одного оленя. Здесь, в этой первичной форме производственного объединения, по сути дела, была узаконена наемная рабочая сила. Никаких отчислений в неделимые фонды от своих доходов члены товарищества не производили.

Не сразу и не все партийные и советские работники поняли весь вред создавшегося положения, хотя многие из них не раз поднимали этот вопрос на разного рода совещаниях и собраниях. Это подтверждается, например, выступлением секретаря Восточно-Тундровского райкома партии тов. Богача на районном собрании 26 февраля 1941 г.: «Наличие у каждого колхозника в личном пользовании до 300 оленей влияет *(отрицательно — ред.)* на колхозное производство и не дает колхознику возможности работать в обобщественном стаде, так как он занят выпасом своих личных оленей».

ОЛЕНЕВОДСТВО НА КРАЮ БЕЗДНЫ

В Билибинском районе за годы «новой жизни» производство мяса оленя снизилось почти в 10 раз: с 2000 тонн до 204-х в прошлом году.

С наступлением нынешнего лета в чукотской тундре стоял удручающий жар, как будто солнце светило через увеличительное стекло. Казалось, не хватало воздуха, было трудно дышать. Не радовала погода. Не радовали и сводки, поступавшие из тундровых коллективов в администрацию Билибинского района. Надеялись, что усилия оленеводов, ответработников, побывавших в бригадах, принесут нормальные результаты. Однако, оптимистические прогнозы не оправдались. Почти пустыми стоят мясные склады олонцев, фермеров «Нутессена», «Тополевой», «Илькувеема» и других хозяйств. Создается впечатление, что отрасль может окончательно рухнуть в бездну. Сегодня на просторах билибинской тундры выпасается чуть больше 22 тысяч оленей. И хотя животные за лето набрали хорошую упитанность, осенне-зимний забой не планируется. Он приостановлен на два года.

Каково состояние оленеводства, таково и положение тундровиков: из 432-х работающих — 418 представители коренных национальностей...

Людмила Глазунова, «Крайний Север», 29 октября, 1999 г.

С НЕВЕРОЯТНОЙ ВЫСОТЫ

(Автор слов неизвестен)

*Я не завидую орлам,
Парящим в небе голубом.
Я сам бываю часто там,
Где видно на сто верст кругом.*

*С невероятной высоты,
Где кровь хмельная бьёт в виски,
Земной не видя красоты,
Я, верно, умер бы с тоски.*

*Любые страхи нипочем!
Но я страдал, когда внизу
Река казалась мне ручьем,
А пруд — похожим на слезу.*

*И даже город мой мельчал
И становился все бедней.
Я с высоты не замечал
Снующих по нему людей.*

*И я с небес свершил побег,
Меня оттуда вниз несло,
И все, что создал человек,
Опять росло, росло, росло...*

8 декабря. Билибино

Дорогая Вероника!

Знаешь, что во время полярной ночи доставляет особенное блаженство? Сон.

...Если еще способен ощутить в сладкой дреме блаженство и по утрам стараешься хоть на мгновение продлить это безобидное удовольствие — лучших условий, чем полярная ночь, не найти и удачнее места, чем Крайний Север, не отыскать. Широкая, бескрайняя кровать, огромное теплое одеяло и мягкие подушки — добрые спутники и неперемненные участники этого блаженства; обволакивающая тишина — обязательное и счастливое условие заветной неги, а темнота — её заботливая сопроводительница. Здесь все это есть! Никуда не надо спешить, нет забот, тревог, нет никого и ничего, что могло бы отвлечь, обеспокоить, что прервало бы сон и бросило в круговорот жизни. Всё устроено и оговорено, всё на своих местах, никто не нуждается в твоём участии, ничто не страдает, не разрушается и не пропадает... потому что находится далеко-далеко, оно недоступно, недосыгаемо. Мир отдыхает от твоего присутствия в нём и даёт шанс отдохнуть тебе. Иногда снятся сны. Они выволакивают из небытия давно ушедшие картины, воскрешают оставленные чувства и уже, казалось, забытые лица... Для чего и по чьему велению выхвачены они из закоулков памяти и спустя много лет возвращены? О чём хотят предупредить и от чего предостеречь?.. Впрочем, и сны меня не тревожат. В полузабытьи, лишь на миг приподняв веки, чтобы увидеть за окном синие сумерки и розовую полосу горизонта, я вновь погружаюсь в сон, и нет ничего более драгоценного, чем можно отблагодарить своё тело, которое все

еще служит. Надо найти силы и оставить все дела, заботы, хлопоты, умчаться на конец света, в самые дальние его пределы, и там, забравшись под одеяло, спать долго-долго, столько, сколько возможно. Все обязанности и обязательства, завтраки и обеды, газеты и телевизор, метро, троллейбусы и автобусы, автомобили и поезда, слякоть и дождь, снег и ветер, писклявые дети, нудные жены и еще более нудные мужья, кастрюли, подъезды, конторы, лифты, бумаги, цифры, клиенты, кухни, стирки, уборки... всё прочь! Есть ли такие, которые не мечтают о безмятежном сне и не сетуют: «Ну когда же?» Может, в отпуске? Но кто же спит в отпуске, и без того скоротечном? И уже в отпуске тешим себя, что, вернувшись домой, все же отоспимся. Но куда там! Все наши заботы — от самой большой до ничтожной — против сна. Тогда возникает еще одна иллюзия: — «На пенсии!». Только и это невозможно. Видел ли кто наслаждающихся сном стариков? С нами ли, без нас — они постоянно в тревоге и всегда бодрствуют. Так что же, неужели сон «от души» несбыточен и то, о чем мечтаем, станет возможным, только когда мы переступим порог иного мира и останемся ко всему равнодушными и бесчувственными, потому что нас уже не будет?.. Нет, нет, пока живы, надо ехать на Чукотку, причем зимой, в мороз, в стужу, когда здесь полярная ночь и лишь на короткое время светлеет для того только, чтобы более сладким казался сон. Природа смиряет, делает безучастным, убирает самонадеянность и лечит гордыню. Тогда только мы успокаиваемся, и нас клонит ко сну. Сопротивляться этому - нет никаких сил...

Мне пока не удастся встретиться с пожилой чукчанкой. Она заболела, и дочь попросила перенести встречу. Но если я улечу в Анадырь, то поговорить с нею не удастся, а я чувствую, что могу узнать нечто важное. У меня в Билибино остается всего день.

Еще раз был в больнице. Две роженицы, которые должны были родить под Новый год, произвели на свет мальчика и девочку. Я, конечно, рад, но ведь они были кандидатками на то,

чтобы родить Младенца–2000. В утешение меня провели в родильное отделение и пригласили рожениц. Я им высказал сожаления. Они улыбались и пожимали плечами.

Одна из рожениц — Оксана родила девочку, которую уже назвали Валентиной. Это первые роды. Таких акушеры называют первородками. У Оксаны было желание родить на Новый год, но не получилось. Ей восемнадцать. Русская. Еще не замужем. Отец ребенка работает шофером, ему двадцать восемь лет, зовут Эдиком. Распишутся в скором времени. Что еще? Стеснительная и заспанная. Она только вчера родила, устала, спала, но для разговора со мной её разбудили, и я чувствовал себя виноватым. К тому же я не знал, о чем спрашивать, извинился и больше не тревожил несостоявшуюся первую маму двухтысячного года.

Вслед за Оксаной пришла Татьяна. Она родила мальчика. Ровно через час после Оксаны, в 13:43. Муж Татьяны работает в артели, родители проживают здесь же, в Билибино. Татьяна старше Оксаны на пять лет, выглядит солиднее, и мысли о первом младенце у нее не было. Мне даже стало неловко, когда она сказала: «Какая разница, кто и когда родится?»

Вот и вся история, довольно обыденная, если не считать, что Татьяна — родная сестра Эдика, будущего мужа Оксаны. Таким образом, двоюродные брат и сестра родились в одном роддоме в один день, с интервалом в час.

Если бы они родились в ночь на первое января, я бы прыгал до потолка. Впрочем, и это событие. На улице минус пятьдесят, а здесь в теплых кроватках спят только что родившиеся билибинцы. И пока я разговаривал с Оксаной и Татьяной, по коридору прошла еще одна беременная. Я вопросительно посмотрел на молодого врача Диму, и он сказал, что, возможно, срок подойдет к Новому году. Так что у Билибино шанс сохраняется...

Этот Дима вчера впервые участвовал в родах и помогал акушерам. Сам он выглядит инородным в северных широтах. Кажется, что его занесло сюда какое-то недоразумение. Он похож на сына рафинированных петербургских интеллигентов: тонкий,

светящийся, стесняющийся, немногословный, да еще в белоснежном халате, колпаке и очках. И манеры у него утонченные, и голос высокий. А между тем Дмитрий Анатольевич родился и вырос в Свердловске, в рабочих кварталах Уралмаша, которые дают такую выучку, что затем человек чувствует себя одинаково в высоком кремлевском кабинете и на буровой в тайге, в дорогом парижском ресторане и в зачуханной столовке, во дворце и на нарах... В свое время родители Дмитрия уехали на Чукотку и обосновались в далеком Омолоне. Они и до сих пор живут там. Отец — водитель, а мать — повар. В Омолоне Дима закончил школу. Затем поступил в Хабаровский медицинский институт, по окончании которого, в 1996 году, приехал в Билибино и с тех пор работает в больнице.

— Каково здесь? — спрашиваю его.

— В гости приезжать хорошо, а жить... Холодно, денег нет, добраться трудно, выбраться — еще труднее...

— Уезжать не собираетесь?

— Пока нет. Надеюсь работать реаниматором-анестезиологом до пятидесяти. Если доживу до этих лет — буду жить дальше.

За несловоохотливого Диму досказала главный врач: «Труд у него тяжелый, ответственный, сложный, часто незаметный и не всегда благодарный. Анестезиолог готовит больного к наркозу, затем его проводит, а реаниматолог поддерживает системы жизнеобеспечения и в экстремальной ситуации оживляет человека. В этом случае, а они бывают, Дмитрий Анатольевич в таком молодом возрасте становится у нас самым главным врачом. Но что важно: он относится к больным с уважением, терпением и все, что только можно, для них делает. Если по молодости чего-то не понимает — спрашивает. А вообще, много работает над собой, читает литературу, учится...»

Случалось ли, чтобы Дмитрий, этот робкий, стеснительный, худенький молодой человек, если не сказать мальчик, —

спасал от смерти? Ирина Александровна коротко ответила: «Спасал, и не раз».

Вот что Дмитрий рассказал о своем дебюте при вчерашних родах: «Отсосал слизь из носоглотки вакуумным насосом, чтобы ребенок хорошо и свободно дышал, послушал его, посмотрел, убедился, что здоров. Вместе с акушеркой помыли его, обреза́ли пуповину, хвостик обработали, прижгли йодом, завернули в одеяло, дали поддержать маме, потом положили согреваться под специальный прибор».

Говорит, обе мамы — Оксана и Татьяна — были счастливы, рожали спокойно, не кричали...

...Только что позвонили и сообщили, что самолет на завтра отменяется. Значит, мой вылет переносится как минимум на день. Заметь, не на час, не на два, а на день! О причинах никто не спрашивает, словно так и должно быть. Подумаешь, перенесли рейс!

Если удастся встретиться с пожилой чукчанкой — напишу. В письмо вкладываю отрывок из книги Тана-Богораза. Представь, что меня ожидает.

Владимир Германович — личность в этих краях легендарная. Его имя мне не было известно, но всплыло тотчас, как только я собрался на Чукотку. Несколько человек посоветовали прочесть книгу «Чукчи», предупредив, что это большая редкость.

В.Г.Тан-Богораз родился в 1865 году в Волынской губернии. Во Франции могут не знать, что сейчас это Житомирская область суверенной Украины. В семь лет Владимир Германович поступил в гимназию в Таганроге и на переменах мог видеть симпатичного паренька в изношенной обуви, который с грехом пополам, оставаясь дважды «на второй год», закончил-таки это злополучное заведение и получил аттестат зрелости. Впоследствии и паренек (Антон Павлович Чехов), и Тан-Богораз кляли на чем свет стоит эту гимназию, сравнивая ее с тюрьмой. Кроме прочего, им не нравились темы сочинений, вроде этой: «Нет зла

более, чем безначалие». Антон Павлович сдал сочинение последним, потратив на него 4 часа 55 минут, и получил четверку. А Владимир Германович... Смотри, что случилось с ним.

В 1880 году Тан-Богораз поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета, через год перешел на юридический факультет, но вскоре за участие в студенческих волнениях был выслан обратно в Таганрог. Через несколько лет он был арестован, посажен на три года в Петропавловскую крепость, а затем сослан на десять лет в Средне-Колымск. С тех пор Тан-Богораз связан с Крайним Севером. Он ведет дневник, изучает язык чукчей и эскимосов и пишет рассказы, которые были опубликованы В.Г.Короленко. В 1898 году ему разрешают вернуться в Петербург, где он выступает в Академии наук с докладом о своих этнографических находках. Но в нем еще не умер революционер, из-за чего полиция решает его арестовать и выслать. Тан-Богораз опережает события и спасается бегством. Но не в Женеву, не в Париж, а в Нью-Йорк. Там быстро оценили талант Владимира Германовича и способствовали его развитию. Тан-Богораз выезжает на Чукотку и путешествует на собаках и байдарках, изучая быт, нравы и традиции чукчей. Вернувшись в Америку, он пишет труд под названием «Чукчи», который принес ему признание и славу.

В билибинской библиотеке (каково созвучие!) я открыл для себя эту книгу. Какой еще народ бывшего СССР, включая русский, может похвастать таким исследованием? А специалисты говорят, что и во всем мире нет ничего подобного. Чукчам повезло с Таном-Богоразом, а Владимиру Германовичу с чукчами: писать о них — одно удовольствие.

После революции Тан-Богораз вернулся в Россию, работал в Комитете народов Севера при ВЦИКе, затем в Институте народов Севера, организовал Музей истории религии при Академии наук и руководил им. В 1936 году он умер. Владимир Германович похоронен на «Литераторских мостках» Волковского православного кладбища в Санкт-Петербурге, там, где покоится цвет

отечественной мысли и гордость нации, начиная с Николая Александровича Радищева.

Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»:

«К исполнению обрядов, относящихся к рождению ребенка, приступают с того момента, когда женщина впервые почувствует себя беременной. С этого времени муж и жена, проснувшись утром, должны одеться по возможности быстрее, выйти из шатра и посмотреть по "направлению" утренней зари. Некоторые при этом обегают быстро вокруг шатра посолонь. Исполнив все это, женщина может вернуться вовнутренний полог и зажечь лампу. Желательно, чтобы супруги выходили из шатра вместе. Однако женщина может выйти и одна. Если мужчина выходит первым, он должен взять с собой один сапог жены. Пренебрежение каким-либо из этих предписаний влечет за собой трудные роды. Ребенок будет слабым и болезненным. Будущие родители не должны нарушать обычного правила, согласно которому изголовье постели должно быть с выходной стороны спального полога. Чукчи очень часто нарушают это правило.

Одежду для новорожденного приготавливают тайно от "чужих людей". В разговоре такую одежду называют иносказательно — "покрышка живота".

Мать ходит и исполняет всякие работы до последней минуты. Считается, что чем больше она будет работать, тем сильнее и здоровее будет ребенок.

Муж и жена спят вместе до наступления родов. В этот период не существует никаких запретов и ограничений относительно их супружеской жизни. После родов муж обычно в течение десяти дней воздерживается от сношений с женой.

Считается, что до истечения этого срока в теле женщины остаются следы родов. С другой стороны, если супруги хотят, чтобы у них возможно скорее родился другой ребенок (в том случае, если первый ребенок умер вскоре после рождения), то они вступают в сношения до указанного срока. Считается, что это полезно для нового зачатия.

Когда приближается время родов, во внутренний полог не впускают никого из пришельцев, "чужих людей". Даже близким родственникам мужского пола не разрешается подходить близко, особенно днем. С ними может войти какое-нибудь невидимое дурное влияние и повредить роженице. Во время родов все мужчины, не исключая маленьких мальчиков, удаляются из внутреннего полога и могут вернуться лишь тогда, когда все следы родов будут убраны. Они могут оставаться в наружном шатре, но должны сидеть очень тихо. Родственницы роженицы могут находиться возле нее, хотя полагается, чтобы присутствующих при родах было как можно меньше. Необходимо лишь присутствие старухи матери или тетки для оказания помощи роженице.

У чукотских женщин вообще существует тенденция свести число помощниц при родах до минимума. Мне известны случаи, когда за отсутствием родственниц помощь жене при первых родах оказывал ее муж.

Как только ребенок покажется на свет, восприемница перевязывает ему пуповину куском сухожилия, в которое вплетено несколько волос роженицы. Сухожилие, конечно, приготавливается заранее. Женщина перерезает пуповину острым камнем, взятым из скребка для шкур, который служит ей для этой цели в течение всей жизни. Обычно он хранится у нее в вещевом мешке. Пуповину оставляют незавязанной. Ее все время натирают толченым углем, до тех пор, пока она не отвалится. Ребенка обтирают заранее приго-

товленной мочой его матери. Пучок травы, которым производится обтирание, тотчас же сжигается на огне очага.

Оленеводы убивают молодую важенку и готовят в большом котле крепкий бульон из ее грудинки. Воду или снег для бульона приносит муж. В то время, как он наполняет котел, он кладет поперек его верхнего края деревянную колотушку от бубна и повторяет три раза следующую краткую формулу: "О Солнце! Дай нам теплую воду". Роженица надевает широкую одежду, под подол которой ставится котел с бульоном. Над паром бульона она греет грудь, так как считается, что от этого грудь ее делается мягкой. Она съедает часть мяса и старается выпить как можно больше бульону. Она должна выпить весь котел, и чем скорее она сделает это, тем лучше. Первые две недели после родов роженице дают самую лучшую пищу, тщательно сваренную. Кроме того, она все время пьет крепкий бульон. Считается, что бульон увеличивает количество молока.

Тотчас же после родов бедра женщины крепко перевязывают ремнем, чтобы все кости ее приняли первоначальное положение. Чукчи уверены, что если этого не сделать, то женщина станет болезненной и жизнь ее укоротится. Ремень не снимается в течение трех дней. Все это время женщина по большей части находится во внутреннем пологе и лишь ненадолго выходит в наружный шатер. На четвертый день ремень развязывается, и женщина выходит в наружный шатер и приступает к исполнению домашних работ».

9 декабря. Билибино

Привет, дорогая Вероника!

Только что вернулся со встречи с семидесятипятилетней чукчанкой. Сама эта встреча произошла лишь потому, что задержался рейс в Анадырь. Да! Я многое бы потерял, если бы самолеты летали по расписанию... Нахожусь под впечатлением. С нею была её младшая дочь. Она помогала мне, потому что речь чукчанки была не совсем понятна. К тому же она разговаривает очень тихо. Я сделал кое-какие наброски и пересылаю их тебе. Это «сырой» материал, из которого в будущем может вырасти целый роман. Теперь жди моих писем из столицы Чукотки. Надеюсь, завтра я все-таки окажусь там.

* * *

В последний день пребывания в Билибино я встретился с Марией Васильевной, пожилой чукчанкой, которая родила восьмерых детей. Причем шестерых из них — в тундре. Мы познакомились на вечере национальных культур, и я попросил Марию Васильевну о встрече.

Сначала я хотел пригласить Марию Васильевну к себе, но она предпочла «свою территорию». За мной пришел её внук и отвел к старому длинному одноэтажному дому на улице 30-летия Советской Чукотки. Здесь обычно останавливаются чукчи, приезжающие из поселков в райцентр, главным образом в больницу.

В одной из небольших комнат этого барака меня ждали Мария Васильевна и ее дочь Людмила. Я старался запоминать все сказанное и делал записи, чтобы не ускользнула ни одна ре-

плика. Сосредоточиться было трудно, потому что хотелось смотреть на Марию Васильевну, на её лицо, глаза и, конечно, на руки. У старой чукчанки руки особенные. Они кажутся уставшими, огрубевшими, измученными и с внешней стороны напоминают зимнюю тундру с замерзшими реками-жилками и грядами сопкоморщинками. Взгляд у Марии Васильевны внимательный, но бесхитростный. Жизнь, как ни ломала, как ни разубеждала и ни разочаровывала, ничего не смогла поделать с нею. Спасали тундра и ее непреложные законы, не терпящие зла и не прощающие малодушия. Ее голос — тихий, нежный, даже жалобный, сохранивший интонации, обороты и выражения, которыми разговаривала Мария Васильевна двадцать, сорок и шестьдесят лет назад.

Язык народов Крайнего Севера, и особенно язык чукчей, несмотря на обилие твердых знаков, жесткое соседство гласных, включая букву «ы», с глухими и шипящими согласными, — тих и мягок. Им не накричишься, не выразишь злобу или ненависть, не позовешь в атаку, не споешь «Марсельезу». Этот язык для неторопливой передачи памяти, для легенд и преданий, он — для разговора на малом расстоянии, когда собеседники рядом. Мне показалось, что из уст женщины язык чукчей звучит иначе, чем из уст мужчины. Голос чукчанки будто создан для колыбельной, едва слышной в полумраке яранги. В любви это должен быть язык не менее чувствительный и обворожительный, чем французский. Русский актер, постигнув тайны языка чукчей и эскимосов, блистал бы на сцене и в пьесах Чехова не имел бы равных.

МАРИЯ

Мария Васильевна родилась в середине двадцатых годов в яранге. Её семья носила имя Рассвет (Вэнтынэ) и относилась к чукчам-лучникам, в древности охотившимся с помощью лука и копья. Отец был оленеводом, и звали его Оленёнком (Коравьге). Маму звали Солнышком (Тэркытваль). До замужества она пас-

тушила у богатых, чтобы прокормить семью. После того как Оленёнок с Солнышком поженились, у них стали рождаться дети, и, что немаловажно, росло стадо — до трех тысяч оленей. Впрочем, у чукчей по тем временам такое стадо не считалось большим.

Мария Васильевна помнит из рассказов матери, как пришедшие в тундру большевики — «какой-то Мандриков» — отобрали стадо; помнит, что один из большевиков, его звали Железная Нога, отказывался исполнять грабительский приказ, и его свои же расстреляли; помнит, что все время голодали и что родители, поддерживая отношения с американцами, ездили на Аляску, увозили шкуры и пушнину, а привозили чай и сахар. Помнит Мария Васильевна и начало коллективизации, когда их, едва окрепших, вновь ограбили, теперь уже под видом раскулачивания, оставив на пропитание триста оленей. Приехал какой-то русский и

сказал: «Вы, товарищи, пасите оленей, как пасли, только повнимательнее: теперь это стадо государственное!» Помнит, как вновь голодали и были вынуждены есть евражек (сусликов) и медвежатину.

Тогда же стали организовываться совхозы, а при них — школы. Но мама Марии Васильевны считала, что никакого образования в тундре не надо. Сама тундра — лучшая и единственная школа, а всякое прочее образование едва ли принесет счастье. Скорее, наоборот, грамотная чукчанка обязательно выйдет замуж за русского и покинет тундру, в то время как главный завет предков и неперемное условие существования кочевого народа: «Никогда не оставлять стадо!» Как земля кормит крестьянина, станок — рабочего, а мастерок — строителя, так стадо кормит пастуха-оленевода. И не только кормит. Стадо — это домашний очаг-яранга, тепло и свет жирника, спасительная одежда, наконец, это стремительное движение вперед и единственная возможность выжить в условиях, в которых, кажется, человек жить не может. Мама Марии Васильевны была мудрой и доброй, настоя-

щим Солнышком в холодной тундре. Однажды она тяжело заболела. Марии Васильевне было двенадцать лет, когда Солнышко закатилось... Отчего-то я не спросил Марию Васильевну о судьбе отца, знаю только, что после смерти матери она осталась сиротой и не пропала лишь потому, что трудилась в стаде, помогая братьям.

ИВАН

В то далекое от нас время в тундре появился молодой оленевод Иван — высокий, симпатичный русский парень из Брянской области. Родился он сразу после революции, в 1918 году, рос в деревне и однажды набедокурил: с кем-то подрался. Его судили, но «пожалели», отправив не в тюрьму, а в тундру, пасти оленей. (А мы ругаем режим за отсутствие гуманизма.)

Иван поначалу просто пастушил, но вскоре проявил способности, возглавил оленеводческую бригаду и в этой должности проработал до конца жизни! Бригада Ивана считалась лучшей, а сам бригадир стал уважаемым и известным человеком. У него не раз была возможность уехать, но он тундру не оставил и каторжный труд оленевода ни на что не променял. «Тайна» этого профессионального успеха — в крестьянском трудолюбии, умноженном на счастливую восприимчивость: Иван учился оленеводству у старейшего олонского пастуха Куриллова, и тот открыл русскому парню многие тайны ремесла.

...Труд оленевода действительно каторжный, не допускающий ни перерыва, ни отдыха, ни отвлечений. Весной появляются на свет телята, и пастухи круглосуточно их караулят: будят, поднимают, согревают, чтобы телята не околели. Причем это надо проделывать осторожно, стараться не спугнуть важенок, которые могут убежать, оставив телят, и тогда они наверняка погибнут. Надо выходить со стадом на такие места, где рыхлый снег, иначе

слабые телята не проберутся сквозь ледяную корку к моху. Но где найти рыхлый снег, если днем пригревает солнце и ночью от мороза на снегу образуется ледяная корка? Остается перемещать стадо из леса в долины, затем опять в лес, в ягельные места, которые надо хорошо знать. Ягель — основной корм оленей в зимнее время. Он растет медленно — три-четыре миллиметра в год. Это связано с коротким периодом вегетации. При недостатке влаги ягель (его еще зовут оленьим мхом) не погибает, но перестает расти. При обкусывании оленями верхней части рост ягеля замедляется, а съеденный до основания — вообще не восстанавливается. Такие особенности требуют от оленеводов не только внимательного отношения при выпасе, но глубоких знаний и скорых обдуманных решений. Нельзя в течение двух лет подряд пригонять стадо на одни и те же пастбища. Летом и осенью нельзя загонять оленей на обезвоженные ягельные участки. А ведь олень движется только вперед. Поэтому пастух-олeneвод должен знать не отдельный участок, а всю тундру, на сотни, если не на тысячи километров. И водить стадо тоже надо осторожно: бросившись наутек, олени могут затоптать телят. И чтобы провести отёл, тоже надо подобрать удобное и безопасное место. Для всего этого надо кочевать, кочевать, кочевать... Ночью надо смотреть в оба, потому что не дремлют безжалостные волки, ненасытные медведи, коварные россомахи. Чуть зазевался, отвлекся — и нет твоего стада. Волк не только злой и безжалостный, он хитрый и умный. Долго, терпеливо, с прищуром следит он... нет, не за оленями (зачем за ними следить?) — за оленеводом: изучает его поведение, ищет слабинку, чувствует её и, если обнаружит, не прощает.

У-у-у! Матерый полярный волк, глядя раскосыми глазищами на оленевода, точно знает, есть у того патроны или нет. А на три тысячи голов всего три оленевода! Не то что поспать — чайку попить и то не всегда удается.

Затем надо выходить со стадом на послевесенний маршрут. Летом работы тоже много: жара, дожди, туманы, гнус... В августе появляются ядовитые грибы. Олени их поедают, пьянеют и часто

гибнут. К тому же летняя ночь - рай для хищников. Надо дежурить усиленно. Сентябрь — время гона. Тоже период ответственный. Ненужных быков-самцов надо кастрировать. Надо также спиливать рога и сдавать. Из них извлекается ценный препарат стимулирующего действия. Потом приближается забой оленей и надо формировать товарное стадо. Затем нужно вновь выходить на зимовку, готовиться провести её без потерь. А там — весна, и все происходит по кругу, повторяется из года в год, из века в век...

Я изложил сотую, тысячную часть того, что проделывает пастух. А ведь жизнь полна неожиданностей, и к ним надо добавить всевозможные бюрократические препоны, вмешательство начальства: сегодня так, завтра иначе, послезавтра вновь по-старому. Вот и вся жизнь, без остановки, без отдыха. И все пешком, на лыжах или на оленях. Все время оленевод при стаде, и яранга — его желанный дом, его очаг...

Но какой очаг без любимой?

ВСТРЕЧА

Однажды русский оленевод Иван, кочуя вдоль берега реки Олой, притока Омолона, остановился у избушки, где его бригада обычно заготавливала мясо. В то самое время мимо кочевала другая бригада, в которой работала чукчанка Мария. На заснеженном берегу они и встретились. Он сказал ей: «Возьму тебя замуж, но будешь ли меня слушать?» «Конечно, буду!» — ответила Мария. «Будешь делать то, что я скажу?» — вновь спросил Иван. «Буду делать всё, что скажешь! — сказала Мария и в свою очередь спросила: — А ты?.. Ты меня не бросишь?» «Нет! Никогда не брошу! Буду всегда жить с тобой!» — ответил уверенно Иван.

Так поведала об этой судьбоносной встрече Мария Васильевна, и я дословно привожу ее рассказ, не сомневаясь, что разговор с Иваном был именно таким... хотя Мария в то время не по-

нимала по-русски, а Иван совсем не знал языка чукчей. Когда душа говорит — нужны ли переводчики? В тундре, у реки Олой, они познакомились и полюбили друг друга. Мгновенно. С первого взгляда.

Но что дальше? Вот испытание! Родственники Марии были решительно против того, чтобы она выходила за русского. Даже спрашивать об этом не стоило. В тундре обычай надо чтить. Решение семьи — закон, противиться которому дело неслыханное. Что было делать? Времени на раздумья не было, а шансов встретиться еще раз — никаких. Тогда Иван подкатил нарту, постелил оленьи шкуры и шепнул Марии: «Ложись и не шевелись!» Она, как и обещала, подчинилась. Он накрыл ее шкурами и рванул.

Братья Марии были проворными и, заметив исчезновение сестры, бросились вдогонку. «Убьют они меня!» — запричитала из-под шкур Мария. «Не бойся! Я с тобой!» — успокоил Иван. Но чукчи оказались не лыком шиты. Может, на Брянщине они бы Ивана не догнали, но тундра — их стихия. Они настигли беглецов, бросившись наперерез. Остановили, схватили Марию, и если бы не Иван, то ей несдобровать. Ведь, связываясь с русским, она предает их языческую веру. Братья поначалу хотели запугать сестру и вернуть в стойбище. «Ты с ним или с нами?» — строго спросили они. Но Мария, собрав волю, сказала: «С ним поеду. Его одного люблю!» Тогда один из братьев засунул ей в рот палец: «Разорву, если только не вернешься!» Но тут уж Ваня пришел в ярость. Он был парень крепкий — взял одного за волосы, другого за грудки и расшвырял. Убивать не стал: все же родственники... «Ну раз не хочешь с нами ехать — больше в стойбище не возвращайся», — строго предупредили братья, отряхивая снег с кухлянок.

Раньше, если муж бросал жену, то такая женщина оставалась на стоянке и уже не смела кочевать вместе с родом. Оставшись одна в тундре, она была обречена на гибель. Вот и Марию предупредили: «Бросит — не возвращайся». Но Иван сказал: «Если я тебя однажды взял, то уже не брошу. Будем жить до

смерти!» И слово сдержал, прожив с Марией всю оставшуюся жизнь.

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК

Итак, они встретились. Это произошло то ли в 1946-м, то ли в 1948-м году. Мария Васильевна точно не помнит, и уже, наверное, никто не помнит, но это не важно; главное — они теперь вместе. В 1949 году у них родилась дочь. Первого ребенка назвали Валентиной. В то время уже выдавали паспорта, детей должны были ставить на учет, лечить, учить, — словом, имя нужно было русское. А вообще, у чукчей имя ребенку давала мать. Вот что пишет об этом В.Г.Тан-Богораз:

«Имя выбирается при помощи гадания на "подвешенном предмете". В качестве "подвешенного предмета" в данном случае служит особый камень или часть одежды матери или ребенка, например, обувь или шапка. Мать держит в руках ремень с привязанным к нему предметом, перечисляет по порядку имена всех умерших родственников. Называя какое-нибудь имя, она говорит: "Это подойдет?" Выбирается имя, при произнесении которого предмет начинает раскачиваться.»

Как же родила Мария своего первенца?

Ей надо было ехать в Омолон к врачу. Иван посоветовал остаться, потому что врач обещал приехать сам. «Нет, я поеду!» — проявила характер Мария. Только отъехала — начались роды. Пришлось возвращаться. Но это сейчас Мария Васильевна говорит: «начались роды». А тогда она просто почувствовала, что заболел живот. В чукотских семьях запрещалось говорить о деторождении, и, случалось, роженица до последнего дня не знала, что с ней происходит, тем более не знала, как рожают и вообще

от чего получают дети. Мария тоже не понимала, почему у неё такой большой живот.

«Я посмотрела: почему пупок не открывается?» Она была убеждена, что дети выходят наружу через пупок. А Иван, занятый стадом или из деликатности, ничего ей не объяснил. А может, и сам не знал. В общем, Мария совершенно не представляла, откуда берутся дети.

Чукчанки рожали особенно. Быстро, неожиданно, без лишних приготовлений, церемоний и тому подобных сантиментов, на которые в кочевых условиях нет времени. Рожали молча и... сидя на корточках. Как бы ни было больно, чукчанка даже пикнуть не могла. Это считалось грехом: если закричит — придет злой дух и заберет ребенка. Сейчас таких подвигов от чукчанок не требуют, но они и по сей день рожают быстро и молча.

«Женщина, которая имела помощь при родах, потом всю жизнь терпит насмешки, и даже муж ее нередко получает насмешливое прозвище: "повитушный". Широкий таз, ввиду того что он облегчает роды, считается одним из главных признаков женской красоты. Влюбленный чукча похвалу своей возлюбленной начинает с восхваления ее силы и статности. Потом указывает на ее дородность, затем упоминает о её широком тазе и уже только после этого обратит внимание на длинные волосы, густые брови и румянец лица. Краткая формула похвалы проста: "Большая женщина, большой таз, длинные косы"».

(В.Г.Тан-Богораз. «Чукчи».)

Оставшись одна в яранге, Мария стала рожать. Считая, что ребенок должен появиться из пупка, она встала а четвереньки и ждала, когда пупок откроется. Слава Богу, вовремя пришла двоюродная сестра: «Ты с ума не сходи! Чего стоишь на четвереньках?» Сестра помогла Марии, показала, как надо встать, как дышать, что делать после родов с ребеночком, помыла его, запеле-

нала... Так появилась Валентина, которая живет и здравствует в Омолоне.

Следующий ребенок родился через пять лет. Причем в обстоятельствах не менее любопытных.

НА БРЯНЦИНЕ

В 1954 году Иван неожиданно собрал вещи. В тундру сел небольшой самолет, погрузились в него всей семьей и улетели на материк. Как казалось, насовсем.

Иван привез жену и ребенка в Брянскую область к своим родным. Мария волновалась: примут ли ее, чукчанку, в русском селе? К тому же она была беременна, да еще с пятилетней девочкой на руках.

Но оказалось, все переживания были напрасны. И родственники, и сельчане приняли Марию радушно и тепло, хотя было необычно, что в исконно русском селении появилась чукчанка. Иван сказал всем: «Я её привез, и пусть она здесь живет. Не обижайте ее». Поскольку Мария впервые оказалась на материке, то поначалу вела себя словно дикая. Вдобавок она практически не понимала по-русски. К этому времени Мария почти десять лет прожила с Иваном, но русский знала плохо. Как же они понимали друг друга? Оказалось, когда надо, помогала все та же двоюродная сестра. Она была грамотной, и именно у нее научилась Мария разговаривать по-русски.

Итак, Иван привез Марию на свою родину, и спустя несколько недель у них родился второй ребенок. Уже не в яранге, а в родильном доме. Им вновь оказалась девочка, которую назвали Раей. Иван построил дом, намереваясь начать новую жизнь, но, прожив год с небольшим, неожиданно собрал вещи и вернулся в тундру.

Мария Васильевна считает, что муж вернулся в тундру потому, что на селе платили маленькую зарплату. Но Иван Михай-

лович был человеком масштабным. Север таким его воспитал. На Брянщине он был обыкновенным колхозником, каких тысячи, а в тундре — уважаемым и значимым человеком, в котором нуждались все: от начальства до оленевода. Никто во всей оломонской тундре не знал так своего дела, как он, русский деревенский мужик. Там, на Крайнем Севере, он был нужнее, и это решило всё. Мария, оставшись в русском селе с двумя детьми, опасалась, что муж больше не вернется. Однако спустя полгода он приехал за ней. Родители Ивана (добрые русские души!) привязались к чукчанке и так полюбили внучек, что попросили оставить их на какое-то время, пока есть силы нянчить. Поэтому Иван решил оставить дочерей на Брянщине, где они и росли под заботливым оком бабушки и дедушки. «На время», как водится, растянулось на многие годы. Валентина выросла, пошла в школу, впоследствии вышла замуж, родила ребенка и только потом вернулась в Оломон. А Раиса и по сей день живет в Брянской области.

СНОВА В ТУНДРЕ

В сентябре 1955 года родился еще один ребенок, и вновь дочь. (Что ты будешь делать!) Как и Валентина, она родилась в тундре. Но теперь, будучи опытной, Мария рожала без посторонней помощи. Муж, как всегда, был со стадом. Когда начались боли, Мария приготовила ножницы (вэныткунэн), нитку из оленьих сухожилий, расстелила шкуры и родила. Затем она перерезала пуповину, аккуратно завязала пупок и, как это делают акушеры, прижгла йодом. Девочка оказалась здоровой и способной к учебе. Сейчас Лариса проживает в Москве, по профессии — врач: занимается охраной здоровья народов Севера.

Следующего ребенка ждали четыре года. Ждали мальчика, потому что оленеводу нужен наследник. Мужчина — глава семьи, охотник, оленевод, с ним связано будущее. Но почему-то рождаются девочки, и женщины вынуждены рожать до тех пор,

пока не появится мальчик. Оттого в тундре часты многодетные семьи. Но у Марии с Иваном четвертым ребенком вновь оказалась девочка.

Она родилась под самый Новый год. В то время при каждом совхозе был клуб, а в нем — отдел агитбригад с довольно мощной технической базой, включавшей вездеходы и киноаппаратуру. Агитбригады объезжали оленеводческие стойбища и даже отдельные бригады, которых в то время в одном только Омолоне насчитывалось десятка полтора. Пастухам привозили популярные фильмы и крутили их прямо в яранге или в палатке. Надо было ни о ком не забыть, всех просветить и все объяснить, а главное — показать, что люди в тундре не оставлены, что о них помнят и они нужны стране. И оленеводы это ценили. Сейчас, конечно, даже представить подобное невозможно. Не потому, что появились телевизоры, а потому, что в том же Омолоне кореным жителям не до кино. Они нередко голодают, питаются комбикормом, к тому же свет там включают лишь на несколько часов. Это в поселке. Про тундру же и говорить нечего.

Вечером 31-го декабря агитбригада привезла в тундру кинофильм «Тихий Дон». Известно, что страсти там разыгрываются нешуточные: и политические, и ещё больше любовные. Конечно, пастухи из бригады Ивана собрались посмотреть кино, а заодно встретить Новый год. И Марии тоже хотелось увидеть фильм, о котором столько слышала. Но именно в этот предновогодний вечер у неё начались схватки. Что делать?

«На дворе пятьдесят градусов. Всё приехали смотреть кино, а я рожаю!» — смеясь, рассказывает Мария Васильевна. Но тогда было не до смеха. В их яранге, ожидая начала сеанса, находились четверо мужчин. «Представляете! — включается в разговор Людмила. — Люди пьют чай, разговаривают, а мама сидит напротив и рожает!» «Нет, не так, — поправляет младшую дочь Мария Васильевна. — Вот стол, вот пастухи сидят, вот я рожаю. Акулина, соседка, меня платком прикрыла, а они пьют чай, рассказывают друг другу какие-то истории и не подозревают, что я

рожаю. Как он (муж) приехал, зашел в палатку, как всё увидел — так сразу всех выгнал! А они даже не поняли, в чем дело. Только ушли — я родила. Они пошли смотреть кино, а я осталась с ребенком».

Людмила добавляет к рассказу Марии Васильевны: «Мама родила Свету, завернула в рубашку, успокоилась и говорит: "Я тоже хочу смотреть кино. Это же впервые в жизни!". Но папа строго наказал отдыхать после родов. И, кроме того, что подумают остальные? "Ты же не собачка какая-нибудь!" Но мама папу перехитрила».

Ивану и в голову не могло прийти, что чукчанка сразу после родов способна не только смотреть кино, но, если надо, играть в футбол. Мария, как только ушел муж, оделась потеплее, вышла из яранги, незаметно подобралась к палатке, в которой демонстрировали фильм, проделала дырочку (а может, дырочка там уже была) и, стоя на коленях, в пятидесятиградусный мороз смотрела кино!

Закончилась первая серия, и, пока киномеханик менял катушки, Мария быстро вернулась в ярангу, сняла верхнюю одежду и как ни в чем не бывало залезла под шкуры.

Пришел Иван проведать жену и ребеночка: «Ну, как там Мария? Не замерзла?» — спросил Акулину. Соседка, которая в заговоре с Марией, отвечает: «Нет, не замерзла». А Мария лежит под шкурами, вроде как спит. Иван попил чаю и пошел досматривать «Тихий Дон». Только началась вторая серия — Мария вновь к палатке. Так она посмотрела весь фильм.

Если бы его создатели знали, что на краю земли, в тундре, только что родившая чукчанка, стоя на коленях в жуткий мороз, смотрела сквозь дырочку в палатке их трехчасовой фильм, то уже одним этим зрителем были бы счастливы. И если бы присуждали самые высокие премии, включая Оскара, не только за лучшие роли и режиссуру, но еще и самому великому кинозрителю всех времен и народов, то не сомневаюсь, что таковой был бы определен единогласно. Им бы стала Мария!

Мария Васильевна родила Светлану, не «дотянув» до 1959 года два часа. Но Иван все же поставил дату рождения 1 января 1959 года. (Боюсь, и сейчас чукчанка родит, а муж поставит дату рождения по своему разумению.)

ОМОЛОН И АПОЛЛОН

Спустя два года у Ивана и Марии наконец родился мальчик, Владимир. Он родился в феврале. У них почти все дети зимние. Мария рожала в междукочевье, потому что во время движения по тундре нарту трясет, возникают дополнительные нагрузки и есть риск родить преждевременно, а то и выкинуть. Так что здесь все верно и для здоровья правильно. Кстати, все дети родились и росли здоровыми, крепкими. Владимир сейчас проживает в Омолоне.

В 1965 году, летом, вновь родилась дочь — Катя. А следующим появился на свет мальчик Витя. Он родился в мае, и это были самые драматичные роды.

Май в тундре — не май в Подмосковье. Здесь могут быть и метели, и морозы, и все что угодно. Бригада Ивана кочевала в поселок, чтобы привести туда только что родившихся телят. Было холодно, и ночью их приходилось поднимать, чтобы не замерзли. Кроме того, подыскивали места, где не так много снега, чтобы телята смогли копытцами пробить ледяную корку и достать корм. И тут у Марии начались схватки.

«Два шага сделаю — сижу. Еще два шага сделаю — опять сижу. Он говорит: "Мария, потерпи! Надо докочевать до поселка". Поднялись на сопку, устали, давай кипятить чай. Только вскипятили, как началась пурга. Он говорит: "Пойду телят поднимать, а то снегом засыпет — и погибнут." Он ушел, а я давай рожать».

В палатке было холодно. От сильного ветра она ходила ходуном. На то, чтобы затопить печку, не осталось сил. Кроме то-

го, Мария боялась, чтобы искра не спалила палатку: тогда — верная гибель. Иван спасал стадо и, выбиваясь из сил, поднимал телят, а его жена в это же время спасала себя и будущего ребенка. Как обычно, она приготовила все необходимое: ножницы, нитку, йод, подстелила пыжиковую шкуру и силилась родить. Но на этот раз ничего не получалось: то ли от холода, то ли от тревоги за мужа, то ли еще от чего-то. В палатке был небольшой столик вроде журнального. Мария подстелила под ним пыжиковую шкуру, стала на колени, обхватила столик, уперлась в крышку: «Или умру, или рожу! Как потянула этот стол, а ребенок у меня прямо и выскочил. Он был такой холодный! Ведь печка не топится, ветер гуляет по палатке...» Впотьмах и суматохе куда-то подевались ножницы. И она, как это делали предки, перегрызла пупок, потом завязала его кусочком платка, завернула ребенка в шкуру и упала без чувств. Спустя какое-то время пришла в себя, встала, разожгла печку, растопила лед и помыла сына.

Невероятно, но точно так же, как родился этот чукотский мальчик, появился на свет луконосный сын Зевса и Лето, о чем свидетельствует Гомер. Только вместо столика богиня использовала тропическое дерево. Девять дней и столько же ночей мучилась Лето в «безнадежно тяжелых схватках», и никак на помощь не приходила Илифия, богиня — покровительница рожениц. Ее удерживала ревнивая Гера. Наконец Илифия добралась до острова:

*«...Только ступила на Делос Илифия, помощь родильниц,
Схватки тотчас начались, и родить собралась богиня.*

*Пальму руками она обхватила, колени уперла
В мягкий ковер луговой. И под нею земля улыбнулась.*

Мальчик же выскочил на свет.

И громко богини вскричали...»

СЧАСТЬЕ МАРИИ

В 1970 году у Марии и Ивана родилась еще одна дочь — Людмила, с которой я и познакомился.

«Я родилась в Омолоне, на полу восьмиквартирного дома, в более-менее человеческих условиях», — рассказывает, улыбаясь, Люда. Она была восьмым ребенком и вторым, который родился не в тундре. Больше Мария не рожала: «Ну хватит уже! Сколько можно!»

Зачем же столько рожать, да еще в таких условиях?

Мария Васильевна ответила просто: «Они нам были нужны!» А Людмила пояснила, что таковы были устои и традиции: «Больше, чем оленями, богатство семьи определялось количеством детей. Женщины не делали аборт, а о том, чтобы предохраняться, не было и мысли. Если Бог дает, значит, так надо, — и кто мы, чтобы противиться? И отец хотел иметь сыновей».

Я спросил, не ругал ли он Марию Васильевну за то, что родила только двух сыновей. Людмила ответила, что отец вообще никогда не ругал жену.

«Мама считает, что ей повезло. Кажется, разные национальности, различные вероисповедания, понятия о жизни тоже разные, и даже изъясняться они в полной мере не могли, но тем не менее прожили вместе жизнь. И прожили счастливо. Мама жила как за каменной стеной и даже не знала, что за этой стеной происходит. Войны, политические бури, кризисы и прочие события были ей неведомы и прошли, её не касаясь. Лицом и душой она была обращена к семье. Был дом-крепость, и она была в нем хозяйкой. Мама не знала, что и где купить, достать, как заработать, на что потратить. Все делал отец. Если надо ехать в отпуск, значит, надо. Москва, Сочи, Адлер, Ялта... Мама не ведала, откуда берутся деньги и вообще что это такое. Таких забот у нее не было. Она знала, что нужно убрать в яранге, пошить одежду, постирать, приготовить еду, заниматься детьми... Хотя и отец тоже нас воспитывал».

«Только начну что-нибудь делать, — добавляет к словам дочери Мария Васильевна, — он останавливает: "Мария, у тебя есть дом и дети. Остальное сделаю я"».

«Отец маму одевал, возил на материк, на курорт и гордился ею, — продолжает Людмила. — Он был интересный, высокий, стройный — настоящий русский мужчина и, наверное, мог влюбить в себя много красивых женщин. Но он любил только свою Марию».

«Многих бросали мужья, — говорит Мария Васильевна. — В Омолоне русские часто женились на чукчанках, делали детей, потом бросали их и уезжали. Остались вместе жить только мы с ним и еще одна семья».

В августе 1990 года Иван Михайлович умер. Он, потомственный русский крестьянин, всю жизнь прожил в тундре. Работал на совесть, знал свое дело не хуже чукчей или эвенов. Круглый год в тундре, а значит — постоянно мокрые ноги... В конце концов у него развился ревматизм, и он захромал. В 80-е годы ревматизм обострился и перешел на сердце. Иван Михайлович мог уехать на материк и постараться вылечиться, а если не удастся — умереть на родине. Но он предпочел остаться в тундре, рядом с Марией. Его похоронили в ставшем для него родным Омолоне.

Он оставил ей детей, заботливых, чутких, совестливых. Они любят и берегут Марию Васильевну. Этим летом возили её в Брянскую область повидаться с дочерью Раей. Мария Васильевна живет в Билибино у младшей дочери, в тепле и заботе, в окружении любящих внуков. Ей есть что вспомнить. И все потому, что однажды у реки Олой судьба одарила ее любовью. Ей надо было решать мгновенно, сразу, в течение нескольких секунд. И она не испытывала судьбу, не противилась ей. «Я счастлива, потому что прожила жизнь с тем, кого любила».

Вот уже десять лет, как Мария осталась без своего Ивана. Но она всегда думает о нем. В её жизни он был единственным

мужчиной. И этот единственный оказался и любимым, и любящим! При первой нечаянной встрече, не зная языка, Иван сказал: «Никогда не брошу!» И она была счастлива с ним, живя в его тени, под его защитой. Она жила так, как хотел он, и была такой, какой он хотел её видеть, и делала всегда только то, что говорил он.

Покорство? Рабство?

Ничуть. Просто она так понимала жизнь и свою роль видела в том, чтобы идти за ним и помогать ему. Во всем! Он и был для нее всем. За время разговора Мария Васильевна ни разу не назвала своего мужа по имени. Только — Он. Конечно же, с большой буквы.

(Автор стихов неизвестен.)

*Где плыву, куда причалю?
Ты не гнись, мое весло.
Не заметил, как печалью
Лодку горе унесло.*

*А у горя, как у моря,
Волны черные дики.
И любовь, со мною споря,
Погасила маяки.*

*Ты плыви, плыви далеко,
Спорь с туманом над волной.
И красиво, и жестоко,
Но жестоко лишь со мной.*

*Из книги В.Н.Жука «Мать и дитя».
Санкт-Петербург, 1891. С.273-274.*

«Въ Малороссіи, у простаго народа, существуетъ убежденіе, что матери "не годится резать пуповину", а потому, если случится женщине родить одной, то она всегда перегрызаетъ ее и завязываетъ узлом, въ ожиданіи повитухи. Перевязать же сама не имеетъ права, иначе ребенокъ выйдетъ такой, что "выишь очи и батькови, и матери", вслѣдствіе чего въ подобныхъ случаяхъ дети часто исходятъ кровью. Кажется, что предразсудокъ этотъ распространенъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. У дикарей существуютъ тоже своеобразные способы отделеія ребенка отъ послѣда. Въ Австраліи и въ Южной Америке мать разминаетъ или отрезаетъ пуповину. Другія племена для отделеія послѣда употребляютъ острые камни, раковины, деревянные ножи, третьи перекручиваютъ пуповину и кусокъ, оставшійся у ребенка, не перевязываютъ, а присыпаютъ кровоостанавливающими веществами. Весьма вероятно, что эта перерезка тупыми орудіями не даетъ такъ часто опасныхъ кровотеченій (въ хирургіи иногда употребляется подобный же способъ), как перерезка острыми орудіями безъ перевязки или со слабо затянутой петлей...»

*Из книги Генри Друммонда «Эволюція
и прогрессъ человека». Москва, 1897. С.320.*

«Въ то время, какъ мущина, безпокойный, пылкій, голодный, является странникомъ на земле, женщина созидаетъ домъ. И хотя бы этотъ домъ былъ только по-

мостомъ изъ сучьевъ и листьевъ, въ роде того, какой строить себе на дереве горилла, онъ становится первой великой школой человеческого рода, потому что въ одинъ прекрасный день въ этой безкровельной комнате появляется то, что призвано учить учителей міра, — младенецъ.

Никогда не всходилъ более великій день для эволюции, какъ тотъ, въ который родилось первое человеческое дитя. Ибо тогда вступило въ міръ единственное, чего недоставало для завершения человеческого прогресса, — учитель любви. Возможно, что мать учитъ ребенка, но въ гораздо более глубокомъ смысле дитя учитъ мать. Милліоны милліоновъ матерей жили въ міре до этого, но высшія чувства любви не родились. Нежность, кротость, безкорыстіе, любовь, попеченіе, самоотверженіе — ихъ еще не было, или если они и были, то только въ зародыше. Деторожденіе существовало въ низшихъ формахъ, но материнства еще не было. Чтобы создать материнство и все, что заключается въ этомъ святомъ слове, требовалось человеческое дитя...»

10 декабря. Анадырь

Здравствуйте, Валентина Федоровна!

Как и обещал, пересылаю Вам сочинения чукотских учащихся. Я уже не надеялся их получить, но их мне вручили буквально перед вылетом.

Пролетали над Билибино, и, пока не стемнело, я наблюдал его с высоты. Город с желтыми огнями выглядит оазисом на фоне темнеющей горной пустыни. Мы проплыли над освещенными улицами и кварталами, среди которых я прожил десять дней. Чуть в стороне — сияющая атомная станция, еще дальше — редкие огни рудника. Там, внизу, остались библиотека, Дом культуры, краеведческий музей, бесчисленные магазинчики, больница и родильное отделение, аптека, школа, дирекция горно-обогатительного комбината... Где-то, в одном из домов, — квартира, которую я только что покинул. Но главное, там остались мои добрые знакомые, о которых ещё десять дней назад я ничего не знал. Доведется ли когда-нибудь с ними встретиться и что сделать, чтобы время, которое от всего лечит, не стерло память о них?

Где-то здесь в 1821 году побывал Фёдор Фёдорович Матюшкин — «чужих небес любовник беспокойный». В краеведческом музее висит карта с обозначением маршрутов знаменитых путешественников. Матюшкин проходил как раз через эти места. Накануне экспедиции Пушкин давал ему советы и учил, как правильно вести журнал путешествия...

Теперь я уже в другой части Чукотки, находящейся от Билибино на огромном расстоянии. И хотя сейчас ночь, она уже — не полярная. Утром надеюсь увидеть солнце.

*Из сочинения ученицы 11 класса
Екатерины Денисовой на тему
«Размышления о милосердии»:*

«Оставаясь наедине с собой, я размышляю о достоинствах и недостатках людей. Мы все разные. У каждого свои особенности. Есть такие, которые не могут прожить и дня, не совершив что-нибудь подлое, злое. Но есть такие, которые не могут представить свою жизнь без добра и милосердия. К таким людям относится моя мама. Она учит меня помогать нуждающимся, независимо от национальности или внешнего вида, и стараюсь всегда помогать людям. Я также забочусь и о животных, ведь они беззащитны. Делая добро, я не рассчитываю на взаимность. Но, столкнувшись однажды с нею, я была потрясена.

Примерно месяц назад я заметила, что у нашей двери стал появляться молодой человек в обносках. Парень был молчалив, но за него говорили глаза: он хотел есть и призывал помочь. Но все проходили мимо, думая, что в подъезде ошивается очередной алкоголик. Никто, кажется, и не взглянул на парня. Но мы встретились с ним взглядом, и меня поразило выражение его глаз. Мне показалось, что я поняла его. Я обо всем рассказала маме. Она собрала ему поесть. Еле слышно, он поблагодарил. Затем еще несколько раз он появлялся у дверей, но не был назойлив, никогда не выпрашивал милостыню, а молчаливо ее ждал. Мы помогали, чем могли.

На днях мы с мамой услышали тихий стук. Мама открыла дверь и увидела перед собой этого парня. Он протягивал ей булку хлеба. «Вот, я вам хлебушка купил», — сказал он слабеющим голосом. У нас с мамой, кажется, все внутри перевернулось. Мама, конечно же, сказала, что нам не надо, что у нас все есть, чтобы он сам его ел... Он посмотрел на нас с благодарностью, прижал хлеб к груди и тихо ушел. А мы еще долго стояли у открытой двери. Он наверняка отдал все свои деньги за эту буханку, чтобы отблагодарить нас с мамой.

...Может, когда-нибудь в России все встанет на свое место, и мы начнем все с начала, начнем с добра и взаимопонимания. Я мечтаю о времени, когда не придется проявлять милосердие в том виде, как это случилось с этим парнем. Я хочу, чтобы сохранилось только душевное милосердие, когда мы любим и прощаем друг друга. Я бы все отдала, чтобы не видеть на наших улицах грязных, худых, голодных, измученных и просящих милостыню стариков. Если каждый из нас вспомнит о милосердии - не настанет конец света, к которому ведут сами люди, уничтожая друг друга...»

*Из сочинения ученицы 10 класса
Нины Терлецкой на тему «Я памятник себе...»:*

«В девятом классе запомнился урок "Женщины в жизни Пушкина". Если раньше мы знали только о Наталье Гончаровой, Анне Керн и Арине Родионовне, то после этого урока мы могли назвать и других женщин, которых любил поэт и которым посвятил свои стихи. Например, Анна Алексеевна Оленина. Увидев двадцатилетнюю красавицу, Пушкин сразу же влюбился. Петр

Вяземский рассказывал жене: *"Девушка Оленина довольно бойкая штучка: Пушкин называет её "драгунчиком" и за этим драгунчиком ухаживает"*. Пушкин сватался к ней, но её мать была против этого брака. Александр Сергеевич очень переживал и посвятил ей стихотворение "Я вас любил...".

Я живу на Крайнем Севере, в маленьком чукотском поселке Кепервеем, и знаю, что произведения Пушкина были переведены на чукотский и эскимосский языки. Как рассказывал наш известный писатель Юрий Рытхэу, Пушкина трудно перевести на чукотский язык. Взять хотя бы пролог к поэме "Руслан и Людмила":

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...*

Что ни строчка — загадка! Как все это перевести на чукотский язык? Что такое "лукоморье" и что такое "дуб"? Ведь у нас тундра безлесная. А кот? Подумаешь, диковинный зверь, который "песнь заводит" и "сказку говорит"? У чукчей все животные словно люди: они и поют, и разговаривают, и сказки рассказывают. Но переводы Пушкина есть, и чукотский народ может читать его стихи на своем родном языке, хотя я считаю, что Пушкина надо читать на языке оригинала, чтобы насладиться богатством великого русского языка, которым он владел, как никто другой.

Мне скоро шестнадцать, и я получу паспорт. В документе нового образца графы "национальность" не

будет. И я думаю, настанет время, когда все нации и народности соединятся, и будет один народ — Народ Земли. Но духовные ценности останутся, и среди самых значительных — наш Пушкин. Интересно, есть ли звезда, названная в честь Александра Сергеевича? Если нет, то пусть наша планета в будущем называется Землей Пушкина...»

*Из сочинения ученика 10 класса
Василия Доронина на тему
«Вообрази себя идущим по границе
прошлого с грядущим»:*

«Через месяц наступит новый год, новый век и новое тысячелетие. Нам повезло, потому что мы можем стать свидетелями этого события. В XX веке люди научились использовать электричество, атомную энергию, но эти и другие достижения не скроют отрицательной стороны уходящего века. Двадцатый век — век войн и насилия, трагедий и несчастий. Будем надеяться, что XXI век окажется к нам милосерднее...

...Люди уничтожают Землю и вместе с ней — себя: загрязняют воду и воздух, уничтожают животных и вырубают леса, ничуть не заботясь о природе. Они создают различные виды оружия. Кругом разрушения, война за войной, и никто, кажется, не задумывается о том, что станет с человечеством через несколько десятков лет. Вполне возможно, что вскоре вообще все исчезнет. Но ведь нельзя жить лишь одним днем...

...Главной бедой в нашей стране является то, что в Кремле и Парламенте сидят неумелые политики, а, чтобы наступили законность и порядок, нужно сменить старых, засидевшихся политиков на молодых, способ-

ных к действию, чтобы они не только обещали, но и выполняли обещанное. Такого мнения все люди в России. И на выборах мы будем голосовать за того, кто действительно сможет что-то изменить.

Двадцать первый век — век изменений, и пусть это будут изменения положительные...»

*Из сочинения ученицы 10-го класса
Анны Фесенко на тему «Мир пушкинской
поэзии. Мои любимые стихи»:*

«Наверное, нет такого человека, который бы не знал А.С.Пушкина. С некоторыми его произведениями я познакомилась еще в раннем детстве. Я слушала сказки Пушкина и благодаря им смогла научиться отделять добро от зла и жестокости. Позднее познакомилась в школе с его стихами. Почти все они о любви и дружбе, о стремлении к свободе. Пушкин — это голос нашего народа. В своем творчестве он затрагивал все проблемы, которые существуют в обществе. В стихотворении "Деревня" Пушкин мечтает об отмене крепостного права. В этом стихотворении он сочувствует крестьянам. Он себе и нам — всем задает вопрос:

*Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?*

...Так как Александр Сергеевич испытал любовь, то у него и много стихотворений о любви, и, читая эти стихи, мы чувствуем себя главным героем его стихотворений. Поэт с глубиной и нежностью пишет о люб-

ви. Стихи "Я помню чудное мгновенье..." — являются автобиографическими. А читая письмо Татьяны, мы невольно представляем себя на её месте. Когда Пушкин пишет о любви, он точно и искренне передает свои чувства, и поэтому их нельзя читать равнодушно. Мы проходим все то же, что прошел и прочувствовал сам поэт. При чтении его стихов о любви меня одолевает грусть.

Многие стихотворения Пушкина посвящены дружбе. В них Александр Сергеевич всегда старается поддержать в товарище бодрость духа. В стихотворении "К Чаадаеву" он заверяет, что все их труды не пройдут даром и когда-нибудь "...Россия вспрянет ото сна!". И все же мое любимое стихотворение — "Я помню чудное мгновенье...". Когда читаю его, мне кажется, я сама прохожу через чувства поэта. С Пушкиным мы знакомимся в раннем детстве, и больше он нас уже не покидает...»

*Из сочинения ученицы 11-го класса
Арины Тарабукиной на тему
«Я памятник себе...»:*

«В.Г.Белинский точно определил назначение поэзии: "...развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека как человека". И сегодня в этом ее святое назначение. И тем большую гордость испытываешь за нашу национальную культуру, что эти слова сказаны именно о пушкинской поэзии...

...Первое, что привлекает при чтении стихов Пушкина, — поражающая сила чувств, блеск ума. Но стихи его надо читать внимательно, вдумываясь в каждое

слово, потому что слово это важно для понимания целого. "В каждом слове бездна пространства..." — говорил о Пушкине Н.В.Гоголь...

...Стихи Пушкина о любви пробуждают самые добрые и искренние чувства. В них действительно присутствует "гений чистой красоты". Нежные и страстные, веселые и грустные — они учат любить по-настоящему. Неудивительно, что на эти стихи написано столько романсов...

...В своих стихах поэт описывает вроде бы самые обыденные чувства. Но как описывает! Читая эти стихи, поражаешься его жизнелюбию, умению вселять в людей надежду, веру, любовь.

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись,
День веселья, верь, настанет.
Сердце будущим живет.
Настоящее уныло.
Все мгновенно, все пройдет,
Что пройдет, то будет мило.*

А ведь дата написания этого стихотворения — 1825 год. Тот год был настоящим "унынием" для поэта...»

*Из сочинения ученицы 11-го класса
Екатерины Мартынюк на тему
«Мир пушкинской поэзии. Мои любимые стихи»:*

«Мне больше всего по душе стихи, в которых А.С.Пушкин выражает свою любовь, привязанность,

нежность, ласку и теплоту. Он умеет это выразить так, что стихи его хочется читать вновь и вновь...

... Помимо темы любви, в лирике Пушкина присутствуют и философские мотивы. Многие стихотворения, написанные в 30-е годы, содержат в себе глубокие философские и религиозные размышления о смысле и цели жизни.

*Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня...*

...Лично я не всегда могу сказать то, что думаю, да и в наше время от этого просто не будет никакого толку, ведь многие из нас даже не ведают о таких чувствах, как любовь, дружба, взаимоподдержка и даже уважение друг к другу. А.С.Пушкин никогда не падал духом и всегда, даже при больших душевных переживаниях, желал близкому человеку добра, счастья и удачи...»

*Из сочинения ученика 10-го класса
Михаила Ракова «Человек создан
для счастья, как птица для полета»:*

«Счастье, это когда можешь преодолеть не только пространство, но и что-то в себе; это когда есть о ком заботиться, когда ты нужен хотя бы одному человеку; когда знаешь, что тебя хоть кто-нибудь ждет. Всякий праздник — общее счастье, он для всех. Но если ты — любишь и эта любовь взаимна, то это уже личное счастье. Поделиться им — нельзя...

...Жизнь без счастья невозможна, потому что сама жизнь — счастье, даруемое Богом. А успехов человек до-

бивается сам. Только тяжелый и кропотливый труд может принести успех. Сам по себе он не придет. Удачи и везения (маленькие "счастья") есть награда за трудолюбие. Жизнь нашу можно сравнить с дорогой, ведущей через дремучий лес: сквозь ветви иногда пробивается солнце. Его лучи и есть удачи и радости. Но у каждого своя жизнь, своя дорога. Кто-то, выбравшись из леса, видит солнце, а кто-то блуждает в зарослях, так и не найдя выхода...»

*Изучи историю народов,
и тебя ясно и неопровержимо
поразит тот факт, что
высокое искусство творилось только
народами, которые... питались им,
как будто это был хлеб,
согревались им,
будто оно было солнце,
ликовали при виде его,
танцевали, радуясь на него,
спорили из-за него,
боролись и голодали за него...*

Джон Рёскин

ЧАСТЬ II. АНАДЫРЬ

11 декабря. Анадырь

Дорогой Иверий!

Я уже в Анадыре... Прибыл на рейсовом самолете, который три часа летел из Магадана в Билибино, затем — уже со мной — долетел до Певека и только потом, перелетев через всю Чукотку, добрался до Анадыря. Так же петляют по нашим дорогам сельские автобусы, останавливаясь у каждого столба, выгружая и набирая пассажиров.

Если верить картам, из Билибино в Анадырь можно попасть и водным путем. Для этого надо по Большому Кепервеему спуститься к Малому Анюю и плыть против течения на восток, до самого истока. Там же, на плоскогорье, начинается река Анадырь, до которой лодку придется волочить, как это делалось в старину у Вышнего Волочка. Зато дальше река сама понесет на юго-восток, петляя между сопками, минуя множество селений, прямо к Анадырскому лиману. Разумеется, все это невозможно и представить в декабре.

Анадырь напоминает Билибино только пятиэтажками на сваях, устройством квартир в них, а также множеством магазинчиков. В остальном — резко отличен. Он значительно больше (здесь шестнадцать тысяч жителей), и история у Анадыря гораздо длиннее и богаче.

В 1649 году Семен Дежнёв (на Чукотке его фамилию произносят с ударением на первый слог, что неверно) основал острог на правом берегу лимана — широкого устья Анадыри. В Древней Руси острогом называли крепостную стену из вкопанных вплотную и заостренных сверху (остроганных) столбов. Потом так окружали селения и небольшие города. Еще позже острогами

стали называть тюрьмы. Семейка Дежнёв, по-видимому, основал здесь нечто универсальное.

В 1865-1867 годах была предпринята попытка провести телеграф в Европу через Аляску, Берингов пролив и Сибирь, которая завершилась неудачей, в отличие от «атлантического проекта». Участники экспедиции, пройдя по малообитаемым и неизученным землям, оставили воспоминания. В 1872 году вышла книга Джорджа Кеннана «Кочевая жизнь в Сибири», где рассказывается и об истории Анадыря. С момента появления здесь русских происходили их постоянные стычки с чукчами, самым воинственным и свободолюбивым племенем северо-востока. В Анадырске (так в то время назывался город) стояли гарнизон, численностью в 600 человек, и артиллерийская батарея. С освоением Камчатки гарнизон передислоцировали, после чего Анадырск был завоеван и сожжен чукчами, а юкагиры и чуванцы, принявшие сторону русских, были почти полностью уничтожены чукчами и с тех пор уже не смогли восстановить свою племенную индивидуальность.

Чукчи относились к русским настороженно, если не враждебно, и вели с ними дела, по свидетельству Кеннана, «не иначе как на конце копья». Они подвешивали связку мехов или моржовых клыков на острие копья и подавали русским купцам. Те, если им приглянулся товар, снимали его и вешали вместо него равноценное количество табаку. «Этот способ гарантировал против всякаго обмана, так как ни один русский во всей Сибири не осмелился бы обмануть кого-нибудь из этих свирепых дикарей, видя острие копья в десяти дюймах от груди».

Вот каким предстал Анадырск в начале зимы 1866 года:

«Четыре небольшія селенія, составляющія городъ и носящія названія: Покоруковъ, Псолкинъ, Марково и Крепость, имеютъ приблизительно 200 человекъ жителей. Въ центральномъ селеніи, называемомъ Марково, живеть священникъ и находится маленькая церковъ

грубой архитектуры, а зимой это очень печальное место. Его маленькіе бревенчатые домики не имеют оконныхъ стеколъ, которыя заменяются толстыми плитами льда, наколотыми на реке; большая часть изъ нихъ до половины врыты въ землю для тепла, и все они более или менее засыпаны снегомъ».

Спустя год Кеннан и его сподвижники вновь прибыли в Анадырск, где застали страшный голод...

«Вечеромъ мы пріехали въ городъ, если можно только назвать городомъ то, что отъ него осталось. Въ двухъ верхнихъ селеніяхъ — "Оселкине" и "Покорукове", — бывшихъ прошедшей зимой въ такомъ цветущемъ виде, не было ни одного жителя, и даже въ Маркове жило только несколько семействъ, истощенныхъ голодомъ, которые, лишившись всехъ собакъ, не имели средствъ выехать из селенія. Громкій вой собакъ не извещалъ более о нашемъ пріезде; никто не выходилъ къ намъ навстречу; окна домовъ были заколочены деревянными ставнями и до половины занесены снегомъ, на которомъ не видно было ничьихъ следовъ, и все поселеніе было молчаливо и пустынно. Казалось, будто одна половина жителей вымерла, а другая отправилась хоронить ее!»

В 1889 году казаки во главе с Л.Ф.Гриневицким построили пост Ново-Мариинск. На вытянутой вдоль берега косе располагались казачья казарма и несколько домов. В 1923 году Ново-Мариинск был переименован в уездный поселок Анадырь, а уже в наше время, в 1965 году, преобразован в город.

О том, что означает «Анадырь», споры идут по сей день, и определенного ответа я не получил. В Москве утверждали, что столица Чукотки — редкостная дыра, отсюда, мол, и название.

Но в самом Анадыре эту гипотезу с гневом отвергли. Вроде бы с юкагирского слово переводится как «чаячья река». Чукчи называют Анадырь труднопроизносимым словом «вьэн», или «вьенын», что значит «зев», или «вход». Еще они называют Анадырь словом «кагыргын», что означает «устье» или «отверстие». Как ни крути, а от «дыры» недалеко. И ничего оскорбительного в том нет. Есть у нас названия и еще более «глубокие». Дно, например, забавный городок...

В середине семидесятых здесь началось интенсивное строительство. Анадырь вырос на глазах, умножилось население, и к середине восьмидесятых город достиг пика развития. Со всех концов Союза сюда устремились тысячи жизнерадостных людей, молодых и крепких. Из Анадыря они затем растекались по всей Чукотке.

Город расположен на своеобразном выступе, который с одной стороны омывается заливом, с другой — лиманом. Это значит, что границы Анадыря очерчены и предопределены. Город мог развиваться только по выступу и, судя по всему, в этом себя исчерпал. Расположение лишает Анадырь защиты от ветров, пург и прочих напастей, которые здесь в избытке. Посмотри на ладонь и представь, что в самом ее центре, там, где обычно пересекаются линии судьбы, находится город. Это Билибино. Теперь переверни руку и вообрази, что в самом незащищенном и открытом месте, чуть ниже костяшек, стоят дома. Это Анадырь. Только вокруг еще водная стихия, почти всегда ледяная.

Беда и в том, что аэропорт находится на другой стороне лимана в поселке Угольные Копи. Добраться до него на машине или автобусе можно, только когда лиман скован льдом. В остальное время к услугам граждан вертолеты или катера. Но в непогоду Анадырь оказывается отрезанным. Бывает, вернувшиеся из дальних странствий анадырцы еще несколько дней дожидаются погоды, чтобы попасть домой. Случается и обратное: собравшись в отпуск, они пересекают лиман и несколько суток, а то и неделю торчат в аэропорту, не имея возможности ни вылететь, ни вер-

нуться до мой. Это «неудобство» стало притчей во языцех, и, кажется, еще не было журналиста или литератора, который бы не отметил на этот счет.

Центральная улица Анадыря проходит через город сверху вниз и в зимнее время служит своеобразным пургоуловителем. Стихия, прокатываясь вдоль побережья, подыскивает место для пристанища и, обнаружив удобную гавань, что есть мочи устремляется туда. Интересно: был ли архитектор у Анадыря и если да, то кто он по профессии?

Пешеходы здесь не то что в Билибино. Прогуливающих нет. Нет даже неторопливых. Каждый старается поскорее добраться до места, будь то магазин, место учебы или работы. В ходу капюшоны, а если его нет, то поднят воротник. Голову анадырцы прячут вовнутрь. Отсюда «украдистая» походка. Я не заметил, чтобы прохожие стояли и разговаривали, если не считать нескольких пьяниц, которые всегда стоят в одном и том же месте, возле магазина, и лучше всякого трезвого знают, у кого просить денег.

В Анадыре много молодежи, в том числе коренной. В основном это студенты педагогического и медицинского училищ. Как и подобает столице, здесь находятся административные учреждения со множеством чиновников. Оттого чукотские провинциалы относятся к Анадырю примерно так же, как российские к Москве.

Цены в анадырских магазинах на порядок ниже, чем в билибинских, а ассортимент несоизмеримо богаче. Есть молоко, кефир, творог, масло, сметана, сыр. Причем продукты как местного производства (из сухого концентрата), так и привозные, в основном московские. Продается мороженая оленина, свинина и говядина. Всегда в продаже красная рыба и икра. Ассортимент мучных изделий богат и разнообразен. Пользуется спросом выпечка. Из фруктов — яблоки, бананы и мандарины. В центральном гастрономе очередь во все отделы, что объясняется выдачей зарплаты, приуроченной к выборам в Думу. В небольших

магазинчиках в работе продавцов чувствуется конкуренция. Особенно активны украинки. В магазинах, торгующих парфюмерией, оживление особенное. Билибинского спокойствия нет и в помине. Анадырцы всю готовятся к встрече Нового года.

Неожиданно пробудились воспоминания из далекого детства, когда я жил на Украине. Там каждый, кто только мог, ходил «на обед» — домой. Начальники, конечно, приезжали. Городок небольшой, до всякого угла рукой подать, а системе общепита в тех местах доверяли еще меньше, чем милиции. Наш сосед был ни много ни мало прокурором. Фронтвик, без руки, непомерно суров, с левитановским металлом в голосе. Его все боялись. Помню, он приезжал на светлой «Победке», которая тут же уезжала, потому что водителю тоже надо было успеть поесть. Прокурор обедал, тридцать минут отдыхал, затем уезжал и появлялся лишь поздно вечером. Примерно так обедали все начальники.

И вот в Анадыре я столкнулся с таким же, как мне казалось, ушедшим в прошлое хождением «на обед». Это ведь крайне невыгодно, учитывая трату самого дорогого, что только есть, — времени. Но только не у нас. Хождение на обед — выгодно! Сварил кастрюлю супа или борща и кормись им несколько дней, не растрачивая деньги, которых, в отличие от времени, нет вовсе.

Я наблюдал, как работники окружной администрации дружно расходились на обед. Некоторых «по пути» подвозила машина, живущие неподалеку шли пешком. Спустя сорок минут они воссоединятся в главной чукотской конторе. И, между прочим, всегда видна разница между тем, какими уходят на обед и какими возвращаются. Так было и в городке моего детства. На обед шли быстро, с серьезным видом, не обращая ни на кого внимания, иногда не здороваясь... А с обеда возвращались не спеша, умиротворенно, даже весело, и я не припомню, чтобы кто-то, включая самых больших начальников, не поздоровался. Так рота солдат молча и целеустремленно марширует к полковой столовой, а спустя полчаса уже доносятся со всех сторон воин-

ской части разудалые песни... Нет, нет, все же мы близки к природе, а значит, еще не совсем безнадежны!

Жара в анадырских квартирах такая же, как в билибинских, и на ночь я не закрываю форточку, хотя мороз ниже тридцати. Говорят, такое тепло не во всех домах. В старых постройках — холодно. В отличие от Билибино здесь обзаводятся мебелью. В остальных городах и поселках Чукотки ею пренебрегают, полагая, что при временном проживании это лишние траты. Мебель в квартирах доказывает, что Анадырь самый стационарный из городов Чукотки.

Настоящая беда с горячей водой. Нет, она подается без перебоев, почти кипятком, но такая ржавая, что мыться лучше под душем: грязь не так заметна. Если же налить в ванну, то уже ни за какие деньги в нее не окунешься. К тому же вода пахнет мазутом. Как мне объяснили, у городских властей нет денег заплатить местной ТЭЦ, и энергетики этим безобидным способом дают понять, сколь важное место они занимают. Так ли это, но такой воды я еще не видел. Откуда только её черпают? Ни в лимане, ни в заливе, ни в чукотских реках ржавой воды нет. Не загрязняют ли ее специально перед тем, как подать? Едва ли. Ведь и на это нужны деньги. Не меньшие, чем на химочистку. Впрочем, сетования на качество воды уместнее заменить восторгами от того, что она вообще есть.

Анадырь не принадлежит к тем редким российским городам, которым всякая погода к лицу. Когда морозный ветер обжигает лицо, мучит вопрос: «Почему люди здесь живут?» Но когда погода налаживается и из-за горизонта выкатывается солнце, думаешь: «Не из-за него ли?»

После полярной ночи кажется, что более яркого солнца нет больше нигде. Да что там! Здесь восходят сразу три солнца! Чтобы удостовериться — не мерещится ли? — я выбежал из дому и обнаружил, что нахожусь в гигантском театре Солнца! Город на косогоре — амфитеатр; лиман и залив — авансцена; по бокам белоснежные горы образуют кулисы: слева — живописные

серебристые сопки, справа — величественная гора Дионисия; а из глубины сцены, предваряемое заревом, поднимается огромное лиловое светило, по обеим сторонам которого вскоре образуется сияющий эскорт из солнечных отражений!

Быть может, этим солнцем, столь ярким и зрелищным, каким оно не предстает больше ни перед кем, природа награждает анадырцев за их терпимость?

ВТОРАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ СЕМЕНА ДЕЖНЁВА,
ОТ 23 СЕНТЯБРЯ 1664 ГОДА

«Царю Государю Алексею Михайловичу, Самодержцу бьетъ челомъ холопъ Твой великія р.Лены Якутцкого острогу служилой человекъ Сенька Дежневъ: служиль я, холопъ Твой, блаженныя памяти отцу Твоему, Михаилу Федоровичу, на Яне, и на Индигирке, и на Алазейке, и на Колыме рекахъ, съ служилыми и съ приказными людьми съ Дмитріемъ Михайловымъ да съ Михайломъ Стадухинымъ, и въ ясачномъ сборе въ Вашихъ Великихъ Государей казне учинили великую прибыль. И съ Колымы реки поднялся я, холопъ Твой, моремъ — проведывать новыхъ рекъ, и приіскалъ вновь, сверхъ техъ прежнихъ рекъ, новую реку Анандырь, и на той новой на Анандыре реке будучи на Твоей, Великого Государя, службе зимовье и острогъ поставилъ, и аманатовъ поималъ, и ясаку Тебе, Великому Государю, и десятыя (пошлины) собралъ на той новой реке 6 сороковъ 39 соболей и пластинъ собольихъ, 7 сороковъ 4 пупка собольихъ, 15 пудъ 36 фунтъ кости рыбы моржеваго зубу. Да я жъ, холопъ Твой, съ товарищи на Анандыре реке Тебе, Великому Государю, челомъ ударили два зуба моржевые рыбы кости, весомъ 32 фунта.

И съ той новой съ Анандыря реки ясакъ соболи и кость
рыбья Тебе, Великому Государю, идетъ и по се число...»

*Из доклада секретаря оргбюро
Далькрайкома ВКП(б) М.И.Целоусова
на I Чукотской окружной партийной конференции
19 апреля 1932 г.*

«Если до сих пор, чтобы сделать перевыборы туземных Советов, в тундре просили разрешение кулака-шамана, если до сих пор на перевыборных собраниях крупный оленевод и шаман были в центре внимания и их мнение, кого нужно избрать председателем туземного Совета, было решающим, то в эту перевыборную кампанию не только не спрашивали разрешение кулаков и шаманов на перевыборы туземных Советов, но и не пустили их на перевыборные собрания как лишенных права голоса... Там, где недостаточно проводилась изоляция кулака и шамана, там удалось некоторым шаманам пролезть в туземные Советы и даже в делегаты на районный съезд Советов...»

*«Советы Северо-Востока СССР» (1928-1940 гг.).
Сборник документов и материалов. Магадан. 1979 г.*

МУЖИКИ, Я ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ...

«Сегодня многое зависит от конкретного влияния депутата на наши дела. Причем мне не столь важно, откуда родом депутат от Чукотки, главное, чтобы он для нее дело делал. Знал многих депутатов, знаю и сегодняшних претендентов. Некоторые из них, даже давно проживая в округе, лучше знают все закоулки Москвы и зарубежных столиц, не ведая, чем живут Ванкарем, Ламутское, Энемелен...»

*Михаил Дьячков, п. Угольные Копи.
«Крайний Север», 3 декабря 1999 г.*

ИЗ ТЕЗИСОВ ПРЕДВЫБОРНОЙ ПРОГРАММЫ РОМАНА АРКАДЬЕВИЧА АБРАМОВИЧА

«К сожалению, я пока также не очень хорошо знаю Чукотку, но то, что я увидел, произвело на меня гнетущее впечатление. Округ находится в очень тяжелом положении, и одна из причин, на мой взгляд, в том, что губернатору часто приходится находиться в Москве, обивая пороги министерств и ведомств, без чего, к сожалению, нельзя решить проблемы региона. Работа эта, конечно же, необходима, но выполнять её должен, по моему убеждению, не губернатор. Власть на Севере должна быть жесткой и мобильной — иначе нельзя, а, когда губернатор находится в 8 тысячах километров от своего кабинета, ждать мобильности от власти не приходится».

ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ (Расписание служб на неделю: 3-10 декабря)

- 3, пт. — Вечерняя служба. Исповедь — 18.00.
- 4, сб. — Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.
ЛИТУРГИЯ — 9.00. Вечерняя служба.
Исповедь — 17.00.
- 5, вс. — Неделя 27-я по Пятидесятнице. Попразднество Введения
Блгв. кн. Михаила Тверского.
ЛИТУРГИЯ — 9.00. Вечерняя служба.
Беседа — 18.00.
- 6, пн. — Благоверного великого князя Александра Невского, в
схиме Алексия.
МОЛЕБЕН — 7.30.
- 7, вт. — Вмц. Екатерины. МОЛЕБЕН — 7.30.

10, пт. — Иконы Божией Матери, именуемой «ЗНАМЕНИЕ».
МОЛЕБЕН — 7.30.

12 декабря. Анадырь

Дорогой Борис Исаакович, привет из столицы Чукотки!

Здесь располагается местное начальство, их конторы и учреждения; здесь находятся учебные заведения, научные институты, местное радио, редакция окружной газеты и телецентр, а также рестораны, бары, кинотеатр и библиотеки. Я видел вывеску ночного бара. Словом, Анадырь — настоящая столица. Но едва ли бы я когда-нибудь сюда приехал, не говоря уже о том, чтобы здесь жить. Сюда, кстати, и не приедешь. Можно только прилететь или приплыть.

В Билибино прогулкам мешает мороз, а в Анадыре — ветер, но если мороз — переносим, то ветер — нет. Он уменьшает каждый градус вдвое. Поэтому я или сижу в квартире, или добегаю до краеведческого музея и скрываюсь в нем.

Музей — в самом центре города, в двух совершенно одинаковых двухэтажных зданиях, отстоящих в двадцати шагах один от другого. Дома относительно старые, что благоприятствует музею, тем более краеведческому. Но все же здания, их местонахождение и даже экспонаты — не самое важное. Главное — в посреднике, который бы взялся представить жизнь города или края. Можно прийти и остаться один на один с экспонатами, и хорошо, если это Эрмитаж, когда уместнее сказать не «пришел», а «вернулся». Но когда находишься в незнакомом городе и хочешь о нем узнать, как обойтись без того, кто поможет приоткрыть новый мир? То же и с библиотеками. Что толку от богатых фондов и внушительных каталогов, если библиотекарь равнодушен, безучастен и не становится соискателем твоих знаний? Я знаю работников сельских библиотек, хранителей скромных фондов, у

которых каждая книга в работе. Они прежде читателя знают, что ему нужно и за чем он пришел. Но есть огромные библиотеки, с уникальными фондами, работники которых выполняют роль клерков, превратив библиотеки в безмолвные хранилища, где директор всего лишь номенклатурный чиновник.

В Анадыре краеведческий музей жив своими работниками, и прежде всего двумя сестрами. Одна — директриса, другая — заведующая литературной частью. И кроме них есть сотрудники, столь же добросовестные, сколь и отзывчивые, готовые к обстоятельному разговору с каждым, кто переступил порог музея, а особенно с теми, кто пришел впервые.

Директриса, Наталья Павловна, — невысокая, энергичная чукчанка, с манерами европейца, яркая, словоохотливая, подавшая мир, поддерживающая связи со многими музеями, ведущая научную и просветительскую работу и обладающая безграничными знаниями в своем деле. Рассказывать о Чукотке она может долго и без усталости. Голос у нее громкий, звонкий, если надо — требовательный и жесткий.

Заведующая литературной частью музея, Екатерина Павловна, — полная противоположность. Тихая, незаметная, предпочитающая больше слушать, чем говорить. Её невозможно представить в брючном костюме, тем более курящей. Голос едва слышный, ненавязчивый.

Наталья Павловна — язычница, не скрывает этого и даже гордится. Екатерина Павловна — православная христианка, о чем я узнал, только когда увидел ее перед аналоем в местной церкви.

Наталья Павловна, как и положено начальнику, отстаивает интересы музея, пробивает фонды, защищает сотрудников, требует внимания и руководит. Екатерину Павловну в этой роли представить невозможно, тем более невообразимо, чтобы она требовала или с кем-то выясняла отношения.

Я не расспрашивал об их личной жизни, знаю лишь, что их отец — известный на Чукотке деятель, и его имя носит главная улица в Анадыре. Это значит, что воспитание у сестер было не

тундровое. Больше мне ничего неизвестно. Зато известно главное: эти чукотские женщины — язычница и православная христианка — призваны собирать и охранять память своего народа, быть может, в решающий для него час. Промысел избрал их, чтобы они организовали музей, словно это Ноев ковчег, готовый отплыть с бесценным грузом к араратским высотам. Надвинувшаяся катастрофа сделала краеведческий музей столь всеобъемлющим и всеохватывающим, что он вышел за рамки краеведения, а его работники стали настоящими подвижниками истории и искусства Чукотки.

Почему?

Потому что мы дорожим лишь тем, чего недостает, и по-настоящему ценим только то, что теряем. Нам будто невдомек, что вверенное наследство надо хотя бы не преуменьшить. Мы же бездумно прожигаем его. Лишь когда замаячит опасность невозвратной утраты и прозвучит последний трубный глас, мы неуклюже спохватываемся и мечемся в поисках спасительных решений.

Россия — бедная страна. Бедная, потому что дети наши неухоженные и старики нищие: чем еще определяется благосостояние нации? Что мне до недр, богатых нефтью, золотом, газом или платиной? Наш Крайний Север и Чукотка сказочно богаты, а народы Севера едва ли не беднее всех. Вымирающим чукчам, эвенам, корякам, эскимосам, юкагирам не до музеев. И как важно, как справедливо, что именно в это время находятся люди, понимающие, что самое важное сейчас — сохранить память, в надежде, что придут лучшие времена, и, когда равнодушный потомок спросит: «Что после себя оставили?» — ему будет что ответить. В этом смысле скромная, незаметная работа сотрудников окружного краеведческого музея и восьми его филиалов — ключевая в сохранении культуры и самой жизни Крайнего Севера. Это раньше других понял могучий билибинский Дед Глазырин, это понимают две миниатюрные чукчанки, Наталья и Екате-

рина, и их сотрудники. Надеюсь, это понимают и чукотские начальники.

«В какой области вы видели столько краеведческих музеев?» — с гордостью спрашивает Наталья Павловна, словно я способен оценить. Я редко бываю в музеях, тем более в краеведческих, и в анадырский зашел лишь потому, что он оказался на пути... Зашел обогреться, а открыл для себя целый мир!

В музее представлена, кажется, вся жизнь Анадыря и Чукотки: история и современность, искусство и быт, литература и наука, география и природоведение. Каждый метр использован для просветительства. Даже в коридорах развешаны картины местных художников и расставлены поделки самодеятельных талантов. Здесь можно узнать, когда произошло то или иное событие, какие животные и птицы обитают сейчас или обитали когда-то. Стараниями работников здесь представлена почти вся литература о Чукотке, а книги, сопровождаемые подробными сведениями об авторах, выставлены на специальном стенде. В отдельном зале размещены предметы быта коренных народов: яранга, вельбот, байдара, охотничьи и рыболовные принадлежности, праздничная и повседневная одежда, представлены вещи, которыми и поныне пользуются в тундре, но есть и орудия первобытного человека.

Хранится в музее и то, что не выставлено напоказ, но представляет ценность. Например, книжный фонд, который собирают работники музея. Мне показали знаменитую книгу Степана Крашенинникова о Камчатке, изданную в 1786 году. Такую же, того же года издания, перечитывал Пушкин. Хранятся «Путешествие Биллингса», и беспримерный труд Тана-Богораза «Чукчи», и редкая книга П.И.Полевого «Анадырский край», изданная в 1915 году. В запасниках на отдельном стеллаже — библиотека Т.З.Семушкина. Юрий Рытхэу подарил свои рукописи, и теперь создан отдельный фонд самого титулованного чукотского писателя. В книжном фонде хранится переписка литераторов, их неопубликованные произведения, материалы к биографиям, много

фотографий и документов. Все аккуратно собрано, рассортировано в соответствии с музейными правилами и оберегается, ожидая исследователей, ученых, писателей, публицистов, просто интересующихся историей и культурой Чукотки.

Кто знает о писателе П.Я.Кравченко? Я впервые услышал. Но Павел Яковлевич жил и трудился в Анадыре в сороковые годы, во времена ГУЛага. Он много лет кропотливо фиксировал то, о чем и думать было страшно. Потом подарил музею два чемодана рукописей. Наталья Павловна ездила за ними в Магадан. Теперь труд писателя не пропадет и рано или поздно дойдет до читателя, и мы узнаем о жизни на Чукотке в то страшное время. Есть в музее и богатейший фотодокументальный фонд, и подшивка «Советской Чукотки» за 1933 год. Еще один экземпляр хранился в «Ленинке», но там подшивку не уберегли. Есть фонд истории Чукотки, с которым работают в основном специалисты. В нем хранятся материалы о здравоохранении, географии, этнографии, по сельскому хозяйству и культуре. Все есть: фольклор, книги на языках народов Чукотки, археология, первые буквари, - словом, анадырский музей действительно ковчег. И особая гордость музея — косторезное искусство. Скульптура и графика.

Дорогой Борис Исаакович! Я открыл для себя это искусство только здесь, на Чукотке. Поэтому могу передать лишь первые впечатления. Сначала о скульптуре, затем о графике. Все описываемые экспонаты находятся в запасниках, поэтому мне разрешили их не только рассматривать, но и сфотографировать.

* * *

Страх и голод были главными движителями существования первобытного человека. Смысл жизни заключался в том, чтобы укрыться от одного и избежать другого. Пребывая в стаде, первобытный человек почти не оставался в одиночестве. Но если такое все же случалось, он вглядывался в небо, искал горизонт и гадал

о том, что находится за ним. В эти минуты он не мог не думать и о том, что происходит в нем самом и отчего закрадывается страх. Оставаясь один на один со стихией, человек создавал кумира по своему образу и подобию и, падая ниц перед собственным творением, просил кумира быть милостивым. Всматриваясь в этих божков, мы можем судить о тех, кто их сотворил. Мы восхищаемся наскальными фресками и каменными фигурками, исполинскими истуканами Пасхи и гигантскими рисунками в пустыне Наска, пирамидами в Гизе и в Теотиуакане близ Мехико, но все же понимаем, что они, при всей красоте и величии, лишь тень того, что создано Творцом — природы и самого человека.

Изгнанный из Эдема, человек рассеялся. Избегая смертоносной стихии, он осваивал пространства, дрался с такими, как сам, побеждая врагов, обретал силу, уверенность, власть и... забывал о страхе. Забывал о том, что всякая его удача — Промысел Божий. Утверждая границы владений, считая их священными и неприкосновенными, покоряя других, постигая науки и развиваясь, накапливая и обогащаясь, человек уже не помнил, что его удел — бояться Бога! И только в отдаленных уголках оцивилизованной Земли, там, где неуютно богатому и грустно мудрому, человек по милости Божией еще сохранил первозданность и первородность и не утратил того животного страха перед Богом, который, быть может, гораздо угоднее Господу, чем показное и чопорное благоговение по праздникам.

Вся жизнь на Севере зависела от природы. Если стихия благосклонна — удавались рыбная ловля, охота, приумножалось стадо, а значит, в порядке был очаг и не голодали дети. Оттого и настроение становилось радостным, и духовное состояние возвышенным. Тогда человек не просил своего бога о большем, но думал, чем ему воздать. И, когда свирепствовала пурга и стадо хоронилось в снегах, а море было сковано льдом и охота становилась невозможной, когда нельзя было ничего, только смиренно сидеть в яранге, — человек брал инструмент и творил. Стремился ли он запечатлеть быт, отразить радости и горести, оставить вос-

поминания о тех или иных событиях, о победах или поражениях, о любимой женщине, наконец, о самом себе? А может, они творили для собственного наслаждения? Не уверен. Едва ли подобная сентиментальность была присуща древним. Себя они посвящали только своему богу.

В 1260 году был освящен Шартрский собор. И до сих пор это строение справедливо считается вершиной творческого гения Франции. Сколько же веков или даже тысячелетий прошло, прежде чем наскальная живопись палеолита поднялась до готических соборов? Сколько времени ушло на то, чтобы горловые звуки шамана под удары бубна преобразились в симфонию? Но представьте: то и другое находится в неразрывной связи и живет рядом с нами. Живет сейчас! И мы, если захотим, можем возвращаться к истокам высокого искусства, восхищаться им, а наиболее чувствительные учатся видеть мир таким, каким видели его наши далекие предки.

Незадолго до смерти Альфреда Шнитке спросили, к какому направлению он относит свою музыку, и композитор был обескуражен. Он ответил, что человеческий век (имея в виду человечество вообще) столь непродолжителен, а пространство, на котором он обитает, столь мало, что мы не вправе разделять искусство ни во времени, ни в пространстве. Все — от древности до наших дней — есть одно целое. Древний Египет и Палестина, Греция и Рим, Месопотамия и Индия, средневековая Европа и Китай, цивилизация инков и древнерусская культура — все это рядом и неотделимо от нас, не говоря об эпохе Ренессанса или более поздних эпохах.

Кто ближе к началу мира: Боттичелли или Модильяни? (Или правильнее спросить: кто от него дальше?) Кто ближе к первым музыкальным опытам: великие симфонисты XIX века или тот же Шнитке? И где тогда находится Бах — позади, впереди, в центре?..

Пространства, на которых обитают чукчи и эскимосы, не имеют границ. Но их быт ограничен ярангой, а кочевая жизнь

требует минимального имущества. Значит, размеры поделок и изделий должны быть не велики, а сами они — не тяжелы. Что же может служить холстом или исходным материалом? Стены пещеры? Но их не возьмешь с собой, не перенесешь за сотни километров. Может, камень? Камень тяжелый, серый и хрупкий. Дерево? Его в тундре нет. Остается кость и прежде всего — клык моржа. Его можно обрабатывать, словно твердое дерево, он невелик, к тому же — белый, и тень, оставляемая в микроскопической бороздке, хорошо видна в полутемной яранге. Наконец, моржового клыка — много, и изделие из него не станет разменной монетой, предметом возжеления и зависти, кражи и насилия, как это происходило там, где основным материалом для поделок было золото или драгоценные камни.

В краеведческом музее Анадыря я впервые увидел образцы косторезного искусства. Почти все экспонаты сделаны умельцами из Уэлена, где находится всемирно известная косторезная мастерская.

Уже здесь, на Чукотке, я видел много рисунков с изображением чукчей, эскимосов, эвенов... В основном они выполнены приезжими художниками. Можно спорить о достоинствах или недостатках, восхищаться некоторыми работами или оставаться равнодушным, очевидно одно: никто не смог передать пластику коренных жителей, не уловил их приземистость, обтекаемость и природную устойчивость. Еще женщины изредка получают: к ним художники более внимательны.

Европейский мастер всегда старался оторваться от земли, воспарить и окинуть взором окружающий мир. Оседланные гигантские птицы, крылатые кони и змеи отражали вечное стремление ввысь. Северный человек, напротив, прижимался к земле, остерегаясь потерять почву. Дерзость и темперамент южанина были ему никчемны. Вольности и свободе, столь желанной в остальном мире, люди Севера предпочитали жесткую дисциплину и строгую иерархию. Уйти из тундры, подобно тому как лермонтовский Мцыри покинул монастырь, едва ли могло

прийти кому-нибудь в голову: вокруг тундры была только тундра. «Мы вольные птицы; пора, брат, пора! / Туда, где за тучей белеет гора...» — взывал из Молдавии молодой необузданный узник. «Чому я не сокіл? Чому не літаю?..» — пели мы, мечтательно обращаясь к небу. «Я не завидую орлам, парящим в небе голубом...» — поется в одной из чукотских песен... Южные танцы легки и воздушны, танцоры тянутся ввысь, становятся на цыпочки, часто подпрыгивают. Северный танец иной. Танцующий никогда не отрывается от земли. Напротив, под монотонные звуки ярара он жесткими, даже грубыми движениями словно вкапывается, вбивается в землю. Его колени полусогнуты, руки распростерты, а кисти, в такт притопу, с силой сжимаются в кулаки. На случай непогоды, когда пространство ограничено ярангой, у эскимосов есть «сидячие» танцы, когда танцуют лишь верхней частью тела.

До сих пор я не интересовался бытом северных народов, их искусством и лишь однажды, в Эрмитаже, видел скульптурную композицию из кости. Ее сработали косторезы из Архангельска и подарили Екатерине II. Эта композиция оставила меня равнодушным. Фигурки охотников, оленей, собак — статичны, неживые. А вот фигурки из анадырского музея — в движении, в динамике. Глядя на них, можно представить, что было мгновение назад, и проследить за тем, что еще только будет.

Миниатюрная скульптура, сотворенная чукотскими мастерами, отражает неуловимую пластику северного человека, его движения, ритм и энергию. Глядя на маленькие, не больше десяти сантиметров, шедевры, можно понять темперамент народа, тысячелетия прожившего в тундре и не пропавшего.

Осторожно, не касаясь пальцами, я брал в ладони фигурки, подносил их к свету и рассматривал...

Композиция «Пастух, олень и волк», выполнена в 1973 году мастером Туккаем из Уэлена...

На крупного самца, уличив момент, набросился огромный полярный волк. Но прежде чем он повалил оленя, ему в шею вонзил нож пастух. Волк взвыл, но жертву не выпустил. Оленевод суров и спокоен: защита стада — повседневная работа, а риск — состояние обычное. Но что дальше? Волк повержен? Олень спасен? Неизвестно. Судя по всему, борьба не закончена. Волки часто охотятся стаями, — и не набросятся ли на оленевода другие хищники? А может, воспользовавшись тем, что пастух отвлечен, они нападут на стадо? Или, быть может, сам пораженный зверь изловчится и нанесет ответный удар? Много вопросов еще возникнет, прежде чем мы узнаем о судьбе отважного оленевода.

А рядом — мирная работа мастера Тымнетагина «Семейное счастье», выполненная в 1979 году...

После кочевки пастух вернулся домой. Навстречу вышла или, скорее, выбежала жена с грудным ребенком. Пастух в радостном порыве выхватил ребенка из рук матери и поднял над головой. Нет сомнения, это будущий продолжатель рода, защитник и кормилец. В каком восторге пастух! Кроме сына, никого в целом мире для него сейчас нет. А мать? Только что она радовалась долгожданному мужу, но вот уже в страхе протянула руки, чтобы взять дитя: мало ли чего можно ожидать от грубого мужчины? Но нет, оленевод не меньше матери знает цену сыну. Никогда он не причинит ему боль и не выпустит из рук. Таково семейное счастье... Но, быть может, это не встреча? Может, уэленский мастер изобразил расставание? И, зная сколь опасен труд оленевода или охотника, сколь беспощадна бывает тундра, — не в последний ли раз они видятся? Не оттого ли отец неотрывно смотрит на дитя? Не потому ли вознес его, чтобы тот навсегда запомнил этот, быть может, последний полет в отцовских руках? И не потому ли, предчувствуя беду, распростерла руки женщина? Нет-нет, все будет хорошо! Все будет хорошо!.. И обратите внимание на то, как назвал свою работу мастер — «Семейное счастье». Оно не в уютной комнатной идиллии, не в застолье, не в походе в кино или театр, не в семейном отпуске

на теплом солнечном побережье. Счастье охотника и пастуха (следовательно, скитальца) — во встрече и разлуке. Это счастье мгновенно, словно молния. Остальное время — тяжкий и опасный труд... Нет, не за право — за возможность жить: самому и своим близким.

В самом углу стеллажа притаилась едва заметная скульптурка «Стрелок» неизвестного мастера из Уэлена. Эта фигурка не больше спичечного коробка, но она могла бы украсить любой музей...

Стрелок-лучник напряжен и целеустремлен, он сконцентрирован на выстреле. Для большей устойчивости согнул колени. Руки вскинута, да так, что плечи находятся на уровне головы. Тетива натянута, глаза прищурены. Сейчас он выпустит стрелу. Будет ли цель поражена? Конечно. Много часов охотник бродил по тундре, выслеживая зверя. Мерз, крался по сугробам, преодолевал препятствия, поднимался на сопки, спускался, пока зверь, уставший от погони, не остановился. Быть может, это осторожный соболь — король меха или хитрая лисица, а может, росомаха или еще какой-то зверь. Но кто бы ни был, охотник обязан извиниться перед жертвой. По старинным чукотским поверьям, если этого не сделать, проявить неоправданную жестокость или жадность, убить больше, чем необходимо на сегодня, — завтра добычи не будет.

Еще одна миниатюрная скульптура — «Обучение». Её автор также из Уэлена — Е.И.Эйнес...

Сидят на корточках друг перед другом две чукчанки: мать — опытная чумработница, учит дочь, как правильно разделявать нерпу. Она ограничивается устными замечаниями, в то время как дочь старательно орудует «женским» ножом. Девушка держит его в правой руке и, чтобы работать было удобнее, приспустила кухлянку. Правое плечо оголено, да так, что видна молодая девичья грудь. Так же трудились ее мать, бабушка и более далекие предки. Зима, но чукчанка не замерзнет: разделка туши занятие не из легких. Дочь старается, выказывает усердие и, судя по все-

му, немного торопится. Опытная мать спокойным движением руки словно говорит: «Не спеши. Работу надо выполнять основательно и наверняка».

Этот же мастер выполнил небольшую скульптурку «Девушка с рыбой», напоминающую шедевр Микеланджело из Эрмитажа. Флорентийский гений был ограничен небольшим исходным материалом, и мальчик, вытаскивающий из ступни занозу, получился неестественно скрюченным. Чукотского мастера ограничивало пространство жилища, в котором молодая чукчанка занята разделкой рыбы. Несколько плавных волнообразных витков — и всё понятно, узнаваемо: она готовит строганину, и если так, то неподалеку находятся мужчины, они ждут, когда девушка принесет еду. Значит, ей надо торопиться. В тундре лишнего времени нет. Кухлянка у девушки приспущена, плечо оголено... Работает чукчанка специальным ножом.левой рукой держит рыбу за хвост, а ногами прижимает, чтобы она не выскользнула...

Еще одна работа называется «Мальчишечья охота». Уэленский мастер, выполнивший её в 1982 году, «остановил» сюжет в тот момент, когда чукотский мальчик вот-вот поймает жирную куропатку. Пластика скульптуры схожа со «Стрелком» и навеивает сравнения с некоторыми работами Пикассо. Бегущий мальчик вытянул руки, потерял равновесие и если не схватит птицу, то непременно упадет. Это одно из немногих изображений, где северный человек не стоит на двух ногах. Косторез Ивитул позволил эту шалость резвому чукотскому мальчишке.

Одна из самых замечательных скульптурных композиций называется «Дедушкин рассказ». Автор Кителкот выполнил её в 1982 году...

Сидит на снегу старик. У него мужественное в морщинах лицо. Он погружен в воспоминания, скорее всего грустные, потому что вспоминает он о днях давно ушедших и невозвратных. Но жизнь не прошла напрасно, она имеет и свое воплощение, и продолжение. На левом колене старика сидит один внук — ему

не больше трех лет, а справа — второй, лет на пять старше. Он подсел вплотную, чтобы плечом касаться деда. Правой рукой старик указывает вдаль, но сам не вглядывается, столь знакома она ему. Быть может, он указывает на ярангу и рассказывает историю рода; или старик показывает внукам стадо и обучает первым пастушьим навыкам; а может, они находятся на берегу моря и старик, заметив кита, обращает внимание на него; или, быть может, показывает внукам священное место, с которым связано важное в его жизни событие... Трехлетний ребенок еще не понимает смысл происходящего, не вникает в рассказ и лишь прислушивается к голосу деда, от которого исходит тепло и передается уверенность. Он и смотрит не туда, куда указывает старик, а на... дедушкин палец, который и ближе, и понятнее. А вот старший внук многое понимает и кое-что из рассказа уже слышал. Он знает: всё, что говорит дед, — предназначено именно для него. Поэтому и смотрит точно в ту сторону, куда указывает старик. Из троих лишь он вглядывается в даль, чуть отодвинув голову от деда, пытаясь разобраться в увиденном. Ему кажется, что он уже и сам готов действовать. Скоро, очень скоро это произойдет. Но пока надо слушать и запоминать... По замыслу эта работа не имеет равных среди скульптур музея. Её можно располагать перед всяким предметом, напротив каждой другой фигурки, даже напротив каждого из нас, и всегда она окажется уместной: старик будет указывать в самую точку и обращать к ней внимание грядущих поколений. Ведь он, проживший долгую и трудную жизнь, обо всем может рассказать, обо всем поведать, в том числе и о нас с вами.

Есть в запасниках и скульптурные композиции, что называется, жанровые. На большом клыке, выделанном под подставку, мчатся олени. В нартах — оленеводы или охотники. Поражают тонкость отделки, легкость, воздушность, а главное - передана динамика. Несущиеся по тундре упряжки действительно движутся. Но даже в нарте, на скорости, северный человек не отрывается от земли и хотя бы одной ногой ее касается. То же и в

сценах охоты на морских животных, и во встрече с опасными хищниками — волком или медведем.

Скульптурная композиция Тымнетагина, изображающая какую-то семейную драму, называется «Борьба за жену»...

Стоит безучастно молодая женщина, закрыв руками лицо. В ее обреченном виде читается фатальное: «Что будет — то будет!» Она чувствует, как над нею занес могучую лапу «большой взьерошенный медведь», к тому же — белый. Он хочет схватить её, но не затем, чтобы разорвать на части, а чтобы унести в свою обитель. Ведь это не простой медведь. Он одет в дорогую кухлянку с орнаментом и качественной выделкой... Да это и не зверь вовсе, а особенный образ, скорее всего, герой неизвестной мне северной легенды. Наверное, он схватил бы красавицу и унес в «шалаш убогой», если бы не муж-охотник. Он уже спешит на выручку, уже подбежал к коварному обидчику и занес над ним грозное оружие: голову моржа с острыми клыками. Еще мгновение — и он вонзит их в спину наглому полузверю. Жена будет спасена и, конечно, вознаградит возлюбленного ещё большей лаской, ещё большей любовью. А поверженный обидчик уже никогда не посягнет на чужое счастье.

Композиция эта стоит на необычной подставке. Она тоже из моржового клыка и разрисована удивительно нежной и тонкой графикой. Эта графика — предмет особой гордости и особенного восхищения, но о ней — в следующем письме.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧУКОЧ

(Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи».)

«По данным антропологических измерений, произведенных среди чукоч (обмерено 148 мужчин и 49 женщин), рост чукоч достигает: у мужчин: максимум — 186 см, минимум — 150 см, средний — 162 см; у жен-

щин: максимум — 168 см, минимум — 138 см, средний — 152 см...

Телосложение чукоч крепкое, статное, хотя и несколько массивное — верховой олень, купленный ими у ламутов, часто оказывается слабым для своих новых хозяев. Кроме того, чукчи не так быстроноги, как ламуты-охотники. Однако, тучные люди у чукоч встречаются редко...

Руки и ноги у чукоч, как и у всех племен северной Азии, — маленькие. Чукчи потливы. Молодые пастухи-оленоводы быстро потеют даже при самом легком беге вокруг стада. Полушутя оленные чукчи называют сами себя "потливым народом" (гытлотарамкын). Женщины часто неуклюжие, имеют короткую талию и ноги, непропорциональные по отношению к туловищу. Некоторые из чукоч обладают значительной физической силой, в особенности оленеводы, у которых всегда здоровая пища. Мне приходилось видеть людей, которые были в состоянии нести на спине целую оленью тушу на расстоянии километра или легко поднимать большой камень до пяти пудов весом.

Молодые люди постоянно тренируются в развитии своих сил, поднимают и носят большие камни, бегают взапуски на значительные расстояния. Приморские чукчи и эскимосы употребляют даже специальные "подъемные" камни. Эти камни — цилиндрической формы, заострены на конце и отшлифованы...

...Скулы у чукоч выдаются значительно меньше, чем у тунгусов и якутов. Носы у них часто крупные, красивые, иногда даже "орлиные", но встречаются также носы с низким монгольским переносьем, особенно у женщин. Лица у чукоч нередко довольно аляповатые, черепа плоские и низкие прямые лбы, нижняя

часть лица непропорционально велика. Красивую голову чукчи часто сравнивают с круглой травяной кочкой. В рассказах красивый мужчина часто зовется "кочешно-головый". Лица монгольского типа более часты среди женщин. Однако многие чукчанки обладают лицом и сложением не хуже средней женщины белой расы.

Глаза у чукок прямые, нередко большие, широко прорезанные. Третье веко (поперечная заслонка для слезной железы), типичное для желтой расы, встречается у чукок редко.

Волосы у чукок, также как и у коряков, часто волнистые и даже кудрявые, между тем как у камчадалов — всегда прямые. Некоторые оленные чукчи, которых мне приходилось встречать в различных частях чукотской территории, носили прозвище "кудрявый" (камсь) благодаря своим кудрявым волосам. Особенно в тихоокеанских селениях попадаются нередко даже курчавые волосы.

У чукок, живущих во внутренней части страны и на берегу Ледовитого океана, цвет волос темный, а на Тихом океане — 15% имеют темно-коричневые и даже светло-коричневые волосы. Растительность на лице скудная, но все же волосы у чукок встречаются чаще, чем у ламутов или у якутов. В то время, как ламуты тщательно выдергивают все волоски бороды особыми щипчиками, чукчи оставляют расти свои бороды и даже гордятся ими. Усы у оленных чукок (вернее, черный пушок на верхней губе) считаются украшением зрелого возраста и эмблемой независимости. Брови чукок часто густые, нависшие, особенно у стариков. Растительность на теле скудная. У женщин густые брови, длинные толстые косы и обилие волос на лобке считаются

признаком красоты. По чукотской пословице: волосистый лобок у жены — забава для мужниных рук».

13 декабря. Анадырь

Привет, Веро!

Я перелетел в Анадырь — главный город на Чукотке. Здесь уже нет полярной ночи. Дом, в котором я живу, находится на краю города. Из окна видна какая-то деревня, за нею — залив, а дальше — бесконечность, из-за которой ненадолго появляется солнце. По сравнению с Билибино жизнь здесь более ритмична и многолюдна. Сначала немного мело, но вот уже третий день стоит отличная погода. Говорят, весь декабрь такой, чего здесь не помнят. Все ждут пургу. Я не против. Посмотрю, что это такое.

Пытаюсь встретиться с окружным акушером. Уже был у нее в больнице и договорился о времени, когда можно спокойно побеседовать. Главный акушер в курсе всех деторождений. Информация стекается к ней со всех районов Чукотки. Можно никуда не ездить и ждать Нового года...

Сегодня вышел к окраине города и увидел небольшую церковь. Она находится на косе, на том самом месте, откуда впоследствии вырос город. В церкви крестили детей, поэтому я в ней не задержался и по тропинке, минуя склады и базы, прошел дальше, чтобы сфотографировать панораму Анадыря. В конце концов я вышел на дорогу, которая так увлекла, что вскоре я оказался в деревне Тавайваам, той самой, которую видно из моего окна.

Деревня показалась жалкой и убогой. Ветхие одноэтажные дома, которые правильнее называть хижинами, соседствуют с двухэтажными, также довольно обшарпанными. Они к тому же покрыты изморозью, от чего кажутся холодными, неприветливыми и безжизненными. Тем не менее в них живут. Вокруг домов расположились деревянные сарайчики разных форм и размеров, тоже малопривлекательные. Видел и несколько новых коттеджей. Картину дополняет стоящий посреди поселка недостроенный трехэтажный дом. Судя по всему, таким он остается много лет и уже едва ли достроится. Пока шел, не встретился ни один прохожий, не проехала ни одна машина.

Тавайваам — речка, по которой в Ново-Мариинск ездили чукчи с товаром для обосновавшихся здесь казаков. Отсюда название — «Река, служащая для поездок». Сами казаки называли реку — Казачкой. Протекает она между столицей Чукотки и поселком, который, в отличие от реки, название сохранил. Сразу за Тавайваамом начинается безбрежная водная (сейчас ледяная) пустыня Анадырского залива. В Тавайваамае живут в основном чукчи. Жизнь их так или иначе связана с Анадырем, куда они ходят на работу, если таковая есть, а их дети — в школу.

В старом деревянном двухэтажном здании с вывеской «Администрация» расположены ещё Дом культуры и библиотека. В одной из комнат я застал нескольких чукчанок за печальным занятием: они сплетали траурный венок. Чтобы работа не казалась скучной, девушки смотрели телесериал. Встретили они меня тепло, усадили за стол и угостили чаем. Когда разговорились, я спросил о возможности рождения ребенка в тундре. Надя — директор этого Дома культуры — предложила встретиться с одной из жительниц, которая могла бы на этот вопрос ответить. Надя ушла за нею и спустя некоторое время возвратилась с Валентиной Ивановной и её девятилетней дочерью Марийкой.

Валентина Ивановна — чистокровная чукчанка, родилась и выросла в Тавайваамае. Ее родители всю жизнь проработали в тундре. Отец — потомственный оленевод, мать — чумработница.

Сама Валентина Ивановна уже на пенсии, хотя ей только пятьдесят. Раньше работала в спорткомитете. Занималась ездовыми собаками и организовывала соревнования, довольно популярные в этих краях. У Валентины Ивановны шестеро детей, которых она делит на партии. «Старшая партия» состоит из дочери — ей двадцать восемь лет — и двух сыновей, которым по двадцать три. У «старшей партии» свои семьи, и там Валентина Ивановна уже давно бабушка. Но, будучи бабушкой, она не переставала становиться матерью. В «младшей партии» — десятилетний сын и две дочери, которым соответственно девять и семь лет. Таким образом, одна из дочерей Валентины Ивановны младше её же внука. Никого из шестерых она в тундре не рожала. Зато родилась там сама, и мама рассказывала ей обстоятельства этих родов.

Они с мужем поехали в соседнюю бригаду, где собрались родственники. Это было неподалеку, в Тавайваамской тундре. Но в дороге маму Валентины Ивановны растрясло, и, лишь только они приехали в гости, у нее начались схватки. Пришлось срочно везти ее обратно. Оленей распрягли, и на то, чтобы вновь их запрячь, а до того отловить, не было времени. Поэтому в нарту впряглась младшая сестра и тащила ее километров десять. (Мужу при родах находиться было нельзя.) Она успела довести сестру до яранги, растопила очаг, нагрела воду и, когда стало тепло, помогла родить. Вспомнила Валентина Ивановна о своей тете и загрустила: недавно она умерла...

Я спросил, может ли в тундре родиться ребенок и остаться неучтенным? Валентина Ивановна считает это маловероятным. Сейчас даже в отдаленных бригадах имеются рации, по которым сообщают о всяком происшествии, в том числе и о предстоящих родах. Вместе с тем она рассказала, что ее приятельница из Билибинского района несколько лет назад родила прямо в яранге.

Муж Валентины Ивановны умер десять лет назад, и с тех пор она одна воспитывает троих детей. Впрочем, дети они только с виду. На деле — самостоятельные личности, которые не только помогают матери, но являются полноценными добытчиками пи-

щи. Пенсия у Валентины Ивановны 750 рублей. Это при чукотских ценах! Проживают вчетвером в однокомнатной квартире. Так теплее и, главное, дешевле. Зато есть электрическая печь, которая греет воду. По выходным Валентина Ивановна с сыном и Марийкой ходят на рыбалку. Не ради удовольствия, а чтобы прокормиться. (Тут ради удовольствия ничего не делается.) Ловят корюшку, небольшую рыбку, сантиметров десять-пятнадцать, и, чтобы был толк, наловить надо много, а это не всегда удается. Рыбку жарят, вялят, солят, коптят, — словом, она для тавайваамовцев что для нас картошка. Уху варят редко: на неё этой корюшки надо уж очень много. Покупают только хлеб и немного картошки: «Надо же детей чем-то баловать!» Сама Валентина Ивановна картошку почти не ест. Изредка едят оленину, но сейчас с ней трудности. Вот и весь рацион этой тавайваамской семьи. А есть такие, которые обходятся только рыбой. Некоторые сами выпекают хлеб. Получается дешевле, чем покупать. В семье Валентины Ивановны еду готовят в основном дети, а чаще всего — Марийка, которая на все руки мастер. В девятилетнем возрасте она ведет почти все домашнее хозяйство.

Эта крепенькая, с серьезным видом девочка меня поразила. По всему видно, что она играет важную роль в семье... Валентина Ивановна много курила. Конечно, самые дешевые папиросы. Марийка решила бороться с маминым курением и способ нашла безупречный. Она не обвиняла, не апеллировала к здоровью, а взяла карандаш и подсчитала, во что обходятся папиросы. Затем положила расчеты перед матерью и сказала: «Бросай!» На листке было подсчитано, сколько хлеба, муки и картошки можно было купить на деньги, улетевшие в табачный дым.

Марийка шьет вполне серьезные вещи, и, случается, они с мамой их продают. Она показала рукавицы из заячьего меха, и было трудно поверить, что их сшил девятилетний ребенок. А ведь Марийка еще и выделывает шкуры, и, кроме этого, умеет вышивать бисером. Рукоделию ее учат в Национальном колледже

— специальной школе, где есть художественное и фольклорное отделения. Но главным учителем была бабушка.

Мне хотелось поговорить с Марийкой, и я даже попросил Валентину Ивановну оставить нас, полагая, что девочка стесняется. Однако, оставшись со мной наедине, маленькая чукчанка не произнесла ни слова! Валентина Ивановна просила дочь, чтобы та рассказала известные только ей истории, но Марийка была непреклонна. Она молчала и в лучшем случае улыбалась, плотно сжав рот. Я корил её, даже ругал, но все это не давало результата.

Жаль, потому что Марийка знает о Тавайвааме многое. Недавно умерла ее бабушка, у которой с внучкой были самые доверительные отношения. Незадолго до смерти бабушка передала Марийке газетные вырезки, тетради с записями, документы, которые бережно хранила. В этих бумагах, кроме прочего, записана история села. Теперь Марийка обладательница ценного наследия, дорожит им и не хочет делиться с заезжим незнакомцем. Наказ бабушки был строг, и Марийка выполняет его неукоснительно. Может, когда-нибудь она предоставит эти материалы человеку более достойному и заинтересованному, а может, сама расскажет историю своего бедного селения.

Бедного — другого слова не подобрать...

Когда мы с Валентиной Ивановной и Марийкой вышли из Дома культуры, нам повстречались несколько странных (и страшных!) существ. Это старушки-чукчанки. Беззубые, едва передвигающиеся, одна на костылях, а одежда такая, что это скорее лохмотья. Я было приготовился их фотографировать, но это показалось столь кощунственным, что я не решился. В руках у одной старушки была выцветшая тряпка, похожая на бывшее полотенце. В тряпку было завернуто полбуханки хлеба. Опираясь на костыль, старушка делала два шага, останавливалась для передышки, ступала еще, вновь останавливалась и так продвигалась к двухэтажному дому. Чтобы войти в него, ей предстояло преодолеть несколько ступенек, и я не представляю, как она могла бы это сделать. Валентина Ивановна с нею поздоровалась, они пого-

ворили по-чукотски, а я прятал глаза, чтобы не встретиться со старушкой взглядом. А она-то как раз смотрела на меня и ждала, чтобы я посмотрел на нее. Потом я понял, что меня сковал стыд, тот самый, что может вызвать бегство от сопричастности к беде, отстоящей от нас в полуметре... Не я, а Валентина Ивановна проводила пожилую чукчанку до подъезда и помогла ей взойти по ступеням. Оказалось, старушка шла из своей одинокой лачуги в соседний дом поделиться хлебом с человеком еще более немощным и нуждающимся...

У сельского магазина встретили пьяную чукчанку, с виду молодую. Еще только полдень, но по всему видно, что в таком состоянии она с утра. Ее старое, грязное драповое пальтишко было накинуто на то, что с натяжкой можно назвать нижним бельем. Женщина была не просто неряшлива. Она была расхристанной и разболтанной, без головного убора, хотя мороз был под тридцать. В любой момент она могла упасть, и едва ли у нее хватило бы сил подняться. Ей никто бы не помог, потому что вокруг никого не было, а редкие прохожие, вроде несчастных старушек, не обратили бы на нее внимания.

Говорят, северным народам нельзя пить, так как их организм не сопротивляется воздействию алкоголя. Вроде бы в нем нет ферментов, растворяющих алкоголь. А вот русский организм, наоборот, устроен из одних только этих ферментов! Как, впрочем, и французский. На самом деле чукчи, эскимосы, эвены и другие северные народы, организм которых веками приспособлялся к условиям, в которых никто другой жить не может, устроены так, что вмешательство в их жизнь — будь то жилье, одежда или питание — немедленно вызовет отрицательную реакцию. Организм отторгает все, что несовместимо с их образом жизни. Вот почему мудрые люди столь категорично выступают против всякого постороннего вмешательства в жизнь и быт своего народа и прежде всего накладывают табу на алкоголь.

Я спросил Валентину Ивановну, что она думает о нас, русских.

Она ответила, что русские сейчас ничем не помогают. Если надо что-то построить, например дом, надо идти за разрешением, затем выкупать землю. Валентина Ивановна спрашивает: «Почему мы, родившиеся и прожившие здесь тысячи лет, должны выкупать свою же землю? Выкупать у тех, кто сюда пришел, похозяйничал и теперь сматывается?» Она считает, что должны платить им. За пользование их землей и недрами.

«Были газеты на чукотском языке. Сейчас их нет. Был Центр народного творчества. Сейчас его нет. Хорошо, остается еще Национальный колледж. Наше село считается национальным, но что здесь национального? Одна разруха. Были небольшие домики, аккуратно стоящие один против другого, а теперь — разгром! Теплотрассы открыты, из них бьют фонтаны. Трехэтажку строили-строили, разворотили полсела и бросили. Людей видели, какие они у нас? Старушек видели?..»

Валентина Ивановна говорила без злобы, но и без надежды на то, что это когда-нибудь изменится.

Мы расстались. Выйдя на дорогу, я пошел в Анадырь, а мои новые знакомые остались в Тавайвааме, поселке-спутнике чукотской столицы. И пока я шел, вспоминал о необычном экспонате из местного музея. Вам, французам, этого не понять, но я попытаюсь объяснить...

В краеведческом музее есть дверь, обитая чёрным дерматином: нечто вроде заменителя кожи. На двери надпись:

**С Е Р В И З,
подаренный Губернатором ЧАО
НАЗАРОВЫМ А.В.
к юбилею Москвы.**

Плотно закрытая дверь с подобной надписью может привлечь даже самого равнодушного из посетителей, не говоря обо мне, с детства предпочитающего закрытые двери открытым. Я

попросил показать подарок. Как житель Москвы, я сгорал от любопытства: что за сервиз подарили нам к юбилею? Не из моржового ли... клыка?

Оказалось, нет. Сервиз на двенадцать персон изготовлен из высококачественного фарфора на одной из подмосковных фабрик, чьи изделия в особом почете среди ценителей. В одной из искуснейших супниц, окаймленной золоченым, исконно русским орнаментом, покоится грамота, свидетельствующая о том, что сей сервиз действительно подарен Первопрестольной «от лица Народа Чукотки с пожеланием процветания и благополучия». На стене комнаты с плотно занавешенными окнами висит красочный, под стать сервизу, плакат-календарь с изображением торжественной передачи подарка мэру столицы. Сам сервиз столь роскошный, что налитая в тарелку баланда сошла бы за наваристый борщ.

Осмотрев экспонат, я уже было представил себя в полутемной горнице в числе двенадцати избранных, разделяющих со мной трапезу, и одного приземистого, подающего мне кусочек хлеба... Но меня вдруг заинтересовало: почему подарок москвичам находится в Анадыре? Конечно, дареному коню в зубы не смотрят, но, быть может, мэр Москвы, приняв сервиз, затем от него вежливо отказался, догадываясь о богатых недрах Чукотки? Но нет. Подарок действительно находится в Москве, и, быть может, из него едят суп, борщ и котлеты. Оказывается, здесь, в краеведческом музее, лишь уменьшенная копия с настоящего сервиза. Тот — на двадцать четыре персоны!

Пока я осматривал сервиз, а поглядеть на «подарок» приходят целыми группами, девушка-смотрительница постоянно поправляла оконную занавеску, чтобы из дома напротив не заметили блеск золоченых тарелочек и блюдец...

Только не надо спешить с выводами и, как у нас говорят, с «однозначными оценками». Во Франции общественность бы возмутилась, подняла шум, и от бедного губернатора уже ничего бы не осталось. Он бы сидел в Консьержери, а сервиз пошел бы с

молотка. Но это Россия. Здесь все иначе. И я не стану никого обвинять в растрате народных средств. Кто знает, может, благодаря этому сервису Чукотка не погибла? Может, в обмен на подарок сюда доставили пару-тройку танкеров с нефтепродуктами? А может, Москва, умилившись подарком, приняла к себе на попечение несколько тысяч чукотских детей или засыпала полуостров дешевой мукой, по тринадцать рублей за килограмм? Быть может, сервис этот уже сто раз окупился, и оттого губернатор подарил его музею, не стесняясь и не стыдясь, что подарок Москве сыграл существенную роль в преобразовании Чукотки, и из захолустья она в одночасье станет развитой территорией, и, когда придет время, мы все о том узнаем? А узнав, воспоем славу чукотскому губернатору и устыдимся мелочных, недостойных упреков.

В любом случае, когда я буду писать книгу о Чукотке, историю с сервисом упоминать не стану. Это я тебе, француженке, рассказываю некоторые наши нюансы, которые в иные времена назывались «социалистической предприимчивостью», а еще раньше... не помню как. Но то, что так у нас было всегда, — точно. И еще долго будет, как бы мы этого ни не хотели.

РОМАНТИКИ ИЗ ТАВАЙВААМА

Они все разные: по возрасту и по характеру, национальной принадлежности и профессиональной деятельности. Но есть у них одно общее, что объединило всех. Они — романтики. И по натуре своей, и в душе. Восемь лет назад начали с прогулок в тундру с семьями. Затем туристические походы на более дальние расстояния. Теперь же объединились в туристический клуб. И название ему дали «Романтик». А запевалой во всех этих добрых делах высту-

пает одна из таких непоседливых, неугомонных — Галина Нотатынагыргына. В погожие летние дни отправляются целыми командами «на природу». Уходят далеко от села Тавайваам, прихватив котелки, чайники, походные палатки, скромный провиант. Идут пешком двадцатилетние и пятидесятилетние. Не отстают от них самые юные участники турпоходов — Анечка Рябыкина, Марийка и Миша Канле, Витя Вельвун и Юля Котыт, Миша Плешаков. Всех не перечислить...

*«Крайний Север». Газета Чукотки.
29 октября, 1999 г.*

МАЛОРОТАЯ КОРЮШКА

За свой характерный запах получила название «огуречник». Распространена в Тихом океане от Берингова пролива до Северной Японии. Это полупроходная стайная рыба, придерживающаяся опресненных участков моря, откуда входит для икрометания в реки. Иногда встречается в озерах. Нерест — в апреле-мае. Икрометание происходит обычно на закате солнца. После 10 часов вечера заканчивается. Прекращается и ход самок к местам икрометания. Самцы держатся в этих районах в течение почти круглых суток. Икра разбрасывается на камни в местах с довольно сильным течением. Плодовитость 1,2-10,5 тысяч икринок. Развитие их при температуре 7-15 градусов длится от 10-12 до 38 дней. Выклюнувшиеся личинки имеют длину около 4,5 мм. Длина взрослой особи до 18,5 см. В Анадырском лимане — от 8,5 до 18,5 см, средняя длина — 12,6 см, вес — 11 г. Питается планктоном, личинками насекомых, рачками. Является пищей хищных рыб. Запасы корюшки находятся в критическом состоянии, и требуются срочные меры для восстановления её численности.

*Край наш северный /Сост. Г.А.Кудрин,
Ф.Н.Сиразитдинова. — Магадан. 1987г.*

«...Вот, все говорят, что рыбу надо чистить. Ничего подобного! Берем её как есть, в чешуе. Посуду удлиненную — по ней. Немного воды. Добавляем перца, специй. Совсем не чистим, не взрезаем. Но только это должна быть или только что оттаявшая свежемороженая рыба, или свежая. Ну, вот в водичке ее парим. Потом только чешую снимаем. Отделяем мякоть — вот это мясо!..»

Назаров, А.В. С Чукотки начинается
Россия. М., 1996. С.27.

14 декабря. Анадырь

Дорогой Валентин Яковлевич!

Я не ответил на Ваше письмо, потому что вылетел на Чукотку неделей раньше. Только сейчас понимаю, сколь это удачно. Мне казалось, десяти дней будет достаточно, чтобы собрать материал. Но для Чукотки десять дней — ничто. Неделя ушла только на то, чтобы прийти в себя.

Интересного не просто много. Интересно все. Сначала я был в Билибино и теперь знаю, что такое полярная ночь. Едва ли у меня хватит способностей передать впечатления в письме, предположу лишь, что человеку, прожившему на Псковщине, вряд ли когда-нибудь привидятся пейзажи, какие можно наблюдать на Чукотке. Также родившийся и проживший на необъятных просторах тундры, посреди сопок, едва ли представит мир вокруг Савкиной горки, с гогочущими гусями, мычащими коровами, квакающими лягушками и каркающими воронами. Кажется, вся природа разместилась между этими двумя полюсами.

В Анадыре нет такого дикого холода, как в Билибино, зато дует ветер, от которого я скрываюсь в краеведческом музее.

В одном из залов музея развернута экспозиция чукотской литературы и литературы о Чукотке. Кто только о ней не писал! Врачи, геологи, летчики, учителя, моряки... Одни между делом

вели дневники, другие черкали заметки, третьи описывали быт. Не для истории — для себя. Ведь приехавший с материка попал в совершенно новый мир, где была другая природа, другие отношения, все другое. Руки невольно тянулись к перу. Стараниями работников музея, и в первую очередь Екатерины Павловны, заведующей литературной частью, все эти дневники и записи сохраняются.

Что до самого творчества, то, по словам Екатерины Павловны, которая много лет следит за чукотской литературой и за литературой о Чукотке, положение здесь неопределенное. Хотя и конкурсы проводятся, и мероприятия разные и присуждаются премии имени Юрия Рытхэу (десять тысяч рублей победителю), прорыва пока нет. Все содержание чукотской литературы — в каком-то мечтательном взгляде в невозвратное. Редко кто рискует размышлять о будущем. Нет исканий, не задаются писатели сложными вопросами, а значит, и ответов на них не ищут. Не задумываются чукотские литераторы и о том, что происходит сейчас. Нет в чукотской литературе и настоящего героя, который мог бы стать национальным символом, через которого Россия и остальной мир поближе узнали бы Чукотку, поняли заботы и беды живущих здесь людей. Никто не поведал, какие духовные изменения произошли на Крайнем Севере и какие внутренние противоречия испытывают коренные жители после распада СССР. Хотя бы одним предложением, одной фразой кто-нибудь разродился... Писатель, если только он хочет быть услышанным и понятым, должен разговаривать доверительным, негромким и спокойным тоном. Северяне во многом разуверились. Их все время обманывали: обещали, призывали, укрупняли, разукрупняли... Теперь люди уже ничего не ждут. Они смирились с тем, что их все равно обманут. Чукчи и эскимосы горделивы. У них нет комплекса неполноценности, а внутренняя гордость — от сознания того, что только они могут жить там, где больше не сможет жить никто. И работу свою могут выполнять только они.

Им, конечно, обидно, что в ходу анекдоты про чукчу, недоразвитого и слабоумного. Но относятся они к этим анекдотам с юмором и сами не прочь их рассказать.

Откуда пошли эти анекдоты? В одной из статей некто Борис Шишлов написал, что «основоположником» анекдотов про чукчу следует считать Юрия Рытхэу. Дескать, в его произведениях чукча выведен однобоко, только с внешней стороны, запечатлен в рудиментарных, единовременных действиях: просыпается, умывается, чистит зубы, ест, влюбляется, слушает музыку, ходит в театр... Писатель словно доказывает: чукча — тоже человек. Рытхэу пишет добросовестно, но так, как его учили и как должен писать о малых народах советский писатель. А нужно нечто иное. Почему-то американский индеец выведен в герои. Он сильный, ловкий, отважный, метко стреляет — словом, мужчина во всех смыслах. Чукчи или эскимосы — тоже ловкие стрелки и искусные охотники. Они не менее отважны, а сфера их жизнедеятельности шире и романтичнее: здесь есть море, Ледовитый океан.

Валентин Яковлевич, вероятно, я вторгаюсь во что-то мне неведомое, но я лишь передаю слова чукотского литературоведа, собирателя и охранителя духовных ценностей, а кроме того — чуткой и внимательной женщины, чукчанки, прекрасно говорящей на родном языке и у которой не грех поучиться русскому. Я и сам размышлял, откуда пошли анекдоты про Василия Ивановича и Петьку, пока в очередной раз не посмотрел «Чапаева».

...Когда говорят о национальной литературе, имеют в виду и язык, и духовную первородность, и неотрывность от земли, со всей ее историей, с бедами, несчастьями и радостями, которые на этой земле произошли. И донести до остального мира все это можно лишь тем языком и с той душевностью, которые родились, выстояли, а затем, любя и страдая, просуществовали на этом куске земли, унаследовали ее память, впитали ее соки и ароматы, усвоили все цвета и оттенки, уловили каждый звук и даже шорох и воплотились затем в творении богобоязненного, но отчаянного человека. Если то же самое, твое, исконное, родное,

стараться донести с помощью чужого языка, иной формы и другого миропонимания, получится лишь анекдот, и хорошо, если смешной.

Если бы меня перенесли в ярангу и поручили настрогать обледенелого чира, то есть совершить нечто простое, вроде нарезки хлеба или очистки картофеля, то действия мои вызвали бы бурю смеха у местного населения. А представьте наше участие в охоте на нерпу или лахтака! Поверьте, не будет нелепее картины, если перенести на заснеженные тундровые просторы пушкиногорских гусей с коровами и огласить величественное безмолвие чукотских далей хрипловатым гоготом и унылым мычанием. Да если к ним добавить лягушачье кваканье, едва слышную гармонь из соседнего селения и чью-то брань... Обхохочешься.

Крайний Север и Чукотка полны преданий, легенд, сказок и сказаний, из которых произойдет национальная литература. В этом смысле чукотская земля напоминает Россию предпушкинского века. И если только найдется избранный, способный услышать, увидеть, прочувствовать и все это ясно передать, появится художник, который скажет и напишет о Чукотке так, как сказал бы и написал каждый ее житель, если бы умел это делать. Мне кажется, это будет женщина...

Екатерина Павловна считает, что так и произойдет. Она верит в молодых писателей и поэтов, знающих язык, могущих не только изъясняться, но и писать. Верит и в то, что новые таланты будут поддержаны властями и бизнесменами, что они смогут издавать свои книги, а из тоненьких «Записок Чукотского литературного музея» вырастет толстый литературный журнал или альманах, который объединит писателей и поэтов всех народов Чукотки.

Что касается книг, написанных о Чукотке писателями материковыми, если так можно выразиться, то здесь я доверюсь мнению Олега Куваева, которое он высказывает в одном из писем к другу:

«...В литературе есть три Севера. Север ранней эпохи в дневниках полярных путешественников XVIII — XIX веков. Страшный, мрачный, ужасный и так далее. Север Джека Лондона — где борьба человека и природы идет на равных. И есть книга Бориса Горбатова "Обыкновенная Арктика". Я убежден, что в советской художественной литературе об Арктике равных этой книге не было и нет...

...Я внимательно слежу за тем, что печатается на "полярную тему" в журналах. Все это, в том числе и мое, перепев трех мотивов — Джека Лондона, Бориса Горбатова и неких веяний журнала "Юность" конца шестидесятых. Жестоко, но это правда. Нет индивидуальности, нет прозаика, который бы открыл новую грань в новые времена системы Арктика — человек...»

Написано в 1970 году, а умер писатель в 1975-м. А вот как мыслил Чаадаев: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать её, предпочитаю унижать её, только бы ее не обманывать».

Оставим конъюнктурщиков, негодяев, писак, просто бесталанных, коих во времена Петра Яковлевича было не меньше (иначе бы он не породил такой пафос). Забудем о всем постыдном, что дала советская литература. Речь о другом: как относиться к тем, кто искренне желал сказать о своей родине правду, но «обманывался»? Как быть с теми, кто «добросовестно заблуждался»?

Крайний Север — составная часть всемирного мифа о совершенном обществе и гармоничном человеке. Не о коммунизме речь, о гораздо большем — о мечте. На Севере этот миф рухнул позже, потому что Север — дальше. Он не такой, как остальной мир, и всякий, оказавшись здесь, сам оказывался «не таким». В обществе идеологизированном, где власть зиждется на насилии и лжи, Север — одна из немногих правд и одно из немногих мест, где человек не испытывал в такой степени унижения от раздвоения личности. Можно сказать, что Север был прибежищем Прав-

ды. Мучительные вопросы: «Как жить не по лжи?» или «Как во лжи жить?» — не ставились здесь столь апокалиптически. Тяжелые условия, их сейчас называют экстремальными, не позволяли доминировать «героям» с низкими моральными качествами. Низкое здесь гасится, как гибнет зловредный вирус на устойчивом морозе.

Северяне лучше знают, когда именно романтизм уступил место прагматизму. Вероятно, то и другое существовало всегда, только в разных пропорциях. Но прагматизм стал доминировать в одночасье, и не только на Севере. Поколение студентов пятидесятых и шестидесятых — счастливейшее из поколений уходящего века: им грезилась лучшая жизнь, они верили в мифы и, главное, воплощение этих мифов ставили в прямую зависимость от своей деятельности. (Счастливейшее, потому что за это их не убивали и от них не требовалось никого убивать.) Они и до сих пор находятся во власти мифов и оттого проигрывают повсюду, где в цене прагматизм и расчет.

«Мещанский конформизм, который проникает в нашу жизнь, — страшная сила. Я знаю многих людей с великолепными и любимыми специальностями, которые работают клерками в каких-то конторах, лишь бы не уезжать из Москвы... Это можно было бы понять, если бы они любили именно этот город. Они его не любят, но престижно жить в центре. Вторая болезнь все того же мещанского конформизма — болезнь накопительства и приобретательства. Сейчас она со скоростью эпидемии распространяется на Севере. Она при жизни делает человека глухим, слепым и мертвым ко всему, кроме мечты о собственных "Жигулях" и какой-то даче. Вот будет "это", и все будет хорошо. А это ложь. Хорошо уже не будет, так как человек отравлен».

Эти строки принадлежат тому же Олегу Куваеву. Что бы сказал сейчас, спустя четверть века, этот наблюдательный художник, почитаемый на Чукотском полуострове и в Магадане? Какими бы словами отозвался, глядя на то, как многие из его ге-

роев покинули воспетый им Север и живут в ухоженных квартирах, на роскошных дачах или в коттеджах, а ездят на чем угодно, только не на «Жигулях»? Что бы вывел пером, пройдясь по заброшенным поселкам и оставленным селениям? Какие бы советы дал певекчанам, марковцам или билибинцам, болеющим «накопительством» на спасительный отпуск и на учебу детям? Неужели упрекнул бы за приобретение навыков по выживанию там, где уже и жить невозможно и правил бегства не существует? И как бы теперь назвал свой роман?

А теперь зададимся вопросом, имея в виду тех, кто будет после нас: какое им дело, обманывались мы или кто-то нас обманывал? Что им наши нравственные страдания и искания, разочарования и внутренние противоречия, если, «обманываясь», мы своей неправдой обманули их? «Отсутствие разменной монеты не освобождает от ответственности за безбилетный проезд», — так было написано в каждом советском трамвае. Но приглядитесь: не то же ли написано и на небесах?

Надеюсь, Вы мои литературоведческие изыски никому не покажете. Я с Вами прощаюсь и продолжаю чукотские странствования.

P.S. В своем анадырском жилище обнаружил стопку чукотских газет за 1993-й год. Я их просматриваю и кое-что намереваюсь использовать в будущей книге. Сегодня обнаружил рассказ Юрия Рытхэу, отрывок из которого вкладываю в письмо. Также посылаю заклинание шамана: вот образец подлинной литературы Чукотки!

Из рассказа Ю.Рытхэу «Мудрый старик»

«В доме жил сам Первый, и поэтому в подъезде дежурила милиция, что, в общем-то, устраивало не всех жильцов и, в особенности, Вээмвэкэта. Дело в том, что согласно обычаю тех лет, распространенному среди перспективных национальных кадров, он уже изрядно выпивал и порой с трудом открывал внушительную дверь в партийный дом и часто поднимался на свой четвертый этаж не без помощи дежурного. Жена ругалась, грозилась уехать к себе в Энмэлен, хотя здесь она устроилась после окончания Хабаровского медицинского института прекрасно, в лучшую поликлинику города, обслуживающую местную элиту. Но случилось несчастье: у Вээмвэкэта открылся туберкулез. Он пролежал почти два месяца в больнице, а потом уехал в санаторий, на материк.

Но в санатории было тоскливо и скучно, и поэтому для поднятия настроения приходилось прибегать к спиртному. Тоска и скука усугублялась угрозами администрации выписать Вээмвэкэта. Не дождавшись этого, Петр Вээмвэкэт сам покинул санаторий, взяв билет на ближайший рейс самолета. Ранним утром, когда областной центр только еще просыпался, он вошел в знакомый подъезд партийного дома. Желая доставить молодой жене приятный сюрприз, Вээмвэкэт тихо открыл своим ключом квартиру, рывком распахнул дверь в спальню и громко объявил:

— А вот и я!

Вместо ответного радостного возгласа раздался испуганный взвизг и густая матерная брань: рядом с женой на супружеской постели лежал мужчина с волосатой грудью. Почему-то именно эта волосатая грудь больше всего разозлила Вээмвэкэта. Схватив в прихожей старенькое дробо-

вое ружье, он наставил ствол на застигнутого любовника, который, очухавшись, умолял:

— Только не стреляй! Я сейчас! Я сейчас!

Он схватился за штаны, но наступил на них. Вээмвэкэт наконец-то узнал в мужчине персонального шофера Первого.

— Не трогай штаны! — заорал Вээмвэкэт. — Иди так! Шофер жил на первом этаже этого же дома.

— Но, Петя, как же так? Я же так не могу... — бормотал шофер.

— Тогда — стреляю!

Вээмвэкэт взвел курок. Шофер не знал, что в ружье, по меньшей мере, года три не было патронов.

— Иду, иду! — выставив ладони вперед, как бы защищаясь от предполагаемого выстрела, бочком задвигался шофер. Волосатость мужчины распространялась и на тощий зад, заросший черной порослью.

Несмотря на внушительный вид и особую отделку, партийный дом отличался необыкновенной звукопроницаемостью. И поэтому шум распространился по всему зданию...»

«Советская Чукотка». N78-79, 8 апреля, 1993 г.

ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ ПРИРУЧЕНИЯ ДИКИХ ОЛЕНЕЙ (Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»)

«Это диво! Это диво! Я вытаскиваю твою сердечную жизнь [tetkejun] вместе с аортой. Я тащу их через твой задний проход и присваиваю их себе. *(Человек, произносящий заклинание, поднимает с земли две щепки или два стебля, вынутые из оленьего следа, и вкладывает их в свою левую*

рукавицу. Вернувшись домой, он завертывает их в кусочек кожи и подвешивает над лампой во внутреннем пологе.)

Это диво! Это диво! Я вытаскиваю твой желудок. Я тащу его через твой задний проход и кладу его, как мешок, на твой нос. Это диво! Это диво! Я превращаю тебя в ручную важенку. Как же так! Иди и поищи мужа себе среди людей Утренней Зари. Это диво! Это диво! Ты принес сына небесной трещины. Это диво! Это диво! Ты принес сына верхушки Утренней Зари. Это диво! Это диво! Ты принес сына "отдельных облаков". Это диво! Это диво! Я поставил тебя на широкую скалу. Это диво! Это диво! Я поставил тебя в огромный овраг. Это диво! Это диво! Камнями, падающими с обеих сторон, я делаю глаза твои невидящими. Это диво! Это диво! Камнями, падающими с обеих сторон, я делаю твои уши неслышащими. Как? Я привязываю камни к кончикам твоих волос. Как? О, Зенит! Дай мне твой поражающий камень... (Человек, произносящий заклинание, делает вид, будто он что-то берет левой рукой.) Я положу его этому на темя, между рогами. Как? Я поставил тебя на огромное озеро. Это диво! Это диво! Я ставлю тебя, слепого, на ледник, который трещит и раскалывается с оглушительным шумом. Как? О, Зенит! Дай мне твою раздвоенную палку, я положу ее на эту шею. Стадо будет на нее наступать с обеих сторон. От Вселенной заговор ее я прошу. От Передней головы правого упряжного оленя прошу; смиренного быка прошу, впереди идущего в обозе. С аортой дикого оленя я их связываю. От середины Зенита сердечную жизнь извлекаю, этим ударяю тебя. Потом зову: "Ка, ка, ка!" Убежать не может по окончании связывания. Песчаную реку дорогой делаю, западный ветер зову и восточный ветер, чтобы от всех жительство дым принесли. Костер перед дверью развожу, большой очаг делаю. Потом я говорю: "Главный гость ты! Войди! Потом поедим дома, самую лучшую еду есть станем. Ты жену

возьми, главный зять, ты!" Назавтра кочует народ, действительно желание идти с обозом обнаруживает [дикий олень]. Немного погодя прирученного оленя убивают, весь заговор отдают обратно хозяевам. Правого оленя Передней голове возвращают. Потом делают колобки, все ветры кормят, в разные стороны бросают. Только».

*Сообщил Ајппавант, оленный чукча
в Колымском округе*

15 декабря. Анадырь

Валентин Яковлевич!

Вслед первому высылаю еще одно письмо.

Был в церкви и там познакомился с молодым настоятелем — отцом Сергием. Храм неприметный, приземистый, видно, что перестроен, находится в стороне от города, на вытянутом полуострове, с одной стороны которого река Казачка, с другой — Анадырский лиман. Это самый восточный православный храм на Земле! Место, на котором находится храм, называлось (и сейчас называется) Ново-Мариинск. Это самая старая часть Анадыря. Здесь до сих пор стоят несколько дореволюционных домов и склады какого-то американского предпринимателя. Казаки, основавшие острог, назвали его, как считает настоятель, в честь Марии Магдалины. А в топонимическом словаре утверждается, что острог назван «в честь царицы Марии». Я больше верю отцу Сергию, да и Мария из Магдалы мне ближе.

На месте, где сейчас церковь, до революции стояла часовенка. Она считалась самой далекой во всей России...

Я здесь набрел на старинную книгу, написанную американцем. Он был в Анадыре (тогда он назывался Анадырском) в прошлом веке и 25 декабря 1866 года, в четверг, присутствовал на рождественской службе. Кто знает, может это была та самая часовенка...

«...Мы поспешно отправились къ бревенчатой церкви; но служба уже началась, когда мы пришли, и мы молча заняли места въ толпе богомольцевъ. Стены зданія были украшены изображеніями патріарховъ и русскихъ святыхъ, передъ которыми горели большія восковые свечи. Облака синеватаго, благоухающаго дыма поднимались къ потолку отъ кадилъ, и густыя ноты священника, въ блестящемъ облаченіи, составляли странный контрасть съ высокимъ сопрано, поющимъ на клиросе... Самое лучшее во всем Богослужении Греко-Россійской церкви - это пеніе. Нельзя безъ волненія слушать его, даже въ маленькой бревенчатой часовне далекой Сибири... По окончаніи утренняго рождественскаго богослуженія на клиросе раздается ликующій гимнь, выражающій радость ангеловъ при рожденіи Спасителя, и среди нестройнаго трезвона колоколовъ, висевшихъ на меленькой колокольне у дверей, мы вышли изъ церкви...

...Когда солнце взошло, все восковыя свечи были погашены, народъ нарядился въ свои лучшія одежды, и все поселеніе предалось ничемъ не стесненнымъ увеселеніямъ большаго праздника. Колокола звонили не переставая на церковной колокольне; сани, запряженныя собаками и наполненныя девушками, неслись по улицамъ, опрокидываясь въ снежныхъ сугробахъ, и мчались внизъ по холмамъ среди криковъ и смеха; женщины въ пестрыхъ ситцевыхъ платьяхъ, повязанныя пунцовыми платками, ходили изъ дома въ домъ съ поздравительными визитами и съ разговорами о прибытіи знаменитыхъ американскіхъ офицеровъ; толпы мужчинъ играли въ мячъ на снеге, и все поселеніе представляло оживленный и веселый видъ...»

Вот такая жизнь кипела в Анадыре. Праздники продолжались вплоть до Нового года (Рождество отмечали 25 декабря), причем священник устраивал бал с приглашением православных анадырцев, играл оркестр, были самые разнообразные угощения и выпивка и, конечно, танцы до упаду...

Отец Сергей утверждает, что на месте, где стоит храм, благодать Божия. И действительно, когда в Анадыре метёт, на этой небольшой косе — тишина и покой.

Православная община Анадыря зарегистрирована в 1993 году. Священника сначала не было. Он приезжал из Магадана, где расположена епархия. Затем в храм был назначен настоятель — иеромонах Питирим, которого впоследствии и сменил отец Сергей.

Он родился в 1963 году во Ржеве, Тверской области. Там же закончил среднюю школу и машиностроительный техникум. Затем отслужил на Балтийском флоте, вернулся во Ржев, проработал год и уехал на Чукотку, где семь лет трудился в строительно-монтажной организации. О службе Богу не помышлял. Но вот в Анадыре восстановили церковь, и он стал ее посещать. Участвовал в службе и помогал настоятелю Питириму. Богословского образования у отца Сергея нет, но есть практика службы в кафедральном соборе Магадана. Там он был рукоположен в диаконский сан и под руководством отца Питирима совершал службу в течение года. Затем был возведен в сан иерея и послан в Провидения настоятелем храма, где прослужил два года. Храм тот, к несчастью, сгорел и до сих пор еще не восстановлен. Народ здесь небогатый, мягко говоря, на восстановление храма и на то, чтобы содержать священника с семьей (у отца Сергея к этому времени было трое детей), денег не было. Когда иеромонаха Питирима перевели в Магадан, отцу Сергию предложили перебраться в Анадырь и совершать богослужение в Новомари-

инском храме. Он подчинился и с тех пор проживает в Анадыре. Недавно у него родился четвертый ребенок — Василий.

...Лишь однажды я разговаривал со священнослужителем. Это было десять лет назад в Варшаве у костела св.Якова, рядом с могилой священника Ежи Попилушко, зверски убитого польскими гэбистами. В то время большего атеиста, чем я, не существовало, и разговор свелся к тому, что я доказывал, что Бога нет, а ксендз объяснял, что Бог есть и я нахожусь на пути к Нему, чем злил особенно. Я бы поверил в существование Бога тотчас, но для этого надо было, чтобы Сын Его прошел на моих глазах «по морю, яко по суху» или хотя бы воскресил Лазаря. Тексты Священного Писания были мне недоступны, Нагорная проповедь и притча о блудном сыне казались сентиментальными сказками, а главной ценностью в то время для меня был «Закон о кооперации в СССР». И вот, спустя десятилетие, на краю Земли я встретился с православным священником, который к тому же моложе меня.

Отец Сергей сначала довольно настороженно принял меня в небольшой комнатке, где он уединяется для работы. Эта комнатка и есть бывшая Новомариинская часовенка. Письменный стол. Телефон. Книжный шкаф. Кровать. Шкаф для одежды. Иконы.

Разговор не клеился. Я больше говорил о мирском, в частности о Пушкине, а отец Сергей о Божием. (Александр Сергеевич, видимо, не лучшая верительная грамота при знакомстве со священнослужителем.) В конце концов мы, кажется, стали понимать друг друга лучше. Я записал разговор и конспект этой беседы пересылаю Вам.

* * *

— Я много езжу, вижу, как трудно живется людям. Но здесь, на Чукотке... Такие цены и такая зарплата!

о.СЕРГИЙ. Я священник, для меня цены, финансы, экономика, политика...

— Понимаю. Это бременное, но людям живется трудно, и вы это знаете. Нельзя же отрешиться и говорить, что «не хлебом единым жив человек», когда этого хлеба не хватает... К вам приходят люди, жалуются, ищут утешения?

о.СЕРГИЙ. Приходят постоянно, и я слушаю их сетования. Скажу откровенно: я советую тем, кто здесь жить уже не может, в частности пенсионерам, при первой же возможности покинуть Север. Дело не в том, что я не патриот Чукотки. Церковь прежде печется о духовном здравии паствы, а здесь далеко не у каждого есть возможность совершать богослужение, таинство исповеди, духовно совершенствоваться. У нас один священник в Анадыре, другой — в Билибино. Люди годами живут без исповеди и без покаяния, также нет у них возможности принять святое крещение. А ведь без этого есть угроза отойти к Богу без отпущения грехов, без причастия. Для христианина и его души — это страшнее всех материальных трудностей. Я говорю сейчас о духовном здравии. А экономические, финансовые и политические вопросы, конечно, существуют. Но не они главенствуют, и не они определяют наши дела и поступки, как нас тому учили.

— Что же вы советуете тем, кто не может покинуть Чукотку?

о.СЕРГИЙ. Им поддержка наша духовная и утешение. Оказать помощь материальную мы, увы, не можем, так как жертвуют нам немного. Тем же, кто пытается жить мирской жизнью, надо прилагать старание для материального благополучия. В том нет греха, если человек честно трудится, зарабатывает и безбедно живет. Не надо только забывать о душе.

— Но люди живут плохо оттого, что им не выплачивают зарплату, а той, что выплачивают, недостаточно, чтобы достойно жить. Врачи в Билибино — не знаю, верующие они или нет, — трудятся на совесть, лечат, принимают роды, но им с апреля не платят. Как им жить? Они-то свой долг выполняют. Может, они себя считают атеистами, но поступают по-Божиему.

о.СЕРГИЙ. Конечно, те люди, о которых вы говорите, поступают по заповеди Божией. А те, кто им не платит... Слово Божие говорит: «Не удержиши мзды наемничьей». Невыплата зарплаты — нарушение заповеди. Если ты обязался выплатить своему наемнику им заработанное, то должен это сделать до вечера. По заповеди даже на другой день не имеешь права переносить. Но почему у государства нет возможности выплачивать зарплату? По тем же причинам. Отступление от заповеди Божией влечет искажение всего мировоззрения. Когда жизнь строится без упования на Бога, тогда ничего не получается ни в экономике, ни в финансах, ни в политике. И у людей тоже ничего не получается. Своими силами, без Бога, что наше бренное естество может построить? Только башню Вавилонскую... В комнате, где мы сейчас беседуем, была часовенка. Ее построили казаки в благодатном месте, и люди в ней молились. А после революции из часовенки сделали склад, затем переоборудовали в клуб, в котором пели песни и устраивали пляски, потом клуб переделали в магазин и торговали водкой... Сейчас говорят: «Время было безбожное». Это мы, люди, были безбожными. Время всегда Божие.

— Отец Сергей, у вас четверо детей, жена... Здесь, если не будешь хорошо питаться, замерзнешь. И одежда нужна теплая, и на отпуск деньги нужны...

о.СЕРГИЙ. У меня минимальные запросы в пище и в одежде. Как христианину, мне проще, потому что большая часть времени в году — пост. Кроме того, слава Богу, у нас во-

дится рыба. Есть красная, есть белорыбица. Мы, взрослые, в продуктах ограничены, но стараемся побаловать детей, чтобы они витамины получали. Покупаем для них творог, сметану, масло. Мясо, конечно, ограничено даже для детей. Мы в семье его редко едим. Спасибо людям, что приносят в храм пожертвования: крупу, макароны, хлеб, выпечку. Пьем чай с вареньем из морошки. Компотов и соков, конечно, не видим, потому что цены для нас высокие. В картофеле тоже себя ограничиваем. Он не всегда бывает. Такая наша пища. Что до отпуска, то езжу я куда-нибудь редко. Последний раз выезжал из Анадыря четыре года назад. Был у тещи на Украине. Моя супруга из Днепропетровской области.

— За границей были?

о.СЕРГИЙ. Кроме Украины, не был нигде. Меня и не тянет. Я патриот... Разве что на Святую Землю бы съездил. А глядеть на «цивилизацию» у меня особого желания нет.

— Не хотели бы встречаться с такими же священнослужителями? Понимаю, вы патриот, но разве не хочется увидеть соборы Франции и Италии, картины Рембрандта, Рафаэля или Леонардо? Или если не творения человека, то природу — фиорды Норвегии, каньоны Америки, море?.. А Афон или Рим? Или хотя бы Суздаль, Владимир, Новгород? Встретиться там с братьями... Ведь хотя бы раз в год необходимо странствовать. И еще, вам надо следить за религиозной жизнью, приобретать книги...

о.СЕРГИЙ. Приобретать книги мы должны в епархии. Но есть сложности с доставкой. Проще привозить их из Москвы, но там надо иметь доверенного человека, который бы закупал книги и переправлял на Чукотку. Что до моего одиночества... Я обязан очищать совесть и душу таинством покаяния, должен исповедоваться. А я в этом ограничен так же, как и миряне. Им даже

проще. Они приходят ко мне, а мне прийти не к кому. Мне тяжело совершенствоваться духовно. Я рукоположен недавно, опыт у меня небольшой, и духовность моя недостаточна, чтобы длительное время выдерживать без исповеди, как пустыnnики. Я совершаю богослужение, литургию, причащаюсь и перед этим должен очистить совесть покаянием. Если долго не исповедуюсь, мне тяжело. Это самая большая трудность. Я нахожусь на послушании. Есть правящий архиерей, который распоряжается всем моим временем, является моим отцом и руководителем. Без его благословения я не могу покинуть приход. Раньше с транспортом было легче, и из Магадана приезжали священники. Можно было исповедоваться. Сам епископ часто ездил по Чукотке. По правилам апостольским и соборным постановлениям он должен раз в год объезжать епархию. Но уже год, как назначен епископ, а приехать к нам не может. Нет средств.

— В поселках нет возможности причаститься или исповедаться, но, если бы у вас была возможность, вы совершали бы миссионерские визиты?

о.СЕРГИЙ. Иногда я их совершаю. По благословию нашего епископа побывал в Беринговском и в Providения. К сожалению, это все. Я бы и рад побывать везде, но местному приходу пришлось бы потратить все сбережения только на билет. У них не останется денег на свечи, на книги, на обустройство храма. А там, в глубине Чукотки, надо бывать. Во многих районах развились секты из Америки. И в самом Анадыре они существуют. У них нет трудностей с деньгами. Они покупают благоустроенные квартиры, устраивают приходы и заманивают прихожан. Особенно коренных жителей. Противостоять им трудно.

— Я живу в Москве и вижу, как богата Первопрестольная соборами, блеском золота на куполах. Вокруг нищета, а иерархи устраивают пышные приемы. Думаете, никто не видит? Понят-

но, когда церковь отделена от государства, но, увы, она отделилась и от людей. Отсюда резкое уменьшение прихожан. Толпы по христианским праздникам не должны вводить в заблуждение. Это явление не религиозное. Я знаю верующих, предпочитающих этих толп избегать даже по великим праздникам.

о.СЕРГИЙ. Не знаю, откуда берутся деньги на украшение храмов в Москве, но не думайте, что они стекаются со всей страны. Каждый приход должен отчислять определенную сумму на содержание Патриархии. Но с наших приходов какие поборы? Мы, например, должны отчислять двадцать процентов от дохода. А какой у нас доход? Вы же видите. Поэтому чукотским прихожанам дана льгота, и мы в Патриархию вообще не отчисляем. Не потому, что не хотим, а потому, что не можем. И не мы одни такие. По стране в приходах денег наберется не много.

— Может статья, что на Чукотке, а возможно, и в самом Анадыре родится первый младенец двухтысячного года. Кто знает, может, его принесут в этот храм, и вы будете крестить его. Что бы вы пожелали этому младенцу?

о.СЕРГИЙ (после паузы). Кто бы ни родился, мальчик или девочка, русский или украинец, эскимос или чукчонок, кем бы ни было это чадо, если Господь дарует ему милость появиться на свет, дарует бытие, то хочется пожелать, чтобы ребенок был здоров, хотя на Чукотке это непросто. Я говорю о телесном здравии. А по духовному здравью — чтобы он познал Истину. И, если я буду его крестить, он получит в первую очередь очищение греха первородного. Если это произойдет в нашем храме Преображения Господня, то это будет для нас радостным событием.

16 декабря. Анадырь

Здравствуйтесь, дорогой Борис Исаакович!

Вновь пишу по следам посещения краеведческого музея, где разглядывал графику на моржовом клыке.

Между прочим, не только клыки моржовые используются для поделок, но и иные части этого безобидного животного. Оказывается, у моржа детородный орган тоже из кости, во что трудно поверить. Органы эти в большой цене, и их стараются привозить на материк. Говорят, лучшего сувенира не придумать. Оставляя прочее, все обсуждают подарок, строят догадки и предположения, воображают, что и как происходит, при этом жалеют моржих...

Я увидел эти удлиненные предметы неожиданно. В музее стоит небольшой столик на оригинальных и не совсем ровных ножках. Стал я разглядывать эти ножки и поинтересовался, из чего они сделаны. Оказалось, из «мужского достоинства моржа», проще говоря, из моржового хрена. Вот у вас есть журнальный столик, за которым мы пьем чай. На него я бы не рискнул поста-

вить что-нибудь тяжелое, а на тот, что в музее, можно хоть садиться, столь прочен он и устойчив.

Почему природа так устроила? Кто-то считает, что, поскольку моржи постоянно пребывают в ледяной воде, их детородный орган без костяной основы будет ни на что не годен. Иные думают, это оттого, что у моржей не развиты передние конечности, вместо них — ласты, и, если еще член их будет, как говорится, ни рыба ни мясо, бедному животному вообще никакой жизни не будет. Не знаю, что там на самом деле, но спросить не решаюсь: тема деликатная, а музейные работницы объяснить ситуацию с моржом никак не догадаются. В будущей книге я этой темы избегу, чтобы не вызывать нездорового интереса к моржам, которых здесь и так не щадят. Но в письме к Вам, дорогой Борис Исаакович, о столь важном с искусствоведческой точки зрения объекте умолчать не могу. Без этого панорама Чукотки будет неполной. Может, мне удастся приобрести пару-тройку таких «достоинств», и я привезу их в Москву...

Если миниатюрную скульптуру относят к древнему искусству, то графика на клыке — искусство новое, возникшее только в конце прошлого века. Предназначалась она исключительно для американцев как сувенирная продукция. А популярный пеликен, маленький божок, фигурки которого продаются в анадырских магазинах, — вообще изобретение американца. Некого Билли Кена. Он сумел внести в исконно чукотскую традицию американский размах. В итоге фигурка «вернулась» на Чукотку под названием «пеликен» (так эскимосам и чукчам слышалось имя американца) и в иерархии сувенирной продукции занимает одно из первых мест. Словно матрешки, пеликены выстраиваются в витринах, хотя внешне они больше походят на гигантских истуканов с острова Пасхи. Есть пеликены огромные, больше пачки сигарет, довольно гадкие, хихикающие и зубоскалящие. Но есть милые, пузатые, бесхитростные, а главное — маленькие, величиной с фасоль. Такого пеликенчика на шнурке из оленьей

кожи мне подарила маленькая чукчанка из Билибино. Пока нахожусь на Чукотке, буду его носить, но, как только вернусь, сниму: наш с Вами Господь уж такой ревнитель, такой ревнитель...

Кстати, я спрашивал о пеликене одну старую чукчанку. Она ничего о нем не знает.

Прежде чем расскажу о графике, остановлюсь вот на чем. Когда-то Ермак, легендарный покоритель Сибири, послал в подарок царю двадцать шкурок чернобурой лисицы. С 1821 по 1841 год хозяйничавшая здесь Российско-Американская компания вывезла этих шкурок 16 513. В книге Гартвига «Природа и человек на Крайнем Севере» (1866) приводятся данные среднегодового вывоза этой компанией с территории нашего северо-востока: 1161 шкурок морской выдры; 16000 морского котика; 900 чернобурой лисицы; 8029 бобра; 1070 морской выдры; 1279 чернобрюхих лисиц; 2246 рыжей лисицы; 667 белого песца; 243 медведя; 201 рыси; 78 росوماхи; 789 речной выдры; 810 американского соболя; 236 ондатры; 10 волка. Кроме того — 325 пудов моржовых бивней и 92 фунта китового уса. На территориях нашего Севера соболя ежегодно добывалось до 45 тысяч шкурок; горностаю в 1840 году вывезли в один только Китай — 176 200 шкурок! А сибирской белки ежегодно вывозили до 15 миллионов! Большая часть этого товара вывозилась в Охотск, а оттуда в центральные районы России и в Петербург.

Это было в первой половине прошлого века. А уже со второй половины на Чукотке все больше хозяйничали американцы. Помимо моржовых клыков, китовых усов и пушнины, они пронюхали про здешнее золото. В 1908 году за две недели они добыли неподалеку от Анадыря три пуда. Это по три с половиной килограмма в день! Билибинский ГОК добывает пять, и считается, что это неплохо. Так ведь, кроме золота, американцы вывозили рыбу и оленину, причем такими темпами, что местному населению ничего не оставалось. Взамен привозили разные цацки вроде бисера. Наивные туземцы и этому были рады. Ладно бы только бисер! Американцы бочками завозили спирт и спаивали население.

ние. Это продолжалось и после установления советской власти, которая на первых порах была не в состоянии оказать сопротивление.

Я пришел в ужас, когда узнал о том, что здесь творилось. Мне казалось, что в далекой тундре, кроме кочующих племен, никого не было, что край этот был глух, нем и совершенно неведом миру. Ничего подобного! И в прошлом, и в нынешнем веках на Чукотке без ограничений действовали всевозможные организации и концессии, среди которых особенным хищничеством отличалось Северо-Восточное Сибирское общество во главе с американцем Свенсоном. В двадцатые и даже в тридцатые годы американцы, англичане, японцы отсюда не вылезали. С ними заодно были и наши «предприниматели». Между этими хищниками, в сравнении с которыми полярный волк — агнец, находились тщедушные северные народы. Береговые чукчи и эскимосы разговаривали по-английски, а дети наиболее состоятельных из них учились на Аляске. Даже законы в этих местах устанавливали американцы. Чукчи-посредники давали оленеводу за двадцать пыжиковых шкур двадцать швейных иголок. Соотношение стоимости — пятьдесят к одному! Песца у охотника покупали за пять рублей, а продавали скупщикам за тридцать. За одну сушку (даже не бублик!) посредник брал белку. Я даже не знаю, какое слово подобрать, чтобы охарактеризовать то жуткое положение, в котором оказались чукотские оленеводы, рыболовы и охотники. Американцы вели себя на Чукотке так же, как у себя в отношении индейцев. И, конечно, вывозили, вывозили, вывозили... Прошли времена ярмарок, когда гордый торговец-чукча продавал товар русским купцам с острия копья.

Потом на Чукотку пришла советская власть. Установила новые законы и порядки. Чукчи и эскимосы заговорили по-русски, а их дети стали учиться в советских школах. Началась классовая борьба, раздуть которую наши миссионеры в штатском были горазды. И опять — вывозили, вывозили, вывозили... Золото, пушнину, оленину, кости мамонтов, клыки моржа — все,

что только можно. Вывозили и самих аборигенов. Обучали их нашему языку, нашей науке и, конечно, нашему искусству.

И что же? Может, от вывозимого золота, пушнины, нефти, никеля, алмазов и прочего, чем богат Север, богатели чукчи, эскимосы, эвены, юкагиры — наподобие того, как разбогатело население Кувейта или Саудовской Аравии? Как бы не так! Шагающие в торбасах по таблице Менделеева северные народы — от Кольского до Чукотского полуострова — не просто нищие: они вымирают.

Какой толк от добытого золота и от продажи нефти? В чем выражается пресловутое богатство Сибири? Ведь полностью не газифицирован даже Салехард — столица Ямало-Ненецкого округа, добывающего более половины российского газа и нефти! Какой прок от алмазов, платины и прочих драгоценностей? Где и в чем это вывезенное богатство? Уж не в сникерсах ли, которых на Чукотке в избытке?

Ну хорошо. Вывозили все это в центр страны, на так называемый материк. Так, может, за счет грабительской экспансии разбогатели русские, украинцы, белорусы, казахи?.. Тоже нет. И те, и другие, и третьи, и прочие могут спорить до хрипоты, кто из них более нищий. И, знаете, никогда не выяснят.

Все это добро уходило за рубеж, в обмен на доллары, которые наши чиновники публично ненавидели и втайне любили. Не надо было рисковать и американским бизнесменам: тащиться за тридевять земель в холодные пустынные края и вербовать в посредники алчных алитетов. Посредник нашелся лучше некуда — наше государство, время от времени меняющее кумач на триколор, звезды на орлов, но в сущности остающееся прежним. Это его полномочные представители соперничали между собой за право вбить колышек, поставить вышку, раскопать сопку, спилить дерево...

Что делать с этим «наследством» нынешним начальникам Чукотки? Как выбраться из вековой трясины грабежа, насилия и беззакония? Где найти силы и средства, чтобы остановить распад

и спасти огромную часть России, которая, кажется, не нужна уже и мародерам?

Дорогой Борис Исаакович, в конце семидесятых я несколько месяцев работал на стройке под Сургутом и только раз видел живого ханта. В 1959 году к северо-западу от Сургута было 62 национальных поселка. Теперь остался один! Думаете, на Чукотке по-другому? Простите, но я должен об этом кому-то сказать. А то мы все об искусстве да об искусстве...

Кстати, а каким в этой ситуации могло быть искусство? Могло ли оно сохраниться, если вторжение в жизненный уклад северных народов было столь всеобъемлющим? Я даже не знаю: графика на моржовом клыке — народное искусство или это продукт социальной деформации? Ведь графические изображения на моржовом клыке появились, существовали и до сих пор существуют как сувенирная продукция, рассчитанная на пришельцев. Мы ли это будем, американцы или японцы, не важно. Важно, чтобы за нее платили.

И платят, и будут платить, потому что графика на моржовом клыке завораживающе прекрасна.

Расписанный в нежных, неброских, плавных тонах, тщательно обработанный клык сам по себе интересен и привлекателен. Глядеть на него — одно удовольствие. На нас, «цивилизованных», производит впечатление еще и то, что это часть огромного и недоступного животного, обитающего в далеком северном море. Этим клыком он распахивал берег при передвижении, вспарывал брюхо сопернику и, уж точно, ласкал моржиху. Затем клыком завладел охотник и отдал его в мастерскую Уэлена или Инчоуна. Там его обработали, отполировали до зеркальной поверхности и передали художнику-граверу. Он нанес на клык рисунок, выгравировал его специальным инструментом и затем раскрасил.

Если миниатюрные скульптуры передают пластику северного человека, то гравировка на клыке повествует о его жизни. Можно сказать, что каждый гравированный клык — это своеоб-

разная книга, включающая самые разные сюжеты, в том числе придуманные, воображаемые или желанные. Я видел клык с изображением Ленина. Он сидел на пригорке, в накинутом на плечи пальто, в окружении чукчей и, видимо, рассказывал им о революции. Быть может, есть клыки, на которых запечатлено пребывание на Чукотке Пушкина или Льва Толстого. Ведь если Чукотку посещали видные советские художники, литераторы и работники искусства, то чему-чему, а фантазии нашей реалистичной они местных умельцев научили.

И все же главное, о чем повествуют изображения на клыке, — это быт северных народов, их повседневная жизнь: тяжелая, полная опасностей и тревог, на берегу и на море, зимой и летом.

Вот клык, на одной стороне которого изображена охота на кита...

Огромный морской зверь, для которого угловатое суденышко что щепка, ударил хвостом, и охотники вмиг очутились в ледяной воде. Скорее всего, они обречены. Метатель гарпуна, несмотря на то что выброшен в море, не выпускает веревку. Раненый кит увлекает его в морскую пучину. Идет охота. Та самая, изначальная, жестокая и священная, что дает прокорм и обеспечивает жизнь. Изображена лишь первая фаза трагедии, у которой будет печальное продолжение. Гибель охотников может привести к гибели и их семьи. Если не добыт кит — долгую зиму в поселке не будет пищи. Нередко китовое мясо является единственным прокормом. Возможно, за жестокой схваткой наблюдают, стоя на высоком берегу, старики и дети. Трагедия происходит у них на глазах, но они не в силах помочь. Лишь спустя годы страшные и горькие воспоминания об этом роковом дне свидетель отразит на клыке, и благодаря ему мы узнаем о беде, случившейся на побережье северного моря.

А на другой стороне клыка изображена жизнь на берегу. Возможно, в то же самое время. Оставшиеся в поселке не ведают, что происходит на море, и всецело заняты тяжелым трудом. Вот женщины направляются в тундру собирать корни и листья, без

которых не обходится ни одно национальное блюдо. Впереди опытная чукчанка, кажется, знающая о тундре все. Она рассказывает девушкам о чудодейственной пользе того или иного растения, а заодно знакомит их с окружающим миром, показывает озера, реки и сопки — вспоминает легенды и предания. А молодые стараются уловить каждое слово, интонацию, даже малейшую нотку. Как скоротечно лето в тундре, так скоротечна и сама жизнь, и вскоре уже они поведут за собой подросших девочек и будут рассказывать им то, что слышат сейчас. И так бесконечно...

А другие женщины в это время обучают щенков. Из этих забавных и милых существ вскоре вырастут надежные и верные помощники, готовые ценой собственной жизни спасти хозяина. Собак особенно кормят, учат, обкатывают на небольших нартах, доверяют возить детей по поселку, а потом подросшего щенка могут впрячь и в настоящую упряжку, рядом с опытным псом или даже с вожаком, и уже вожак будет учить вчерашнего щенка законам и правилам тундры. Вот и здесь все построено на ответственности.

Сюжеты для графических изображений чукотские художники берут из воспоминаний детства, из рассказов старших, из богатого чукотского фольклора. Я рассматривал гравированный клык, на котором изображена довольно жестокая сцена охоты на диких оленей. Мастер-косторез заимствовал сюжет из одного полузабытого рассказа столетней давности.

...Во время весеннего хода стадо оленей, ведомое умным и осторожным вожаком, обошло засаду, устроенную юкагирами, и небольшое племя было обречено на голодную смерть. Лето пережили немногие. Наступило время осеннего хода, когда, возвращаясь на место зимовки, олени должны были переправиться через Анюй. Теперь от охоты зависело само существование народа. Голодные юкагиры притаились в засаде и старались не дышать... Наконец, огромное стадо подошло к реке...

(Первая сторона клыка): «...Раздался на берегу топотъ, затемъ храпъ и сопенье уставшаго стада, потомъ, спустя минутъ пять, разнесся некоторый плескъ, — это вожакъ попробоваль переходъ; опять черезъ некоторое время плескъ, и потомъ еще, и еще, и зашумели, и покрылись воды Анюя безчисленнымъ количествомъ несчастныхъ головъ. Въ одно мгновеніе вылетели юкагиры на своихъ маленькихъ, легкихъ лодкахъ прямо навстречу имъ, въ одно мгновеніе засверкали надъ головами ножи и стрелы,

и началась схватка, кровожаднее которой нетъ и названія. Съ быстротою молніи стучали ножи по черепахъ и ребрамъ, съ гикомъ и крикомъ бросался юкагирь отъ одного оленя къ другому; олени защищались рогами, зубами и задними ногами, самки старались передними ногами прыгнуть на край лодки; одна лодка опрокинулась, и юкагирь тонуль, но, ухватясь за сильнаго оленя, онъ вдругъ пронесся съ нимъ на берегъ, положивъ его однимъ взмахомъ на берегу, и снова былъ на воде и снова блисталъ его ножъ направо и налево. Бой продолжался, не смолкаль. Иной охотникъ ложилъ шестой, седьмой десятокъ, другой переходилъ и за сотню, и волны Анюя, пенясь, окрасились въ темно-красный цветъ, и кровь струилась у береговъ. Убитыхъ возили юкагиры на особыхъ челнокахъ и связывали ихъ ремнями, раненые приплывали къ берегамъ и делались добычею стрелковъ; и на волнахъ, и на берегу кипела адская резня; и стукъ роговъ, и крикъ охотниковъ, и смертный храпъ оленей, — все за одно сливалось въ какой-то хаосъ, и далеко шель гуль и стонъ по всей пустыне...»

(Вторая сторона клыка): «Въ кочевье была возня, суматоха; женщины и дети бежали изъ него смотреть бой; голодные собаки летели стремглавъ лизать дымящуюся кровь; и все радостно трепетали при виде этого давножданнаго зрелища, и у всехъ было одно чувство — жажда мяса и крови. Юкагирь

насчитывалъ на свой чумь, на свою семью, по сто, по полтора ста штукъ, которыхъ онъ убилъ въ какихъ-нибудь полчаса, и, наевшись после боя вплотную, онъ завалился теперь, наконецъ, на богатырскій, долгій зимній сонъ, а жена принялась за уборку и стала одна работать съ утра до ночи...»

Конечно, не вся графика столь кровава и трагедийна. Гораздо больше картин мирных, добрых и светлых. Для этого чукотские художники изображают жизнь даже внутри яранги, как бы «просвечивая» жилище, делая его прозрачным. И тогда мы видим, как заботливая бабушка укладывает внука спать, накрывая его мягкой пыжиковой шкурой. И пока тот не уснул, она, не спеша, нежным северным голосом рассказывает ему сказки.

О-о-о! Это необычные сказки, лишённые откровенных назиданий и уроков. Послушайте одну из них...

КУРКЫЛЬ И ЛИСЯТА

Жили-были вороны Куркыль и Митенеут. Были у них дети. Неподалеку жила другая семья: лисица с лисятами. Как-то раз пошли лисята на берег моря собирать морскую капусту и увидели убитую нерпу. Хотели забрать, но появился Куркыль. Лисята сели на нерпу, чтобы закрыть ее от ворона.

«Что это у вас?» — спросил Куркыль.

«Плавник», — ответили лисята.

«А разве бывают у плавника глазки?»

«Бывают».

«А бывает у плавника шерстка?»

«Бывает».

Видит Куркыль, что непросто согнать лисят с нерпы. Стал хитрить: «Подойдите ко мне, поищите у меня блошек».

«Я не могу, глазки болят», — сказал старший.

«И я не могу. У меня тоже глазки болят», — поддержал его средний лисёнок.

А младший не удержался и соскочил со своего места. Куркыль изловчился, схватил нерпу и улетел. Остались лисята без еды. Зато Куркыль сытно поужинал. Разозлились лисята, встали среди ночи, подкралась к яранге ворона, набрали грязи и набросали в котел с остатками нерпичьего мяса.

Утром Куркыль как только проснулся, позвал жену: «Митенеут, налей-ка мне бульону и принеси мяска».

Зачерпнула старая ворона из котла бульон и принесла мужу. Попробовал Куркыль еду и рассердился: «Знаю, кто мне испортил обед! Это дети лисы. Всех поубиваю за это».

Схватил копье и побежал в соседнюю ярангу. Видит, играют лисята как ни в чем не бывало и не обращают на него внимания. А младший, заметив Куркыля, закричал от радости: «Смотрите, дедушка пришел!» Окружили его лисята и давай петь песенку про веселого соседа:

И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок! Хэй!

И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок!

Тут и прошла вся злость у Куркыля. Забыл даже, зачем прибежал. Стал играть с лисятами. Так играл, что устал и захотел спать. Проводили его лисята в ярангу, а сами вернулись к матери. В с ё.»

Так художник-гравер «приоткрыл» ярангу в далеком Нунямо, и я увидел бабушку, рассказывающую внуку сказку. Когда мальчик подрос и ему исполнилось десять лет, он вспомнил сказку и пересказал ее собирателям фольклора. Сказка вошла в небольшую книжку и спустя тридцать лет перекочевала в мое письмо к Вам. Давно уже нет поселка Нунямо, скорее всего, не осталось в живых бабушки, неизвестна судьба памятливого мальчика, но остались от них Нежность и Правда, запечатленные в небольшой книжке и на гладкой поверхности клыка.

**Из книги К.Николаева
«Голоса новой России». Магадан, 1980:**

«В 1931 году М.Вуквол вступил в комсомол. И когда через два года в Уэленскую мастерскую консультантом по художественным кустарным промыслам приезжает опытный художник А.Л.Горбунков, райисполком прикрепляет М.Вуквола к нему переводчиком. Убедившись в замечательных способностях юноши, русский художник попросил исполком ввести Вуквола в штат мастерской в качестве инструктора-практиканта. В течение двух лет Вуквол работает в этой почетной должности, а в августе 1935 г. назначается инструктором райисполкома по художественным кустарным промыслам.

В 1936 году М.Вуквола направляют в Москву для знакомства с коллекциями отечественного и зарубежного изобразительного искусства, а затем поручают роспись портала для выставки "Народное творчество" в Государственной Третьковской галерее. В 1937 году талантливый косторез закончил эту монументально-декоративную работу и переехал в Ленинград, поступив учиться в Институт народов Севера. В этот же период Вуквол в журнале "Народное творчество" публикует оригинальное литературное произведение "Чукотская легенда о Ленине", а затем делает гравировку на клыке на ту же тему...

Вот как оценивает художественные особенности этой гравировки искусствовед Ю.Широков, длительное время проживший на Чукотке: "Удались художнику эпизоды сказочной встречи Ленина с чукчами. С наивной достоверностью подлинно народного произведения Вуквол изображает В.И.Ленина едущим на оленьей нарте, выступающим перед охотниками на морском берегу. Как за трибуной, стоит Ильич у огромного китового черепа..."

...Фольклор народов Чукотки содержит несколько вариантов сказочного сюжета о том, что Ленин будто бы ходил по земле Северо-Востока и встречался с бедняками-оленеводами, мужественными охотниками на морского зверя. Чукотская поэтесса (А.Кымытваль) отказывается от сказочного сюжетного хода. Ее встреча с Лениным реальна: пройдя с другими людьми в очереди по Красной площади, она спускается "по каменным ступеням в Мавзолей". И здесь происходит мысленный разговор лирической героини с Лениным.

*Здравствуй, Ленин!
Здравствуй, славный вождь!
Здравствуй, человек простой и мудрый!
Я оттуда, где пурга и дождь, —
Из чукотской заполярной тундры.*

...Но стихотворение не имело бы той эмоциональной силы, которой оно обладает, если бы лирическая героиня произнесла лишь монолог. В любой встрече двух героев очень важным является реакция, ответ того, к кому считает важным обратиться герой...

*Ничего Ильич не говорил,
Лишь светилось радостью лицо:
"Верю твердо в ваше счастье, люди,
Подождите — то ли еще будет!.."»*

**Из книги П.Зайдфудима и Ю.Мизуна
«Российский Север. Проблемы развития»:**

«С переходом к рыночной экономике количество лиц, занятых в производстве, стало сокращаться. Это процесс затронул 21 народ Севера из 30. Наиболее резко со-

кратилась численность занятых эскимосов (-30,9%), чукчей (-28,6%), саами (-22,1%), ительменов (-19,5%). Только за 1992 год число занятых аборигенов уменьшилось почти на 10%. В результате в настоящее время до 25-39% трудоспособного населения являются практически безработными. Многие из них имеют нерегулярные средства к существованию за счет сбора дикорастущих растений, рыбной ловли, охоты. Особенно велик уровень безработицы среди молодежи и женщин».

РАТОМГЫН (Веселый сосед)

*Стихи М.Вальгиргина
Музыка И.Тымкыля*

*Кынур лыген пычекалгын
Пэнин инъыгъевыльын.
Ынпыначгын ратомгын,
Накам экытликыльын.
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок! Хэй!
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок!*

*Накам ныпычвэтгавкэн,
Эмтэленкинэткульын.
Конпы пэнин лымнылыльын,
Авэтгавталпыкыльэн.
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок! Хэй!
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок!*

*Амкынъычо ынпыначгын
Пэнингинык ванэльын,*

*Нымигчиркин ратомгын
Кэйвээм нан лыпьявтыльын.
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок! Хэй!
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок!*

17 декабря. Анадырь

Наиль, привет из столицы Чукотки!

Ветер — первое, что обращает на себя внимание. После уютного и убаюкивающего Билибино мне здесь неспокойно. Второе, что привлекает, — местные красавицы. Еще в Москве меня предупреждали, что среди северного народа попадаются такие экземпляры, от которых можно потерять голову. Вроде бы даже приезжают за ними из парижей, лондонов и нью-йорков. Там привыкли уже ко всему, а северными нимфами еще способны восхищаться.

Я обратился к директрисе краеведческого музея с просьбой познакомить меня с коренными девушками и свою просьбу мотивировал интересом сугубо академическим: мол, хочу запечатлеть панораму жизни на Чукотке, а таковая будет неполной, если я не донесу до читателей образ чукотских красавиц. На мои невинные

пожелания отозвались, и спустя два дня в музей пришли сразу шесть девушек. «Это для начала», — сказала директриса.

Идея присмотреться к северным красавицам пришла мне еще в Кепервееме. Там разговор зашел о коренных девушках, и работницы Дома культуры решили немедля продемонстрировать местных красавиц. Сейчас я сожалею, что не записал подробных сведений о них и даже имен не запомнил, знаю только, что одна девушка — чуванка, а вторая — чукчанка. У чуванки лицо почти европейское, светлое, глаза карие, взгляд кокетливый, даже соблазняющий. Такая запросто охмурит и уведет в тундру. У чукчанки больше первозданности и той самой дикости, которая опаснее всякого кокетства, потому что перед этим мы особенно слабы. Во взгляде ни йоты наигранности, она вся как на ладони. Чуванка словно зазывает идти за собой на край света — было бы кого. Чукчанка, напротив, сама готова идти на этот самый край — было бы за кем...

Обе девушки прилежно учатся в кепервеемской школе, трудолюбивы, мастерицы и умеют вести хозяйство. Чуванка к тому же большая редкость. Такую девушку не часто встретишь даже на Чукотке. Чуванцев осталось тысячи полторы или даже меньше. Часть их кочевала, а часть оставалась оседлой. Последние были тесно связаны с казаками и даже приняли православие. Проживали они в основном в поселке Марково и в верховье Анадыри. Там есть река Чуванка. Отсюда, видимо, и название народности. Язык чуванцев утрачен, поэтому говорят они или по-русски, или на языке чукчей. В энциклопедическом словаре начала века чуванцам отведено всего две строки, из которых следует, что народ этот почти вымер. Но вот в Кепервееме, в глубине Чукотки, отыскалась чуваночка, и я даже смог её запечатлеть.

Еще я познакомился с эвеночкой из Билибино. Я был на вечере, где собрались чукчи и эвены. Уже собирался уходить, как увидел стройную, изящную и яркую девчущку. (Я, кажется, уже о ней писал!) Она была в кожаных джинсах и в такой же об-

легающей жилетке. Ее родственники, заметив, что она мне приглянулась, говорили, чтобы я забирал её с собой...

...И забрал бы, если бы не обстоятельства, тысячи больших и малых причин, мириады оков, сотканных из предрассудков, обязательств и забот, которыми мы окружены и наглухо скованы, и уже не принадлежим ни себе, ни делу своему, ни призванию. Кто из нас способен на решительный и дерзкий поступок, на отчаянный шаг или хотя бы на робкую попытку его совершить? Так, плывем, барахтаемся, кувыркаемся под неодобрительный, требовательный шум, под упреки и нудный треск со всех сторон.

А как бы славно приехать за тысячи километров, на ту же Чукотку, свободным, независимым, полным жизненной энергии и надежд да поколесить по этой далекой стране, приглядеться к ее красотам, нетронутым, незамеченным, а значит, и не оцененным еще никем, и вот такую эвеночку, чуваночку, юкагирочку, эскимосочку, корякочку или чукчаночку присмотреть, увезти с собою, и пусть живет себе где-нибудь рядом, неподалеку, через квартал, чтобы всем было хорошо... А каково с такой эвеночкой, чуваночкой, чукчаночкой или эскимосочкой прокатиться по Франции! Открыть ей Париж, показать замки Луары, поля подсолнухов и грядки лаванды в Провансе или готические строения. Уверен, и соборы бы наклонились своими шпилями, чтобы лучше разглядеть прелесть, явившуюся под их сень...

Чего мы ищем в женщине?

Собственного самоутверждения!

Длинные красивые ноги? Конечно. Упругая грудь? Обязательно! Большие задумчивые серые глаза? А как же! Нос, уши, вообще лицо, полное благородства и наследственной чистоты? Да, все это — непременно! Волнистые волосы до плеч, скрывающие суть и призванные помочь нам обмануться? А как же! Также важно, чтобы она была не только красива, но и очаровательна. Вот, вот! Очарование дороже красоты, потому что эта добродетель более редкая. Обворожительность? (Теперь ее назы-

вают сексапильностью.) Да! Такая, чтобы, глядя на неё, никто не оставался равнодушным, чтобы она была предметом бессмысленных мечтаний и приглушенных разговоров — только положительных, только положительных! К тому же чтобы не давала поводов для треволнений... Вот как надо, вот чего хочется! И сверх того, больше красоты и очарования, дороже и ценнее всего — её пластика. Чтобы шла она так, как никто, и чтобы движения ее были не только изящны, но обворожительны и неповторимы. В пластике — разгадка неповторимости... Вот! Неповторимость — главное достоинство женщины. И если эта неповторимая, ни на кого не похожая — твоя, если она рядом, то уже сама она величайшее твое достоинство. Должно быть то, чего нет ни у кого! Вот что необходимо нашему самоутверждению. Остальное домыслим, допишем, домечтаем...

*Поэта взор в возвышенном безумье
Блуждает между небом и землей.
Когда творит воображенья формы
Неведомых вещей, перо поэта,
Их воплотив, воздушному «ничто»
Дает и обители и имя...*

(Шекспир)

Не того ли искал (и почти нашел) Александр Сергеевич в Наталье Николаевне?

Это уже потом, потом, потом... хочется, чтобы у спутницы твоей были ум, восприимчивость и понимание, чтобы оказалась она при этом хорошей матерью, доверительной и заботливой подругой. Если же она ко всему умеет готовить рассольник, то цены ей нет... Между тем годы идут, идут, потом бегут, и уже из всего прочего предпочитаешь в женщине незаметность и ненавязчивость, и хорошо, если бы она была врачом...

А чего они ищут в нас? Что нужно им?

Вот этого никто не знает...

Пожалуй, вернемся в Анадырь.

Итак, сразу шесть девушек из анадырского педагогического училища в назначенное время пришли в музей. Оказавшись среди них, я сначала не знал, куда себя деть...

Первая девушка — Наташа. Ей семнадцать лет. Она из древнего поселка Лорино, расположенного на берегу Берингова моря. «Лорино» с чукотского переводится как «Найденное становище». По словам Наташи, удачно выбранное место оберегает поселок от непогоды, и, даже когда повсюду пурга, в Лорине тишь да благодать. Ее папа — русский, из Хабаровска, а мама — чукчанка. В поселке живут в основном охотники на китов, моржей, нерпу, и Наташа знает не понаслышке, что такое охота в море. Вместе с другими лоринскими детьми она не раз выходила на высокий берег наблюдать за тем, как отчаянные охотники борются с китом.

Вторая девушка, Олеся, — обладательница нежного имени, упоминание которого пробуждает чувства и влечет в непроходимые заросли и пуши. Но это только имя у нее белорусское. Мама у Олеси — чукчанка, а папа — армянин. Олесе шестнадцать лет, родом она из поселка Усть-Белая, в глубине Чукотки. Это, должно быть, невероятно живописное место, поскольку там к Анадыри присоединяются сразу несколько рек, самая большая из которых — Белая. Учится Олеся на преподавателя по труду. Но это не тот «труд», уроки которого я любил за то, что их можно было не посещать. Олеся будет обучать труду в тундре. Это значит, что ее профессия — едва ли не самая важная для будущей хозяйки: шитье, приготовление пищи, уход за детьми, врачевание. А трудолюбия девушке из Усть-Белой не занимать. Да и от папы дочери передались, помимо густых бровей и длинных ресниц, еще и южный темперамент, напористость и смекалка.

Третья девушка — Лариса. Она из поселка с красивым названием Сиреники. Ученые полагают, что название поселка, находящегося в Провиденском районе на восточном побережье

Анадырского залива, восходит к эскимосскому слову «сиг'ыных» (рога оленя). Но, глядя на Ларису, хочется думать не о рогах, а о сирени, любимых весенних цветах. Мама у Ларисы — сиреникская эскимоска, а папа — украинец, которых в этих широтах, кажется, больше, чем в Бердичеве. Эта невероятная смесь делает Ларису неповторимой и непостижимой. Ей шестнадцать лет, она будет учителем математики.

И уж подавно никто не разберется в генеалогическом древе Ксении. Ей также шестнадцать, она будущий преподаватель английского. Мама Ксении — чукчанка, папа — русский, из Хабаровска. Но это только «по паспорту». На самом деле в Ксении течет кровь американцев, французов и даже ингушей. Она проживает в Анадыре и является настоящей столичной девушкой. Поразили ее образованность, начитанность и восприимчивость. Скорее всего, Ксения продолжит учебу в Москве, а то и вовсе за границей.

Пятую девушку, Ирину, следует, не мешкая, хватать и помещать в этнографический музей. Да не в анадырский и даже не в московский, а в парижский или нью-йоркский, если они там есть. Надо создать все условия для того, чтобы посетители могли любоваться этой редкой красотой, целомудрием и нежностью. Вот такая же Ирочка побудила первооткрывателя северо-восточных окраин назвать живописный мыс — Акчори. Ирина — настоящая чукчанка, без примеси и дополнений. Её мама и папа — чукчи-оленоводы. Ирина из континентальной тундры, из Билибинского района, из бедного, труднодоступного поселка Островное, и можно только догадываться, как непросто было родителям устроить дочь учиться. Наверное, помощь в этом оказывают и администрация, и отдел образования, ведь надо платить и за общежитие, и за еду, и чтобы выглядела девочка достойно. Ирина обязательно выучится и, возможно, поступит затем в магаданский институт.

Наконец, еще одна девушка — Юлия. Она из Чукотского района, из далекого поселка Инчоун. Там неподалеку есть скала

с отделившимся камнем, похожим на отрезанный кончик носа. Отсюда и название. Этот «кончик» расположен едва ли не на самом конце евразийского континента. Юлины родители — чукчанка и русский — произвели на свет девушку невероятного обаяния, милой и притягательной внешности. Возможно, оттого, что отец Юли из Ростова-на-Дону и, скорее всего, донской казак. А казаки знают толк в женской красоте. Можно только предположить, какая у Юли мама! Юле пятнадцать лет, она хочет стать учительницей русского языка и литературы.

Вот Юлю я бы увез не задумываясь. Под разными предложениями я уже стал к ней подбираться, но обнаружилось, что у нее в романтических героях какой-то Ди Каприо, о котором я, к своему стыду, до сих пор не слышал. Моё дремучее невежество, обнаруженное Юлей, стало причиной её полного ко мне равнодушия.

Девушки в основном заняты учебой. Свободного времени почти нет. Они понимают, что учеба — не просто времяпрепровождение и желательная строка в биографии. Это надежда родителей, родственников, друзей; возможность увидеть мир, больший, чем тот, что окружает поселок; это шанс познакомиться с новыми людьми, обрести друзей и, быть может, встретить любимого. Девушки знают, что родители пожертвовали ради них многим, быть может, всеми сбережениями. Кроме Ксении, все живут в общежитии. По субботам ходят на дискотеку, а в обычные дни их отдых сводится к телевизору и чтению. Часто получают письма от родных и пишут сами. Их стипендия — двести рублей. Бывает, задерживают. Родители по возможности помогают. Кормят студентов три раза в день в ресторане «Анадырь». Причем студентов из числа коренных национальностей — бесплатно!

Я заговорил о любви. Девушки захихикали, переглянулись и сказали, что ни у кого ничего ни с кем нет. Затем Лариса сообщила, что претендентов много, но нет достойных. И только Ирочка из Островного призналась, что у нее есть Слава. Он русский, ему семнадцать лет, он учится в училище. Было что-то и у

Юли, во время отдыха на Кавказе, где она ненадолго отодвинула Ди Каприо. Но с окончанием каникул и отъездом на Чукотку престиж кинозвезды был восстановлен. Был претендент и у Ксении, но она девушка образованная, и молодой человек был отвергнут за несоответствие идеалам. Когда я спросил, какое качество девушки ценят в мужчине больше всего, они тотчас ответили: ум. И лишь Юля отдала дань еще и красоте.

Пристрастий национальных у них нет, и тема эта девушек не волнует. Важнее, чтобы были у будущего мужа деньги. Чтобы можно было поехать и посмотреть мир. Я спросил, сколько бы они хотели, чтобы получал муж. Ирочке из Островного достаточно, чтобы он получал две с половиной тысячи рублей в месяц. Лоринскую Наташу устроил бы супруг с жалованием в три тысячи, а Ларисе из Сиреников было бы достаточно, если бы муж зарабатывал двести долларов. Олеся из Усть-Белой о деньгах говорить не желает. Она хочет, чтобы муж был актером, причем не зарубежным, а российским. И только инчоунской Юле, грезящей о Ди Каприо, денег нужно много! «Чтобы на все хватало, — мечтает она не стесняясь, — тысяч тридцать!» «Юля у нас крутая», — подшучивают подруги.

А для Ксении главное, чтобы муж имел вес в обществе и был хотя бы... министром. Причем не культуры или здравоохранения, а обороны, финансов или иностранных дел на крайний случай. Но даже и в этом случае она от него зависеть не желает и деньги зарабатывать надеется сама.

Вот их желания и мечты, в которых девушки невольно себя ограничивают, и едва ли в этом они чем-то отличны от десятков тысяч таких же, как сами.

Вот какие у меня здесь дела.

Новый год совсем скоро. По-видимому, я его встречу в Анадыре и, скорее всего, в одиночестве.

РЕДКАЯ КНИГА

Оказывается, у эскимосов существовал такой способ женитьбы, как похищение невесты. Традиционной формой запугивания избранницы была угроза... откусить кончик носа, чтобы другие не заглядывались. Такие любопытные сведения можно узнать из книги «И было так... Очерки традиционной культуры азиатских эскимосов». Ее автор — научный сотрудник СВКНИИ, кандидат наук Т.Тасян...

*Наш корр. «Советская Чукотка»,
22 июня, 1993 г.*

ЛЮБОВНЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ

(Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи».)

«Если я хочу иметь эту женщину, я вынимаю ее сердце и печень. Тогда я иду к "направлению" Вечера и подвешиваю ее органы с обеих сторон Вечера. Я говорю: "Здесь висят сердце и печень этой женщины. Пусть они запутаются в сети для тюленей. Пусть она будет без внутренностей. Пусть она тоскует и сохнет от желания ко мне. Этот человек — не муж ее. Это — труп тюленя, выброшенный на берег. Ветры дуют на него, и все кости его уже обнажены. И ты — не женщина. Ты — молодая важенка. Запах падали доходит до тебя, и ты убегаешь и приходишь ко мне».

Сообщил Кеульн из поселка Сесин. 1900 г.

А.С.Пушкин

КАЛМЫЧКЕ

*Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: *Ma dov'è*,
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?*

18 декабря. Анадырь

Дорогая Веро!

Сегодня встречался с окружным акушером... Никакой надежды на то, что первый младенец двухтысячного года родится на Чукотке, нет. Это можно было предвидеть еще в Москве и даже в Париже, когда всё только затевалось. Стоило лишь пошевелить мозгами. Но куда там!

По словам Александры Андреевны, сегодня родить в тундре и остаться незамеченной нельзя. Последний случай был в Билибинском районе несколько лет назад. (Видимо, о том же рассказала Валентина Ивановна из Тавайваама.) Здесь родить на дому — и то нонсенс. Это не Москва. Сейчас в родильном отделении есть несколько рожениц, и вроде бы они могут родить и тридцатого, и тридцать первого, и первого. Зависит это не от врачей. «Оправиться и родить — нельзя погодить!» — сказала Александра Андреевна.

Есть «кандидаты» и в других районах, хотя все стараются направлять рожениц в Анадырь, причем задолго до родов. Сейчас из Провиденского района доставили беременную, у которой всего четырнадцать недель срока. У нее сахарный диабет, и местные врачи, опасаясь не справиться, таким образом избавились от роженицы. Теперь уже ее никак не отправить обратно, хотя еще нет даже шевелений. А недавно привезли роженицу с туберкулезом легкого: что хочешь, то с нею и делай...

Когда много лет назад Александра Андреевна приехала на Чукотку, ее поразило отношение к коренному населению. Она назвала его жутким словом «геноцид». Его устроила здесь советская власть, привив коренным народам психологию иждивенчества. Александра Андреевна считает, что если народ жил в тундре, то женщины там же, в тундре, должны и рожать, как это было на протяжении тысяч лет. Мы же все это круто изменили. Как только в тундре объявлялась беременная, ее тотчас вывозили в район, помещали в больницу, где она жила, оторванная от своей среды. За ней день и ночь ухаживали медсестры: поили, кормили, мыли, лечили. Затем она рожала, после чего ей давали пару одеял, кучу пеленок и прочее, необходимое для ребенка. В тундре она бы уже на следующий день трудилась, забыв, кого и когда родила, а здесь у нее начинался «послеродовой период». Медсестры ее вновь поили, кормили, мыли, лечили... Ее невозможно было выписать на шестые сутки, как это происходило с прочими мамами. Коренную роженицу направляли не туда, откуда она прибыла рожать, а в детское отделение, где она вместе с грудным младенцем находилась ещё месяц, а то и больше. Только после этого, если ребенок оказывался здоровым, а мать признавалась «благонадежной», её выписывали домой. Благонадежность выражалась в том, что она не пьет, дает ребенку грудь и не создает угрозу его жизни. А когда выписывали мать, то ребенка могли забрать и в интернат, и куда угодно.

Казалось, какой «геноцид»? Наоборот, всеми способами старались сохранить ребенка и мать. В действительности уничтожали обоих. Но, но, но...

Вопрос о вмешательстве или невмешательстве советской власти в жизнь коренного населения — непростой, хотя уместнее и, быть может, правильнее говорить о вмешательстве в эту жизнь цивилизации вообще. Те же врачи приезжали на Крайний Север из разных концов бывшего СССР и трудились не щадя себя. Они не могли мириться с тем, что увидели, и проявляли искреннее желание помочь таким же людям, как сами. Их можно корить, напоминать, что благими намерениями вымощена дорога в ад, но это было бы не совсем справедливо. В своём анадырском жилище я обнаружил несколько книг, посвященных Северу. В одной из них рассказывается, как ровно сто лет назад, только не зимой, а летом, на Чукотке побывал русский врач И.Акифьев. В 1904 году он издал свои дневники под названием «На Далекий Север». Акифьев был в составе американской экспедиции, которая искала здесь золото. Пароход стал на якорь у бухты Провидения, и врач сошел на берег...

«При моемъ входе въ одну изъ юртъ мне сейчасъ же указали на одну женщину. Она, совершенно нагая, вылезла из-за полога. Ея голова была покрыта струпьями; воспаленныя, гноящіяся веки съ трудомъ поднимались, распухшія запекшіяся губы показывали белыя десны, сухіе жесткіе волосы на голове перепутались и образовали что-то вроде кошмы. Железы на шее распухли, изъ груди вместе съ сиплыми звуками голоса вырывались свистящія хрипы. Желтая, сморщенная кожа была покрыта слоємъ жира и грязи. Это было что-то ужасное! Она просила меня помочь ей. Я обещалъ, успокоилъ, какъ умелъ, но что я могъ тутъ сделать? Нашъ пароходъ уйдетъ сегодня ночью, а лечить эту

женщину нужно целые месяцы, потому что у ней найдется целый десятокъ болезней.

Въ другой юрте я нашель больную женщину, подобную первой, и еще больного ребенка несколькихъ месяцевъ; когда его повернули лицомъ ко мне, я, человекъ привычный, невольно отвернулся. Маленькое, красное, сморщенное лицо ребенка представляло одинъ сплошной струпъ.

И не мудрено: одеть онъ въ грязныя шкуры, его носить на спине, подъ одеждой, такой же грязной, сосеть онъ грязную грудь своей матери, мытья не знаетъ. А вотъ молодая девушка, она была бы, пожалуй, не дурна, но за ушами и на шее у нея гноящаяся короста.

Видеть этихъ несчастныхъ, сознавать, что я могъ бы имъ помочь, но никакъ не при томъ образе жизни, какой они ведутъ, сознавать, что мои сведенія не применимы, сознавать полное свое бессиліе въ данномъ случае было больше, чемъ тяжело».

Примечательны последние строчки. Врач Акифьев — не этнографъ Тан-Богораз. И хотя они были на Чукотке примерно в одно время, реакция у каждого своя. Этнографъ со знаниемъ дела фиксируетъ жизнь, глядя со стороны, не помышляя вмешиваться. Врач, давший клятву, отстраненнымъ оставаться не можетъ, даже если осознаётъ свою беспомощность: *«...я могъ бы имъ помочь, но никакъ не при томъ образе жизни, какой они ведутъ...»*

Но там, где подчеркнуто безучастен этнографъ и мучится от бессилия врач, оказываются всемогущими социальные реформаторы. Они взялись изменить образъ жизни и преуспели. И не только на Чукотке. Теперь главной задачей было сохранить малые народы, чтобы они влились в большую, единую и счастливую «семью народов». А начинать эту священную работу надо с самого начала, с зарождения жизни, с беременных.

Нацисты пошли еще дальше. Они начинали с совокупления, создав институт по зачатию истинных арийцев. Кстати, среди различий, которые существовали между двумя тоталитарными режимами (сейчас чаще говорят о сходстве), надо отметить и это: нацисты стремились улучшить жизнь на Земле за счет господства лучшей и качественной расы — арийской. Для чего остальные расы и народы желательно если не подчинить, то уничтожить. Коммунисты справедливо называли это варварством и безумием. Сами они, наоборот, пытались вытолкнуть из настоящего в будущее всех, включая самые отсталые, непросвещенные народы и племена. Для этого их предстояло не уничтожить, а спасти, сохранить и просветить. Во что бы то ни стало.

Где-то прочел, как одного шута вели на казнь, и палач по своей душевной доброте спросил, что тот предпочитает: быть повешенным или обезглавленным? И шуту хватило нахальства ответить, что он предпочитает молочный суп...

«Разве это сохранение? — сетует Александра Андреевна. — Мать сама должна заботиться о ребенке, а мы, врачи, можем только помогать. Но если она с первой минуты привыкает к тому, что за ее ребенком ухаживают другие, а сама его не видит, то что из этого может получиться? Вот они и не знают, что делать с ребенком. Сколько случаев, когда, вернувшись из роддома в тундру, они теряли детей, оставляли без присмотра, и, случалось, голодные собаки их загрызали. Как это так? За каждой роженицей ходят по три медсестры, затем акушерка с гинекологом, потом детский врач... А они, пойдите посмотрите, стоят под лестницей, курят и болтают. Кто, в конце концов, рождает?»

Сегодня Александра Андреевна целый день была занята поиском роженицы, которую доставили на вертолете из далекого поселка. Когда ее привезли в родильное отделение, при ней была трехлитровая банка какой-то дряни. Эту банку Александра Андреевна выбросила, но спустя день исчезла сама роженица: ушла к друзьям! К каким друзьям? Никто не знает. А если она там ро-

дит? И кого она в этом случае родит? Не первого ли младенца двухтысячного года, специально для меня?

Окружной акушер считает, что, если женщина хочет рожать, пусть рождает. Но прежде пусть подумает, во что ребенка завернуть, во что одеть, чем накормить, куда уложить. Почему русская мама должна об этом думать и заботиться, а чукотская — нет?!

Я привел в пример Марию Васильевну из Билибино, которая не только родила восьмерых детей, причем шестерых — в тундре, но и воспитала их, вырастила, выучила, и теперь они, здоровые и образованные, крепко стоят на ногах. Александра Андреевна говорит, что они потому и здоровые, что рождены так, как должны рожать в тундре. Но развращать, делать из народа иждивенцев — нельзя. «Этим мы их убиваем», — считает она. Вчера одна роженица-чукчанка говорит Александре Андреевне: «Почему мне пеленку не дали?» А она в ответ: «А почему мы должны тебе ее давать? В роддоме их осталось всего двести. С чем мы будем у остальных роды принимать?» Александру Андреевну возмущает, что все прочие мамы сами заботятся о себе и своем ребенке, а коренным надо обязательно все дать. «Мы сами их к этому приучили, и в этом наша главная вина перед коренными народами».

Может показаться, что Александра Андреевна жестокосердна по отношению к тем, кого наши начальники высокомерно называли «младшими братьями». В действительности же в ее словах гуманизм и сострадание: «Вот они живут в тундре или в далеком поселке, придет пора рожать, и будущая мать, если захочет, выйдет из тундры, придет к нам, и мы с радостью ей поможем».

Окружная акушерка мечтает о современной мобильной медицинской службе, хотя бы отчасти походящей на ту, что организована на Аляске: «Там во дворе больницы стоят три-четыре вертолета, готовые к вылету. Сами больницы небольшие, коек на двадцать. Причем больнички эти практически всегда пустые, хо-

тя все врачи на месте. От них не требуют "койкодни", как от колхозников "трудодни". А у нас, если больница пустует, значит, врачи зря зарплату получают. Почему-то к пожарным отношение иное. Они сидят и, если нет пожара, могут просидеть долго. А в больнице надо обязательно, чтобы лежали больные, и чем больше — тем лучше. Иначе идут сокращения, увольнения»...

В советскую эпоху врачи вылетали в бригады оленеводов, в каждой из которой работали по две-три женщины, и проводили профилактический осмотр. Вылетала в тундру и Александра Андреевна. В первый раз она была шокирована не меньше доктора Акифьева. Зашла в ярангу и прямо в пологе осматривала чукчанку. Говорит, запах там был нестерпимый. Было темно, женщина лежала на шкурах, тут же бегали дети, тут же — собаки, которых надо было отгонять...

Александра Андреевна, как и большинство приезжих, живет в вялотекущем ожидании возвращения. Дети ее уже уехали, и вроде бы ей самой выделили квартиру в Подмосковье. Квартиру эту она еще не видела, и каково сейчас там, на материке, не представляет. Поэтому, пока позволяет здоровье, продолжает работать.

...Когда мы клянем советскую власть и ставим ей в вину разные пороки, в том числе те, о которых упоминала окружной акушер, надо помнить и о самой Александре Андреевне, и о тысячах таких, как она. Ведь для большинства жителей тундры эта самая «советская власть» олицетворялась не столько далеким или близким начальством, сколько такими врачами, как Александра Андреевна. Без них они так бы и жили в том же виде и с теми же болячками, с которыми их застал сто лет назад врач Акифьев.

В конце разговора я вернулся к главной теме: появится ли на Чукотке младенец в первый час после Нового года? В ответ Александра Андреевна достала журнал рождаемости и положила передо мной. Знакомство с этой документацией оказалось для меня более чем безрадостным.

За прошедший 1998-й год в Шмидтовском районе зарегистрировано сорок родов. В других районах ситуация не лучше, и даже самый плодовитый, Чукотский, не перевалил за сотню.

«Кто же вам станет рожать в новогоднюю ночь?» — улыбаясь, сказала Александра Андреевна.

«Ну а вдруг? — умоляюще спросил я. — Ведь они обязаны предоставлять информацию согласно приказу».

«Да, но согласно приказу они не могут родить», — ответила окружной акушер, перелистывая журнал.

В 1999 году первый ребенок на Чукотке родился 1 января, в 22 часа 30 минут. Девочка. Значит, раньше этой девочки кто-то родился в Москве, в Париже и, возможно, даже на Аляске! А следующий ребенок родился на Чукотке лишь 4 января, в 3 часа 40 минут.

В 1998 году первые роды на Чукотке были только 3 января, в 3 часа 35 минут. Родился мальчик. А в 1997 году первой родилась девочка: 2 января, в 17 часов 25 минут. И во все предшествующие годы ситуация не лучше...

Боже мой! На Чукотке ещё никто не появлялся на свет в первый час наступившего года. Во всяком случае, в журнале это не отмечено. (Мария Васильевна из Билибино рожала вечером перед наступлением 1959 года.) Так что Чукотка, первой встречая рассвет и имея абсолютную возможность стать родиной первого младенца двухтысячного года, в действительности никаких шансов не имеет.

Фиаско мое полное, и, простившись с Александрой Андреевной, я побрел в свою берлогу. Мне уже незачем куда-то ехать. Можно оставаться здесь на Новый год и ждать неутешительных сведений из роддома. Завтра возьму билет на первый посленовогодний рейс в Москву.

**Из книги В.Н.Жука «Мать и дитя».
С.-Петербургъ, 1891. С.320:**

«...въ Италиі съ первой половины XVII-го столетія мужчины стали повсеместно призываться къ родамъ. Во Франціи обычай этотъ вошелъ въ моду после того, какъ Jules Clement въ 1663 г. подалъ помощь при родахъ госпоже La-Valiere и заслужилъ этимъ милость Людовика XIV. Съ этого времени вошло въ употребленіе и названіе акушера (почетный титулъ Clement), и даже повивальные бабки перестали довольствоваться довольно лестнымъ названіемъ sage-femme и начали титуловать себя акушерками ("accoucheuse").

Въ Англіи приглашать акушера къ родамъ вошло въ обыкновеніе только въ половине XVIII-го столетія, и тут-то завязалась борьба не на жизнь, а на смерть между акушерками и повивальными бабками, не желавшими выпустить изъ своихъ рукъ самой выгодной профессіи. Они преследовали акушеровъ всевозможными клеветами, пасквилями, писали воззванія къ публике. Одна изъ нихъ даже напечатала памфлетъ, въ которомъ младенцы, не пришедшіе еще на светъ, просятъ Бога, чтобы Онъ не допускалъ къ ихъ матерямъ акушеровъ, вооруженныхъ смертоносными инструментами. Врачи молчали, и общество решило споръ: повивальные бабки сделались предметомъ общихъ насмешекъ и исчезли въ Англіи. Подобная борьба происходитъ теперь и у насъ въ Россіи въ деревнях, где повитухи употребляютъ все средства съ целью отпугать женщинъ отъ акушерокъ и врачей, пока одинъ-два трудныхъ случая не дадутъ имъ возможности установить свою репутацію.

Всего дольше противъ врачей возставали женщины Германіи, которыя готовы скорее умереть, чѣмъ допустить къ себе врача или хирурга. Практически изученіемъ нор-

мального течения родовъ немецкіе врачи могли заниматься только съ основанія родовспомогательныхъ заведеній въ Страсбургѣ (въ 1730 г.), Геттингенѣ (1751 г.) и Венѣ (1752 г.).

Что же касается до акушерской помощи, т.е. "бабичьего дела" у насъ, то мы здѣсь укажемъ только, что первая ученая акушерка, родомъ немка, приѣхала въ Россію изъ Брауншвейга вместе съ женою царевича Алексея Петровича, принцессою Шарлоттою, а въ 1718 году явилась въ Петербургъ ученая повивальная бабка изъ Голландіи, почему въ старину повивальные бабки и назывались обыкновенно "бабками-голландками". Въ 1754 году является уже "Проектъ о сохраненіи народа", где въ одной изъ 29 статей признается нужнымъ: "всехъ находящихся въ Петербургѣ и Москвѣ повивальныхъ бабокъ освидетельствовать, т.е. проэкзаменовать въ ихъ искусстве, докторамъ, лекарямъ и присяжнымъ бабкамъ, и которые окажутся достойны, темъ давать отъ медицинской канцеляріи указы и публиковать о нихъ для всенароднаго сведенія, привести ихъ къ присяге и назвать ихъ присяжными бабками».

Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»:

«Чукчи — одно из самых здоровых племен в северо-восточной Сибири. В их семьях гораздо больше детей, чем у соседних племен. При описи в Колымском округе в 1897 году приходилось встречать семьи, в которых было 5, 7 и даже девять живых детей. Один человек при двух женах имел 12 живых детей, другой при семи женах (из которых три умерли) имел 14 живых детей.

На Тихоокеанском берегу среди приморских чукоч одна женщина имела 13 детей (7 живых и 6 мертвых), другая — 11 (3 живых и 8 мертвых), одна — 9 (5 живых и 4

мертвых) и т.д. Среди оленных чукоч часто приходилось встречать близнецов. Такая рождаемость ведет к постоянному возрастанию чукотского племени, особенно оленной части его. Прирост населения имеется, несмотря даже на эпидемии, которые свирепствуют в этой стране каждые 10 или 15 лет...

Можно утверждать, что вымирание туземных племен в северо-восточной Сибири происходило в прямой или непрямой связи с воздействием культуры, как это имело место также и в других странах. Население убывало благодаря кровопролитным войнам, которые вели казаки-завоеватели, а также благодаря последующим избиениям, которыми укрощались "мятежи" "немирных инородцев". Сыграли свою роль и жестокие притеснения, непомерные налоги, ранее совершенно неизвестные, и прочие взыскания со стороны чиновников и казаков, которые нередко обращали в рабство наиболее крепких мужчин и женщин; сюда же надо отнести вымогательства и обман купцов, которые закабалили туземцев долгами. Заразительные болезни, занесенные из России, производили опустошение не только среди туземцев, но также и среди завоевателей, живущих в тех же материальных условиях».

**Из книги П.Зайдфудима и Ю.Мизуна
«Российский Север. Проблемы развития»:**

«Наиболее неблагоприятны показатели детской заболеваемости. Если в России за последние годы число детей, которые уже родились больными, удвоилось, то на Севере оно утроилось. Здесь выше уровень младенческой смертности, особенно у малочисленных народов. Так, если в среднем по стране до одного года умирает 17 — 18 детей (на 1000 родившихся), то у малочисленных народов Севера этот показатель достигает 40 умер-

ших. Это значит, что практически каждый пятый коренной житель Севера переживает гибель своего ребенка в возрасте до одного года...»

19 декабря. Анадырь

Вероника! Это письмо — вдогонку.

Меня измучила совесть оттого, что я так и не побывал в отдаленных районах Чукотки. Едва ли еще предоставится такой шанс. Думаю: пусть не отыщу младенца, зато хоть где-нибудь побываю. Но оказалось, что с рейсами внутри Чукотки просто беда. Нет таких, чтобы, вылетев, я через два-три дня вернулся в Анадырь. Возвратиться можно не раньше, чем через две недели, когда уже настанет Новый год. Что же делать в какой-нибудь дыре полмесяца?

И только в один поселок можно вылететь и через неделю вернуться — в Лаврентия. И то если вылечу завтра. Это конец света, и, по утверждению многих, не только в прямом смысле. Меня заклинали туда не соваться.

Целый день ходил в раздумье: лететь или нет, — и от безысходности пошел в администрацию, где набрел на симпатичных женщин из транспортного отдела. Прознав, зачем я на Чукотке, они пристыдили меня и убедили обязательно лететь. Говорят, что настоящая Чукотка находится именно в Лаврентия, а не в уютных городах вроде Анадыря или Билибино. Так что настоящей Чукотки я, оказывается, еще не видел! Они позвонили в аэропорт и забронировали для меня билет. Затем начальник этого отдела связался с Лаврентия и договорился, чтобы меня приютили. Таким образом, меня буквально вытолкали в Лаврентия. Теперь уже некуда деться, и я собираю вещи.

**Из книги В.Н.Жука «Мать и дитя»,
С.-Петербург, 1981, сс.208-209:**

«Читателю, может быть, не безынтересно будет узнать, откуда произошло название: "счастливые дети"? В случаях, когда перед самым началом изгнания плода не происходит разрыва пузыря или же он разрывается в другом месте, только не на головке — если она предлежит, тогда сокращения матки выталкивают ребенка с куском яйцевых оболочек. В этом, в сущности, совершенно естественном, хотя и редком явлении народная фантазия нашла признак чего-то таинственного, какого-то особого счастья, ниспосылаемого на новорожденного, а лоскуты яйцевых оболочек получили название сорочки.

Древние германцы считали ее одеждой, подаренной добрыми феями (Nornen), которые, стоя у колыбели рождающегося, дают ему свой пояс, вследствие чего и роды

оканчиваются благополучно. И теперь еще в прирейнских провинціяхъ ее прячутъ въ ладонку и надеваютъ на ребенка при крещеніи, а въ былое время ее бережно хранили, украшали золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, въ полной уверенности, что этимъ еще более обезпечиваютъ счастье ея владельца. Поверье, это существуетъ у всехъ народовъ Европы. Такъ, немцы эту "сорочку" называютъ "Gluckshaube", у французовъ существуетъ поговорка: "etre ne coiffe", какъ признакъ особеннаго счастья. Валлоны называютъ ее "Hamellette", откуда произошло названіе амулета, такъ какъ высушенный пузырь зашивали въ ладонку и носили на шее. Впрочемъ, его и теперь еще носить буршь въ Ольденбурге, надеясь быть счастливымъ въ любви. Везде, въ Богеміи, Венгріи, Швейцаріи, равно какъ и въ северныхъ земляхъ народъ веритъ въ силу этого дара неба; не даромъ же Кольцовъ съ такою тоскою воскликнулъ:

"Охъ, въ несчастный день,
"Въ безгаланнный часъ,
"Безъ сорочки я
"Родился на светъ"».

*...Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый рок настиг -
И мы, в борьбе, с природой целой
Покинуты на нас самих;*

*И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...*

Федор Тютчев, «Бессонница»

ЧАСТЬ III. Л А В Р Е Н Т И Я

21 декабря. Лаврентия

Дорогой Иверий!

Страшно представить, но я сейчас на самом конце света. Дальше некуда. Остается только выйти за пределы поселка и направиться к Берингову проливу. В сравнении с Анадырем здесь тепло (о Билибино и говорить нечего) и совсем нет снега...

Я уже писал о наших пространствах, которые не перестают поражать. Восемь часов я летел вдоль нашей северной границы, затем пересек Чукотку с севера на юг и, казалось, очутился на краю Земли. Но нет. От Анадыря на восток можно лететь еще полтора часа. Там, оказывается, находится целая страна! И это после того, как страна вроде бы закончилась. От Анадыря до Лаврентия расстояние такое, как от Москвы до Санкт-Петербурга, только надо умножить каждый километр на десять или даже на двадцать: таково соотношение трудностей по их преодолению. А может, каждый километр следует умножить на сто? Никто ведь не сопоставлял.

Вылетели днем, и я мог наблюдать Чукотку с высоты. Внизу — все та же белая безжизненная пустыня. С правой стороны — неестественно большое красное солнце, с левой — такая же огромная бледно-желтая луна. Но и солнце, и луна находились внизу, под крыльями самолета. Между сопками виднелись разной величины плоские черные пятна. Это замерзшие озера. Пролетали над заливом Креста. Он покрылся прозрачными ледяными пластинами, словно чешуей. В конце этого залива находятся бухта Этэлькуйым и поселок Эгвекинот. Проплывая над безмолвной пустыней, невольно размышляешь о странностях человеческой мысли и воли, которые иначе, чем безумием, не назовёшь.

...Наши несостоявшиеся завоеватели, те же Наполеон и Гитлер, слыли хоть и бесноватыми, но все же не лишенными признаков ума. Чего они хотели? Во что ввязались? На завоевание чего бросились? Да не одни. Притащили с собой бесчисленные орды, а перед тем убедили их, уговорили, соблазнили. Куда сунулись, если только на объезд этих территорий уйдет жизнь? А ведь их великие армии погибли, как говорится, «на подступах к Москве». Пали в тех местах, где и зимы-то настоящей нет, где умеренный климат, где жить русскому — одно удовольствие и куда стремятся уехать наши северяне. Что случилось бы с этими ордами, попади они в те места, над которыми я сейчас пролетаю? Ну ладно. Представим, что они нас завоевали, покорили, подчинили. Что дальше? Что делать со всем этим добром на следующий день... нет, нет, на следующее утро? Как этим бесконечием управлять, как властвовать над ним? Как на этих архаичных пространствах организовать жизнь или хотя бы её видимость? Где отыскать силы на то, чтобы только вбить колышки и пометить: «Моё»? Не говоря о том, чтобы эти колышки охранять. Ведь спустя полчаса половину их разворуют, часть снегом припорошит, остальные исчезнут сами... Как не поймут наши «завоеватели», что крест, который несёт Россия, неподъемный больше ни для кого. Этот крест — в удержании немислимых, чудовищных, катастрофических пространств. Взвалить его на себя — значит раствориться, размыться, бесследно исчезнуть, как исчезает к полудню лесная дымка. И самое большое чудо в том, что мы до сих пор не исчезли. Да если бы удерживать приходилось только пространства... Что делать с их обитателями? Ведь не только персонажи Достоевского живут в наших городах и весях, одно упоминание о которых должно отвратить от нас всякого завоевателя. Есть еще и герои Салтыкова-Щедрина, Лескова, Чехова... А за семьдесят советских лет мы украсили эту бессмертную галерею новыми персонажами, которые классикам и не снились. А за последнее десятилетие вывели еще более новых... Притом что и старые никуда не делись. Но что я пекусь о завое-

вателях? Каково нашим собственным начальникам? Алчущие и страждущие, стоящие на пороге власти или только делающие в её сторону первые шаги, прибывают они в столицу и, затаив дыхание, глядят на кремлевские башни, с вожделением, завистью, потаенной страстью и умопомрачительными мечтами взирают на неприступные стены, на увенчанные крестами храмы и колокольни, на роскошные белокаменные строения, пытаюсь в своем воображении проникнуть за стены, войти в палаты и во дворцы. А надо бы начать с тихого дворика на Никитском бульваре и подойти там к старому памятнику Николаю Васильевичу, к тому, где Гоголь сидит, тщетно закрываясь плащом и во что-то пристально вглядываясь. Но прежде чем всмотреться в печальный лик писателя, надо осмотреть пьедестал и тот непостижимый хоровод персонажей, опоясавших, опутавших своего создателя. И, обойдя памятник, нужно остановиться, взглянуть на прохожих, на тех, кто рядом: как они ходят, о чем говорят, какие у них лица... И тотчас бежать к зеркалу, к ближайшему окну, ко всему, что только способно отражать, и посмотреть еще и на себя... Что делать с нами? Как нами управлять? Возможно ли это? Ведь в той северной стране, пролетая над которой за полсуток не встретишь огонька, — в действительности проистекает жизнь. Только все живое, способное к движению, разбежалось и схоронилось: кто в норы, кто в берлоги, кто в гнезда, а кто в яранги, юрты, палатки, хрущевки, в прочие жилища, — и там, пригревшись у очага, свернувшись калачиком, посапывая и похрапывая, разомлев и расслабившись, пребывая в бесконечной неге, прячутся персонажи моей страны...

Как не пожалеть тех, кто силится разбудить их и вытащить наружу? Как не сострадать тому, кто пытается убедить их в своей правоте, хочет подчинить своей идее и своей цели?..

Наконец самолет пошел на снижение. Сопки становятся пологими, почти бесснежными, и вот... передо мной черта евразийского континента и Берингов пролив. Самолет делает ви-

раж в сторону залива Святого Лаврентия и заходит на посадку. Я увидел коричневатую тундру, разбросанные черные бочки и серый вытянутый поселок с темными дымящимися трубами и несколькими пятиэтажными домами.

Дорогой Иверий! Мои впечатления о Билибино и Анадыре я тебе уже отослал. Готов выслать и впечатления о Лаврентия. Только сделать это непросто. Скорее всего я сам привезу их в Москву и только потом переправлю в Питер. Пока же я с тобой прощаюсь.

* * *

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Мои анадырские приятели с сомнением отнеслись к моей поездке в Лаврентия: «Куда? Там такая дыра!» Они бы удивились, увидев моих московских друзей, крививших губу при упоминании Анадыря. Поразительно, но, когда уже в Лаврентия я заикнулся, что хочу попасть в Уэлен, реакция была такой же: «В Уэлен? В такую дыру?» У каждого свои представления о «дырах», и предела этим представлениям нет, как, впрочем, нет предела и самим «дырам».

Северо-восточное окончание евразийского континента, которое уместнее называть его началом, находится на Чукотском полуострове. Но, если приглядеться, на этом полуострове есть еще один полуостров — Дауркина. Вот он и есть Чукотский район с административным центром в Лаврентия. В Чукотском районе все самое чукотское, и, если задаться вопросом: где все-таки настоящая Чукотка? — ответ очевиден: здесь!

С севера и юга район омывается Чукотским и Беринговым морями; на западе граничит с Провиденским и Иультинским районами, а на востоке мимо проносятся воды Берингова пролива. На другой стороне пролива, всего в восьмидесяти километ-

рах, — Аляска. Между континентами, точно посередине, находятся острова Диомида, состоящие из островов Ратманова, Крузенштерна и скалы Фэруэй.

Известно, что Берингов пролив открыл отчаянный казак Семен Дежнёв, сумевший в сентябре 1648 года на трех небольших суденышках (кочах) проплыть мимо «Необходимого носа», то есть «носа, который невозможно обойти». Вот отрывок из «отписки» Дежнёва, которую тот послал из Анадыря в Москву в апреле 1655 года. Это свидетельство и великого географического открытия, и того, что случилось с нашим языком за последние три с половиной века.

«...А съ Ковыми (*Колымы — авт.*) реки итти моремъ на Анандырь реку есть носъ, вышелъ въ море далеко... а противъ того носу есть два острова, а на техъ островахъ живутъ чухчы, а врезываны у нихъ зубы, прорезываны губы, кость рыбей зубъ (*речь об эскимосах — авт.*), а лежить тотъ носъ промежь сиверь на полуношникъ (*между севером и востоком — авт.*), а съ Рускую сторону носа признака (*ориентир — авт.*): вышла речка, становье тутъ у чухочъ делано (*Наукан или Уэлен — авт.*), что башни изъ кости китовой, и носъ поворотить кругомъ къ Онандыри реке подлегло (*то есть, не круто — авт.*), а доброго побегу отъ носа до Онандыри реки трои сутокъ, а боле нет, а итти отъ берегу до реки недале, потому что река Анандырь пала въ губу».

Действительно, если посмотреть на полуостров Дауркина из космоса, то он живо напомнит голову хищного доисторического ящура. Кончик носа этого тираннозавра и есть крайняя точка континента — мыс Семена Дежнёва. Чуть выше расположен легендарный Уэлен. С тех пор как исчез эскимосский поселок Наукан, Уэлену принадлежит честь называться самым восточным населенным пунктом.

Немного ниже носа воображаемого хищника, примерно в восьмидесяти километрах к югу, начинается огромная пасть. Это залив Святого Лаврентия.

Своим звучным и благообразным названием залив обязан знаменитому Джеймсу Куку. Хотя еще за тридцать лет до него землепроходец Тимофей Перевалов нанес залив на карту. Кук оказался более расторопным. Направляясь к Ледовитому океану, он 10 августа 1778 года заметил слева по борту залив, уходящий на северо-запад. И это несмотря на пасмурную погоду, дождь и сильный ветер. Поскольку событие произошло в день святого Лаврентия — покровителя странствующих, — Кук присвоил заливу имя этого святого.

Невзирая на обидное для нас обстоятельство, Кука в этих местах есть не стали, хотя он почти месяц тыкался носами своих кораблей о чукотские берега, тщетно пытаясь попасть в Европу, минуя наши северные границы. То ли аборигены были патриотами и ублажать желудки иноплеменными белками не желали, то ли, наоборот, миролюбивый характер не позволял есть иностранца; а может, они были заняты чем-то другим и им было не до Кука; возможно, сам путешественник еще веса не нагулял, — известно только, что он целым и невредимым отправился зимовать на Гавайи, где спустя полгода был вроде бы съеден местными жителями. Не с тех ли пор Гавайские острова стали называть еще и Сандвичевыми?

Говоря о географических открытиях, надо признать их некоторую условность и иногда добавлять, что данное открытие совершено нами и для нас. Ведь на всех этих «открываемых» землях испокон веков жили, развивались и умирали цивилизации, которым мы не можем отказать в праве считать себя центром мироздания. Это значит, что на бескрайних просторах Чукотского полуострова, и особенно вдоль его берегов, жизнь кипела и была полна событиями независимо от того, знали о том наши просвещенные предки или нет. До Джеймса Кука побережье залива Святого Лаврентия посещали русские первопроходцы, в том

числе ученый-чукча Николай Иванович Дауркин-Тангитан, именем которого назван полуостров. И все наши первопроходцы свидетельствовали о жизни народов в этих местах. О том же напоминают археологические находки, которым нет числа.

Вот какими предстали залив и его окрестности перед Адальбертом Шамиссо (1781-1838), немецким лирическим поэтом и естествоиспытателем, участником кругосветного путешествия вместе с Крузенштерном на «Рюрик» (1815):

«...бухта Св.Лаврентия въ земле Чукчей представляеть печальный и пустынный видъ. Здесь на низменностяхъ были одни снежныя поля (в июле) и болота съ редкими растеніями, въ высшей степени носящими альпійскій характеръ. Подъ здешнимъ суровымъ небомъ непокрытыя и незащищенныя растительностію горы стареють и разрушаются. Отъ мороза трескаются скалы; съ каждымъ летомъ умеренная теплота вызываетъ новыя развалины, и разрушеніе продолжается до конца. Почва повсюду состоитъ изъ обломковъ скаль...»

Что касается поселка Лаврентия, то его история берет начало с появления так называемой культбазы.

Сейчас не определить, кому пришла идея соединить слово «культура» со словом «база», но, родившись в эпоху самых неожиданных и смелых нововведений, это словосочетание возражений ни у кого не вызывало. *Культбаза* должна была соединить различные административно-хозяйственные учреждения региона. Поскольку идея создания *культбазы* восходит к 1925 году, то есть ко времени расцвета нэпа, её возникновение нельзя отнести к началу установления колхозно-совхозного строя. Дело в другом: советская власть надеялась распространить влияние на территориях, где хозяйничали американцы. Поскольку в центральных советских органах служили не только идеалисты, карьеристы и проходимцы, в состав новообразовавшегося

Комитета содействия Северу были включены специалисты, в частности В.Г.Тан-Богораз, вернувшийся к тому времени из США.

К началу функционирования, осенью 1928 года, *культбаза* состояла из ветеринарного пункта, мастерской по ремонту руль-моторов и бытовой техники, больницы, цинкового склада, дома фактории, школы-интерната и трех жилых домов. Чуть в стороне стояли несколько яранг. В одной из них жил косторез Онно, запечатлевший *культбазу* на моржовом клыке. Вся эта инфраструктура, расположенная на берегу залива, стала впоследствии поселком Лаврентия. Вот какой нашел *культбазу* писатель Тихон Захарович Семушкин (1900-1979):

«На левом берегу залива в десяти километрах от входа в бухту, возле склона горы приютились одиннадцать европейских домиков Чукотской *культбазы*. С горы бежал ручей, по улицам ходили люди в европейских костюмах, дамы на французских каблуках, и по улице до самого моря протянулась железная дорога — "узкоколейка". Казалось, что Чукотку мы прошли и попали в другое место...»

Наталья Павловна Отке — директриса окружного краеведческого музея — родилась в Лаврентия. К семидесятилетию *культбазы* она подготовила очерк, в котором пишет:

«Инструктора по советскому и кооперативно-колхозному строительству, женорганизаторы, политпросветчики, врачи, ветеринары, учителя, охотоведы, ихтиологи, зоотехники-оленоводы, краеведы — вели работу коллективно, по единому плану, под руководством заведующего *Культбазой*. Сотрудники *Культбазы* работали не только в кабинетах, но и в стойбищах, в период перекочевок оленеводов на далекие расстояния. Ни полярная ночь, ни суровая стужа, сопровождаемая арктической пургой,

ни порожистые реки — не являлись препятствием для выполнения работы. Многие изучили эскимосский и чукотский языки и вели разъяснительную работу исключительно на них».

Неустанно трудились врачи, работники культуры, но именно на учителей легла самая тяжелая нагрузка. Они занимались всем: от обучения азбуке — до формирования кооперативов и зверобойных артелей. Наталья Павловна считает, что первым учителям Чукотки надо поставить памятник, а их именами назвать улицы в поселках. Кстати, её дядю звали Базиком.

В историю Лаврентия навсегда вошли и челюскинцы. Их пароход был зажат во льдах, затонул, а сами герои экспедиции оказались на льдине в Чукотском море. Спасали челюскинцев всеми возможными для того времени способами и доставляли в Уэлен. Часть спасенных оказалась в Лаврентия, поскольку здесь была больница, единственная на полуострове, а также аэродром. В своих воспоминаниях челюскинцы именуют культбазу бухтой Лаврентия. Следовательно, поселком они её не воспринимали. Вот выдержки из воспоминаний Сергея Семенова, секретаря экспедиции:

«К 1 мая в лаврентьевской больнице скопились 16 больных челюскинцев, из них шесть тяжело больных. Кроме челюскинцев в больнице лежали несколько чукчей, в том числе роженицы. Единственная больница на Чукотке, надо признаться, достаточно убогая, плохо снабжена, примитивно оборудована, имеет малочисленный обслуживающий персонал. Несмотря на истинно героические усилия главврача Елизаветы Петровны Кузьминой и единственного помощника главврача Зинаиды Николаевны Котовой, больница конечно не смогла бы справиться с неожиданным наплывом больных...»

Челюскинцы починили двери и кровати, пошили постельное белье, привели в порядок хирургические инструменты, раздобыли уголь, отремонтировали печи и организовали питание. Можно представить состояние больницы до их прибытия. Сергей Семенов пишет:

«Наладили отлично общую столовую. Нашли достаточное количество посуды. Повара собственные, пекаря — тоже... Была даже вытоплена баня. Баня имелась на культбазе, но ее уже не топили целых полгода. Для того, чтобы вытопить ее, понадобилась тонна угля. Зато в бане, кроме челюскинцев, вымылось все население культбазы. На складах культбазы челюскинцы разыскали неисправную динамо, испорченный киноаппарат и запас изорванных фильмов. Все это починили и организовали для всего населения культбазы периодические сеансы...»

В середине мая 1934 года подлечившиеся челюскинцы покинули Лаврентия, оставив после себя, кроме отремонтированных домов, больницы и бани, теплые воспоминания.

Следующий этап в жизни поселка начался с переноса сюда, в 1942 году, районного центра из Уэлена. Связано это было прежде всего со строительством нового аэродрома, как говорят, лучшего из всех грунтовых аэродромов Чукотки. Во время войны Лаврентия выполнял важнейшую стратегическую функцию. Здесь осуществляли промежуточную посадку самолеты, доставлявшие из Америки грузы по так называемому «ленд-лизу». Для обслуживания аэродрома были необходимы квалифицированный персонал и условия для его работы.

Кроме Уэлена, в Чукотском районе есть еще несколько поселков, самый далекий из которых — Нешкан. С эскимосского — «Голова». Находится Нешкан на побережье Чукотского моря, в трехстах километрах от Лаврентия. Там же, на побережье, есть еще один поселок — Энурмино, что означает «Находящийся за

холмами». До него 260 километров. Оба эти поселка — за полярным кругом. Севернее мыса Семена Дежнёва, недалеко от Уэлена, есть поселок Инчоун. Наконец, в сорока километрах западнее Лаврентия находится поселок Лорино. Вот и все. Еще недавно существовали и другие поселки: Аккани, Дежнёво, Чегитун. Эти прибрежные селения, наряду с Нунямо, Науканом и с десятком других поселков, теперь не существуют. Жители их переместились в основном в Лаврентия или в Лорино. Сейчас население Чукотского района насчитывает немногим более пяти тысяч.

Расцвет Лаврентия пришелся на семидесятые и восьмидесятые годы. Аэропорт принимал по несколько самолетов в день, а вертолетам и вовсе не было счета. По свидетельству лаврентьевцев, пилоты, слетавшиеся сюда со всех концов страны, называли поселок — Маленьким Парижем, за обилие в нем красивых женщин, к тому же одиноких. Кто-то разлюбил, кому-то изменили, кого-то обманули — мало ли чего в нашей жизни происходит такого, после чего хочется бежать куда глаза глядят. Женщины предпочитали край света. Они бежали сюда от неудач, горя и разочарований, бежали в надежде обрести покой, а при случае — новое счастье. Нередко приезжали беременные, чтобы здесь родить и уже вместе с ребенком возвратиться на материк. Приезжали, рожали да так и оставались.

Но кого жизнь чаще всего гонит? Кого преследует и наказывает? Красивых, горделивых, знающих себе цену, не желающих мириться с обстоятельствами... Так происходил естественный отбор. К тому же здесь было совсем не плохо: зарплата высокая, снабжение продуктами под стать Москве, одевались по последней моде. От благополучия манеры становились изысканными, голос мягче, формы утонченнее. Приехавшие красавицы работали в основном в торговле и медицине. Они были прекрасными хозяйками, умели вести быт, отлично готовили. Конечно же, летчики, особенно военные, не оставляли такое добро без внимания и стремились сюда во что бы то ни стало. Отдав себя в руки лаврентьевских женщин, они обволакивались заботой и внимани-

ем, лаской и теплотой. Парижанам такое и не снилось! О Лаврентия ходили легенды... Сейчас от этого не осталось и следа, если не считать нескольких красавиц бальзаковского возраста и их не менее красивых дочерей. Это не мало, но недостаточно, чтобы сюда рвались летчики.

Что такое Лаврентия сейчас: поселок? село? населенный пункт?

Официально считается селом, но так Лаврентия называть нельзя из-за отсутствия церкви. Для деревни Лаврентия слишком цивилизован. Поселок? Кажется, подходит больше, но Лаврентия все-таки районный центр. Город? Но всякий, кто здесь был, признает, что это не город.

Как зовутся тысяча четыреста его жителей?

Себя они именуют лаврентьевцами, что было бы верно, если бы поселок назывался Лаврентьево. Жителей здешних правильнее называть лаврентийцами, подобно тому как живущих во Флоренции называют флорентийцами.

Если сияющий желтыми огнями Билибино напоминает курорт, а в архитектуре заметен здравый смысл, если в архитектуре Анадыря смысла нет, как нет его в архитектуре всех советских городов, то Лаврентия выглядит и вовсе недоразумением.

Большинство домов здесь двухэтажные, но есть несколько пятиэтажек, более комфортабельных и надежных. Кроме них, имеются трехэтажное административное здание, Дом культуры, несколько корпусов больницы и прочие строения. Все эти здания развернуты в одном направлении и почти все расположены вдоль одной улицы, вытянутой километра на полтора. Также параллельно этой улице проложена и взлетная полоса аэродрома, отчего летчики иногда путаются в выборе места посадки. И только одно здание стоит наискось, словно назло остальным. Это школа. Видимо, в тот день, когда дошла очередь до ее постройки, строителихватили лишнего, а протрезвев, возобновили строительство, и следующие за школой дома вновь соответствуют общему направлению. По другой версии, школу построили наискось, что-

бы ее обходила пурга. Но тогда что мешало расположить таким же образом остальные здания?

Без снега Лаврентия предстает мрачным и угрюмым. Вынесенные наружу коммуникации добавляют еще и элемент неухоженности, словно надетая наизнанку рубашка. Черные железные трубы коптят и без того серое небо, а сами котельные, увенчанные этими трубами, издают непрерывный шум, в точности напоминающий рев самолета, отчего жителям близлежащих домов должно чудиться, будто они пребывают в постоянном полете. За зданием администрации черно от угля, куча которого возвышается у котельной, но с течением времени расплзается. Впервые за время пребывания на Чукотке мои ботинки покрылись пылью, что было непредставимо в Анадыре, тем более в Билибино. В центре поселка, если Лаврентия вообще имеет центр, разбросаны кучи мусора, в которых можно опознать развалины бывших строений. В развалинах шныряют несчастные собаки, которые до того трусливы, что пугаются взять корм. Прохожие, в большинстве своем коренные жители, одеты неопрятно и очень бедно. Чукчанки — в изношенных драповых пальтишках и шапочках из искусственного меха. Несколько чукчей, проходя мимо, здороваются первыми, и это пока единственное светлое пятно на фоне первых впечатлений. Рядом с домами стоят железные контейнеры, судя по всему давно брошенные, и сколоченные кое-как бесформенные деревянные сарайчики. По улицам ездят редкие и диковинные агрегаты — симбиоз трехколесного велосипеда и трактора. В этих громяющих тарантасах на огромных колесах сидят такие же странные существа, которые куда-то несутся. Иногда проезжают со страшным шумом снегоходы «Буран», волоча сани, груженные самым разнообразным хламом. Ездят эти снегоходы по гравию, потому что снега здесь нет, а дороги Лаврентия не знают асфальта. Мой провожатый, работник администрации, показывал магазины, где мне предстоит покупать продукты, и рассказывал о поселке, но я его не слышал... Никогда

я не видел столь откровенной дыры и с ужасом думал, что мне предстоит пробыть здесь целую неделю...

До сих пор я был волен в передвижениях и, если меня удручали угрюмость местности или неприятные физиономии, тотчас уезжал. Неприязнь гасилась возможностью беспрепятственного отъезда. Но из Лаврентия уехать невозможно...

После того как меня представили главе администрации района, я первым делом, но весьма деликатно, поинтересовался насчет рейса в Анадырь. Меня обнадежили и проводили к месту обитания, предоставив для жилья огромную четырехкомнатную квартиру, в которой коридоры, ванная и кухня были еще большими, чем сами комнаты. Здесь есть телефон, отдельный вход и даже автономные коммуникации, что не случайно: в квартире еще недавно проживал прежний глава администрации. Лучшего жилища здесь нет, и, если бы в Лаврентия прибыли президенты России, США или даже сам Римский Папа, их бы тоже разместили в этих апартаментах.

Осмотрев квартиру, я выбрал одну из комнат и приспособил все для проживания и работы...

Как важно, чтобы все было разложено, расставлено, чтобы рядом находились мои безмолвные спутники и надежные помощники, чтобы они были на виду, под рукой, в одном месте: коротковолновый радиоприемник, фотоаппарат, диктофон, часы, бумаги с записями и чистые листы, авторучки и книги, которые я приобрел уже на Чукотке, но главное, чтобы со мной был мой спальный мешок, в котором я мог бы укрыться. В квартире холодно. Батареи едва теплые. Но для меня заботливые лаврентьевцы принесли обогреватель. Что еще? Еще нужна настольная лампа. Без неё нет уюта, нет ощущения тепла, нет замкнутости и нет тишины. Яркий свет создает шум и вызывает тревогу. За квартирой присматривает пенсионерка Евгения Ивановна. Она принесла из дому спасительную настольную лампу, и теперь я работоспособен. Мое лаврентьевское гнездо готово! Здесь я буду жить, и на какое-то время центр моего мира будет находиться на

краю Земли, у Берингова пролива. Отныне эта самая удаленная точка — часть моей биографии...

Осматривая свое жилище, я нашел несколько старых советских журналов и среди них — листочек с текстом песни о Лаврентия. Автор слов и музыки некто С.Ткаченко.

*Порою тут бывает очень трудно,
Но весело в любое время года.
И понедельник днем тяжелым здесь не будет,
Здесь праздник, если летная погода.*

Припев:

*Пускай пройдут года, пройдут столетия,
Кому-то все равно ты будешь дорог,
Как нам сейчас, любимый наш Лаврентия,
Пусть не большой, зато родной поселок.*

*Пускай пурга смеется днем и ночью,
И дождь со снегом с воем бьют в стекло,
Пускай не Ялта здесь, и пусть не Сочи,
Нам даже в непогоду здесь тепло.*

Припев.

*И в ясную погоду и в ненастье
Любимее нет в мире ничего,
И только здесь найду свое я счастье,
А впрочем-то, уже нашел его.*

На обороте, от руки (явно женской), выведен куплет песни о комсомольцах-добровольцах: «...Видеть солнце порой предрассветной, / Только так можно счастье найти! / Подниматься в небесную высь, / Опускаться в глубины морские...» Прочитав еще и это(!), я, несмотря на усталость, долго не мог уснуть. Пе-

ред моими глазами предстал хмурый поселок с грудями развалин, посреди которых стояла хрупкая женщина с длинными русыми волосами и в очках. Ей, новой начальнице, предстоит со всем этим что-то делать...

Мне захотелось поскорее отсюда убраться. Хотя бы в Анадырь. Я клял себя за то, что притащился сюда неизвестно зачем. Но еще больше мне хотелось посмотреть на этого самого С.Ткаченко, узнать, откуда он, кто у него родители... Я никак не мог представить, что должен человек в своей жизни повидать, что пережить и через какие тернии пройти, чтобы убогий Лаврентия так засиял для него?

У Т Р О В П Р О Л И В Е

Берингов пролив, 15 июня (от нашего спец.корра)

«Не успев потухнуть, зарево заката запламенело вновь. Легкий ветерок зарябил перламутровую пленку едва уснувшего пролива, застучал в палатки зверобоев одеждой и обувью, вывешенными для просушки. Из Чукотского моря всплыло яркое полярное солнце и вдоль пролива прочертило по воде Международную линию дня... Это значило, что на востоке двух великих материков началось утро.

Первым, под парусом, отвалил от берега вельбот комсомольцев бригады Хухункауна. За ним потянулись другие. С воспаленными от долгого недосыпания глазами, поторапливают охотников председатель райисполкома товарищ Отке и работник — Кочемалкин. Отке сам родился и вырос на этих берегах. Он знает все думы и чаяния охотников. И сейчас, утром, опять щемит его сердце: подызносились моторы, почти нет пригодных свечей. А морж идет...

Его думы прерывают первые выстрелы. Он всматривается в даль. Но впереди только вода, остров да берега Аляски. Далеко уже ушли зверобои. Рядом, на маяке, Коваленко чинит бригаде мотор. Село еще спит. А с моря уже пришли с добычей передовые промысловые бригады. Берег оживает снова. Около боевого листка, отражающего промысел вчерашнего дня, слышится смех. Но Теркинто, Утоюку, Энмонту совсем не весело... Это они плетутся в хвосте.

Ветер крепчает. Море начинает штормить. Бригадиры спешат к берегу. И когда просыпается поселок — на берегу уже много шкур, мяса, жира, клыков.

Утро растворяется в дне. Промысловики ждут погоды, чтобы снова идти в море выполнять свои социалистические обязательства, свое обещание, данное товарищу Сталину.

Г.БОЛЕИН

«Советский Уэлен». 30 июня 1945 г.

СООБЩЕНИЕ О ВЫБОРАХ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР В УЭЛЕНЕ

28 июня 1938 г.

В Уэлене сто процентов избирателей участвовало в голосовании!

К 11 часам дня все трудящиеся чукчи Уэлена проголосовали. В 20 часов опустил свой бюллетень дежурный радист полярной станции. 248 избирателей числилось по Уэленскому избирательному участку. Все они отдали свои голоса дочери нашей великой Родины Зинаиде Ивановне Дьяконовой. Ровно в 12 часов ночи председатель комиссии эскимос Каврахгин объявил о закрытии голосования. Члены комиссии подсчитали голоса за нашего кандидата. 248

избирателей участвовали в голосовании. Тем самым националы социалистической Камчатки выразили безграничную любовь и преданность партии большевиков.

ТУЛУПОВ, «Камчатская правда», 1938 г., 28 июня

СЕВЕРЯНЕ СДЕЛАЛИ ВЫБОР

Все-таки мы молодцы. Мы все. Избиратели. Как бы ни предсказывали политологи-пессимисты, а политическая активность северян оказалась одной из самых высоких в Российской Федерации. Так, по предварительным данным, в выборах приняло участие 70 процентов избирателей Чукотского автономного округа. Но даже на этом высоком фоне наш Чукотский район смотрится прекрасно. По данным территориальной избирательной комиссии к урнам 19 декабря пришло почти 80 процентов жителей сел.

В Лаврентия не было еще и 8 часов утра, а у дверей избирательного участка собралась уже довольно внушительная группа тех, кто решил выполнить свой гражданский долг в числе первых. Были среди них работники жилищно-коммунального хозяйства, учителя, медики, безработные... Первым, опустившим в урну свои бюллетени, оказался Аркадий Тагрыт, которому и вручили памятный приз как первому проголосовавшему в День выборов. А уже к 10 часам утра в целом по району проголосовало более 25 процентов избирателей. А по отдельным селам этот показатель был еще выше. Например, в Энурмино и Инчоуне соответственно 67,7 и 51,1 процента...

*«Народ и власть». Еженедельный пресс-бюллетень
Совета депутатов и администрации Чукотского района.
21 декабря, 1999 г.*

22 декабря, Лаврентия

Дорогая Валентина Федоровна!

Конечно, Вы слышали о Лаврентия. Ведь поколение Ваше — все же романтики. Помимо прочего, этот романтизм находил выражение в необозримых даях, где царствуют ночная мгла, метели и вьюги, где светят огни полярного города, и, конечно, он отражался в звучных названиях: Провидения, Диксон, Мыс Шмидта, Таймыр, остров Врангеля, Ванкарем... И среди наиболее манящих — Лаврентия.

Никто не мог соперничать с бородачом вроде Хэмингуэя, только более крепким и мужественным, потому что не пальмы с кипарисами, а льды и торосы манили, влекли, притягивали; не сандалии и береты, не маечки и трусики, а толстые свитера, меховые куртки и унты — вот что особо красит мужчину. Разве не отдали бы Вы всё на свете за то, чтобы быть рядом со щетинистым полярником? Кто он: геолог, летчик, моряк, золотодобытчик, — какая разница? Главное, он центральная и наиболее возжеленная часть великого и прекрасного мифа, в который верили и который любили. И между прочим, не такой уж это был миф...

Сегодня знакомился с поселком и набрел на краеведческий музей. Он расположен на первом этаже пятиэтажного жилого дома. Хотя это лишь филиал, в нем имеются достойные экспонаты. Здесь и чучела полярных животных — морских и сухопутных; и орудия труда, которыми пользовался древний человек; и одежда охотников на морского зверя; и средства охоты; есть кости, камни, черепки и многое другое из прошлой жизни. Нет только ничего из жизни настоящей...

Был также в районной библиотеке. Она занимает старое одноэтажное здание и носит имя Т.З.Семушкина.

Тихон Захарович родился ровно сто лет назад в Пензенской губернии, в селе Старая Кутля Мокшанского уезда, в семье крестьянина-столяра. В молодости начитался сочинений Тана-Богораза и стал подвижником Севера. С 1924 года Семушкин был связан с Чукоткой, а с 1928 года — непосредственно с Лаврентия. Здесь в то время построили культбазу, и Семушкин открыл в ней первую школу-интернат. Не знаю, сколько времени он пробыл на Чукотке, но с 1937 года Тихон Захарович сосредоточился на литературной деятельности. Его самая известная книга — «Алитет уходит в горы». Умер писатель в 1970 году.

Фонды библиотеки богатые, но ветхие. Новых поступлений нет. Уж если в Москве и Санкт-Петербурге библиотекари жалуются, что же говорить о Лаврентия! Отопления тоже нет, хотя котельная рядом. Библиотекаряша — молоденькая чукчанка Юля — сидит в пальто, листает журнал и на меня не отвлекается. Попытался завести с нею разговор. Вытягивал каждое слово:

— Почему не топят?

— Ребята загуляли. (Имеются в виду кочегары.)

— Отчего загуляли?

— Выплатили деньги к выборам, и они запили.

У озябшей Юли претензий к кочегарам нет. Им полгода не платили, и они решили не выходить на работу. Теперь наконец заплатили, и кочегары на радостях запили. Их бы выгнать да набрать других, хороших, непьющих, — но где таких возьмешь? Где еще отыщешь кочегаров, которые будут полгода работать за просто так? Только у нас. А где найдешь таких библиотекарей? А врачей где найдешь? А учителей? Нет, нет — таких, как мы, нигде не отыщешь.

Говорили мы с Юлей и о ней самой, но прежде вот о чём.

Когда мы узнаём об очередном повышении цен на авиабилеты, то, конечно, не радуемся. Мы даже огорчаемся, как огорчаются неприятной новости, непосредственно нас не касающейся-

ся. «Не касающейся», потому что жителям торжков, новоржевов и вышних волочков нет дела до того, почем авиабилет. Они давно перестали летать, ездить, и слава Богу, что еще ходят. Но для жителей Севера стоимость авиабилета имеет значение не меньшее, чем цена на хлеб. В условиях, когда самолет — единственное средство доставки продуктов, лекарств, писем, всего на свете, когда ничем иным не доберешься до материка, подорожание авиабилета — настоящая катастрофа.

Билет из Лаврентия в Анадырь стоит две с половиной тысячи рублей. (А из Билибино в Анадырь — четыре с половиной!) Можно, конечно, провести отпуск в Анадыре, но почему-то все стремятся дальше. А попасть «дальше» можно только через Москву, билет до которой стоит девять тысяч! Да из Москвы к месту отдыха — еще тысяч пять. Итого стоимость одного билета — семнадцать тысяч рублей! В один конец! А обратно? А пребывание в аэропортах, где надо и поесть, и в случае чего переночевать? А сам отпуск тоже не под открытым небом: здесь и стоимость путевки, и экскурсии, и побаловать себя хочется. К тому же северяне едут не только отдыхать. Они стараются приобрести самое необходимое себе и детям. Одежду, например. А если ехать в отпуск семьей? Посчитайте, какие деньги нужны для этой невинной затеи. Раньше государство компенсировало затраты на авиабилеты. Но это было раньше...

Библиотекарша Юля получает семьсот рублей, и проблема отпуска для нее попросту не существует. Но девушка учится в Анадыре, в колледже. Учеба и обретение профессии дают шанс уберечь себя в жестоком мире, а при случае — возможность выбраться, хотя бы в тот же Анадырь. Раз в год Юле нужны деньги на авиабилет и на двухмесячное проживание в общежитии (60 руб. в сутки). На еду Юля тратит немного, но и «немногое» тоже надо иметь. По закону половину расходов должна нести библиотека, а половину сама Юля. Но чем же она будет оплачивать, если уже год не получает зарплату? Отдел культуры выдал ей три тысячи рублей — в долг. Замечательно. Но как этот долг отдавать?

Я пытался выяснить у Юли ситуацию, но она уже запуталась и считает дело безвыходным. Бросить колледж — означает конец надеждам, в то же время долг растёт, стоимость авиабилетов увеличивается, и что будет — неизвестно.

У Юли мало интереса к библиотеке, к книгам, вообще к жизни, и винить её за отчаяние — не отважусь. Одно знаю: ей помогут и не дадут пропасть лаврентьевские женщины, которые прибирают к рукам все, в чем еще теплится жизнь. Прежде всего это образование, медицина, культура и управление поселком.

Я давно убедился, что в России всё держится на женщинах. Люди сведущие дополняют: и всегда держалось. И то, что мы еще не пропали, — их заслуга. В Лаврентия вообще, кроме женщин, кажется, никого нет. Есть дети и еще... какие-то типы, в которых при большом воображении можно опознать мужчин.

То, что Чукотка — самый бедный край в России, можно оспорить. Но то, что Чукотский район беднейший на Чукотке, сомнению не подлежит. Экономисты и политики такие районы нарекли словом «депрессивный». Здесь нет ничего, что могло бы приносить доход. Развивается, точнее, сохраняется лишь так называемая «социальная сфера». В Лаврентия один из главных очагов жизни — школа.

Я много езжу по городам и весям, но еще не встречал школы, подобной лаврентьевской. Здесь учителя в такой степени живут профессией, словно школа не главный, а единственный их дом. Ни в одной из провинциальных школ я не видел таких оборудованных классов и столь бережного отношения ко всякому предмету: к книге, к карте, к линейке... Здесь кабинет химии — настоящий сад! Я насчитал в нем 72 растения! От деревьев до крохотных растений в горшочках. Поскольку я мало смыслю во флоре, хозяйка кабинета — Татьяна Михайловна — перечисляла названия, а я с трудом поспевал записывать. Больше всего бегоний. Самое большое растение — древовидная лиана фатсия японская. Ей двадцать лет! Есть китайские розы, мексиканские

кактусы, циперус (дети зовут ее «пальмочкой»), герани, кливия, папоротник, лилия амазонская, аспарагус, плющ восковидный и просто плющ, каланхоэ, фиалки узамбарские, молочай голубоватый. Нет только эдельвейса. Невзирая на температуру (плюс одиннадцать) — плодоносят лимоны. Назывались еще какие-то растения, но я не успел записать.

Кабинет химии — самый зеленый, но не единственный. Почти в каждом классе выращивают цветы, столь недостающие на Чукотке. И не только растениями богаты классные аудитории. Они оснащены шкапами, стеллажами, на полках много книг и прочего, что прежде называлось «материальной базой». Имеются даже телевизоры и видеоманитофоны. Директриса, Тамара Валентиновна, говорит, что все это осталось от прежних времен. Стены в классах и коридорах расписаны русскими пейзажами и сценами из жизни литературных героев. Рисуют учителя и наиболее способные из учеников. Проходя мимо серого, невзрачного здания школы, ни за что не подумаешь, что внутри так тепло и уютно.

...Я вспомнил школу в селе Завидово, находящемся в двух часах езды от Кремля. Там, кроме старых парт, нет вообще ничего. Даже отопления. Поэтому зимой занятия проводят в соседнем детском саду, в три смены. Директор школы из последних сил старается организовать учебу детей и всеми правдами и неправдами удерживает оставшихся учителей. Ставка уборщицы в завидовской школе — меньше двухсот рублей в месяц, а у сторожа — полторы сотни. Поэтому школа не охраняется. Тем временем мимо школы, чтобы отдохнуть и поохотиться в благодатных завидовских угодах, проезжают большие начальники. Да не просто большие. Первые лица страны! И никому нет дела до этой несчастной школы, где учителя мечтают не о компьютерах и видеоманитофонах, а о пишущей машинке...

...К лаврентьевской школе примыкает четырехэтажное здание, в котором размещены всевозможные кружки, секции, детский театр, школьный этнографический музей, а на четвертом

этаже — отдел народного образования с методическим кабинетом и библиотекой. Перед тем как оказаться в этом отделе, я зашел в детский театр «Фея». Разодетые в карнавальные одежды дети репетировали предновогоднюю пьесу. Ко мне подошли восьмилетняя Баба-яга, девятилетний Кощей Бессмертный и совсем маленький чертенок и пригласили на репетицию. Я не ценитель театра, но здесь всё выглядело серьезно и подкреплялось цитатой из Белинского, написанной на одной из стен: «О, ступайте, ступайте в театр! Живите и умирайте в нем!»

Я хочу жить и, при всем уважении к неистовому Виссариону, театров стараюсь избегать...

Теперь о том, как организована учеба на территории огромного и безлюдного района.

Школы есть во всех шести поселках. В них учатся 1135 учеников, из которых 990 — коренной национальности. В основном чукчи. Эскимосов значительно меньше. В поселках относительно больших — в Уэлене, Лорине, Нешкане и Лаврентия — школы с полным средним образованием. Там, где жителей менее пятисот — в Энурмине и Инчоуне, — организованы начальные классы. Во всех селах, за исключением Лаврентия, есть пришкольные интернаты, а в Уэлене с 1992 года введена учеба с художественным уклоном. Это связано с развитием косторезного промысла в этом поселке. Что касается дошкольных учреждений, то их посещают 446 детей, из которых 414 — коренных национальностей.

Большинство преподавателей района закончили Анадырское педучилище, Магаданский пединститут или Университет им.Герцена в Санкт-Петербурге. Сейчас в районе 176 учителей, из них 108 — коренных национальностей. Все они, как правило, выпускники школ Чукотского района.

Раньше для повышения квалификации учителей возили в Анадырь и даже в Москву. Теперь об этом и не мечтают. Работники отдела народного образования, как могут, помогают школам. Методисты по национальным программам, по учебно-

библиотечному фонду, по воспитательной работе и дошкольным учреждениям в течение года обязаны побывать во всех поселках. Но если раньше в каждое село раз в неделю летал вертолет, то сейчас инспектора могут туда попасть только на вездеходе.

Как происходит такая «экспедиция», скажем, в Энурмино, до которого по прямой — 260 километров? Ехать приходится не по шоссе, не по проселочной дороге, даже не по грунтовой, а между сопок, по замерзшим рекам, по тундре. В селах обеспечение продуктами и промтоварами более чем скудное, поэтому стараются ехать не с пустыми руками. Загружают вездеход продуктами, учебниками, книгами, тетрадами, канцтоварами. Оставшееся место заполняют учителя. Вездеход — нечто среднее между боевой машиной десанта и автомобилем. Скорость передвижения не больше двадцати пяти километров в час. Как умудряются учителя впятером и даже вшестером выдерживать многочасовые, а то и суточные переезды? В таком транспорте непросто даже шевельнуться. К тому же гусеничный агрегат тащится «по долинам и по взгорьям» так, что вытрясти способен душу. А шум какой! А копоты сколько! Слава Богу, пока ничего страшного не случилось. Но, по рассказам учителей, когда едут по тундре, да еще ночью, напряжение большое. Техника старая, часто ломается. Ездят в основном зимой или ранней весной. Снег, мороз... Если вездеход забарахлит, часами выжидают, пока починят. В поездку надевают все, что только можно. Приятного в этом мало. Но все же для работников отдела каждая такая поездка — особенная. О них любят вспоминать и в новую командировку готовы выехать в любое время.

Едут, как правило, на восемь-десять дней. Суточные — 60 рублей. На проживание добавляют еще по 4 рубля 50 копеек. Живут обычно прямо в школе, в одном из классов. Ставят раскладушки — и ночлег готов. Командировочные складывают и покупают продукты: сахар, масло, куриные окорочка, крупы. Кое-что готовят сами — выпечку, например. Берут с собой, что у кого есть. Все неизбалованные и к суровому быту привыкшие.

Подобный визит не казенная проверка. Без такой помощи не смогут работать школы.

Ну а как обстоят дела в самих школах?

По словам начальника отдела образования, Жанетты Азизовны, одаренных детей сейчас мало. Но все равно из района каждый год выпускники поступают в вузы. Учиться здесь непросто. И учить — тоже. Сейчас начались каникулы, и детей из интернатов надо каким-то образом доставить домой. А сделать это можно только снегоходом или собачьими упряжками, и то если за детьми приедут родители. В Инчоуне — четырехлетка, и в пятый класс учеников надо переводить в Уэлен, где есть средняя школа. А на каникулы им надо домой.

Пока мы разговаривали с Жанеттой Азизовной, в её кабинет вошла молодая учительница-чукчанка. Когда она еще училась в школе, с нею произошел страшный случай, как раз по дороге из Уэлена в Инчоун. Если удастся с нею познакомиться и поговорить, я обо всем разузнаю и напишу.

Сейчас уже глубокая ночь. А в Торжке еще только три часа дня...

«Неоценимую роль в осуществлении Закона о всеобщем обуче в условиях Чукотки сыграли школьные интернаты. Вся деятельность школьных интернатов показала с убедительной ясностью правоту органов Советской власти, которые с первых дней ориентировали на их создание. Особенно отчетливо вопрос об интернатах для детей прозвучал на Первом туземном съезде Дальне-Восточного Края в 1925 году. В резолюции съезда было записано:

“1. Принимая во внимание бытовые и экономические особенности туземцев, многоплеменность, разбро-

санность, кочевой образ жизни, отсутствие письменности и культурных людей среди них, съезд считает, что обыкновенный метод школьно-просветительной работы, как и школа существующего типа, не подходят для туземцев.

2. Наиболее подходящим и жизненным типом школ, могущих поднять не только культурный уровень туземцев, но и их экономическое положение... съезд считает такой тип школ, при котором должно быть общежитие для детей»».

*«Краеведческие записки». Выпуск IV.
Магадан, 1962, стр.14*

«В Танюерскую тундру впервые была направлена Красная Яранга в 1941 году, в составе которой был учитель с материалами для организации кочующей школы. В течение девяти месяцев (с января по октябрь 1941 года) Красная Яранга и школа не могли найти стойбища кочевников, хотя изъездили на оленях несколько тысяч километров.

В феврале 1941 года Красную Ярангу застала 15-дневная пурга. Оленей съели волки. Заведующий Ярангой и учитель остались без пищи на расстоянии 400 километров от ближайшего селения. Начались поиски. Спустя много дней розыски увенчались успехом. Полуобмороженные люди были доставлены в Усть-Бельскую больницу.

Однако это не сломило желание педагогов найти кочующих детей. После излечения они снова отправились на поиски, только теперь уже на собаках. Стойбище было отыскано в отрогах Анадырского хребта лишь в октябре месяца 1941 года. Оно состояло из 8 яранг.

Первые попытки организовать школу провалились. Под влиянием различных слухов родители большинства

учащихся отказались учить детей. Учитель Красной Яранги решил остаться в кочевье и дальше кочевать с табуном. При этом он стремился выяснить места других стойбищ.

Наконец педагоги победили. В январе 1942 года поступили первые отчеты о создании кочующей школы и о проделанной Красной Ярангой работе».

*«Краеведческие записки». Выпуск IV.
Магадан, 1962, сс.36-37*

23 декабря. Лаврентия

Привет, Веро!

Билибино — Чукотка, и Анадырь — тоже, но Лаврентия — это Чукотка концентрированная. Как у американцев Техас. Только там все самое богатое, а здесь всё самое бедное.

От увиденного пришел в ужас, но подморозило, выпал снег (здесь его не было!) и прикрыл серость. Погода отличная. Днем солнце, ночью звезды и луна. Возможно, я увижу наконец северное сияние. Сразу за моим окном начинается тундра. Даже жутко: не заявится ли ночью медведь? Ведь у меня первый этаж, а белые медведи на задних лапах запросто достают до третьего...

Я живу в доме, мало отличающемся от советских пятиэтажек, и мне понадобилось вынести мусор. Обычно, если мусоропровода в доме нет, мусор выносят во двор и высыпают в специальные контейнеры, которые затем вывозятся. Полагая, что и в Лаврентия дело обстоит именно так, я вышел во двор, обошел дом, но контейнера не обнаружил. Впервые в жизни вернулся с мусором. Стал выяснять. Оказалось, система здесь такая: около семи вечера к жилым домам подъезжает огромный грузовик-мусоровоз. Надо выйти, подать ведро мусорщику, и тот вывалит мусор прямо в кузов, где находится и сам. Чтобы народ в ожидании мусоровоза не мерз, мусорщики при подъезде к дому подают сигнал. Теперь мне ясно, чем вызваны душераздирающие сирены, раздающиеся из разных концов поселка примерно в одно время.

Я уже воспользовался услугой мусоровоза и признаюсь, что данный способ весьма эффективен. Когда под окнами воет сирена, наподобие той, услышав которую нужно бежать к бомбоубежищу, невольно хватаешь мусор. Поскольку я обитаю в квартире, где еще недавно жил главный лаврентьевский начальник, к

моей двери мусорщики подъезжают особенно близко, причем каждый вечер, независимо от того, накопился ли мусор, а сигналият так усердно, что можно сойти с ума. Поэтому я заранее готовлю какой-нибудь хлам, чтобы, услышав сирену, тотчас бежать к мусоровозу. Иначе не смолкнет.

Теперь о главном.

Я тебе уже писал, что Младенец-2000 вряд ли родится на Чукотке. Но раз уж попал в Лаврентия, то стараюсь навести справки и выяснить, каково состояние с роженицами здесь.

Родильное отделение расположено на втором этаже районной больницы. Это крайнее здание в поселке, в километре от моего жилища. Я не стал скрывать цели приезда от главы администрации, тем более что это молодая женщина, и, конечно, она не могла остаться безучастной. Она позвонила в роддом, и, когда я туда пришел, меня уже ждала заведующая отделением — Маргарита Родионовна. Она самая опытная акушерка в районе. В Лаврентия попала почти тридцати лет назад, после окончания института. Благодаря таким, как Маргарита Родионовна, поселок и сравнивали когда-то с Парижем.

Я рассказал о своей затее, о том, как искал рожениц в Библино и Анадыре. Маргарита Родионовна, конечно, знает о приказе строго следить за рождением Младенца-2000, только помочь едва ли сможет. Кандидаты среди рожениц есть: Ира и Лена из Лаврентия, а также двадцатилетняя Инна из Нешкана. Но когда они разродятся — неизвестно. Десять дней назад привезли Эльвиру из Энурмина. Но она должна родить только в первой декаде января. В 1998 году в Чукотском районе приняли сто десять родов. (У окружного акушера почему-то отмечены девяносто восемь.) Последний ребенок 1998 года родился 14 декабря, а первый 1999 года — 4 января. В ночь на Новый год здесь еще никто не рождался, а самые предновогодние роды были 31 декабря 1996 года, в семь часов вечера.

Приезжее население в этом году рождает больше: тринадцать детей. В прошлом рожали лишь пятерых. Почти все роженицы — первородки. А вот в тундре сейчас не рожают. Маргарита Родионовна обзванивает акушеров, работающих в поселках, чтобы те следили за оленеводческими бригадами и точно знали о всех беременных. В 1996 году было много родов в участковых больницах. Там оборудованы родильные залы на всякий пожарный случай: если роды начнутся раньше времени или если за роженицей не сможет вылететь вертолет. Но вообще, рожать должны в районной больнице. В 1998 году в поселках было принято двенадцать родов, а в текущем году — всего у троих. Остальных рожениц удавалось своевременно вывозить в Лаврентия. Вот и сейчас вывезли почти всех. Только в Лорине (сорок километров от Лаврентия) остается беременная, которая должна родить в первых числах января. Она наотрез отказалась ехать в роддом: у нее шестеро детей, и она намерена встречать Новый год с ними. Акушеры боятся, что у нее роды могут начаться внезапно, так как каждого последующего ребенка рожают чуть раньше намеченного срока.

Итак, помимо принятия родов, главное для акушеров — выявлять рожениц и своевременно вывозить их в Лаврентия. Последнее осуществить непросто. Еще из Лорина можно вывезти наземным транспортом. Из остальных поселков — только вертолетом. Расстояния здесь такие... До Энурмина полтора часа лётом, до Нешкана и того больше. Стационарного вертолета в Лаврентия нет. Приходится заказывать из соседнего района. Это лучше, чем ничего, но пока вертолет закажут, пока он прилетит в далекий поселок, заберет роженицу и долетит до Лаврентия... А счет иной раз идет на минуты. Поэтому особые надежды врачи связывают с новой начальницей района, которая, помимо прочего, обещает раздобыть для Лаврентия собственный вертолет.

Вывозить рожениц стараются по прошествии тридцати шести недель беременности. К сожалению, все они изможденные и истощенные. В Инчоуне, Энурмине, Нешкане ситуация хуже не-

куда. Люди недоедают. У всех авитаминоз. Беременность требует большого количества витаминов, нужны овощи, фрукты, соки, — но какие здесь соки? какие фрукты? Люди хлеба досыта не едят, а масла сливочного не видят вовсе. Конечно же, это сказывается на детях, которые рождаются с дефицитом веса и гипотрофичные. Много родов с патологией, с врожденными уродствами, с тем, что у нас называют «заячьей губой» или «волчьей пастью». Когда дети подрастают, им делают операции.

Чукчанки и эскимоски резко отличаются от всех рожениц, которых повидала Маргарита Родионовна. Как и все акушерки, с которыми я встречался, она отмечает их поразительное терпение. При родах они будто не испытывают боли. И рожают быстро. У чукчанки может всю идти родовая деятельность, а она даже не почувствует схваток.

По обычаям этих народов, при родах нельзя кричать и даже стонать. Считается, что криком можно вызвать злых духов (kelet), и тогда ребенок окажется больным, а то и вовсе погибнет. Когда-то рожали в ярангах, причем сидя. Некоторые специалисты даже сейчас рекомендуют рожать в таком положении, и Маргарита Родионовна, принимая роды, иногда применяет такой способ. Когда всю схватки, а плод плохо продвигается, она заставляет роженицу присесть и рожать так, как рожали их предки. Говорит, головка ребенка сразу начинает продвигаться. У чукчанок и эскимосок таз более широкий, а кости тоньше. Природа будто специально создала северных женщин такими, чтобы они могли больше, легче и быстрее рожать. К тому же наделила их терпением.

Ну а как ведут себя чукотские мужчины?

Звонят и приходят в больницу только лаврентьевские и лоринские. Из других поселков сюда добраться непросто, а на вертолете доставляют лишь роженицу. Муж подождет в поселке. Покидать надолго дом и работу он не может. Конечно, мужчины больше радуются сыновьям. Женщина из Лорина, которая уже родила шестерых, тоже надеется родить мальчика. Все шестеро у нее — девочки!

В тундре рожают много, потому что от этого зависит будущее семьи. Нужны мужчины — завтрашние охотники и олениводы, без которых семья не выживет. Один сын — уже надежда. Двое — надежда плюс уверенность. Трое сыновей — счастье для чукотской семьи. Это гарантия будущего. Вот почему от женщины ждут сыновей, и они рожают до тех пор, пока не появится на свет долгожданный наследник.

Женщина — хозяйка яранги. Она ставит полог — святая святых семейного очага, шьет ярангу, зажигает жирник, дающий тепло и свет, поддерживает огонь. Если пурга, она укладывает детей раньше обычного: ничего нельзя делать, только молча лежать, чтобы не злить духов. Женщина тушит жирник и засыпает последней. Но мужчина уходит на охоту в четыре или даже в три утра. Значит, хозяйка встает еще раньше. Она должна накормить мужа, напоить чаем, проследить за одеждой и проводить в дорогу. Потом она готовит пищу для детей, будит их, кормит, после чего наводит порядок и занимается хозяйством... Быстро течет время, и вот уже охотник возвращается. Хорошо, если с добычей. Женщина встречает его, кормит. Потом укладывает уставшего после трудной и опасной охоты мужчину спать, а сама приступает к разделке добычи: нерпы, птицы или рыбы. Её надо расфасовать, подготовить к сохранности, затем предстоит выделывать шкуру, топить жир; летом нужно заготовить съедобные травы и растения, сушить мясо на вешалах, вялить рыбу; к зиме надо шить торбаса, шапки, водонепроницаемые нерпичьи штаны, куртки из моржовых кишок; надо чинить байдары, ремонтировать полог, и еще столько должна успеть сделать женщина, что времени не хватит все перечислить. Добавлю, что именно женщина наиболее искусна в косторезном ремесле, несравненная мастерица вышивки бисером, хранительница преданий и сказок, традиций и обычаев, но сверх того, сверх всего, она должна приносить потомство...

Можно ли при такой жизни рожать медленно и болезненно, позволять себе слабости и нежности? А спустя два-три дня после родов чукчанки или эскимоски уже выполняют работу в полном объеме. Но если жена не приносила сыновей, муж уходил к другой, и уже та рожала ему наследника. А оставленная не роптала, не возмущалась. Она понимала, что не исполнила для мужа главного. Но если мужчина способен прокормить двух жен, он их кормил, и они рожали ему детей, без претензий к сопернице.

Что к этому добавить?

Только то, что не мужчина, а женщина действительно глава семьи и очага. Смирясь с главенством мужчины, безоговорочно признав его властителем и господином, женщина не задумывается о своей роли. Молчаливо рожая одну за другой дочерей и мечтая обрадовать мужчину сыном, она именно девочками — будущими хозяйками яранги — продлевает жизнь не только отдельной семьи, но и всего северного народа. Где еще женщина играет такую всеохватывающую, всеобъемлющую роль, да еще столь смиренно и горделиво-послушно? И уж точно, если эти маленькие и щедедушные народы не исчезли, то лишь благодаря своим женщинам.

И в России все держится на них. И мы тем, что ещё не исчезли, обязаны своим женщинам, которые тащат на себе наш захудалый быт. Но у нас это происходит вынужденно, оттого что неустроенность и безысходность подавили мужчину, который сник, спился и пропал. Женщина потому не может позволить себе пропасть, что на ней дети. Хочешь-не хочешь, а приходится тащить. А в тундре роль женщины такова изначально. Там по-другому быть не может.

Вернусь к разговору с Маргаритой Родионовной.

Она приехала на Север из Новосибирска, где закончила медицинский институт. О Чукотке была наслышана от родственников: тетя жила в Магадане, а дядя — в Анадыре. Приезжая в отпуск, они рассказывали о насыщенной событиями жизни, вос-

певали северные красоты, сами отличались необычностью и, кроме того, были обеспечены. Они-то и заманили племянницу. Маргарита попала сначала в Магадан, а затем в Анадырь, в распоряжение окружного акушера. Там спросили: «В Чукотский район поедешь?» А какая разница, где работать, если все одинаково неизвестно. Тем более что Анадырь начала семидесятых энтузиазма у молодого врача не вызывал. Больница располагалась в старом здании барачного типа. В одном помещении хирургия, родильное отделение, терапевты. К тому же погода в те дни стояла прескверная — дождь, ветер, слякоть, холод. Еда была: сухое молоко, сухая картошка и рыба, рыба, рыба... Словом, Маргарита предпочла Лаврентия. В октябре 1970 года она прибыла в «чистенький, тихий, теплый и уютный поселок», в который сразу влюбилась.

Потом она влюбилась в мужчину, вышла замуж и в 1972 году уехала в Провидения, куда перевели мужа. По словам Маргариты Родионовны, Провидения в сравнении с Лаврентия проигрывает. Здесь и тундра красивее, и залив чудесный, и море рядом, а в Провидения сплошные чёрные сопки да холодное море. Зимой весь поселок в дыму и саже. Наверное, были и какие-то личные мотивы, от которых даже самые прекрасные пейзажи тускнеют. Я не спрашивал. Прожив в Провидения два года, Маргарита Родионовна вернулась в Лаврентия.

Серым и неприветливым поселок был не всегда. Главная акушерка с болью говорит о сегодняшнем Лаврентия. Старые, барачного типа здания рушатся. Их бы снести, а людей переселить, но новые дома не строят. Жители уезжают при первой возможности. Русских осталось мало. В Нешкане — две или три семьи; в Энурмине — одна; в Инчоуне, кажется, никого; в Уэлене — две или три; в Лорине — чуть больше. Местное население старается переехать в Лорино или в Лаврентия. Здесь и снабжение лучше, и работу можно найти. В поселках работы нет совсем. Даже санитаркой не устроиться. В Лаврентия хоть самолеты летают, привозят кое-какие продукты, лекарства, а в отдаленные

поселки ничего не доходит. Сейчас вот Уэлен остался без продуктов. Туда на вездеходах, на собачьих упряжках, как угодно доставляют продукты из Инчоуна. А некоторые из уэленцев приезжают за покупками в Лаврентия, за сто сорок километров! С лекарствами проблема. Из районной больницы их стараются отправлять спецрейсами, но полеты здесь могут не выполняться по месяцу, а то и по два. Погода не позволяет.

Не только Маргарита Родионовна, в Лаврентия все знают, как обстоят дела в поселке, в районе, вообще на Чукотке. Здесь нет того отчуждения, которое царит на материке. Так ли уж беспокоит жителя Костромы то, что творится в Вологде? А челябинца сильно ли волнуют заботы соседнего Екатеринбурга? Постольку-поскольку. Здесь же — волнуют. Жители Крайнего Севера ощущают себя единой, отличной от остальных кастой. Не лучшей и не худшей, а другой, особенной. Такое же единение чувствует команда хорошего боевого корабля, где морякам разных должностей и званий небезразлично самочувствие каждого члена команды, состояние всякой, даже незначительной, детали.

Каким видит Маргарита Родионовна будущее Лаврентия?

Самый бедный и запущенный район обещают возродить, и все надежды связывают с Валентиной Васильевной — новой главой района. Она из Лаврентия и знает о здешних бедах не понаслышке. В 1998 году персонал больницы сократили вдвое. Терапевтическое отделение перевели в хирургическое. В результате рядом с прооперированными находятся инфекционные, бронхиальные больные, там же и беременные. Сейчас собираются все восстанавливать. Маргарита Родионовна работает в Лаврентия три десятилетия. Случается, она принимает роды у тех, кто сам появился на свет благодаря ей. Бывает, роженица говорит: «А моя мама у вас рожала!» Казалось, уже ко всему привыкла, все прошла, всего насмотрелась. И все-таки, лишь только заходит разговор о родах, ее начинает трясти:

«Что-то вроде озноба начинается. Бывают очень трудные роды, когда неизвестно, чем они закончатся. Иногда чувствуешь, что ребенок страдает, но нет возможности помочь ему в самый трудный для него момент. Нет средств поддерживать сердце, легкие, чтобы ребеночек нормальным родился, чтобы не проводить после родов реанимационные мероприятия. Дети рождаются ослабленными, тяжелыми, и нечем вывести их из этого состояния. Нет аппаратов для поддержания дыхательной системы, нет гормонов, чтобы подготовить женщину к родам, чтобы не было патологии. Обходимся тем, чем можем. И конечно, если ребенок рождается здоровым, то большей радости у меня нет».

Я спросил, отличаются ли при рождении материковые дети от коренных.

Маргарита Родионовна ответила, что поведением не отличаются, но особенностью чукчей и эскимосов являются темные пятна на ягодицах или на спине. Она видела их также у цыган, когда еще училась в институте. Пятна бывают у казахов, у татар, вообще у тюркских народов. А вот у грузин или армян — не заметила, хотя роды у их женщин принимала. Величина такого пятна примерно десять сантиметров. У кого-то больше, у кого-то меньше. Со временем они исчезают.

Маргарита Родионовна рассказала, что буквально вчера здесь родила одна чукчанка. У нее были первые роды. Парень, от которого она родила, — чукча. А сама она — кудрявая, что для чукчанки редкость. Начали ее «пытать». Оказалось, папа у неё — из цыган. Она его даже не видела. Тот приехал, поработал и уехал и даже не знает, что у него здесь дочь, а теперь и внучка... Так вот, девочка эта родилась здоровой, красивой и с темными пятнами.

Не знаю, какими рождаются французы, но вот о чём думаю: не с такими ли пятнами родился Пушкин? Вроде бы когда Надежда Осиповна его рожала, то увидела, что ребенок тёмный, не такой, как все. Может, у него были эти самые пятна? Все же

Александр Сергеевич — «потомок негров безобразной»... Вер-
нусь в Москву — разузнаю.

Привет Парижу!

«...Во всех концах дома было разлито и владело все-
ми то же чувство, которое испытывала княжна Марья, сидя
в своей комнате. По поверью, что чем меньше людей знает
о страданиях родильницы, тем меньше она страдает, все
старались притвориться незнающими; никто не говорил об
этом, но во всех людях, кроме обычной степенности и по-
чтительности хороших манер, царствовавших в доме кня-
зя, видна была одна какая-то общая забота, смягченность
сердца и сознание чего-то великого, непостижимого, со-
вершающегося в ту минуту... Таинство, торжественнейшее
в мире, продолжало свершаться. Прошел вечер, наступила
ночь. И чувство ожидания и смягчения сердечного перед
непостижимым не падало, а возвышалось. Никто не спал».

Л.Н.Толстой. «Война и Мир»

Из книги В.Н.Жука «Мать и дитя».
4-изд., С.-Петербургъ, 1891, с.324

«...Вырабатывая потуги, роженица должна спокой-
но лежать на спине, не метаться по кровати, не приподы-
мать крестца, не выгибаться назад и не откидывать назад
головы. Надо также предупредить роженицу, чтобы она
воздерживалась от скрежетанія зубами и от сильного
сжатия челюстей (вредъ зубамъ), а также от сильного
крика, такъ какъ отъ этого потуги делаются слабее, а после

родовъ можетъ быть воспаление гортани. Лучше всего въ такихъ случаяхъ класть въ ротъ платокъ. На практике часто происходитъ обратное. Нередко женщины надрываются — кричать съ подобающими проклятіями мужу, какъ главному виновнику всего несчастья. "Я кричала, какъ могла, чтобы мой... зналъ, какую я муку из-за него вынесла", — часто приходилось намъ слышать въ интимной беседе "опытныхъ" матерей. Это въ среднемъ классе. Въ простонародіи стонать и охать при людяхъ (по окончании родовъ) надо, чтобы не сглазили, узнавъ, что роды легко дались».

ЗАЩИТИТЕЛЬНЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ (Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»)

«Если первый ребенок умирает вскоре после рождения, то считается, что и второй последует за ним. Чтобы предотвратить это, нужно как можно скорее совершить заклинание охраны. Это лежит на обязанности отца ребенка. Считают, что заклинание будет иметь гораздо большую силу, если отец ребенка сам произнесет его...

...Самым лучшим временем для "заклинания защиты ребенка" считаются первые три дня после новолуния. Заклинание совершают днем. Перед входом в шатер зажигают небольшой огонь и с обеих сторон его ставят много блюд с вареным или сушеным мясом. Исполнитель дает каждому из присутствующих по маленькому красному камню, вокруг которого, как ожерелье, обвязана полоска кожи. Затем он произносит заклинание:

"Ты не на этой Земле! Ты находишься внутри этого камня! Ветер не коснется тебя, и ледяная гора не раздавит тебя, так как разобьется о края камня. Ты находишься не на берегу. В открытом океане

живет большой морской зверь. Он был рожден вместе с Землей и Вселенной. Это — морской лев. Его спина словно остров, она покрыта землей и камнями, и ты находишься на его спине!"

Во время произнесения заклинания на шею ребенку надевают кожаное ожерелье. Исполнитель берет ребенка на руки и три раза обходит вокруг блюд с мясом, переступая через них взад и вперед, стараясь наступить на свои же следы, чтобы сделать их более отчетливыми и глубокими. Затем мясом, взятым из блюд, кормят огонь и главные «направления». Оставшееся мясо съедают присутствующие. Потом протыкают мочки в ушах ребенка и вставляют серьги. Каждая серьга сделана из трех маленьких цветных бусин. К одежде ребенка пришивают несколько дополнительных фигурок, сделанных из кожи. Затем меняют имя ребенку».

24 декабря. Лаврентия

Дорогой Борис Исаакович!

Я нахожусь в Лаврентия и, по-видимому, уже никуда отсюда не двинусь. Условия жизни — почти европейские. Если бы еще грели батареи...

Холод в квартире загнал меня в одну из комнат, где я обитаю в обнимку с обогревателем. Есть теплая вода, но иногда что-то случается, и она становится горячей. То ли кочегары просыпаются и подбрасывают угля, то ли они, напротив, засыпают и не следят за приборами, которые зашкаливают. Объяснить трудно, потому что циклы погорячения происходят спонтанно, или, как сейчас принято говорить, непредсказуемо. Еще одна особенность лаврентьевской воды в том, что холодная и горячая — совершенно одинаковая по химическому составу, цвету, запаху и вкусу. То ли горячая доведена до качества холодной, считающейся питьевой, то ли, наоборот, качество холодной понижено до уровня горячей. Во всяком случае, в чайник я набираю горячую воду, чтобы она скорее закипала.

Есть у меня и телевизор, но в Лаврентия показывает только один канал. Иногда смотрю новости. Вовсю идет война в Чечне. Здесь на эту тему не говорят. Кавказ настолько далек, что кажется, будто эта беда происходит не с нами и не у нас. Вот сообщили об очередных боевых вылетах. Сто самолетов ракетами и бомбами утюжат землю, а здесь глава района, стоя на коленях, выпрашивает один борт, чтобы завезти в голодающие поселки продукты, а оттуда вывезти больного. И не видно конца этой войне. Гибнут наши, гибнут чеченцы, которых мы тоже считаем «нашими». Четыреста лет Россия ведет войну с чеченцами. Что нам от них нужно? Территория, которую мы считаем своей и так любим,

что жить без нее не можем? Но здесь, на Чукотке, столько этих территорий — брошенных, оставленных, списанных со счетов! Да если бы вложить в освоение этих безжизненных пространств те деньги, которые мы тратим, чтобы обезжизнить крохотную Чечню, тут был бы рай. Порядок наш хотим на Кавказе установить? Но мы у себя навести порядок не можем, а если наведем, то такой, что сами потом стонем. Действительно, остается воевать с нами или не обращать на нас внимания. Только как не обращать внимание на то, что «растянулось от Берингова пролива до Одера», и уж тем более как с этим воевать?

Сегодня открыл для себя еще одну неведомую и печальную страницу, перекликающуюся с тем, что происходит сейчас на Северном Кавказе...

Пересылаю очерк об исчезнувшем эскимосском городе.

ОТКРЫТАЯ КНИГА О ЗАКРЫТОМ ГОРОДЕ

Считается, что самый крайний населенный пункт Евразии — Уэлен. Но мало кто знает, что еще недавно честь называться самым восточным поселком континента принадлежала эскимосскому Наукану. Это поселение издревна располагалось на мысе Семена Дежнёва. В топонимическом словаре В.В.Леонтьева и К.А.Новиковой сообщается, что Наукан «был одним из самых древних и многолюдных на побережье». Еще сказано, что «в 1958 году науканцы переселились в чукотский поселок Нунямо».

В действительности науканцы не «переселились». Их выселили. Насильно. Бесцеремонно. В приказном порядке. А на месте тысячелетнего поселка осталось лишь пепелище, на которое изредка, преодолевая мыслимые и немыслимые преграды, приезжают рассеянные по Чукотке науканские эскимосы. И, подобно иудеям, оплакивающим свой Храм, смотрят они с отвесной скалы

вниз, с печалью и тоской оглядывают побережье, на котором еще недавно находилась их родина. Смотрят, вспоминают и плачут. Все меньше науканцев остается, и надежды на возвращение, кажется, уже растаяли...

На Чукотке больше ждешь чуда от природы, но здесь чудо творят и люди. И среди таковых — книга «Память о Наукане». Её написала учительница русского языка и литературы Валентина Григорьевна Леонова. Книгу издали в отделе образования, размножив листы, а затем аккуратно их сшив. Тираж — полсотни, и едва ли эту книгу увидят вне Чукотки. К тому же самиздат не имеет регистрационного номера. С формальной стороны — этой книги нет вовсе.

Валентина Леонова родилась в 1961 году в поселке Ну-нямо, куда переселили часть науканских эскимосов и среди них ее маму, бабушку и дедушку. Наукан отзывался в ней еще в материнском чреве, потому что боль и горечь не покидали переселенцев с тех пор, как они вынужденно оставили свой поселок. Эскимосская девочка росла в среде, которая с каждым годом таяла: одни покидали этот мир навсегда, другие растворялись в нем. Единственной возможностью сохранить память о Наукане оставалось, пока не поздно, расспросить родных, близких, знакомых, записать с их слов предания и легенды, песни и танцы, обычаи и традиции. Валентина решила по крохам собрать историю своего рода и через него — воссоздать историю Наукана. Родные, друзья и знакомые стали ей помогать. Не только науканцы. И, знакомясь с этой книгой, понимаешь: не «населенный пункт» исчез с политической карты. Уничтожена и стерта с лица Земли древняя цивилизация, растоптана самобытная культура, унижена душа мужественного и трудолюбивого народа.

«Наукан — древнейшее поселение эскимосов. Возраст его — несколько тысяч лет. Здесь переплелись древнеберингоморская, оквинская и пунукская культуры. Поселение удачно располагалось на трех возвышенностях, разде-

ленных оврагами и горными речками. Здесь более трехсот лет назад, потерпев крушение, высадился Семен Дежнёв, которому на сопке, рядом с Науканом, сооружен памятник.

С Наукана виден берег Аляски (чуть больше восьмидесяти километров) и мыс Принца Уэльского.

С конца XIX века здесь существовало 62 яранги, 21 деревянный дом и 14 землянок. До переселения в Нунямо в Наукане проживали около четырехсот человек. В селении насчитывалось тринадцать родов...»

Впечатление, будто писали книгу все науканцы — живые и ушедшие. Валентине надо было лишь собрать их мысли, воспоминания, запечатлеть уходящие образы. Но это самое «лишь» часто оказывается главным. Именно его-то и не хватает. Ведь на то, что кажется незначительным, не находится ни времени, ни сил. Если же найдется среди нас тот, кто отнесется к этому «лишь» как к чему-то важному, вложит в него душу — получится такое, что не даст исчезнуть нам всем.

Вот воспоминания старейшей из ныне живущих науканских эскимосок — бабушки Етн'эун из рода Ситкунагмит («*Что танцевали, сидя с перьями на голове*»). Она не помнит дату своего рождения, знает только, что ей восемьдесят пять.

«...Мы всегда много работали. Весной начиналась самая настоящая охотничья страда. Несколько вельботов и байдар выходили в море на охоту. Нас — молодежь и подростков — поднимали спозаранку. Попив чай, мы спускались к кромке. Оттуда волоком перетаскивали добытое мясо на берег, взвешивали его... В Наукане, на склоне горы, было место с глубоким снегом. Там старики выкапывали ямы, примерно три метра глубиной. Мы складывали в эти ямы моржовую кожу с жиром и возвращались к кромке за мясом. Эту работу мы выполняли по несколько суток подряд, так как охотники беспрестанно выгружали все новые и

новые туши морского зверя. Сами охотники мало ели и почти не спали, отчего у них слезились глаза. Но нельзя было упустить благоприятную для охоты погоду и сезонное прохождение мор-
жей с юга на север...»

Наукан находился в живописном месте, у самой горловины Берингова пролива. В книге Валентины Леоновой приводится подробный план селения. Отмечены каждая яранга, каждый дом, расписано, какому роду они принадлежали, указаны даже места стоянки вельботов и имена их владельцев. Помечено, где находились спортивные сооружения. На западном возвышении под номером «один» отмечена школа.

Елизавета Алихановна Добриева, родившаяся в Наукане в 1942 году, вспоминает: «Первые русские учителя давали уроки в большой яранге. Занимались дети как им было удобно: кто лежал на животе, кто сидел на корточках. Позднее построили деревянную школу».

Елизавета Алихановна несколько раз возвращалась к месту расположения Наукана. У эскимосов есть любопытный обычай: если долго не был на родине, то, вернувшись, надо обязательно лечь на землю и совершить три кувырка. Иначе родина не примет. Поэтому даже старики первым делом совершают кувырки. Теперь на месте Наукана остались лишь следы от каменных кладок да ребра гренландского кита, на которые зимой вешали вельботы... Елизавета Алихановна вспоминает, что покидавшие Наукан еще долго кружили у берега, не решаясь отплыть, и даже старики плакали. Она говорит: «Как хорошо, что мой дед и брат умерли к тому времени». А в газетах тогда писали, что науканцы высокомерны, ставят себя выше других, не хотят охотиться, в колхозе работать не могут и вообще отказываются жить в Нунямо вместе с чукчами.

Особенность небольшого оседлого народа состоит в том, что он неотделим от местности, на которой испокон веку живет, к которой приспособился и за которую держится всем существом. Оторвать науканцев от своего берега и переселить в другое место, пусть в соседнее, — значит разорвать их связь с природой, а по сути — уничтожить. Если с молоком матери эскимос впитал образ жизни охотника, причем именно там, где он родился и где жили его предки, то приспособиться к иной жизни, к другой местности он не сможет. Несмотря на внешнюю схожесть, на кажущееся однообразие уклада, северные народы очень разные. Конечно, тундра соединяет и выравнивает многое в их жизни, но она же и разделяет, делает народы непохожими, отличными друг от друга. Функции каждого рода, семьи и даже отдельного жителя северного поселка — уникальны и незаменимы. Каждый — носитель особых традиций, родовых тайн и присущих только ему навыков, будь то охота, рыболовство, окарауливание оленей или ведение домашнего хозяйства. Так, все наши хозяйки варят борщ, рассольник, гороховый суп, жарят котлеты и пекут пирожки. Но у каждой эти блюда неповторимы и непохожи. Да что там! Даже жареная картошка получается у всех разная. Только полуфабрикат, купленный в универсаме и приготовленный в микроволновой печи, дает одинаковый вкус и потому не почитаем гурманами. Что же говорить о жизни на Севере, где всякий труд — ручной?

В каждом деле, охота ли это на морского зверя или приготовление пищи, пошив одежды или разделка туши, присутствует нечто исконно своё. Так же отличны селения одно от другого и тем более народы, живущие, кажется, рядом. Даже если язык один, могут быть разные понятия об одном и том же слове, разные представления о поступках, о событиях, и в том, в чем одни признают норму, другие увидят нечто из ряда вон выходящее. И упаси Господь навязывать свое, вмешиваться, осуждать и учить.

Взять хотя бы воспоминания Анкауна, охотника, родившегося в Наукане в 1937 году.

«Нам запрещали спать с вытянутыми ногами. Мама или бабушка ударяли по ногам, чтобы я их согнул. Говорили: "Так надо, чтобы не растянуть сухожилия".

В Наукане добывали крабов. Для этого изготавливали специальное *аг'нелгыт* (*удилище*), которое представляло собой камень, обвязанный веревками, с наживкой из хвостиков сайки и кусочков рыбы. Делали по 10-15 лунок, в них опускали *аг'нелгыт*, потихоньку дергали и осторожно вытаскивали. Краб обхватывал камень клешнями, иногда срывался. Тогда рыбак руками подхватывал добычу...

Многие охотники сдавали нерпичий жир в магазин, взамен получали деньги или продукты. Чтобы получить жир, нерпу не обязательно разделывать. Существует и такой способ: нерпу обезглавливали, подвешивали за лапы, затем отбивали ее, не снимая шкуру, до тех пор, пока весь жир не стечет в подставленный сосуд...»

Жестоко обходились с нерпой. Было бы гораздо гуманнее поразить ее током, а затем чтобы интеллигентный мясник в белоснежном фартуке эту нерпу аккуратно разделал. Только не у нас на глазах и не при нашем участии. (Не подобным ли образом обращался с лисицей один просвещенный смешной барон? Только ему нужна была шкура, а не жир.)

А ноги? Как не вытянуть их? Но так учили науканских мальчиков, потому что ноги их — вовсе не те розовенькие и пухленькие ножки, которыми детки ступают по травке. Ноги — главное в жизни охотника. Это достояние семьи, рода, всего племени. Но могу ли я представить, чтобы бабушка ударяла меня по ногам, которые я вытягивал, растворившись в пуховой перине? Поверьте, для бабушки не было большего наказания, чем потре-

воженный сон её внука. Не говоря о том, чтобы меня ударили... Да у бабушки моей сердце разорвалось бы на части!

Дед Елизаветы Алихановны родился еще в прошлом веке. Он оказался третьим мальчиком в семье. Иметь двоих сыновей было великим счастьем. Но рождение третьего сына было событием, влияющим на расстановку сил в поселке... Отец радовался недолго. Он надел новые нерпичьи штаны, кухлянку и пошел к друзьям отмечать рождение мальчика. По дороге в него стреляли. Услышав крик, жена схватила ружье и поспешила на выручку. Кыльтын (прабабка Елизаветы Алихановны) увидела напавшего на ее мужа и пыталась его застрелить, но оружие дало осечку. Вот как! Рождение третьего сына могло стать причиной расправы над главой семейства. Прямо как на Сицилии, а то и суровее. Оставшись одна, Кыльтын воспитывала сыновей. Довольно сурово. Под стать среде, в которой они жили. Посадит их вокруг деревянного блюда (кайук'ак') и каждому даст по куску мерзлого мяса: оленины, китятины или моржатины. Старшему — большой кусище, среднему — поменьше, а младшему — небольшой: «Грызите!» И они грызли...

Если бы эту трапезу увидели наши миссионеры, они бы ужаснулись и, вернувшись в Европу, написали бы нечто ошеломляющее. Это, в свою очередь, сподвигло бы сердобольных граждан отправиться на помощь эскимосским детям, прихватив конфеты.

Науканских детей выселение не тревожило. Им было даже интересно: куда это взрослые так спешно собираются и к тому же берут их с собой? Они не обращали внимание на слезы стариков, на потухшие глаза родителей, им виделось лишь новое путешествие, которому дети всегда рады. Много позже они поймут, что их лучшее время закончилось, что детство осталось там, в Наукане. Тогда они будут восстанавливать память, вести записи, дневники, и каждое упоминание о родном поселке будет греть им душу. Так Галина Иргуляновна Иргулян вспоминает:

«Наша мама, видимо в воспитательных целях, рассказывала, что у человека, страдающего kleptomанией, появляется незримый руководитель — Тыгиса. Он управляет человеком, будит его среди ночи: *"Просыпайся, вставай, иди воровать!"* Даже если человек не хочет, по указанию Тыгисы он встает и идет красть. У него появляется зуд к воровству. Про таких говорят: *"тыгисанук"*. Чтобы этого не случилось, нас учили: *"Не пейте воду тайком: появится тяга к питью. Не ешьте в одиночку: появятся дурные привычки. Только вместе можно садиться за еду"*.

У меня и моих сверстников были мелкие игрушки — *югаг'ат*: камешки, стекляшки, костяные птички, собачки. Во время переезда все осталось в Наукане...»

В 1994 году умерла Изабелла Васильевна Автонова, учительница по трудовому обучению лоринской средней школы. Она также вела записи о Наукане.

«Культура науканцев была с особым национальным колоритом. Существовало много праздников, обрядов, игр. Например, праздники кита — *"Полъа"* или *"Первая нерпа мальчика"*. Часто проводились разнообразные игры и состязания, в том числе с эскимосским мячом. Но праздники и игры имели своё время. Законы жизни строго соблюдались.

Народ был выносливый, мужественный. Работали без отпуска и выходных. Особенно трудились в короткое летнее время. Все, кроме грудных детей. Даже старики не сидели без дела. Они мастерили ремни из лахтачьей шкуры, наблюдали за погодой на море, натягивали шкуры нерп, лахтаков и моржей на специальные деревянные сушилки. Старушки нянчили внуков, заготавливали растения на зиму, изготавливали прочные нити из оленьих жил, шили одежду, выделывали шкуры...»

О том, что швейное мастерство науканцев было на высоте, свидетельствуют работы Маргариты Сергеевны Глухих, знаменитой рукодельницы, чье имя можно отыскать в энциклопедии, посвященной народам России. Она побывала в Канаде, Дании, Норвегии, Гренландии... Аляска — не в счет. И повсюду ее работы признавались лучшими. Маргарита Сергеевна считает, что жизнь в других странах по сравнению с Чукоткой настоящий рай: у каждого машина, катер, а дома какие! Говорит, нигде так плохо не живут, как на Чукотке. Но с декоративно-прикладным искусством там хуже. Изделия из кости или камня еще куда ни шло, а по выделке меха и шитью им до чукотских мастеров далеко.

Маргарита Сергеевна могла бы стать в Канаде или на той же Аляске миллионершей и жить припеваючи, потому что владеет тайнами мастерства, за которое готовы платить огромные деньги. Но Маргарита Сергеевна больше десяти дней в чужих странах не выдерживает. Возвращается из зарубежного рая как с каторги и уже дома, рядом с детьми и внуками, чувствует себя как в раю. Почему же, спрашиваю, мы так устроены, что у нас, в России, и плохо, и холодно, и голодно, а за границей — хорошо, сытно, тепло, и мы это признаем, с этим соглашаемся, но жить там не можем? «Не знаю», — отвечает и смеется. И я не знаю...

Так вот, Маргарита Сергеевна считает действия властей, насильно выселивших науканцев, — «самым большим преступлением». А сам Наукан называет не селом, не поселком, а уютным и красивым городом. Глаза науканской эскимоски загораются, она улыбается, голос становится нежным, лишь только заходит разговор о Наукане. В Лаврентия осталось не больше пятидесяти науканцев. Они часто собираются в Доме культуры, где уже двадцать пять лет существует клуб «*Emtu!*», с эскимосского — «Здравствуй!».

Как и все эскимоски, Маргарита Сергеевна — невысокая, коренастая, очень приветлива, притягательна и невероятно энергична. Вокруг нее всегда люди, с которыми Маргарита Сергеевна

проводит занятия, сборы, репетиции, к ней идут старики, молодежь, дети. Она вспоминает, что в Наукане двери всегда выходили на восток, и дети спрашивали у старших: «Почему дома поставлены так, что в дверь постоянно дует ветер?» И старшие отвечали: «Потому что с этой стороны восходит солнце». По утрам, в хорошую погоду, науканские дети поднимались на скалу. Они видели перед собой пролив, остров Ратманова и берег Аляски, но главное — они встречали солнце. Первыми на Земле!

В Наукане были в почете физкультура и спорт. Этого требовали условия. Поселок располагался на берегу самой узкой части Берингова пролива, и, чтобы преодолевать быстрое течение, охотники должны были обладать недюжинной физической силой. Не только мужчины, но и женщины и девочки занимались бегом, прыжками в высоту, борьбой и стрельбой. Это нужно было уметь не хуже, чем шить или готовить. Неподалеку от Наукана в скале был приспособлен грот для занятий спортом. Старшие учили молодых толкать тяжести, метать камни из пращи, стрелять из рогатки, жонглировать. Играли и в эскимосский хоккей. Формировались две команды. У игроков имелись клюшки из оленьих рогов (*уфсутак*). Вместо шайбы — костяной шар. Уфсутаком гнали шар в сторону соперника и забивали его в некое подобие ворот. В Наукане были настоящие виртуозы этой игры. Я спрашивал, когда возник такой хоккей, но на этот вопрос никто ответить не смог. Может, пятьсот лет назад, может, тысячу, может, две. Тогда еще и Канады не было... Кроме этого, молодых обучали плавать и ходить в тумане и темноте, вести календарь, определять местонахождение по солнцу, а если не было солнца, учили ориентироваться без него. Умели науканцы предсказывать погоду. Этому учили особенно, и даже теперь науканская эскимоска может не хуже метеоцентра определять погоду.

Вернусь к книге о Наукане, к этому печальному и доброму повествованию о дорогих, близких людях и прежде всего о матери Валентины Леоновой — Ирине Андреевне (Эн'эрын),

учительнице, хранительнице эскимосской культуры. Она умерла в 1988 году, когда дочери было 27 лет.

«...Когда в детстве у меня болела голова, я брала мамину руку и прикладывала ко лбу. Удивительно, но боль проходила! У нее была легкая рука. За что ни возьмется — приготовление различных блюд, выделка и обработка шкур, шитье — все выходило на славу. С малых лет, как и каждого в Наукане, её приучали к труду. Это воспитание происходило само собой, потому что без помощи детей взрослые не обходились. Подростки становились добытчиками, охотились на мелкую дичь, рыбачили, вместе со старшими выходили в море и обучались искусству охоты.

У девочек были свои обязанности: приготовление пищи, обеспечение водой или льдом, шитье, уход за младшими братьями и сестрами, сбор растений, ягод. Некоторые девочки росли сильными, как моя мама. Эн'эрын таскала тяжелые кожаные мешки с мясом — с берега по крутому склону вверх, в село».

Нет, эта книга даже не о матери. О матери написать невозможно. В этом и состояла главная дилемма: как написать книгу о любимом, дорогом человеке? Ведь слов не найдешь, а те, что выводишь рукой, — кажутся недостаточными. Валентина — молчаливая, редко вступающая в разговор и оттого кажущаяся замкнутой — сотворила чудо: написала книгу для матери. И это лучшее, что она могла сделать в память об Эн'эрын.

Я спросил, отчего в книге нет гнева и даже упрека к тем, кто уничтожил ее родину?

Валентина тихо ответила: «Гнев и упрек предполагают борьбу и противостояние. Но кто с кем будет бороться и кому противостоять?»

А ведь, казалось, спустя сорок лет можно высказаться об этом зле и, пусть вдогонку, назвать виновных в произволе. Но

Валентина считает, что этим уже ничего не добьешься, а наука — не вернешь.

Действительно, книга, лишённая гнева, пусть и праведного, только выигрывает. Валентина надеется передать потомкам не гнев и ненависть, а любовь и память. Они будут понятны и близки. К тому же восстанавливать справедливость, если уж об этом речь, необходимо нам, русским, народу, ответственному за все, что сотворено нами (или от нашего имени) на огромном пространстве, именуемом Россией.

О том, сколь далеки мы от этого, сколь неподъёмен для нас груз покаяния, можно судить, просмотрев очередной выпуск теле новостей...

Итак, жили люди. Трудились, отмечали праздники, влюблялись, женились, рожали детей, растили их... Все это происходило в продолжение тысячелетий, на исконно своей земле, без посягательств на земли чужие, без угрозы нарушить миропорядок, находясь к тому же в стороне от этого самого мира.

Затем к ним пришла цивилизация. Сначала американская, потом российская, которую вскоре сменила советская. Прибывшие были немало шокированы увиденным. Началась работа по «улучшению жизни» и прежде всего борьба с шаманами. Ритуальные принадлежности и реликвии, передаваемые из поколения в поколение, были сожжены, а сами шаманы уничтожены. Вместо них заботу о духовном воспитании эскимосов взяла на себя наша интеллигенция, которая день и ночь внедряла свой образ жизни и свои представления о мироздании. Прodelывали это с тем неистовством, старанием и энтузиазмом, которые были свойственны поколению идеалистов и мечтателей и о которых была сложена не одна песня. В эскимосах, как, впрочем, и в чукчах, видели не равных себе людей, а некую биосистему, не самостоятельный народ, проживший в прибрежной тундре несколько тысячелетий, а необразованный, грязный и некультурный сброд, живущий не так, как следует жить при социализме.

Новая власть, преследуя шаманов, представляла их ворами и жуликами. Но шаманы были самыми почитаемыми, уважаемыми и мудрыми в тундре. Они предсказывали погоду, знали, будет ли штормить море, предупреждали о приближении пурги, сообщали, с какой стороны ждать ветра. Они лечили, и зачастую только их вмешательство спасало жизнь. Шаманство было важнейшей составной частью образа жизни и быта северных народов. Именно поэтому шаманов вылавливали, заключали в тюрьмы, топили. На мысе Верховского, на пограничной заставе, их расстреливали, а трупы даже не подбирали, и их смывало в море.

Быть может, не такая уж большая разница между тем, что происходило в далеком Наукане, и тем, что творилось в тверских, пензенских и нижегородских селах. И там старожилы могут рассказать такое, что волосы встанут дыбом. Различие в том, что в тундре жизненный уклад никогда не менялся. Он оставался первобытным. Этот быт можно с легкостью разложить и уничтожить, но изменить, приспособить под себя, подчинить своим представлениям — нельзя. Уклад народов Севера — неменяем, и понимание этой истины было бы величайшим актом гуманизма по отношению к маленьким и мужественным народам, населяющим тундру.

Вот документ, который не представлен в книге о Наукане. Среди множества оттенков на лукавом лице совдепии — есть и такой.

СЛУШАЛИ ВОПРОС: О ликвидации Науканского сельского Совета депутатов трудящихся Чукотского района.

РЕШЕНИЕ N 165
Принято 20 ноября 1958 г.

В связи с объединением колхозов «Ленинский путь» и «Красная заря» в один укрупненный колхоз «Ленинский путь» с центральной усадьбой в с.Нунямо, произошло переселение жи-

телей из с.Наукан в с.Нунымо, в результате чего в Науканском сельсовете в настоящее время осталось лишь 5 человек жителей.

Исполнительный комитет Чукотского районного Совета депутатов трудящихся

Р Е Ш И Л:

1. Упразднить Науканский сельский Совет в связи с выездом населения из с.Наукан в с.Нунымо.

2. Территорию Науканского сельского Совета присоединить к административной территории Уэленского сельского Совета.

3. Просить Чукотский окрисполком утвердить настоящее решение.

Прочтите внимательнее. Что ни слово — подлый и циничный обман. Что ни фраза — наш российский позор и наша вина. Сначала (еще в 1954 году) было распоряжение, скорее всего секретное, о том, что надо людей отсюда убрать, что нехорошо им жить здесь, в стратегически важном месте, на виду у американцев, в то время как усиливается противостояние двух сверхдержав. Не эскимосы, а ракеты должны находиться здесь и целиться на проклятый Запад, через Восток. Вот в чем дело! А науканцам, этим необразованным и некультурным существам, надо объяснить, что поселок их расположен в сейсмически опасном месте, что скалы, у подножия которых находится Наукан, вот-вот упадут; что сопки, которые высятся над поселком, вскоре начнут извергаться, и тогда произойдет то же, что и с Помпеями... Приезжали ученые-агитаторы и с пеной у рта доказывали науканцам, что жить здесь нельзя. Указывая на гору Ингегрук, на которой установлен бюст Семену Дежнёву, говорили про трещины и разломы, из-за которых поселок не сегодня-завтра смочет в море. И люди, щедушные, наивные, но далеко не глупые, слушали этот вздор, прекрасно понимая, в чем дело. Затем им долго и нудно растолковывали про «укрупнение», про реформирование и непременно улучшение — словом, несли бред, в который и сами

не верили. Наконец, была дана команда срочно очистить территорию.

Уезжали семьями, но не все сразу. Вельботов не хватало. Каждый род мог выбирать, куда ехать: в Уэлен, в Лаврентия или в Инчоун. Начальство стремилось всех переселить в Нунямо. Но в этом поселке испокон веков жили чукчи, и там переселенцам предоставлялась лишь вспомогательная работа, к их прежней жизни отношения не имеющая. А что значит для охотника — стать кочегаром или мусорщиком? Впрочем, уже и самого Нунямо давно нет...

И вот, когда всех выселили и по оставленному поселку загулял холодный осенний ветер, загоняя волны на пустынный берег, «подоспело» постановление Совета депутатов трудящихся с мертвецки казенным «СЛУШАЛИ... ПОСТАНОВИЛИ...». Мол, что же нам, депутатам, делать, если люди снялись с мест, сели в лодки и отплыли в «Ленинский путь»? Как быть, если в Наукане остались всего «5 человек жителей»? Только и остается его упразднить своим авторитетным решением. Председатель колхоза Е.Ф.Зеленская была награждена орденом Ленина. Кто после этого скажет, что ордена давались напрасно?

И я не иронизирую. Что мы знаем о том времени? Ведь не председатель самого крайнего на свете колхоза вершил дела. Быть может, если бы не Зеленская, переселенцы из Наукана и вообще погибли. Кто сейчас разберет?

...Елизавета Алихановна Добриева рассказывает, что ее тетька была шаманкой и повитухой, и будто она помнит тетин голос с самого рождения. Приняв роды, тетька положила только что родившуюся девочку в мешок из шкур, стала ее качать и напевать нежную и грустную песню.

Когда Елизавета подросла, она услышала эту песню и тотчас узнала голос тети. Это была старинная песня, слова и мелодию которой передают из поколения в поколение и которую знает каждый науканский эскимос. Это гимн Наукана — неумираю-

щая гармония, соединяющая людей, по злой воле лишившихся родины. Вот парадокс: крохотного селения давно нет, а гимн его живет, и есть огромная, на полмира растянувшаяся держава — но имеет ли она свой гимн?

Мне так захотелось услышать эту песню, что я попросил Елизавету Алихановну и Валентину спеть. Они посмотрели друг на друга, как бы договариваясь, а затем тихо, в унисон, запели...

Нани тук атуг'лаку?

Мани ка Нувуками!

Аия-йя-аа-на,

Аия-йя-аа-на-ия...

Инг'эг'рум кайнани ысхакахнут

Масах'мук нуг'ылг'э нутан куянаха!

Аия-йя-аа-на,

Аия-йя-аа-на-ия...

Где же мне петь эту песню?

Здесь, в Наукане!

Аия-йя-аа-на,

Аия-йя-аа-на-ия...

На вершине горы Ингегрук,

Там, где начинается Земля,

Там, где люди встречают Солнце!

Аия-йя-аа-на,

Аия-йя-аа-на-ия...

* * *

В 1996 году учащиеся лаврентьевской средней школы — Ю.Платов, В.Григоренко и Д.Малевский — составили проект возрождения Наукана. В нем предлагается строительство нового города с жилыми домами, детским садом, школой, больницей. В Новом Наукане предполагается открыть производство по

переработке морского зверя, фабрику по пошиву меховой одежды, жиротопный цех и косторезную мастерскую. В Наукане должны быть открыты магазины, почта, радио и телеузел — словом, все необходимое для полноценной жизни. Авторы разработали детальный проект, просчитали количество средств, подробно изложили идею коммунального обеспечения, спроектировали дорогу до Уэлена и рассчитали затраты на её строительство. Они предлагают планы и расчеты по использованию дежневских горячих источников. В проекте утверждается: «При наличии дороги в Уэлен источники могут служить оздоровлению населения. Впоследствии источники станут туристической базой, где будут принимать отечественных и зарубежных туристов. Там же можно создать теплицы для выращивания овощей». И ещё много в проекте написано такого, при чтении чего вспоминается лозунг студентов Сорбонны бурных шестидесятых: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!»

С того времени как ученики написали проект, прошло четыре года. Увы, документ находится не в институте развития Чукотки, не в плановом отделе окружной администрации, а в методическом кабинете отдела образования, рядом со школой, из стен которой вышел. Дай Бог этому проекту оказаться хотя бы в местном краеведческом музее.

Из книги Гартвига «Природа и человек на Крайнем Севере», М., 1866 г.:

«...Охота на моржей страшно опасна, когда зима своими холодами, мраком и бурями завладеет всею. Въ это время года, чтобы спасти отъ голода всю общину, два Эскимоса — Аваклокъ и Мынукъ — решились отыскивать моржей на открытомъ льду. Они знали опасность, но лучше

они хотели подвергнуться ей, чемъ пожертвовать собаками, и оба Эскимоса въ высшей степени обладали стоическимъ фатализмомъ дикарей.

Эскимосамъ удалось убить большаго зверя, какъ вдругъ северный ветеръ погналъ ледъ. Первымъ порывомъ европейцевъ было бы броситься къ твердой земле — но знали Эскимосы, что пловучіе льды всего опаснее около береговъ, и потому они бросились съ своіми собаками на ближайшую ледяную гору. Это было въ декабре, подь ущербъ луны (*убыль, состояніе и пора [две недели], отъ полнолунія до новолунія — В.Даль*), и буря покрывала все глубокимъ мракомъ. Эскимосы привязали своіхъ собакъ къ ледянымъ остриямъ, а сами легли на ледъ, чтобы не смело ихъ ветромъ. Сначала морской прибой обливалъ ихъ, но они всползли на более высокую поверхность и построили себе родъ загородокъ изо льда. На пятую ночь, по ихъ счету, Мынукъ отморозилъ ногу, а Аваклокъ потерялъ большій палецъ на ноге. Но не потеряли они бодрости и питались моржемъ, между темъ льдина медленно неслась къ югу. Подь ущербъ второй луны, пробывъ на льдине целый месяцъ и проживъ такъ, какъ только железные люди прожить могутъ, наконецъ выбросило ледяную гору на берегъ.

Охотники возвратились въ свою деревню, где ихъ встретили, какъ будто вставшихъ изъ гроба, но где имъ пришлось еще разъ испытать нужду и голодъ...»

Постановление общего собрания жителей с.Наукан
о подписке на Третий государственный заем
индустриализации страны и протесте
против провокаций китайской военщины на КВЖД

29 августа 1929 г.

а) Общее собрание граждан с.Наукан одобряет взятую Советской властью и Коммунистической партией линию на выпуск Третьего государственного займа индустриализации.

б) Против провокаций на КВЖД китайских властей мы, граждане с.Наукан, тоже выносим протест.

в) И в ответ проводим подписку на Третий заем индустриализации всем с.Наукан с таким расчетом, чтобы каждая яранга подписалась не меньше как на 25 руб., а больше — кто желает.

г) Провести подписку на заем сразу после собрания.

Председатель АКРАХТАК
Секретарь РУЛЬТЕН

ЫТВЫТКОГЫРГЫН ЫКЫНИН

20 майтагнэпы 3 июнтагнэты гыниин'ытыле Ыкы-
никганмыленат 14 ыркыт. 61 унэлти, 54 мэмылтэ. Комсо-
мол бригада ынкам бригада т.Омрыгыргынэн ам — 5 ыркы-
кытэ ганмыленат. Ымылэ 4 тылчыт нымэлэв ымыгчирэт-
кинэт. Мылынкав бригада нытвылеткинэт тыленэн'этэ сама
тева.

ТЕГРЕЛЬКУТ,
«Советский Уэлен». 20 июня, 1945 г.

25 декабря. Лаврентия

Дорогая Валентина Федоровна!

В предыдущем письме я упоминал об учительнице из лаврентьевской школы, которая несколько лет назад, ещё будучи школьницей, едва не замерзла в тундре. Мы с ней сегодня встречались. Её зовут Светлана Михайловна, она чукчанка, невысокая, коротко пострижена и, мне показалось, немного кудрявая. Стоило затронуть ту давнюю историю, как она заволновалась, хриплый голос стал тихим, и мне приходилось постоянно переспрашивать. Она удивилась моему вниманию, но еще больше ее смутила моя осведомленность. По всему видно, что происшествие обошлось ей дорого, и возвращаться к нему Светлане Михайловне не хотелось. Какое-то время она молчала, решая, продолжать ли разговор. Потом все же решилась.

Если помните, в Инчоуне есть начальная школа. Проучившись в ней четыре года, ученики затем переводятся в Уэлен, где и доучиваются. Живут они в пришкольном интернате, а на каникулы родители стараются забрать их домой. Но дети здесь отважные, мороза не боятся и иногда решаются на самостоятельные «путешествия» к своему дому.

Однажды, под Новый год, Светлана, её одноклассники Андрей и Надя, младший брат Нади Славик, а также старшеклассники Олег и Иван отправились в Инчоун. Это в тридцати пяти километрах от Уэлена, на побережье Чукотского моря. Там живут в основном охотники на морского зверя, а это значит, что инчоунские дети закаленные и выносливые. Они сызмальства помогают старшим, учатся опасному охотничьему промыслу, и то, что шестеро учеников пошли пешком, не такая уж особенность. Тем более, по словам Светланы, погода была солнечная.

Вышли в обед, но когда прошли половину пути, погода испортилась. Замело. Идти пришлось медленно. К тому же вскоре стемнело. Олег с Андреем отправились за помощью. Остальные потихоньку пошли следом. Впереди шел Ваня: он был постарше. Возможно, надо было оставаться на месте и, экономя силы, ожидать помощи. Но, опять-таки но...

Только в Лаврентия я увидел настоящую тундру. В Билибино — лесотундра. Там есть деревца, кусты, крутые склоны и овражки, где можно если не спрятаться, то укрыться. Здесь же на сотни километров ни деревца, ни даже кустика. Лишь голые заснеженные сопки, по которым беспрепятственно гуляет ветер да голодные волки. Говорят, когда пурга, дальше десяти шагов не видно. Это днем. А ночью и без пурги ничего не видать. Дети тундры — не мы с Вами, но, застигнутые пургой, они растерялись и попросту заблудились. Тогда решили возвратиться к тому месту, где их покинули ребята, ушедшие за помощью. Логично. Вот только вернуться на прежнее место им не удалось. Они едва различали друг друга. Растратив силы и поняв, что окончательно заблудились, дети решили окапываться и ждать помощи...

Светлана говорила все медленнее, ее голос становился все глуше. Глядя на ее напряженное лицо, я чувствовал, что она с болью воспроизводит в памяти ужасную картину. Судя по всему, давно никто не тревожил ее память. Светлана тяжело вздыхает, но продолжает рассказ.

...Школьники решили окопаться, что было единственно верным решением. Надо ждать помощи, улучшения погоды, но главное — экономить силы. Меньше движений, суеты и паники — так учили старшие. Дети разгребли в снегу яму. Света, Надя и Славик легли в ряд, а Ваня — поперек, закрывая собой их головы от ветра. Поначалу дремали, но в конце концов заснули...

Когда Светлана открыла глаза, то первое, что увидела, — «свет из-под снега». Она попыталась подняться, но не хватило сил. Тогда она стала звать остальных. Отозвался только Слава. Светлана силилась встать, но одежда превратилась в ледяной

панцирь. Если бы на детях были кухлянки, им бы холод не грозил, но они были в обыкновенной зимней одежде, от которой в подобных ситуациях толку мало. Все же Светлана нашла силы встать. Она сразу же увидела лежавшую чуть в стороне подругу. Надя не шевелилась. Ваня так же неподвижно лежал в стороне. (Светлана до сих пор не поймет почему.) Она машинально потормошила Надю, но подруга была неподвижна. Светлана попробовала надеть на неё шапку, но шапка слетала с Надиной головы, словно отказываясь быть надетой. Тогда она подняла Славу. Вдвоем они решили идти за помощью, чтобы спасти Надю и Ивана. Все их движения были автоматическими, а намерения — результатом отчаяния. Это обрекало на верную гибель. Светлана помнит, как пыталась надеть Славе варежку, но варежка никак не надевалась и соскальзывала с его руки, как с Нади шапка. Он сказал: «Не надо! Я все равно не чувствую». Только тут Светлана заметила, что его рука превратилась в кусок льда. Но у нее самой руки и ноги почти не двигались. Все же кое-как побрели...

Им повезло необыкновенно: они вышли на участок дороги, который не замело. Но чукотские дороги — не совсем те, к каким мы привыкли. Здесь если за сутки проедет вездеход — и то хорошо. А так это пустынная, почти условная линия. Между Уэленом и Инчоуном какое может быть движение? Только серьезные обстоятельства заставят выехать из поселка зимой.

Дети были уверены, что их ищут. Несколько раз им мерещились вездеходы, огни поселка, доносились какие-то звуки, чудились знакомые голоса. Они бросались навстречу, но оказывалось, что это галлюцинации. И когда показался вездеход с учителями и директором школы, дети даже не отреагировали. Слава Богу, это был не мираж. Светлана и Слава, обессиленные, обмороженные, едва живые, просили своих спасателей ехать за Иваном и Надей. Но их повезли в Инчоун, до которого школьники не дошли всего три километра. Только потом учителя поехали искать оставшихся. Разумеется, без Светланы и Славы, которые

нуждались в срочной помощи. Ваню и Надю отыскиали лишь к ночи...

Светлана корит себя и втайне упрекает спасателей. Как настоящая северянка, она не считает свое спасение состоявшимся, если погибли товарищи. А взрослые, найдя едва державшихся на ногах школьников, прежде всего боролись за их жизни. Светлана понимает и это, но все же...

Подобное в районе случается. С тундрой шутки плохи. Самонадеянность жестоко наказывается. Так тундра учит остальных, и оттого смертельных исходов немного. Среди чукотских учителей и воспитателей тундра не на последнем месте, а для Светланы Михайловны — на первом.

* * *

Валентина Федоровна, продолжаю письмо.

У меня сегодня была еще одна встреча...

Стихиям противостоять хоть сложно, но можно, и в этом северные народы — впереди всех. Но как противостоять стихии под названием «человек»? Тут уж все одинаково бессильны.

Я здесь купил гравированный клык моржа. Вы не представляете, какая это красота! Вряд ли в Торжке у кого-нибудь такой имеется. Особенно ценно, что клык — из Уэлена, признанного центра косторезного искусства. Так вот, прежде чем любоваться гравировкой, я решил этот клык помыть: мало ли где он лежал и кто его трогал. И что же? Вся краска смылась! Откуда я мог знать, что раскрашивают гравировку обыкновенными карандашами?

Придя в неопишуемый транс, я стал искать помощи. Меня успокоили, заверив, что дело небезнадежно, и пообещали найти мастера, который бы вновь раскрасил этот клык. И сегодня ко мне пришла невысокая, слегка прихрамывающая чукчанка, при-

несла карандаши, специальный инструмент, завернутый в тряпочку, разложила все это на столике и принялась за работу. Я внимательно за нею наблюдал, тем более что чукчанка, раскрашивая клык, рассказывала, как все это делается.

Раскрашивание — последний этап в этом хрупком и нежном искусстве. Перед тем клык тщательно полируют, пока он не станет гладким, как зеркало. Это отдельная работа, которой занимается специальный мастер. Затем за дело берется гравер. Простым карандашом он рисует на клыке задуманный сюжет, после чего специальным резцом (*коготком*) выполняет гравировку. Это самая главная, самая продолжительная и наиболее сложная работа. И только потом идет раскраска. Сначала в микроскопические бороздки втирается черный карандаш. Им наводят контур. Невидимые до сих пор сопки, кусты, море, фигуры охотников и зверей обретают очертания. Затем обычными цветными карандашами, в соответствии с художественными представлениями и вкусами мастера, раскрашивается весь рисунок. Он даже не раскрашивается, а, скорее, «затирается». (Чукчанка говорила: *«Надо втереть краску»*.) Сначала «втирают» темные тона — холодное море, темные собаки, коричневые моржи или синий кит. Затем наносят цвета посветлее — яранги, олени, кухлянки, торбаса, камни. В самом конце наносят светлые тона: солнце, его лучи и розовые отблески на вершинах сопки. После «затирки» по клыку несколько раз проводят влажной тряпочкой, смывая лишнюю краску.

Чем филиграннее техника мастера, тем мельче канавки и тоньше контуры. В этом случае гравировка окажется ненавязчивой, неброской, даже немного бледной, в чем особенный изыск. Заимев такой шедевр, уже ни за что с ним не расстанешься. К нему привыкаешь. Нежные тона гравировки успокаивают: начинаешь рассматривать простенькие сюжеты, а сам невольно останавливаешься, затихаешь, забываешь, что куда-то бежал или спешил... И наблюдать за работой мастера — тоже удовольствие.

Вале — реставрировавшей мой клык — тридцать лет. Она начала заниматься гравировкой в 1985 году в Уэлене, где проживала с родителями. Там же вышла замуж. Несколько лет назад Валя приехала в Лаврентия, шла с подругой, и на них наехал грузовик. Водитель — пьян. Подруга погибла, а Валю спасли. Она долго лечилась, но так и осталась хромой.

Узнав, что Валя в больнице, да еще без сознания, её мама добралась до Лаврентия, пришла в больницу и молча сидела в коридоре, дожидаясь, пока дочь придет в сознание. Через несколько дней врачи пригласили её в палату убедиться, что Валя поправляется. Мать вошла, обняла дочь, затем вышла, присела на тот же стул и... умерла. Отец Вали умер год спустя.

А что муж?

Он находился в Уэлене и к попавшей в беду жене не спешил. Когда Валя вернулась, то сообщила, что уже не сможет иметь детей. Муж тут же предложил развестись. Валя ему говорила, что ребенка можно усыновить — такие случаи известны. Но муж был непреклонен и ушел к другой.

И что же?

Новая жена его бросила, и он какое-то время мотался по поселку. Пьянствовал, бездельничал, в конце концов залез в магазин, был схвачен, судим и сейчас в тюрьме. А мог спьяну забраться в грузовик и на кого-нибудь наехать...

Гравировку Валя подновила так, что выглядит она теперь лучше, чем прежде. К тому же и меня научила этому приятному занятию. Она даже выгравировала «коготком» небольшой кустик, по её мнению недостающий.

ЗАКЛИНАНИЕ,
ПРИВОДЯЩЕЕ ОБРАТНО УМИРАЮЩЕГО
(Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»)

«Если я хочу задержать уходящего в страну мертвых, я превращаю свой мизинец в умирающего и крепко держу его. Когда он хочет уйти, я держу его, будто перехватываю на дороге. Я лаю, как собака, и заставляю его вернуться. Я превращаю его душу в плавучее дерево. Я дую изо всех сил, как большой ветер, и подгоняю его к берегу. Я гоню его своим дыханием по направлению к земле: "Qato, qato, qato!" Я схвачу дерево за корни и вытащу на берег!»

*Сообщил Kamenvat, оленный чукча
в Колымском округе. 1897 г.*

ЗАКЛИНАНИЕ,
УПОТРЕБЛЯЕМОЕ РЕВНУЮЩЕЙ
ЖЕНЩИНОЙ ПРОТИВ СВОЕЙ СОПЕРНИЦЫ
(Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»)

«Так ты эта женщина?! Мой муж отдает тебе так много любви, что совсем перестает любить меня. Но ты не человек! Я превращаю тебя в старую падаль, лежащую на каменистом берегу и распухшую от гниения. Я превращаю моего мужа в большого медведя. Этот медведь приходит из далекой страны. Он очень голоден. Он долго ничего не ел. Увидав падаль, он пожирает ее. Немного спустя его тошнит и рвет. Я превращаю тебя в массу, извергнутую его желуд-

ком. Мой муж видит тебя и говорит: “Я не хочу ее!” Мой муж начинает ненавидеть и презирать тебя. В то же время я превращаю собственное тело в молодого бобра, который только что сбросил шерсть. Я делаю мягкими и гладкими свои волосы. Мой муж оставит свою прежнюю любовь и вернется ко мне, потому что на нее противно смотреть. (Она плюет и слюной обмазывает все свое тело с головы до ног. И действительно, ее муж снова почувствовал любовь к ней.)»

Сообщила женщина из поселка Сесип. 1900 г.

26 декабря. Лаврентия

Привет, Иверий!

Я по-прежнему в Лаврентия.

Здесь уже не так страшно. То ли потому, что выпал снег, то ли привык и смирился, а может, на меня благотворно подействовало знакомство с лаврентьевцами. Они — я имею в виду материковых — отличны от билибинцев и анадырцев: более эмоциональные, чувствительные и нервные. В их поведении много крайностей: от полного неприятия до безграничной любви. Зато нет равнодушия, что особенно заметно на фоне спокойствия и безучастия коренных жителей. Те и другие живут рядом, в одном поселке, но очевидно, что это два разных типа жителей. Есть, конечно, и коренные, интегрированные в нашу жизнь, в том числе бюрократическую. Вот они мало отличаются от материковых.

На этот раз я оформил наблюдения в виде небольших очерков. Ты их сохрани. Возможно, они мне понадобятся.

Привет Санкт-Петербургу. Много бы отдал, чтобы сейчас оказаться там.

* * *

О НЕЛЮБВИ К МОСКВИЧАМ

В Лаврентия я впервые столкнулся с неприязнью к себе как к москвичу. Конечно, это были единичные проявления, по которым не следует делать умозаключений, но всё же. Если бы я представлялся свердловчанином или челябинцем, отношение было бы иным. Отчего-то не любят москвичей. Честно говоря, я и сам их недолюбливал до тех пор, пока не переехал в Москву.

Главным образом за то, что в столице колбаса была, а в магазинах остальной России — нет. Теперь колбаса есть повсюду, а нелюбовь к москвичам сохраняется.

— Отчего вы не любите москвичей? — спрашиваю.

— Оттого, что они слишком высокого о себе мнения, — отвечают.

...В Москву, «на ловлю счастья и чинов», во все времена прибывали отовсюду. Приезжали покорять, удивлять, заявлять о себе. Соперничать с этим честолюбивым потоком рафинированная московская публика не могла. Наиболее удачливые и предприимчивые облюбовали иные столицы, а прочие москвичи если и сохранились, то тихо сидят в своих клетушках. Они перебрались туда из некогда тихих московских дворишков и особнячков, нынче занятых под офисы и конторы. Так что самые высокомерные из нынешних москвичей — это вырвавшиеся из захолустьев вчерашние москвоненавистники. В каком-то смысле презрение к москвичам — это презрение к себе завтрашнему, а надменность «новых москвичей» — высокомерие к себе вчерашнему.

Нелюбовь к Москве и москвичам принимает самые разнообразные формы. Например, жители Чукотки, особенно прибрежных районов, внимательно следят за прогнозом погоды, который венчает телевизионные новости. На это время прекращаются хождения и разговоры. Все смотрят на экран, где на фоне карты северо-востока сотрудник гидрометцентра рассказывает о погоде «на завтра». И этот сотрудник постоянно закрывает спиной (в Лаврентия убеждены, что задницей) их любимый Анадырь! И пока жители других регионов слушают сводку, в Лаврентия обсуждают поведение теленаглецов. Кого проклянут? Москвичей. И когда губернатор Чукотки приезжал в Лаврентия, ему высказывали претензии на этот счет, и губернатор обещал разобраться...

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

Тяга к познанию погоды на завтра, свойственная жителям нашей страны, на Чукотке достигает немислимой силы.

Так, в Лаврентия узнают о грядущей погоде по поведению собак или детей. Если лайки сворачиваются в клубок и остаются неподвижными — быть пурге. Если школьники ведут себя шумно, дерутся на переменах больше положенного — также жди пургу. Причем если они при этом сшибают друг с друга шапки, будет пурга со снегом; если пинаются ботинками и торбасами, ожидается низовая пурга с северо-западным ветром; если же ученики пускают в ход ранцы и тузят ими друг друга по голове — давление будет очень низким и пурга надвинется особенно страшная. В этом смысле лучших метеорологов, чем лаврентьевские учителя, быть не может. Нередко в школу звонят из аэропорта и интересуются: как там дети? не пинаются ли? не шаркают ли друг друга по голове? «Нет, — отвечает завуч, — сегодня такого не заметили, разве что пару стульев сломали да унитаза разнесли...» «Ну, тогда ладно», — вздыхают с облегчением и идут чистить взлетную полосу.

Есть приметы более тонкие, хрупкие и чувствительные, которым доверяют не меньше, чем лаврентьевским школьникам. Если, например, у начальника отдела образования Жанетты Азизовны колет в левом боку и краснеет лицо — жди низовую пургу с северо-запада. Это все равно как если бы школьники пинали друг друга. Если колет в правом боку, а лицо остается бледным — пурга будет юго-восточной и с таким снегом, что не будет видно вытянутую руку. Еще хуже, если у заведующей отделом культуры Ларисы Олеговны заломит коленку. Это признак того, что надвигается северная пурга с непредсказуемыми последствиями.

Бывают и другие приметы, не менее авторитетные и бесспорные. Мне рассказали, как в одном чукотском поселке народ узнавал погоду «по Клаве», то есть по поведению продавщицы в

одном из магазинов. Если Клава отпускала товар спокойно и улыбалась — погода обещала оставаться тихой, даже солнечной: жители собирались кто на охоту, кто на рыбалку, работники аэропорта готовились принимать самолеты, а детям разрешали кататься на санках. Если продавщица с утра была хмурой, фыркала на покупателей и небрежно подавала товар — погода обещала испортиться, ожидался ветер и осадки. Но если Клава (а она была женщиной красивой, огромных размеров и эклектических форм) не здоровалась, орала на покупателей, недовешивала, недодавала сдачу и вместо макарон насыпала крупу — назавтра или даже к вечеру ждали пургу. Это означало, что дети должны сидеть дома, рыбалка и охота отменялись, чемоданы распаковывались, и все планы менялись. Все равно ничто не будет ни ездить, ни летать, ни даже ползать.

И жители поселка на Клаву не в обиде. Напротив, она пользовалась уважением и авторитетом. Сам начальник аэропорта, прослушав сводку и получив радиограмму из Анадыря, прежде чем дать «добро» на посадку или взлет, спешил в магазин: «свериться с Клавой». И если Клава, не приведи Господь, шумела — начальник скорее за телефон и давал отбой полетам. «Почему? У нас же сводка!» — недоумевали на другом конце провода. «А у меня — Клава!» — аргументировал начальник аэропорта и командовал закрыть полосу, убрать маяк, тушить фонари... И в Анадыре не возражали: сводки, бывает, ошибаются, а вот Клава — никогда.

Приходили к Клаве даже пограничники. Они тут охраняют границу, чтобы народ наш не убежал в Америку. Проволоки колючей и вспаханной полосы здесь нет, и потому заблудившийся честный гражданин иной раз и сам не замечал, что стал перебежчиком. Тогда его настигали и возвращали. Надолго. Так вот, начальник заставы нередко посылал кого-нибудь из своих подчиненных в магазин: посмотреть, под видом покупки сигарет, не шумит ли Клава. И если она шумела, командир с облегчением

вздыхал и давал команду всем отдыхать: только идиот пойдет через границу.

Однажды к Клаве пристал с какими-то просьбами подвыпивший мужичишка. И что же? Она в тот день была особенно не приветлива и на глазах у застывшей очереди дала ему в ухо. Весть моментально разнеслась по поселку. Все живое, включая собак, волков и медведей, схоронилось и затаилось в ожидании грядущих катаклизмов. Пессимисты предрекали конец света...

И действительно, к вечеру началось светопреставление. Но своевременно предупрежденный поселок перенес двухнедельную стихию практически без потерь. Так, одним ударом в ухо можно спасти многих.

Сама Клава о своих сверхъестественных способностях не догадывалась, а сказать ей никто не решался: это могло лишить поселок барометра. Клава жила одна и, мучимая бессонницей, по ночам крутила ручку радиоприемника. Как и всякий, она особенно прислушивалась к сводкам погоды и, если обещали пургу, нервничала, всю ночь не спала, а с утра отыгрывалась на покупателях.

МАГАЗИНЫ И ПРОДАВЩИЦЫ

В отличие от Анадыря и Билибино, в Лаврентия магазинов мало. Два промтоварных и три продуктовых. В один из промтоварных я попал лишь раз. Магазин этот постоянно закрыт, и побывать в нем — все равно что выиграть в лотерею. Мне повезло. Я случайно заметил, как в магазин вошла продавщица, и проник вслед за нею. Однако, побыв немного внутри, продавщица заторопилась домой: торговать невозможно, потому что помещение не отапливается.

А в администрации объяснили, что отапливать магазин толку нет, так как он все время закрыт...

Этот магазин, впрочем, собираются передать бизнесменам, которые будут поставлять в Лаврентия продукты. Жаль, потому что товары в магазине — уникальны. Это скорее экспонаты.

Например, я заметил на прилавке диафильмы, о существовании которых уже забыл. Я не успел спросить, есть ли фильмоскоп, через который эти фильмы смотрят. Кто знает, сколько еще придется пролететь, проехать и прошагать по стране, чтобы его обнаружить. Видел заколки и булавки, тапочки и шапочки, резиночки и заколочки, рубашки и плащи и еще нечто такое, чего встретить уже невозможно. И цены, кажется, тоже были из тех, советских, времен. Я видел целую кучу пластинок вокально-инструментальных ансамблей, первые виниловые диски Аллы Пугачевой, «Песняров», «Самоцветов», а также джазового трио — «Ганелин, Чекасин и Тарасов», которые достать было невозможно. В углу прилавка одиноко лежал компакт-диск исполнителя музыки кантри Джеймса Тейлора, очевидно попавший сюда с Аляски. Я спросил, нет ли еще чего-нибудь, на что продавщица ответила, что магазин закрыт. Так что «нет» и всего этого...

Все продавцы в Лаврентия — женщины. В магазинах чистота и порядок, пол и окна вымыты, витрины стараются украсить к Новому году, но главное — не пахнет селедкой, как это бывает в наших провинциальных магазинах, где на прилавках в соседстве с колбасой, молоком и халвой обязательно лежат две-три селедки. Причем я единственный, кого это почему-то беспокоит.

Сами продавщицы — румяные, крупные, аккуратные и, как говорится, самодостаточные, на лицах запечатлена уверенность в завтрашнем дне, что для этих мест большая редкость. На их фоне покупатели выглядят маленькими, беспомощными и даже лишними. Это не столичный супермаркет, где впечатления обратные: миниатюрные девочки-продавщицы и здоровенные, важные, капризные покупатели. Судя по всему, продавец в Лаврентия — персона уважаемая. Здесь товар не продают, а отпускают. Не спеша, без лишних усилий и напряжения. Продавщица

может, не поворачиваясь, протянуть руку и отыскать нужный вам товар, а может пойти за ним в д-а-а-льный угол магазина или вообще выйти в складское помещение и уже оттуда вернуться... ни с чем! И очередь ждет, никто не ропщет, не выражает даже тени недовольства, и, когда какой-то приезжий предъявил продавщице претензию, на защиту тотчас встала справедливая очередь и призвала наглеца к порядку. И тому стало совестно, что он так нехорошо себя ведет...

Лаврентьевские продавщицы, жалея меня, подбирали и кусочек мяса попостнее, и пряники помягче и несколько раз уберегли от опрометчивой покупки. Более того, улучив момент, они отпустили мне десяток яиц, которых не было на витрине. А вчера вынесли откуда-то издалека, из самых-самых потаенных магазинных закоулков, баночку клубничного варенья, которое теперь скрашивает мое одинокое существование.

И в другом магазине, находящемся на каком-то складе, замечательные и жизнерадостные продавщицы, торгующие прямо посреди коробок и ящиков, отпускали мне лишь самый высококачественный товар. Например, они рекомендовали атлантическую кильку в томате, а вот шпроты брать не советовали. И такие советы — вообще не мелочь в этих широтах! Покупал я и американскую картошку, и какую-то острую закуску, и «окорочка Буша», которые специально для меня подбирались из огромного лотка.

И все же один мужчина в лаврентьевской торговле имеется. Он продает хлеб. Впрочем, назвать его продавцом нельзя, потому что хлеб он не продает, не отпускает, а выдает. Оттого правильнее называть его хлебобраздатчиком.

ПОКУПКА ХЛЕБА

Хлеб — одна из самых больших головных болей для местного начальства. Вроде бы раньше его выпекали в двух ме-

стах. Затем что-то случилось, и теперь хлеб пекут лишь в кафе «Северянка» и там же в назначенный час продают. Поскольку оборудования для расфасовки теста нет, «на выХоде» буханки только выглядят одинаковыми. Ничего не остается, как продавать их на вес. Продавец работает один, и можно представить, чего стоит приобрести буханку.

По вкусу лаврентьевский хлеб совсем неплох. Он лучше анадырского, но хуже билибинского. Правда, только в день выпечки, отчего его желательно съесть сразу после покупки. На следующий день лаврентьевский хлеб сравнивается по качеству с анадырским, а еще через сутки становится хуже его ровно в десять раз.

Как же покупают хлеб?

Сначала хлебопёкам доставляют списки: от бани, от гостиницы, от склада, от котельной, от библиотеки... от прочих учреждений, где не выдается зарплата. Там заранее составляют списки, утверждают подписями директора и главного бухгалтера, а также заверяют гербовой печатью. По этим спискам разрешается получать хлеб на сумму в двести, триста или четыреста рублей. В другом магазине по такому же списку и на такую же сумму можно приобретать сахар, муку или крупу. Таким образом, невыданная зарплата «расфасована» по трем магазинам.

Итак, подходит очередь «покупать» хлеб. Единственный продавец-мужчина начинает искать в ворохе списков тот, в который занесена фамилия покупателя. Затем идёт поиск уже конкретной фамилии. Вскоре находится и она. Процедура не такая уж долгая: все ведь друг друга знают. Потом Леонид (так зовут продавца) берет буханку и кладет на весы, разумеется не на электронные. С помощью нескольких гирек довольно скоро определяется вес, после чего вычисляется сумма. Обычно буханка тянет рублей на четырнадцать-пятнадцать. Затем Лёня берет шариковую ручку и отмечает напротив фамилии: когда, сколько и на какую сумму приобретено хлеба. И эта процедура тоже недолгая, потому что все уже приноровились. Потом Леонид передает руч-

ку покупателю, и тот в специальной графе расписывается в получении продукта, чтобы финансовый документ получил законченное оформление и у правоохранительных органов не было причин обвинить хлебопеков в жульничестве и коррупции.

Сделка совершена, и теперь, прямо в баре, можно есть свой хлеб. Если по каким-то причинам не удалось истратить месячную сумму, заложенную в список, остаток (отдайте должное!) не пропадает, а переносится на следующий месяц. После «отоваривания» списки сдаются в бухгалтерию жилищно-коммунального хозяйства, где дотошный бухгалтер проверяет всю эту арифметику, совершая работу, которую иначе чем адовой не назовешь.

Понятно, что всякий раз за хлебом выстраивается очередь. У кого есть наличные, тот обходится без волокиты со списками. Но очередь для всех одна.

Я через день хожу в кафе «Северянка», но не всегда удается купить хлеб. То большая очередь, то бар по каким-то причинам закрыт, то бар открыт и очереди нет, но нет и хлеба. Я никак не пойму график. Злят меня и абсолютная безропотность людей, их спокойствие и равнодушие, словно иначе быть не может. Эта покорная, дремучая очередь, состоящая из дышащих друг другу в затылок людей, в основном чукчей, страшно угнетает. Иногда стоят по часу и больше, в холодном коридоре или в самом баре, облокотившись на стойку и разглядывая сникерсы, стоимость которых запредельная.

Я клял этого Леонида, полагая, что из-за него страдают люди, и жаждал отправить его на нары. Но на Севере нельзя злиться и спешить с выводами. Даже если перед тобой очевидное безобразие, не торопись осуждать и не старайся менять. Прежде задумайся: не станет ли от твоей затеи еще хуже? Может случиться, что после изменения ситуации хлеба вообще не будет. А тот, кого собираешься судить, кого готов разнести в пух и прах, быть может, достоин самой высокой похвалы. Может, Леониду впору

ставить памятник. И всем остальным, от кого зависит выпечка хлеба в Лаврентия.

Для главы администрации главное — доставить в поселок дрожжи и муку. После топлива для авиации и угля для котельных это самое важное. Начальница кафе «Северянка», едва живая, простуженная, с утра до ночи занимается организацией выпечки хлеба, поскольку его ждут в больнице, в детском саду, в школе, в каждом доме. Ждут не чужие, а свои: друзья, соседи, родственники. Я встретил Леонида в десять вечера. Больной и замерзший, он спешил в бар на выдачу хлеба. Так же без передышки трудятся и трое женщин-пекарей.

И еще. Килограмм муки в магазинах Лаврентия стоит двадцать пять — тридцать рублей. Добавим дрожжи, расходы на электричество и эксплуатацию оборудования, прибавим зарплату сотрудникам (у Леонида — три тысячи) — в итоге буханка должна стоить минимум пятьдесят рублей. Почти два доллара! Но она обходится лаврентьевцам не больше чем в пятнадцать рублей. Значит, кто-то доплачивает. Кто? Администрация. Иначе люди помрут, — и тогда что толку разбираться, рынок в стране или нет, демократия или диктатура?

То же с электричеством. Батареи в домах чуть тёплые. Уголь низкого качества, котлы старые, оборудование еле дышит, зарплату кочегарам задерживают. А температура воздуха ниже тридцати. Поэтому в квартирах всегда включены обогреватели. Оплачивать коммунальные услуги — никаких денег не хватит. Да их и нет ни у кого. Кто же платит за электроэнергию? Тот же, кто платит за хлеб. Иначе в одну ночь все перемерзнут как суслики, по-чукотски — евражки.

ПРАВДА О КИЛЬКЕ

В кафе-баре «Северянка», куда я как-то зашел за хлебом, меня увидели молодые и здоровые лаврентьевские мужики. Они

уже слышали обо мне как о журналисте, зачем-то присланном из Москвы. Один из них подошел, рассказал про цены и зарплату, про невыносимую жизнь, убеждал, чтобы я обязательно написал о Лаврентия и рассказал всей стране, как здесь плохо. Он, впрочем, упрекнул, что всю правду я все равно не напишу.

Конечно, не напишу. И никто не напишет. Потому что нет такой правды, которую нельзя опровергнуть. Особенно ту, «что хуже всякой лжи».

Какую такую «правду» я должен донести? Что цены здесь непомерные? Что эстонская килька в томате стоит двадцать пять рублей, а в Москве — всего семь?

Это ужасно, но сколько же эта килька должна стоить, если её отловили в Атлантическом океане, приготовили консервы, а потом, минуя таможи и границы, морские и воздушные порты, базы и склады, доставили на другой конец Земли? Ведь, пока килька появится на столе жителя Чукотки, она должна накормить моряка, рыбака, таможенника, пограничника, шофера, летчика, продавца, налогового инспектора... А к ним добавим жуликов, коррупционеров, взяточников и просто честных чиновников. Да окажется, что килька ещё мало стоит, что её цена как минимум в два-три раза выше. Ведь сколько людей «постарались», чтобы эта несчастная рыбка попала в Лаврентия. Парадокс: бедная Чукотка кормит еще столько, что страшно становится! Интересно, в Лаврентия молодые и здоровые люди об этом думают? Тогда, может, они задумаются о том, во что обойдется европейцу голец, отловленный в заливе Святого Лаврентия и доставленный на сервированный стол в парижский «Максим»?

Ладно, пусть доставляется и продается сгущенка по 45 рублей за баночку или американские яйца — 50 рублей за десяток; пусть продается рафинад — 30 рублей за пачку или подсолнечное масло — 70 рублей за литр, — но что здесь «делают» московские сосиски и низкосортные колбасы? Тут гордятся тем, что лаврентьевцы впервые за многие годы увидели сосиски. А я считаю, что они их не должны видеть вовсе. Сосисками кормились бавар-

цы не от хорошей жизни, и я не заметил, чтобы в Европе их кто-нибудь ел, если только не в дешевых хот-догах. Дешевых! Здесь же эта сосиска, доставленная «бортом» за тридевять земель, стоит дороже парной телятины на московских рынках. Что же можно еще сказать? Только то, что сосиска вообще недостойна полета на самолете. Вместо них лучше бы возили на Чукотку умные книжки. Тогда лаврентьевские мужики, быть может, станут читать, кое-что поймут и чему-нибудь научатся.

Это правда, что начальство российское крало, крадет и будет красть. Правда и то, что власть в России врала, врет и будет врать. Правда также и то, что власть никогда не ставила ни во что народ, а народ во все времена презирал власть. И что с того?

Правда, что жизнь на Чукотке и в самом Лаврентия невыносимо убога и ужасающе беспросветна. Но где в России эта жизнь лучше? В псковских пределах, в нижегородских, в брянских, в костромских, в каких-то иных?.. И когда она была лучше?

Здесь говорят, что в семидесятых при советской власти на Севере было хорошо и сюда стремились всеми правдами и неправдами... Но почему стремились?

Из-за романтики? Из желания почувствовать себя настоящим мужчиной? Отчасти. Но еще и потому стремились, что здесь было вдоволь тушенки, которую в Свердловске и Тамбове, Перми и Оренбурге, Тюмени и Астрахани никто, кроме начальства, не видел. Или это неправда? А уж так, как ввали при советской власти, — не ввали никогда. Само утверждение, что власть советская, было ложью.

Другое дело, что всякое время приносит нам новую беду. Разбираться, которая из бед большая, — бессмысленное занятие. Как в роскошном цветнике не выберешь, какая из роз наилучшая, так не определишь, которая из наших российских бед наигоршая.

Не эта ли?

Здоровые и сильные лаврентьевские мужики жалуются на высокие цены, клянут власть и ностальгируют по дешевой ту-

шенке, а хрупкая учительница русского языка и литературы, став их начальницей, завозит с материка паштеты и макароны, чтобы мужики не померли с голода. Это неправда?! Она месяц бьется, чтобы прислали самолет с продуктами, а когда этот борт с несчастными сосисками прилетает — не может отыскать в полуторатысячном поселке полдюжины охламонов, чтобы его разгрузить. Да не за просто так. За те же продукты. Это неправда?!

Поистине прав был Екклесиаст: «Смотри на действия Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?»

А это уже больше, чем правда, — это Истина!

КРУПСКИЕ

Я был в гостях у одной лаврентьевской семьи.

Она — Надежда Крупская, учительница русского языка и литературы. Он — её муж, Крупский, зовут Владимиром. Он невысокого роста, коренастый, подвижный, у него залысина и добрые глаза, в которых при некотором воображении можно уловить до боли знакомые черты. Вот только он не юрист, не литератор, а врач. У Крупских двое взрослых детей. Дочь — на материке, учится в институте, а сын заканчивает школу и готовится поступать в вуз.

Владимир долгое время работал военным врачом, поэтому семья где только не успела пожить, прежде чем задержалась в Лаврентия. Хотя Владимир работает день и ночь, его во многом спасает пенсия, которую ему, бывшему военному, исправно выплачивают.

Надежда, как и все учителя, трудится безостановочно, набирая часы, нагрузки, накрупки и прочее. Надежда Крупская — гордость школы. Несколько лет назад она участвовала в престижном конкурсе в Москве. Преподаватели собрались из разных концов страны, квалификация высочайшая, а тему даже произнести страшно: «Пушкинский урок». Там были педагоги из исконно

пушкинских мест, которые знают о Пушкине то, чего сам Александр Сергеевич и представить не мог.

Так вот, Надежда оказалась первой среди всех! Проведенный ею урок был признан лучшим, а самой Надежде присвоили звание «Заслуженный учитель России». Наверное, сыграла свою роль фамилия, сработало и то, что она с Чукотки, но это мелочи. Основного Надежда Крупская добилась сама. Она показывала видеозапись своего урока. Это невероятно! Действо происходило в великолепном дворце, в присутствии высоких особ, включая императора и императрицу, великих князей и княгинь, играл камерный оркестр, всё сияло, а ученики были разодеты в бальные платья и фраки, тонкие шейки девушек украшали невысказанной величины бриллианты... Не сразу разберешь, что все это происходило в лаврентьевской школе.

Проживают Крупские в трехкомнатной квартире, этажом выше моего жилища. Квартиру купили недавно, за пятнадцать тысяч рублей. Мебели особой нет. Ею здесь стараются не обзаводиться. Зато есть компьютер, за которым Владимир и сын Андрей проводят все свободное время. В отпуск теперь ездят не каждый год. Времена наступили не из легких, и приходится себя ограничивать. Экономя на отпуске, можно запастись продуктами.

...Меня они позвали, чтобы угостить домашней едой, от которой я отвык. Кормили борщом, картофельным пюре, тушенкой из оленя и из кеты, угощали салатом из морской капусты и маринованными грибами, а также вареньем из морошки. Ужин сопровождался разговорами о политике, о неспособности наших начальников руководить, звучали известные фамилии, словом, это был обычный застольный разговор под фон телередачи, не важно какой. Замолкали мы, лишь когда передавали сводку погоды. Я рассказывал о доступных только «узкому кругу» деталях высокой политики, раскрывал сокровенные, известные лишь москвичам факты, почерпнутые из газет и слухов. В ответ мне рассказывали о жизни в Лаврентия, о происшествиях, о людях.

Помимо прочего, я старался разузнать о быте лаврентьевской семьи.

Жители центральных районов, Урала и даже части Сибири, при всех трудностях, все же могут иметь огород, скот, вести натуральное хозяйство. Здесь же, у берегов Ледовитого океана, о каком хозяйстве может идти речь? Если ты не коренной житель, не охотишься на моржа, кита или лахтака, то, кажется, обречен на голодную смерть. И я бы с этими доводами согласился, тем более после разговора с лаврентьевскими мужиками, страдающими от плохой жизни. Но встреча с семьей интеллигентов показала, что все не так, как можно представить. При разумном подходе и, главное, при трудолюбии можно жить и в Лаврентия. Жизнь заставила людей, профессии которых далеки от основ экономики, быть рачительными хозяевами и политэкономами семьи, чего в нас так не хватает.

Меня допустили в кладовую семьи с блокнотом. Вот продукты, закупленные в магазине:

Горошек зеленый (3 ящика по 45 банок в каждой), этот запас сохраняется и время от времени пополняется.

Горошек суповой (ящик).

Рис (10 кг).

Пшено (4 кг). В этом году пшено не завозили.

Гречка (2 ящика по 20 кг). Гречку тоже не завозили.

Сахар (4 кг). Пачка рафинада стоит тридцать рублей. Год назад стоила пятнадцать при той же зарплате.

Мука (важнейший продукт). Осталось немного. В магазине она по 30 рублей за кг. Купить по такой цене мешок семья не может. Ждут. Вроде должны завезти подешевле. Из муки пекут сдобу, пирожки и домашний хлеб. (Доллар в те дни стоил около 27 рублей).

Масло растительное (важнейший продукт). Хранится две канистры американского производства по 16 литров и 12 литровых бутылок отечественного, стоимостью по 85 рублей.

Майонез готовят сами из горчицы, сухого яичного и молочного порошков.

Из спиртного хранятся пять бутылок шампанского и четыре водки.

Икра баклажанная (ящик). Куплена год назад. Сейчас полуплитровая баночка стоит 60 рублей.

Макаронные изделия: разные и во множестве.

В сарае, рядом с домом, в оцинкованной бочке хранится красная рыба — штук шесть-семь, а также оленина и китятина.

Чай (важнейший продукт). Хранится много и разного.

Соль (наиважнейший продукт!). Соли требуется много, но соль — тяжелая и дешевая. Завозить невыгодно.

Сухого молока — килограммовая банка, стоимостью 160 рублей.

Мед (важнейший продукт). На мед нельзя жалеть денег. Он необходим для поддержания здоровья.

Сухого лука — десятикилограммовый мешок.

Сухой моркови примерно килограммов пятнадцать.

У Надежды сказывается украинское происхождение и память об оккупации. На чердаке родительского дома всегда хранились соль и спички: до войны, во время войны, после войны, всю жизнь. И уже спички были без серы, но их все равно не выбрасывали. Рачительность и бережливость родителей передались Надежде. В Лаврентия «лишние» продукты всегда можно обменять. У одних припасено подсолнечное масло, но нет сахара, у других достаточно соли, но не осталось перца... Продукты здесь дороже денег.

Там же, в кладовой, припасены и продукты, приготовленные самостоятельно.

На побережье залива ветер выбрасывает тонны морской капусты. Загребай хоть лопатой. Капусту промывают, сушат и хранят в большой картонной коробке. Она особенно хороша в китовые котлеты. Но это еще и прекрасный салат, надо только запра-

вить подсолнечным маслом. Сушеную капусту достаточно залить кипятком. Она на глазах оживает, становится зеленой, свежей. Морская капуста, только худшего качества, пользуется спросом в московских супермаркетах и стоит дороже белокочанной.

Грибов в кладовой много, и самых разных. В тундре, где, на первый взгляд, ничего не растет, лучшие грибы в мире. Их маринуют, солят, сушат. В Лаврентия они у многих на столе.

Варенье из морошки и из нее же самодельное домашнее вино, приятное на вкус и, главное, полезное.

Голец. Из него Владимир делает консервы. Режет рыбину на куски, закладывает в банку, добавляет специй и четыре часа кипятит. Затем банку закручивает. Деликатес готов. Точно так же он готовит консервы из горбуши, кеты, форели, наваги и бычков. Такими консервами меня и угощали. С вареной картошкой — оторваться невозможно!

Тушенка из оленины. Ее готовят тем же способом, что и рыбные консервы. Храниться она может сколько угодно. С жареной картошкой или макаронами тушенка из оленя — мечта материкового жителя. Какие там сосиски!

Такую же тушенку Владимир готовит из китового мяса. Только варить его надо часов шесть-семь... У Крупских также есть мороженная китятина, хранящаяся в сарае, и вяленая, по вкусу напоминающая воблу. К пиву лучшей закуски не придумаешь.

Вот какая имеется кладовка, и я уверен, что она не единственная в Лаврентия. Владимир Крупский считает, что надо быть дураком или лентяем, чтобы здесь пропасть. Организация его быта убеждает, что он прав. Крупские понимают, что искать рай на земле, тем более в России, — занятие гиблое. Смысл лишь в том, чтобы трудиться там, где живешь, пусть даже если это край Чукотки. Трудиться, чтобы и самим достойно жить, дочери помогать и сына в будущем году отправить на учебу.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Есть в Лаврентия персонажи и вовсе забавные, не поддающиеся никаким внешним веяниям. Их не беспокоят ни пурга, ни метель, ни мороз, словно живут они не в тундре, а на благодатной Кубани. Не было дня, чтобы я не слышал упоминания фамилии «Шиманский». И лишь раз мне удалось этого Шиманского увидеть, потому что он все время в разъездах. Шиманский — предприниматель и принадлежит к той беспокойной плеяде, которая никому не дает жить, служа одновременно соблазном, укором и раздражителем.

Что только не предпринимается против этих предпринимателей, но все равно они прорастают и дают о себе знать. Что движет ими? Кажется, вокруг пустыня и уныние, безнадега и гибель. Но нет, всякий раз находится некий тип, который все вокруг себя ворошит, будоражит, мутит. Глядишь, появляются магазинчик, фабричка, мастерская, кафешка, ресторанчик, один домик, другой, третий... Начинается общее шевеление и вслед за тем — брожение умов, спор и кривотолки. Потом наступает прозрение: зачем? кто дал право? Вешаются ярлыки, пишутся жалобы, вызывается общее недовольство. Ан уже и дельце заведено. А там загремел выскочка за жульничество, за спекуляцию или еще за что-нибудь. Магазины, фабрички, кафешки, ресторанчики закрываются. И что же? Сожаления по этому поводу, конечно, есть, но разве могут они сравниться с радостью от того, что нет больше возмутителя спокойствия, нет этого выскочки, бесстыдно наживающегося за счет народного бедствия. А если он и есть, то за решеткой, и ему, еще вчера шикававшему, сегодня хуже, чем остальным. Чем не справедливость?

В каждом селе и в каждом городке обязательно найдется хоть один шиманский. Они постоянно в движении, обивают пороги учреждений, отираются у кабинетов начальников, ходят к ним с какими-то бумагами, предлагают прожекты, сумасбродные и несбыточные, но главное — они не подвержены всеобщему унынию и смирению с обстоятельствами. Впечатление, будто

они не смотрят телевизор и не знают обстановку. Вместо оханий и вздохов, они заказывают спецрейсы, летят на материк, носятся с предложениями и заказами, постоянно что-то считают, а еще — ведут себя независимо, словно не подчиняясь никому, будто сами себе начальники. Глядеть на это невыносимо и долго терпеть невозможно.

Вот и в Лаврентия такой отыскался. Он собирается открыть в этом, казалось, обреченном месте животноводческий комплекс! На полном серьезе намеревается завезти сюда свиней. Не для чучел в краеведческий музей, а чтобы их есть. Он надеется путем размножения достичь уже через пару-тройку лет десяти тысяч голов! Эскимосам и чукчам придется ввести в словарный запас слово «опорос», а в повседневный рацион — свинину. Этот Шиманский утверждает, что уже пятьдесят лаврентьевских семей готовы взять на откорм и воспитание от пяти до десяти свиней.

Не дожидаясь моих вопросов, он застучал по калькулятору:

«Пять поросят за пять месяцев дадут прирост по 130 килограммов. Значит, всего 650 килограммов. Умножаем на 25 рублей (по такой цене он будет продавать мясо) — получается 16 тысяч с лишним. Делим на пять — (таков доход с этих поросят) — получаем 3 250 рублей в месяц. Умножаем на двенадцать месяцев, получается — 39 тысяч рублей. Вот прибавка к зарплате! Почти отпуск. А если кто-то возьмет десять свиней? А если двадцать? А пятьдесят?..»

У меня глаза полезли на лоб. Я думал, он шутит, пытался переспросить, не успевая записывать, но этот невысокий, коренастый парень с добродушным южным лицом строчил как из автомата. Оказалось, он уже завез корма для двухсот свиней и скоро доставит их самих. На самолете! А чтобы свиньи не зарились на моржей — завезет специально отобранных хряков.

— Как же, — спрашиваю, — свинья переносит полет?

— Хорошо переносит. Лежит себе в салоне и летит, — отвечает Шиманский.

По его замыслу, за те несколько лет, пока народ, отвлеченный от оленины, будет есть свинину, чукчи воспроизведут стада оленей. Мало того, Шиманский намерен завезти сюда еще и кур. Для начала две тысячи. Уже вскоре он собирается получать с них сорок пять тысяч яиц в месяц. Пока народ будет есть кур — в тундре воспроизведутся куропатки. Да что куры? Скоро сюда с Камчатки, спецрейсом, доставят десять коров. Они будут давать ежедневно тридцать литров молока для детского садика и больницы. Вроде бы Шиманский уже этих коров купил, заплатив по тридцать тысяч рублей за каждую. Одновременно закупается оборудование для переработки молока и производства сметаны, кефира и творога...

Представляя бесчисленные стада на близлежащих сопках, я хотел было спросить у предпринимателя, где будут жить эти птицы и животные, но тот, упреждая, уже отвечал, потирая руки:

«Все предусмотрено. Помещения подготовлены. Тепло подведено. Люди набраны. Ждем-с коров!»

Он также сказал, что здесь неподалеку есть горячие источники и там уже вовсю идет строительство теплицы для выращивания помидоров, огурцов, капусты и лука...

Лаврентьевский предприниматель родом с Кубани, из казачьего хутора в Белореченском районе. В свое время попал на Чукотку, работал на прииске «Восточный» в Иульгинском районе, был бульдозеристом, бурильщиком, сварщиком. С 1984 года обосновался в Лаврентия. Его жена, Наташа, науканская эскимоска, а это значит, что работать и вести хозяйство она умеет. У Шиманских двое детей, и из Лаврентия семья никуда уезжать не собирается.

Как бы я ни возражал, какие бы сомнения ни высказывал, Шиманский их даже не слушает: все у него просчитано, подобрано и распределено. И ни йоты сомнения в том, что это когда-нибудь сбудется.

Из книги С.В.Обручева
«По горам и тундрам Чукотки», М.,1957:

«...В настоящее время отпала необходимость в культу-базах, которые вели вначале просветительную работу на Чукотке. Теперь эта работа ведется школами, медпунктами, кинопередвижками, которые имеются во всех колхозных центрах.

В округе уже имеется большая сеть культурных учреждений: окружная библиотека, Дом культуры и музей, 5 районных библиотек и 5 домов культуры, 9 сельских библиотек и 15 клубов, 21 изба-читальня, 20 красных яранг, 70 кинопередвижек.

В 1955 г. было 22 больницы, 7 диспансеров, 53 фельдшерско-акушерских пункта, 7 аптек. К началу 1955/56 учебного года количество учащихся в 66 школах равнялось 4357. Для детей создано 34 интерната. В Анадыре уже 15 лет существует педагогическое училище.

В заключение необходимо отметить, что вся эта культурная работа проводится силами не только приезжих русских — многие чукчи и чукчанки, окончив педагогические институты и вузы, становятся учителями, врачами, фельдшерами, медсестрами. Есть теперь и чукчи-писатели, и чукчи-поэты. Не говорю о технических профессиях — уже в 1934 г. я видел чукчей мотористов и радистов, а теперь есть и летчики!

Так разгорается над Чукоткой все ярче заря новой жизни. И тот быт, о котором я рассказываю в этой книге, скоро сохранится только в воспоминаниях стариков».

Из интервью заместителя главы администрации Чукотского района П.Л.Мирошниченко:

«Общее состояние дел вызывает тревогу. Практически нет ни одной организации, полностью подготовившей свои объекты к зиме. Так, из 24-х зданий районного отдела образования 14 находятся, по сути дела, в аварийном состоянии; требует основательного ремонта детское отделение центральной райбольницы в Лаврентия; необходима замена электропроводки в учреждениях культуры.

Однако наибольшие трудности у коммунальщиков. В селах действуют 9 котельных. Это почти 70 котлов. И абсолютное большинство из них работают по 15 - 20 лет...»

«Крайний Север». 3 декабря, 1999 г.

БАЛЫ И ДИСКОТЕКИ ЖДУТ ГОСТЕЙ

Веселый и радостный праздник — Новый год! И хотя по традиции он считается семейным, большинство северян не прочь повеселиться при всем честном народе. И для этого у них есть все возможности.

В ночь на 1-е января начнутся балы в Центре культуры и досуга Лаврентия, отдаленных сел. Танцы, веселые конкурсы, викторины будут до самого утра...

Л.ФИЛИППОВА

*«Народ и власть». Еженедельный
пресс-бюллетень Совета депутатов
администрации Чукотского района.
31 декабря, 1999 г.*

27 декабря. Лаврентия

Дорогая Валентина Федоровна!

Пересылаю наброски о поселке Лорино, находящемся недалеко от Лаврентия, у самого Берингова моря.

Туда собралась настоящая экспедиция из работников отдела образования — провести школу, интернат и детский сад. Загрузили в машину коробки конфет — Новый год все же — и пригласили с собой меня. Добирались три часа, с остановкой. В самом Лорине пробыли столько же и вечером вернулись в Лаврентия. За три часа мало что узнаешь, но все же.

Сколько еще пробуду в Лаврентия — не знаю. До Нового года — точно. Может, еще напишу.

* * *

ДОРОГА В ЛОРИНО

Если верить картам, других дорог на полуострове Дауркина нет. Сразу за Лаврентия она ведет в гору, и открываются такие просторы, каких я еще не видел. Впечатление усиливает отсутствие всего, что мешает всматриваться в даль. Нет деревьев, кустов, нет ничего, что отбрасывало бы тень. Я не заметил ни одно-

го острого угла, ни одной ломаной линии. Справа — плавные очертания белоснежных сопков, слева — невидимая дымчатая бесконечность: там, в нескольких километрах, — кромка Берингова моря.

Солнце сияло, не было даже малейшего ветерка, мороз опустился ниже тридцати. Километрах в десяти от Лаврентия встретились двое чукчей. Они шли из Лорина, один за другим, на расстоянии ста шагов. (Мы из одной деревни в другую шли бы рядом.) Оба путника были в кухлянках и торбасах. На одном была вязаная шапочка и солнцезащитные очки, а другой нес шапку в руках. Идти зимой по тундре, а путь в Лаврентия занимает восемь-девять часов, опасности для них не представляет. В нашу сторону чукчи даже не посмотрели.

Скорость передвижения по зимнику не более сорока километров в час, что позволяет осматривать окрестности. Застывшее пространство всему придает ускорение, а на белом фоне фиксируется любое движение. Встречные собачьи упряжки промчались со скоростью, кажущейся бешеной. Так накатывается, с шумом проносится и исчезает скоростной поезд. Перебежавший дорогу заяц также показался невероятно шустрым. Здесь обитают еще полярные волки, которых лучше не встречать. Непонятно: где эти звери живут, куда прячутся? Все кажется открытым и доступным.

Ближе к Лорину находятся популярные в этих местах горячие источники. Возможность оценить тепло притягивает к лоринским ключам не меньше, чем их целительные свойства. Окунувшись в серный кипяток, я нагишом прохаживался по тридцатиградусному морозу, обзревая сопки и прозябших школьных инспекторов.

Лоринские ключи — это небольшая инфраструктура, состоящая из нескольких домиков, в которых можно отдыхать и лечиться, хотя обычно сюда предпочитают нагреться, ублажить себя и... исчезнуть. А для молодой чукчанки, которая здесь живет с трехлетней дочерью, ключи — место работы и полторы тысячи рублей зарплаты. Правда, денег она еще не получала. Раз в

неделю ей привозят рис, ячневую крупу и хлеб. Других продуктов она не видит, но убеждена, что съедает больше, чем могла бы купить на зарплату. Возможно, вскоре здесь жизнь станет более насыщенная: рядом с источником строят парники, в которых будут выращивать овощи.

Лорино расположено на высоком берегу и видно за многие километры, напоминая рассыпанные на снегу семечки. Кажется, что жизнь в нем должна быть невыносимой из-за ветров, штормов и метелей. Но все обстоит иначе. Здесь почти всегда тихая погода и, что удивительно, нет ветра. Жители признают, что лоринский климат отличается мягкостью, спокойствием и совершенно не похож на лаврентьевский. Чукчи умели выбирать места для проживания. Когда-то на этом побережье находились поселки Мечигмен, Раупелян, Аккани и Яндагай, но по указанию властей их жителей согнали в одно место, чтобы создать совхоз. Этим местом и стало Лорино, разросшееся в крупный поселок, а от покинутых селений остались лишь унылые урочища. Сейчас уже никто никого не гонит. Жизнь в отдаленных поселках такова, что люди их покидают сами и в поисках работы и куска хлеба переезжают в Лаврентия или Лорино. Происходит стихийное «укрупнение». Причем в Лорино стремятся больше, отчего поселок уже превосходит районный центр по числу жителей. В то же время отсюда выехали почти все русские семьи.

АЛЛА ФРАНЦЕВНА

Меня проводили в школу, где проходил предновогодний праздник. Старая одноэтажная школа для начальных классов оказалась полна детьми и родителями. Ученики были до безумства возбуждены. Только что закончился карнавал, и они расходились по домам. Расходились... Они кучами вываливались из дверей

школы и продолжали кувыркаться в снегу. Одна такая куча прокатилась рядом со мной, на некоторое время распалась и застыла, отвлеченная моим фотоаппаратом. Затем фрагменты с еще большей яростью воссоединились и покатались в сторону. Тем временем из школы вываливалась новая куча... Каникулы!

Я был представлен учительнице русского языка и литературы, проработавшей в Чукотском районе сорок лет!

Алла Францевна закончила школу, затем Анадырское педучилище, Магаданский пединститут и вернулась в район. Вначале преподавала в поселке Пинакуль, ныне не существующем, находившемся напротив Лаврентия, на другой стороне залива. Школа была небольшой, учителей не хватало, и Алла Францевна вела уроки сразу для четырех классов. Ученики садились в четыре ряда — с первого по четвертый класс, — и для каждого ряда преподавался отдельный урок. Кто, кроме самих учителей, сможет ответить, какого напряжения — умственного, душевного, физического — стоили эти «сеансы» одновременной учебы на нескольких школьных досках? А ведь в той пинакульской школе Алла Францевна была еще заведующей, завхозом и уборщицей. И было это, кажется, совсем недавно — в шестидесятых.

Теперь Алла Францевна отучила детей своих первых учеников и уже учит их внуков, но свои первые занятия, конечно, не забыла. Было немало такого, что приводило молодую учительницу в недоумение, заставляло врасплох. Как-то она задала загадку из учебника: «Семь одежек — и все без застежек». Чукотские дети хором ответили: «Семь камлеек!» Камлейка — нечто вроде большой ситцевой рубахи без пуговиц, которую надевают поверх кухлянки. А капусту дети видели лишь морскую. Тогда Алла Францевна, подстраиваясь под их мировосприятие, диктует: «Жили-были три охотника. Однажды они ушли в тундру. Двое потерялись. Сколько охотников вернулось?» Один из учеников встает и говорит: «Не может быть, чтобы в нашей тундре охотник потерялся. Мой дедушка пойдет и найдет».

У чукотских детей особое восприятие действительности, отличное от нашего. К ним нужен особый подход. И учебники должны быть особенными.

По словам Аллы Францевны, на русского учителя коренные жители смотрят как на старшего брата, который должен учить, помогать, содержать, лечить. Просто обязан! К этому их приучали с интернатов. И если что-то случается — они сразу бегут к учителю.

Алла Францевна живет одна. Кухонька, комнатка, паровое отопление, горячая вода. Отчего-то нет холодной... Почему одна да еще на краю света, не спросил. Главная беда в том, что не может выехать в отпуск. Все деньги уходят на еду. Цены в Лорине еще выше лаврентьевских: доставка килограмма груза из Москвы в Анадырь стоит пятьдесят рублей, из Анадыря в Лаврентия — еще двадцать пять плюс разгрузка, добавим десять-пятнадцать за доставку в Лорино. Кто же повезет сюда книги? А уехать с Чукотки насовсем Алле Францевне не к кому. И все же лоринскую учительницу больше заботит то, что происходит не с нею, а вокруг.

«На медицину и образование денег жалеть нельзя. Погибнем! Сейчас нет средств посылать детей на учебу. А по конкурсу наши ученики в вузы не пройдут. Значит, у них нет перспективы. Ведь здесь работы нет. Что им делать? Остается пить. А лечение? Они же болеют и умирают, а лечить нечем. Сейчас может вновь начаться эпидемия туберкулеза. Столько лет боролись, вложили столько средств, столько труда, а туберкулез опять на пороге... Почему наше здравоохранение в таком загоне? На днях слышала, как один чукча пел под нос: *"Я сегодня голодный и злой. А когда я пьяный — я добрый"*. Впечатление жуткое... Безработица и безденежье угнетают. Хоть бы наладили производство корма для собак или кошек из остатков морского зверя. Ведь надо хоть чем-то занять людей...»

Еще Алла Францевна сказала, что, когда в школе какой-нибудь праздник, туда вместе с учениками приходят родители. Они становятся у стенки и молча смотрят на детей.

РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Основу жителей Лорина составляют чукчи — потомки охотников на морского зверя и сами тоже охотники. Но главный зверобой здесь — русский. Он промысловый инженер и, кроме того, ведет кружок в школе: учит детей охотничьему промыслу. У Романа Александровича в подчинении пять бригад, по восемь человек в каждой. Охотятся на серого и гренландского китов, на моржей и на лахтака.

Роману тридцать лет, он крепкий и здоровый, но, если встретишь его в Москве или в Санкт-Петербурге, ни за что не определишь, что он занимается рискованным делом в Беринговом море. Роман — из Красноярска, служил в армии на Чукотке, женился на чукчанке и остался здесь жить. Вскоре у них родился сын. В 1995 году у жены случился инсульт, и она умерла. Роман один воспитывал сына. Потом женился во второй раз, и вновь на чукчанке. Сейчас сын учится в школе и посещает занятия кружка, которым руководит отец.

Когда я спросил, чем отличается чукчанка от русской, Роман смутился и ответил, что людей по национальности не делит. Потом все же отличия нашел. По его словам, чукчи мыслят иначе. Роман считает себя неплохим шахматистом, но чукчам нередко проигрывает: у них особый, нестандартный склад ума. Что до женщин, то их отличает преданность, исключительное трудолюбие и заботливость. Он также считает их очень ревнивыми.

В обязанности инженера входит организация промысла. Моржа, тем более кита — запросто не убьешь. Существуют рыбная инспекция, пограничные войска, администрация. Нужно все согласовать, получить разрешение и еще многое другое сделать, прежде чем выйдешь в море. Бумажная волокита еще та! Надо также технически обеспечить промысел, например, заказать трактор для перевозки лодок. Если Роман остается на берегу, то следит за охотой с крутого обрыва и корректирует охотников по радиосвязи.

Я высказался за то, что китов убивать жалко. Роман тут же парировал: «А людей не жалко?»

Он с раздражением сказал, что, прежде чем запрещать китовый промысел, надо запретить живущих здесь людей. Употребление мяса и без того ограничено десятью-пятнадцатью килограммами в месяц на человека. На окраине Лорина есть *лédник* (с ударением на первом слогe) — нечто вроде мясного склада, который охраняют специальные работники, и они же продают мясо жителям поселка. Не только китовое, но и моржовое, и лахтачье, и нерпичье. Там же заготовлено национальное блюдо кынгыт, но едва ли материковый житель станет его есть. А вот китовое мясо вполне приемлемо. Из него получают отличные пельмени и котлеты. Роман поясняет, что мясо кита по вкусу довольно разное. Все зависит от времени и способа добычи. Китовое мясо запрещено вывозить за пределы Чукотки, также торговать им можно только внутри округа. Есть международная китобойная комиссия, которая строго контролирует промысел. В то же время к Роману обращаются из других областей и даже из-за границы с просьбой продать китятину. Готовы приехать, загрузить и вывезти. Но нельзя. Не говоря уже о том, чтобы поставить дело на коммерческую основу и заработать хотя бы на лекарства детям и старикам или на новую китобойную технику.

Мне жалко китов, моржей, лахтаков. И коров жаль, и свиней, и овец. Но вот летом в Лорине не было сухого молока, и женщины, у которых дети на искусственном кормлении, вынуж-

дены были кормить их водой. Медикаментов в поселке нет, а те, что попадают, стоят столько, что купить их никто не в состоянии.

...Тысячелетие ушло на то, чтобы доказать: самый жестокий зверь — человек. Прошедший век смог убедить в том самых упертых скептиков. Ужасы, творимые гомо сапиенсом, заставили по-иному смотреть на кровожадных хищников, ядовитых пресмыкающихся и даже на ископаемых динозавров. Когда мы узнаем, что волк загрыз человека, невольно вырывается: «А чего он к зверям полез?» Я уж не говорю об умилительных образах лисичек, львят, волчат и прочих заек, которым люди якобы не дают жить. Ей-богу, мы зверя бережем больше, чем человека, руководствуясь формулой: «Людей-то мы всегда сможем нарожать, а попробуй сделай кобылу». Защита животных на фоне безучастия к человеку иной раз выглядит патологией. А здесь, в тундре, всё на своих местах. Волк — не братец, а злой и вероломный враг, безжалостное и бесчувственное чудовище, готовое перегрызть глотку всему живому. Всё шевелящееся и имеющее плоть для него лишь драгоценные калории. Сам же волк — всего лишь шкура, которой можно укрыться от холода, а можно продать или обменять на что-нибудь полезное. Собачья упряжка — не диковинный и экзотический способ прокатиться по заснеженной тундре, а единый, мобильный и злой организм, состоящий из сурового хозяина, не имеющего иных средств передвижения, и полуголодных псов, для которых все, от медведя до случайно попавшегося на пути ребенка, лишь более-менее качественная пища.

Для морзверобоя защищаемый мировой общественностью кит — это только огромный кусок мяса, ниспосланный свыше, чтобы дети, жена, мать не умерли от голода, не окоченели в заброшенной и забытой прибрежной деревне. Жить или не жить? — вот вопрос, который решает китобой, садясь в старую, утлую лодку и вступая в смертельный поединок с морским гигантом...

Кроме мяса, лоринские охотники получают китовый жир. Часть его отправляют оленеводам, а часть гниет, и его выбрасывают. Роман просил, чтобы разрешили продавать хотя бы этот жир. Но и это запрещено.

Что касается кружка, который Роман ведет в школе, то и он не для забавы. Если подросток, живущий на побережье, не будет знать, как добыть морского зверя, он в будущем может пропасть. Поэтому ребята выходят в море вместе со старшими. Начиная с девятого класса большинство из них могут самостоятельно охотиться на любого зверя, исключая кита, к которому детей не подпускают.

Роман рассказывает о лоринских морзверобоях с неподдельным восхищением:

«Мои зверобои выходят в беспокойное море на таких лодочках, на которых не то что охотиться — плавать страшно. А оружие? Первобытное! Бывает, кит переворачивает лодку, и охотники гибнут прямо на глазах родных и близких, которые наблюдают за охотой с обрыва. Да это и не охота, а настоящая борьба. Борется за жизнь кит — это правда, но за жизнь борются и люди: за свою и своих семей. Труд тяжелый, опасный. И кто, кроме зверобоев, способен выйти на пятнадцатиметрового кита, вес которого двадцать пять или тридцать тонн? А ведь надо подплыть к нему, точно поразить гарпуном, затем бороться с ним, вытаскивать на берег... Надо быть героем! А зимняя охота на нерпу? Минус тридцать или даже сорок, да еще с ветром, а охотник сидит возле лунки и ждет, когда зверь вынырнет. И шесть часов может прождать, и семь, и восемь... Как только нерпа покажется, он должен выстрелить и попасть в нее. Затем надо сесть в байдарку из лахтачьей шкуры, подплыть к нерпе, вытащить её, добраться до кромки моря и после этого возвратиться в поселок, проехав на собачьей упряжке километров пятнадцать-двадцать, а то и больше. Люди здесь отчаянные и невероятно смелые».

Роман никуда с Чукотки уезжать не собирается. Он рад своей беспокойной жизни, когда каждый день не похож на предыдущий.

В конце встречи я решил попросить немного китятины, и Роман принес («на пробу») кусок, которым можно накормить целую роту. Мясо пахло травой и морским дном. Да, от него исходил запах глубины. Я передал эту китятину молодой эскимоске из Лаврентия, и она сделала котлеты.

ДЕТСКИЙ САД

На фоне окружающей нищеты лоринский детсад выглядит словно горячий источник посреди заснеженной тундры. Здание новое, внутри идеальная чистота, в комнатах светло и уютно, много игрушек, дети ухожены, ими занимаются. Уже при входе слышны звуки ярара. Пожилая эскимоска напевает. Дети в такт ярару танцуют.

«Как нерпочки делают? Нагнулись, нагнулись... Лежим на сопке, отдыхаем. Наелись, напились и лежим, греемся на солнышке... Ия-на, ия-на, ия-ия-ия-на... Коршун! Коршун летит! Смотрим кругом. Как коршун смотрит?.. Ия-на, ия-на, ия-ия-ия-на... А это кто идет? Кто рычит? Смотрите! Страшный волк идет. Быстро убежали, спрятались!.. Ия-на, ия-на, ия-ия-ия-на... Поймали уже кого-то? Ой! Ну-ка бегом в море! Плываем, плывем, плывем... Ия-на, ия-на, ия-ия-ия-на... Молодцы! Похлопаем нерпочкам. Теперь все встали. Ну-ка потанцуем. Набрали водички и умываемся. Умылись нерпочки. Молодцы! Теперь снова потанцуем... Ия-на, ия-на, ия-ия-ия-на... Сели в нарту и поехали! Поехали!...»

Среди детей выделялась трехлетняя девочка. Она танцевала и улыбалась с таким обаянием, что оторвать взгляд было невозможно. Я пытался ее сфотографировать, но, как только наводил объектив, «маленькая нерпочка» тотчас переставала танцевать и пряталась за спины других детей. Как ни старался, как ни уговаривал — тщетно. Наконец, я расположился на полу, притворился неодушевленным предметом и только после этого смог ее сфотографировать.

В детском садике есть даже этноцентр — нечто вроде краеведческого музея. На самом видном месте цитата из книги знаменитого здесь Юрия Рытхэу:

«Человек измеряется не только в высоту и в ширину, но и в глубину, в свое прошлое. Это прошлое он должен помнить: свой язык, своих предков, песни, сказки, словом, все».

ИНТЕРНАТ

Он расположен в старом одноэтажном здании барачного типа. Все, что здесь есть, ветхое и убогое. Из кроватей, покрывал, подушек, наволочек, тумбочек, из всякой вещи, включая стены и потолки, выжато всё, но этим «добром» еще долго будут пользоваться, без конца подновляя, подкрашивая, подмазывая, подкручивая и подвинчивая. Мне показалось, что всё выжато и из воспитательниц, нянечек, уборщиц...

Вот разговор с воспитательницей — Анной Николаевной Пытко.

— Откуда у вас украинская фамилия?

— Это чукотская фамилия. У меня мама чукчанка и папа чукча... По-украински было бы Пытько.

— Сколько здесь учеников и в чем наибольшая нужда?

— У нас проживают двадцать два ученика — из многодетных и малообеспеченных семей. Есть еще «вспомогательный» класс, из умственно отсталых детей. Их двенадцать.

— Чем вы их кормите?

— Тем, что достанет директор. В основном макаронные изделия. Осенью едим китятину. Сейчас — оленину. Как-то раз даже были котлеты.

— Кто одевает интернатовцев?

— Одеждой обеспечивает государство.

— Присылают или деньгами выдают?

— Уже много лет не присылали.

— Вы же говорите: «государство».

— Да, государство. Что накопилось в советское время, тем и обеспечивает.

— Когда в последний раз получали одежду?

— Давно. В девяностых годах...

— Когда привозили новые парты или стулья?

— Когда школу комплектовали. В восьмидесятых...

— Какая у вас зарплата, какой распорядок у воспитателей, как вы вообще занимаетесь с детьми?

— У меня получается где-то тысяча семьсот... Воспитательницы находятся в интернате с утра до девяти вечера. А ночью дети остаются с нянечкой... Нам их нечем занять. Нет игр, нет книг. Только телевизор, по которому показывают одну программу. Тетрадей нет, плохо с учебниками, про одежду говорили... Интернатских еще как-то кормим и одеваем, а вот своих... Сыну недавно купили ботинки за сто шестьдесят рублей. Он месяц проносил — и они порвались. А дорогую обувь, рублей за четыреста, мы себе позволить не можем. Интернатские одеваются неплохо. У них есть и нерпичья обувь, и пальто, только вот с шапками плохо. Шапок нет совсем.

— В чем же они ходят по такому морозу?

— В домашних шапках.

— Что значит «в домашних»?

— Значит, кто в чём может, в том и ходит...

Я прошел по коридору, заглядывая во все комнаты. В полутемном туалете (на Чукотке беда с лампочками) увидел несколько мальчишек. Один из них сунул голову под кран с ледяной водой, намылил хозяйственным мылом, сполоснул и вытер тонким «вафельным» полотенцем. Вся процедура заняла минуту-полторы.

В одной из комнат собралась часть воспитанников. Они сидели на грубо сбитых скамейках и смотрели телевизор. На стене висела простыня. Кто-то нарисовал на ней полярный поселок с большой церковью и вывел надпись: «С Рождеством!»

Увидев меня, дети отвлеклись от телевизора. Я достал диктофон и, обращаясь к одному из интернатовцев, спросил, станет ли он охотником. Все дружно рассмеялись. Оказалось, я обратился к девочке...

У другого спросил, забирают ли его на выходные домой. Дети вновь засмеялись, а мальчишка ответил, что у него нет дома...

У третьего поинтересовался, кем работают родители, но он сказал, что у него родителей нет...

Я убрал диктофон и молча глядел на детей. Они с любопытством и тоже молча смотрели на меня.

Когда я вышел в коридор, дети высыпали за мной. Им хотелось поговорить. Я пробыл в их окружении пятнадцать минут и, если бы меня не торопили, оставался бы дольше: более внимательного и бережного отношения к себе еще не встречал. Я даже почувствовал, что никогда и никому не был так нужен, как стоящим передо мной лоринским интернатовцам.... У самого маленького изуродовано лицо.

— Что с ним?

— Собака покусала. Слишком близко подошел к упряжке.

У нас таких много.

Все рассмеялись, включая покусанного.

ДОРОГА ИЗ ЛОРИНА

В Лаврентия возвращались в полной темноте. Видимость была ограничена отрезком дороги, освещаемым фарами. Ночь затушевала дневные картины, и, если бы я их не видел, не поверил бы, что вокруг нескончаемые пространства. Быть может, поэтому я попросил водителя остановиться, заглушить мотор и выключить фары. Затем вышел из «уазика», но отойти от него дальше, чем на двадцать шагов, не решился...

Я ничего не увидел, потому что вокруг не оказалось ничего, что можно было бы видеть. И не слышал ничего, так как неоткуда и не из чего было взяться даже малейшему шороху. Где-то за моей спиной должны быть невидимые сейчас сопки. Огромный материк — Евразия, начинаясь здесь, заканчивается на побережье Атлантики, а прямо передо мной должна быть кромка Берингова моря, и сразу за морем — Тихий океан... Это значит, что земная твердь, обрываясь в километре от меня, проявится лишь у берегов Антарктиды! Такого владычества природы над собой я не ощущал никогда. Ни горы, ни океан, ни пустыня, приводившие меня в трепет и благоговение, не вызывали столь жуткого, поистине первобытного страха, который породил во мне этот холодный, безмолвный и равнодушный мрак. Вероятно, потому, что горы, пустыни и океаны — составные части Земли, порождение ее в той же степени, что и мы, люди, из праха происшедшие и в прах возвращающиеся, и, если я сгину в волнах, замерзну во льдах, провалюсь в бездонную трещину или испепелит меня солнце — прах мой все же останется на Земле и будет принадлежать ей, как принадлежал всегда. В этом смысле все земные стихии — мои, а сам я — их часть. Но, оказавшись в одиночестве посреди мерцающих звезд, я ощутил нечто к Земле не относящееся и считаться *моим* не могущее. Я бы радовался даже луне, но и её не было. Всё — от горизонта до горизонта — было усеяно мириадами звезд, и если существует небосклон (склонившееся

небо), то именно теперь я находился посреди него. Холодные, далекие, чужие звезды были надо мной, вокруг и даже ниже меня. Они безмолвно мерцали, не отражая, но поглощая свет. Так же для кого-то мерцает Земля, с океанами, пустынями и горными вершинами, в масштабах Космоса попросту не существующими. Нет, ничто не идет в сравнение с тем страхом, в сочетании с удивлением и восторгом, порождаемым этим бесконечным мраком, где Земля — лишь одна из пылинок, которую, едва упустив из виду, уже и не отыщешь. Не от соприкосновения ли с этим жутким отчуждением особая гордость космонавтов и ведомая только им тайна, позволяющая дорожить Землею иначе, чем дорожат все остальные?..

Простояв еще минуту, я забрался в крохотный, теплый, спасительный «уазик», внутри которого обменивались веселыми историями милые и добрые люди. Я словно возвратился к землянам, вернулся к своим. Уверяю, что только одна эта возможность оказаться посреди звезд стоит того, чтобы побывать на зимней дороге на краю Земли.

* * *

В этот же день в тундре сгорели заживо шесть лоринских оленеводов. В ста километрах от села, на перевале Эренвеем. О беде узнали спустя сутки. Все это время стадо оленей оставалось без присмотра, и пока никто не знает, что с ними.

Вот так! Сгорели! А казалось бы, в декабре в тундре проще замерзнуть.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ МОРЖЕЙ НА ЛЕЖБИЩЕ И В ПРИБРЕЖНЫХ ВОДАХ

«...Более подвижными и беспокойными на лежбище являются, безусловно, молодые звери. Это хорошо бывает заметно при неожиданном испуге. В этом случае молодые, толкаясь, с шумом, хрюканьем и резкими криками лавиной устремляются к воде, а старые звери медленно поворачиваются в сторону опасности, кряхтят, негромко лают и всем своим видом показывают нежелание уходить с "обжитого" места. Такое спокойное поведение старших успокоительно действует и на молодежь, которая вскоре приостанавливает свое движение и начинает возвращаться обратно...

Старые звери ведут себя более спокойно, где бы они ни находились. В частности, в воде у самой залежки приходилось наблюдать по нескольку часов подряд громадных почти белых моржей, покрытых бугристой кожей. Возможно, что меньшее число таких старых животных в центральных частях залежки объясняется тем, что они выбирают места, где бы их не толкали и не теребили соседи.

Залежка находится в постоянном движении. Это относится не только к передвижениям зверей по суше и в воде, но и к поведению лежащих зверей, которые почти непрерывно ворочаются, переваливаются с бока на бок, наваливаются на соседа или, наоборот, стараются из-под соседа вылезти. Нередки случаи, когда моржи лежат друг на друге буквально в два "этажа". Неоднократно наблюдался и третий "этаж" зверей, но он бывал обычно недолговременным, и верхние звери, пробившись сквозь массу тел, спускались ниже».

«Краеведческие записки».
Выпуск IV, Магадан, 1962, С.162-163

**Из книги Валентины Вэкэт
«Кагъегыргын». М., 1997 г.:**

«...Когда море крепко замерзло и встал припай, выдержавший силу первого южака, начинается обучение будущих охотников. Дед или отец учит малыша, как ставить сетку на нерпу на припае. Малыш в восторге: он встал на охотничью тропу и во всем подражает взрослым. Увидит дед, что идет взрослый сын с охоты со связкой нерп, берет с собой внука и идет навстречу. Отвязывает самую маленькую нерпу, надевает на внука лямки и велит тащить нерпу домой. Тяжело малышу. На ровном месте нерпа скользит легко, на неровностях застревает, цепляется за льдины. Но дед рядом. "О-о! Сильный, сильный ты!" — подбадривает он внука и показывает, как лучше выбирать удобную тропу в торосах. А у яранги он, как и его отец, подтаскивает нерпу к дверям и ждет, когда из деревянного ковшика напоят нерпу-гостью, и по древней традиции выливает остатки воды в сторону моря. И только после этого заносят нерпу в тепло для разделки.

Голодные соседи и вдовы сразу узнают, что пришли с добычей, идут и тут же получают кусок жира и мяса. И часто бывает, что не успевают хозяйка обработать всю нерпу, как от нее остаются только голова, потроха и лапы. Ставит кастрюлю и варит остатки. Дети рады удаче отца и с нетерпением ждут свежатинки. Пока варится мясо, девочка разносит по куску мяса слабым и больным старушкам, которые постеснялись прийти сами. Когда девочка приносит подарок, то, чтобы посуда не продырявилась, ее взаимно тоже одаривают подарком: дают лакомые кусочки из оленьих кишок, кусочек белой мандарки в знак благодарности. Вся семья довольна и сыта, кажется, всех соседей одарили, никого не обидели...»

28 декабря. Лаврентия

Привет, Вероника!

Я по-прежнему в Лаврентия и до Нового года едва ли отсюда выберусь.

Вчера впервые увидел северное сияние. Каждый вечер ждал его в Билибино, затем в Анадыре, а дождался только в Лаврентия. Я бы мог о нем рассказать, но не в письме. Здесь в помощь нужны жестикуляция, мимика, вздохи и ахи. Все изображения северного сияния и тысячной доли не отражают, чем в действительности оно является, потому что сияние все время в движении и изменении.

Представь: откуда-то из-за сопки восходит к звездному небу светящийся полупрозрачный серпантин из тончайших вертикальных штрихов. Он движется, колышется, волнуется, образует кольца и полукруги, затем разматывается, а дойдя до залива, застывает и бесследно растворяется, поглощаемый мраком ночи.

А вслед появляются и плывут по небу новые спирали... Словно балуется курильщик, пуская кольца табачного дыма.

Лаврентьевцы к подобному чуду привыкли и даже не поднимают голову, чтобы на него взглянуть. Они считают северное сияние вредным и предпочитают в это время находиться дома. Необычно ведет себя и дым, выпускаемый трубами котельных. Он пытается соперничать с таинственным явлением природы, для чего поднимается к небу и там выписывает уродливые кренделя, временами сливаясь с северным сиянием. Так заносчивая курица хлопает крылышками, надеясь присоединиться к уходящему за горизонт косяку журавлей. Когда же сияния нет, дым лаврентьевских котельных ведет себя спокойно, монополюно «украшая» небо над поселком и заливом.

...Ночью никак не усну. Сначала пишу, а когда не остается сил — слушаю радиоприемник. В основном средние волны, которые заполнены английской речью, джазом, музыкой кантри и добрым старым роком, в Европе уже забытым. Наедине с радиоволнами чувствую могучее дыхание иного и недоступного мира, слышу эхо чего-то огромного, мощного и значительного, существующего не с нами и не для нас; в фиолетовом индикаторе радиоприемника вижу широкие освещенные автострады, уходящие в глубь чужого континента, бесчисленные роскошные автомобили и равнодушные лица их владельцев; за шумом радиопомех слышу гул огромных боингов, в креслах которых развалились беззаботные обитатели гигантской страны; глядя вместе с ними в иллюминатор, вижу большие города, сияющие огнями витрин и реклам, афишами театров и кино, музеев и вернисажей, блеском аттракционов и переполненных стадионов; слышу бесконечную речь и нескончаемый смех... Это манит, зовет, соблазняет, призывает бросить всё и устремиться туда, к ним, чтобы жить, как и они, счастливо и беззаботно, предаваясь не только делу, но и утехам, жить, не беспокоясь о завтрашнем дне, да что

там... о следующей минуте. И невольно думаешь о тех, кто, набравшись смелости, все же решился избавить своих детей и внуков от унижительной участи: ежечасно выживать или глядеть на то, как выживают другие. И вчерашний аргумент — «кому мы там нужны?» — не успокаивает, потому что где еще мы так не нужны, как в своем отечестве?

А что если набраться сил, пролететь всего полсотни миль и оказаться на другом берегу, окунуться в иную жизнь, с иным мирозданием, другим ритмом, другими нравами, со всем тем, чего здесь нет и никогда не будет?

...И слава Богу, что нет, и хорошо, что не будет! Ведь воздерживаемся лишь потому, что не имеем соблазнов, праведны оттого, что никто не искушает, и дорожим своим бытием только потому, что иного не знаем, а смерти не боимся потому, что не ведаем, что значит жить...

Каждый день прохожу мимо сарайчиков, которые сторожит здоровенный пес на привязи. Что за порода — не знаю, но таких огромных и шерстистых я еще не встречал. Если прирастить к нему бивни — впотьмах сойдет за мамонта. Появись такой пес в Москве или в Париже, его бы сделали героем светских хроник, увешали медалями и закармлили, он бы распух от консервов и превратился в гигантскую болонку, которая, развалившись на дорогом диване, скоро бы подохла от тоски. Но здесь, в Лаврентия, на привязи у сарайчика, этот пес — на месте. Ему не надо ни лаять, ни рычать, ни тем более кого-то кусать. Достаточно просто быть, и этого довольно, чтобы никто и близко не подошел. Пёс это понимает и потому ничего, что должна была бы совершать сторожевая собака, не делает. Лишь молча сидит.

Сегодня я наблюдал, как этот пес лениво грыз две замерзшие буханки. Рядом с ним кормился теми же буханками маленький щенок, совершенно круглый и не по возрасту шустрый. Неподалеку сидели, наблюдая за трапезой и облизываясь, две голодные тощие собаки. Разумеется, мысль принять участие в тра-

пезе не могла прийти в их собачьи головы. Здоровенный пес не отгонял щенка, понимая, что много тот все равно не съест, зато все вокруг (и не только собаки) будут знать, какой он покладистый по отношению к младшим. За добрую репутацию плата ничтожная, а авторитет у него и без того самый большой в Лаврентия и, быть может, на всей Чукотке. Вообще, трудно вообразить, чтобы существовали собачьи морды еще большие. Ученые-скептики утверждают, что жизнь на Земле уникальна и мы одиноки в мире звезд. Если так, то морда эта — самая большая во Вселенной!

У меня еще с Москвы припасена колбаса, и я дал по два кружочка голодным собакам. Они, словно ошалевшие, бросились на этот смехотворный корм. Так вот, на шум и в надежде заполучить угощение примчался щенок, без раздумий оставив покровителя. Тот, возможно, приперся бы и сам, но был на привязи.

Я говорю маленькому наглецу: «Что же ты? Там кормишься, а теперь прибежал сюда, хотя этим несчастным и без того мало!»

Но щенок смотрел на меня непонимающе и лишь ждал, когда же я его угощу. В конце концов выпросил кусочек колбасы и моментально сжевал. Я обратил внимание, что взгляд и повадки у него далеко не детские. Он уже достаточно матер, готов к борьбе за выживание, и я не сомневаюсь, что выживет. А поступает так не по наглости, а от нужды, которая мало красит даже безобидных щенков. Я перестал интересоваться им в тот самый миг, когда закончилась колбаса. Собаки еще пребывали в надежде, а щенок уже побежал к своему покровителю, доедать еще и там.

Здоровенный пес не прогнал щенка, не упрекнул, он лишь посмотрел на него грустно, понимая, что всякое воспитание здесь бесполезно.

Каждый день звоню в роддом, а через день захожу. Пока — ничего утешительного.

Все, с кем я разговаривал, подтверждают, что сейчас родить в тундре и остаться незамеченной сложно. Одна пожилая эскимоска рассказала, что у них женщины рожали, сидя над большим сосудом, сделанным из коры и кожи. (Эти сосуды привозили с Аляски.) Повитухи были искусными и выправляли плод, если он был расположен неправильно. Роженица редко умирала во время родов. Другая эскимоска, жившая еще в Наукане, вспоминает, что, когда приходила повитуха, мужчины должны были немедленно покинуть ярангу, прихватив охотничье снаряжение. По старинному преданию, если оружие останется при родах, в будущем новорожденный не сможет добывать морского зверя. Как только ребенок появлялся на свет, ему давали вареный жир моржа, чтобы он его сосал, пока у матери не появится молоко. Пожилая чукчанка из Лорина — Раиса Николаевна, родившая шестерых, рассказывает, что она и другие женщины из их поселка часто рожали без чьей-либо помощи.

Выпытать что-либо о деторождении из чукотских женщин непросто. Гораздо словоохотливее акушерки. Они здесь как на подбор: высокие, темноглазые, ни у одной нет и тени уныния, и почти все — украинки. Они с охотой рассказывают о том, как принимали роды, словно это не тяжкий труд, а отдых. Не знал, что акушерство может стать увлечением и даже страстью.

До Чукотки я лишь однажды разговаривал с акушеркой. Это была Вера Станиславовна — старейшая и опытнейшая акушерка, принявшая роды у доброй половины торжокских мам. Помню, она благодарила меня за какую-то статью, и я почувствовал в ее руке такую силищу, будто поздоровался с крепким мужчиной. Я спросил: неужели это связано с профессией? Вера Станиславовна рассмеялась и сказала, что руки у нее сильные оттого, что в жизни пришлось много потрудиться. К профессии это прямого отношения не имеет, хотя усилия в акушерстве нужны, и не малые. Но еще больше эта профессия требует умения. «А то можно шею сломать», — весело сказала Вера Станиславовна.

Все лаврентьевские акушерки — сильные и крепкие. Одна из них — Валентина Николаевна работает здесь уже семнадцать лет. Ее теперь мало чем удивишь, но когда только приехала... До Лаврентия Валентина работала в Мариуполе. Кроме украинок и русских, принимала роды у цыганок, гречанок, евреек и даже у кубинки, поэтому считала себя уже опытной акушеркой. Все-таки шестилетний стаж в современном роддоме на сто пятьдесят коек! (В Лаврентия всего на десять.) И когда здешние акушерки поведали, что чукчанки и эскимоски во время родов не кричат и даже не стонут, она была шокирована: «Как не кричат? Хохлушки, еврейки и особенно гречанки кричат, а чукчанки нет?!» Валентину предупредили, что они обычно не жалуются на боли и могут родить прямо в кровати. Ей даже посоветовали не отпускать рожениц одних в туалет. «Боже! Страх какой!» — вспоминает Валентина Николаевна.

Однажды, во время дежурства, она осматривала чукчанку, спрашивала, болит ли живот, и та отвечала, что, мол, все в порядке, не болит. Вдруг, за полночь, чукчанка подходит и говорит: — Ой! Сейчас рожу.

— Как это, родишь? — спохватилась Валентина. — Ты же десять минут назад говорила, что ничего не болит!

Только уложила роженицу на кушетку, как ребенок, вместе с водами, с пузырьем, шмыг — и вылетел наружу. Чукчанка даже не «дулась». Удивлению акушерки из Мариуполя не было предела: «Куда я попала!»

Уже потом, проработав некоторое время, Валентина поняла, сколь легко с коренными женщинами, какие они замечательные роженицы, как они слушаются, выполняют указания врачей, помогают во всем, какие умницы в сравнении с материковыми роженицами, которые кричат, вытаращив глаза, и от этого ребенок пугается. Сама Валентина рожала здесь же, в Лаврентия, и принимали у нее роды коллеги. Говорят, кричала так, что крыша дрожала. И за то, что чукчанки и эскимоски такие терпеливые и

мужественные, Валентина их полюбила и души в них не чаёт. Что бы о них ни говорили, для неё нет на свете лучших женщин.

И ещё. Она говорит, что за семнадцать лет работы не было случая, чтобы чукотская мать отказалась от ребенка. Ни раньше, когда на Чукотке жилось легче, ни сейчас, когда им тяжело. Бывало, к сожалению, другое. Они пьют, и случалось, хмельная женщина засыпала и грудью закрывала ребенку лицо. Тот задышался... Бывало, они напивались, оставляли дитя без присмотра, и голодные собаки его загрызали. Чукчанки могут быть невнимательными, бездумными, бесшабашными, но ни одной не придет мысль отказаться от ребенка. По словам Валентины Николаевны, среди чукчанок считается престижным родить от русского: дети получаются красивыми и умными. В каждом селении есть свой «гладиатор», которым гордятся, причем у чукчанок нет претензий к мужчине, который стал отцом ее ребенка. Она может и не сказать, от кого родила. У них нет умысла «повязать» мужчину ребенком. Чукчанки — преданные и смиренные, не борются за главенство в семье, и рядом с нею всякий мужчина чувствует себя королем.

«Славные люди, — говорит о чукчах и эскимосах Валентина Николаевна. — Они появляются на свет по-особенному, легко, и уходят из жизни тоже без надрыва и трагизма. Когда было голодно, старики, чтобы выжили молодые, добровольно уходили из жизни, для чего носили на шее удавочку». Валентина читала об этом у Юрия Рытхэу.

Коллеги Валентины — Светлана Геннадьевна и Виктория — также говорят о своей профессии восторженно и ни на какую другую ее не променяют. Наверное, у каждого из нас есть тайна, которую видит, понимает и чувствует лишь тот, кто первым, еще прежде матери, берет нас на руки.

...Сколько возвышенных строк посвящено смерти! Сколько дерзких замыслов и откровений родилось у смертного одра при созерцании бесчувственного тела! А как заманчиво перейти

этот порог и узнать: что за ним? Но что сказано о рождении и много ли о том подумано? Разум — бессилён, а слова самого искусного мастера — недостаточны. Что за чувство вырывается вместе с новорожденным! Одно слово — Радость! Выразить её можно лишь криком, при первом вздохе, и только один раз. Не потому ли древние законы Севера наказывают роженицам молчать, чтобы первый крик Радости был слышнее в бескрайнем безмолвии тундры?..

Я просил акушеров, чтобы они «родили» младенца в первый час после Нового года, убеждал, что это очень важно. Да они и сами хотят, чтобы здесь, в Лаврентия, родился первый младенец двухтысячного года. Сколько бы радости и надежды принесло это событие...

Науканская эскимоска Маргарита Сергеевна со слезами говорит: «Если бы родился у нас такой ребеночек, я бы пожелала, чтобы он был здоровым и хорошим, чтобы он рос, получил образование и здесь, на Чукотке, начал строительство большого города. И чтобы в этот город переселились все разбросанные по тундре чукчи и эскимосы... Чтобы возродилась наша культура, которой мы гордились и гордимся, и чтобы весь мир услышал наши песни, увидел танцы, узнал быт наших охотников и оленеводов. В этом городе мы будем ходить только в народной одежде. И еще важно сохранить наш язык. Вот что я желаю и чего жду от первого младенца двухтысячного года».

Как видишь, ожидания велики, да шансы малы. С наступающим Новым годом!

**Из книги В.Н.Жука «Мать и дитя»,
4-е изд., С.-Петербург, 1891:**

«...Этнографическія исследованія Плосса показали, что нетъ такого положенія, которое было бы общимъ при родахъ у первобытныхъ народовъ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи существуютъ самыя странныя "моды". Такъ въ Германіи съ давнихъ поръ существовалъ обычай разрешаться отъ бремени въ особенныхъ родильныхъ креслахъ; но по-ложеніе роженицы въ нихъ таково, что и следить за нею труднее, и нельзя хорошо поддерживать промежность, вследствие чего часто являются разрывы ея. Въ Голландіи каждой невесте, вместе с приданымъ, давали подобное кресло. Прототипомъ кресель следуетъ считать обычай рожать на рукахъ у мужчины или другой женщины, бывший прежде въ ходу и въ Европе и теперь еще сохранившійся у бедуиновъ. У голладцевъ былъ даже особенный классъ женщинъ, служившихъ живыми родовыми креслами (назывались они "schoosters"). Точно так же неудобно во всехъ періодахъ родового акта и распространенное между англичан-ками положеніе роженицы на левомъ боку, съ согнутымъ туловищемъ и притянутыми бедрами. У насъ такъ чаще всего кладутъ первородящихъ (или когда схватки очень сильны), чтобы такимъ образомъ помешать роженице натуживаться, отъ чего она не в силахъ удержаться. Вообще же въ Россіи, во Франціи и въ Германіи рожаютъ на спине съ приподнятой верхней частью туловища и согнутыми ногами, упирающимися въ туго скатанное одеяло. Руки придерживаются за полотенце, укрепленное къ спинке кровати...

...По Осіандеру, готтентотки разрешаются на корточкахъ. Подобный же обычай существуетъ и поныне между черкешенками, персианками и у многихъ народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія. Теперь на корточкахъ разрешаются лишь те женщины, которыхъ роды застигнутъ неожиданно.

У некоторых народов рожаютъ въ стоячемъ положеніи, несмотря на все неудобство и даже на невозможность, по мненію некоторыхъ авторовъ, разрешиться стоя. Такъ рожаютъ жены индусовъ, поддерживаемыя съ боковъ двумя женщинами. Негритянки (на Филиппинскихъ островахъ) упираютъ только животъ въ бамбуковую трость. Та же мода господствуетъ у негровъ Центральной Африки, у боевровъ въ Капландіи, у индейцевъ Северной Америки. Наконецъ, у дикихъ племенъ Южной Америки роженица привязывается въ висячемъ положеніи къ дереву, подобно тому, какъ въ Германіи и Англійи существовалъ слѣдующій обычай: здоровый мужчина держалъ роженицу "на лету", или же она разрешалась, вися на шее другой женщины...

...Прорезываніе головки составляетъ наиболее болезненный моментъ родовъ, и большинство родильницъ съ трудомъ переносятъ его — мечутся и громко стонутъ. При этомъ возникаетъ неудержимое желаніе жilиться и вырывать потуги, которые именно въ это время наиболее помогаютъ окончанію родовъ. Сокращения матки достигаютъ своей наибольшей силы и повторяются черезъ короткіе промежутки. Роженица жалуется на сильныя боли въ крестце, которыя переходятъ даже на бедра. Отъ сильнаго напряженія потъ выступаетъ по всему телу. Лицо краснеетъ, губы и веки припухаютъ, взоръ становится блуждающимъ, черты лица искажаются. Роженица чувствуетъ сильную жажду, а когда боли достигаютъ наивысшей степени, является даже дрожаніе членовъ (отчего и боли называются «потрясающими»), иногда даже и рвота. Но все это быстро проходитъ, какъ только головка прорезалась...

...ПЕРВЫЙ КРИКЪ ребенка безспорно производитъ на него очень благотельное вліяніе. При немъ усиливается

кровообращеніе, что такъ важно въ первый моментъ земной жизни, поднимаются дыхательныя мышцы — и воздухъ входитъ въ отдаленнейшія части легкихъ, вследствие чего грудная клетка, а вместе съ нею и легкія — сильнее расширяются. Но и помимо того вліянія, какое онъ оказываетъ на деятельность легкихъ и сердца, очищая воздухоносныя пути отъ скопившейся слизи и постороннихъ веществъ, ускоряя движеніе волнъ крови, крикъ возбуждаетъ нервную деятельность всего организма, вызывая этимъ путемъ мышечныя движенія, заканчивающіеся утомленіемъ и испариной, — следовательно, действуетъ подобно физическому упражненію взрослому...»

29 декабря. Лаврентия

Здравствуйте, дорогой Борис Исаакович!

Когда-то мне казалось, что в политике нет такого, чего бы я не понимал, в чем бы не разобрался и чего бы не мог предугадать. Если бы десять лет назад я случайно попал в Лаврентия, то мигом бы объяснил, зачем тут живут полторы тысячи его жителей. Но сейчас, мучимый бессонницей, я не перестаю задаваться вопросом: зачем они здесь, в стороне от жизни, от музеев и театров, бульваров и скверов, от всего того, что кем-то названо цивилизацией? — и не нахожу ответа. Каждый в отдельности незаменим и необходим: учитель — учит, повар — кормит, врач — лечит, продавец — продает, милиционер — охраняет... С этим ясно. Неясно, зачем они учат, лечат, торгуют, охраняют... именно здесь?

Выходя на работу — в администрацию, котельную, магазин, аэропорт, школу, пекарню, на почту или в больницу, — каждый понимает, что его функции не исполнит больше никто. Все вместе формируют единый организм, который поддерживает жизнь. Убери кого-нибудь (пекаря, акушера, связиста) — это мигом отразится. Даже уход в отпуск нередко создает трудности для жизнедеятельности поселка. Что же говорить об отъезде?

В то же время здесь каждому очевидна собственная ничемность для государства. И не только собственная, но всех жителей Чукотки. Очевидно и то, что никому они не нужны на материке. Житель Лаврентия знает, что он нужен только такому же, как сам. Это роднит лаврентьевцев с командой подводной лодки, где всякий, включая капитана, больше функция, чем человек.

Все клянут государство, которое отвернулось от Севера и не вкладывает деньги в его развитие, но, когда спрашиваешь, какая государству в том польза, молчат или твердят невразумительно о полезных ископаемых, таблице Менделеева, по которой вроде бы ходят, и прочих выгодах, о которых имеют смутное представление.

Коренные жители высказывают недовольство тем, что их землю эксплуатируют пришлые, из-за чего северные народы вымирают. Вместе с тем они жалуются на то, что их оставили в беде, и выстраиваются в очередь к районному начальству за материальной помощью.

Это лишь малая часть мучительных противоречий и парадоксов, из которых соткана жизнь в Лаврентия. В результате предстает печальная картина угасания того, что с таким восторгом начиналось. Поникшие, с потухшим взглядом и ко всему безразличные, словно тени, ходят по поселку чукчи. Дерганые, озабоченные, отрезанные от жизни и безнадежно уставшие — материковые. В Лаврентия еще жизнь теплится, словно догорающие угли на пепелище, а в глухих поселках и того хуже.

Сотни раз слышал ломоносовское утверждение о том, что будущее России будет прирастать Сибирью, и безоговорочно ве-

рил авторитету гения. Тем более что газетные репортажи и телесводки уверяли в том же. Но вот своими глазами увидел обратное: Сибирью, точнее Крайним Севером, Россия гибнет. Разлагается, тает и исчезает...

Знаете, кто из художников точно уловил физиологию и трагизм человеческой катастрофы, физического распада и духовной безысходности? Хаим Сутин. Я не знаю, как впечатляла современников галерея написанных им портретов, но теперь, оглядываясь на прошедший век, понимаю, что эти несчастные, обреченные персонажи, с распухшими лицами, с беспомощно скрещенными или вытянутыми руками, огромными и бесформенными, доходчивее всего объясняют катастрофу умирания. Сутин, кажется, смог запечатлеть своих героев горящими в печи нацистского крематория еще до того, как они туда попали. Он словно представил, как выглядели бы они, если бы оказались там.

Именно сутинские портреты я вспоминаю, глядя на чукчей, стоящих в очереди за гуманитарной помощью или за хлебом. Хмурые и равнодушные, беспомощные и усталые, молчаливо глядят они на меня — чужака, зачем-то приехавшего в их край...

После того как при помощи культбаз здесь все окультурили, наурупняли, наперестраивали и развалили, на спасение района бросили учительницу. Действительно, кто еще в России тысячелетнего порубежья возьмется за труд, в сравнении с которым расчистка авгиевых конюшен выглядит обычной уборкой?

Поразительно, но при всем скептицизме по отношению к начальству лаврентьевцы в эту женщину верят. Им кажется, что ей-то как раз под силу все наладить и оживить. Одни будут довольны, если новый начальник района достанет солярку, другие обрадуются сосискам, а кому-то вовремя выплатят заработанную плату. Вот уже и хорошо! Вот и «подъем»! Народ ведь не избалован. Лишь бы хуже не стало. Даже и к худшему готовы, только чтобы не намного и не сразу.

Как бы Валентина Васильевна не стала представителем Министерства по чрезвычайным ситуациям в своем районе и не превратилась в авиадиспетчера, с утра до вечера умоляющего о прилете «борта» с едой.

В 1999 году собственных средств в районный бюджет поступило шесть миллионов рублей. Если эту сумму разделить на количество жителей, то на каждого придется по три с половиной доллара в месяц. На эти деньги можно ежемесячно покупать по паре «окорочков Буша». Разумеется, главная задача главы района летать в Анадырь и обходить с протянутой рукой чиновничьи кабинеты, повторяя губернаторские хождения в столице. Учитывая, что так же, только с более важным видом, бегают по финансовым организациям Запада наши кремлевские начальники, можно представить, в каком динамичном состоянии находится отечественное чиновничество. Не позавидуешь.

Поскольку Валентина Васильевна молода и обаятельна, к ней благоволит губернатор. Ей уже удалось выплатить зарплату работникам бюджетной сферы, которую они не видели девять месяцев. С остальными труднее: в жилищно-коммунальном хозяйстве зарплату не получают по два-три года, в совхозах — в течение пяти-шести лет. Там уже не помнят, что такое деньги. Кроме того, Валентина Васильевна обеспечила район углем, топливом для вертолетов и продовольствием. Тепло, еда и свет — вот иерархия ценностей в Чукотском районе. Та же иерархия и в Швейцарии, и в Норвегии, и в Канаде, только граждане их об этом не знают.

Понять, отчего Лаврентия вместе с Чукотским районом и со всей Чукоткой никому не нужны, не сложно. Труднее объяснить, для чего Лаврентия нужен.

В Билибино есть атомная станция и есть рудник, на котором добывают золото. Это значит, что работа для пары тысяч человек там всегда найдется. Но чем может жить Лаврентия, представляющее собой разросшуюся культбазу? Здесь пограничный район, и, если есть интерес военно-стратегический, нужны две-

три сотни пограничников, военный городок — и все. Что делать остальным?

Валентина Васильевна с этим не согласна и считает, что «коренных людей бросить нельзя, так как они без нас пропадут».

И точно, без нас — пропадут. Но парадокс в том, что пропали-то как раз из-за нас!

После экспериментов с местным населением, включая коллективизацию и фермеризацию, наши начальники пришли к выводу, что надо бы это население вернуть к своим исконным занятиям — к оленеводству и охоте, сделать их хозяевами стада и земли — словом, вернуть в тундру.

Замечательно! Вот только возвращать некого. Живущие сегодня — это не те самые чукчи и эскимосы, которых когда-то загоняли в совхозы. Это новые поколения, выросшие в интернатах и тундры не знающие. Кроме того, что не осталось «тех самых» чукчей, нет и «тех самых» нас. Нет и того государства, и его обязательств тоже нет. Ничего прежнего у нас не осталось, кроме наших бед.

В Чукотском районе право голоса на выборах имеют 2 730 человек. Это и есть взрослое население. На учете состоят 402 безработных. Из них 360 коренных жителей, причем женщин — 219. Безработных до 29 лет — 130. В Лаврентия числятся 84 безработных на 1 407 жителей. В Уэлене 81 безработный на 772 жителя. (Три года назад там было 45 безработных.)

Таково положение на 1 октября 1999 года, хотя действительная безработица как минимум в два раза выше. Несмотря на нищету и безденежье коренные жители на объявления о приеме на работу отзываются неохотно.

Несколько раз я подходил к косторезной мастерской, чтобы купить сувенир, а заодно посмотреть, как работают косторезы. Но мастерская всегда была закрыта, хотя табличка на дверях утверждала, что это коммерческое предприятие. Меня интересовали уже не сувениры, а то, когда появятся косторезы. Наконец я застал в мастерской двух чукчей и попросил продать какое-

нибудь изделие. Они ответили, что работают только «на заказ». Я попросил показать образцы, но и образцов у них не было. Мне сказали, чтобы я пришел «завтра». Я пришел на следующий день, но косторезы бормотали что-то невнятное, перекладывая вину друг на друга. В конце концов я махнул на них рукой.

Коренных жителей трудно поднять даже на незначительную работу. Невозможно отыскать хотя бы четырех человек, чтобы разгрузить вертолет. И это притом, что вознаграждение выдается тут же, у борта: мукой, сахаром, крупой. Приходится просить помощи у пограничников, в то время как безработные отмахиваются. В результате с трудом организованный рейс задерживается на три-четыре часа, хотя каждая минута — на вес золота.

Люди привыкли к подачкам, которые стали системой и образом жизни, заменив труд. Они без стеснения и устали обивают пороги учреждений, выцарапывая эти подачки. Пособия по безработице, пособия матерям-одиночкам (445 рублей в месяц), детские компенсации (232 рубля) являются не подспорьем к зарплате, не подстраховкой на время поиска работы, а средством к существованию, вполне их устраивающему.

Нынешнее состояние Чукотки — это когда романтизм исчез и даже дух его выветрился, а прагматизм еще не совал носа. И неизвестно, сунет ли. Вопрос о будущем возник не сегодня и не вчера. Вот как он сформулирован несколько лет назад в одном иллюстрированном журнале:

«Путей два — или вывезти всех на Большую землю, превратив Чукотку в резервацию для коренных народов, или, наконец, понять громадные перспективы здешних мест и отнестись к ним по-хозяйски. Центр своего отношения к Чукотке до сих пор не определил...» («Россия». Ноябрь-декабрь, 1996).

Изложенная дилемма — трехлетней давности, и уже можно говорить о её разрешении: Чукотки для Центра не существует, как, впрочем, не существует для него и всё остальное. Прошедшие годы прояснили и путь, по которому пошла Чукотка: кто

может, спасается бегством или старается вывезти хотя бы детей. Чукотка перестает быть землей неизвестной и становится тем, чем была изначально, — страной чукчей, эскимосов, эвенов. Точнее, страной их остатков. «Громадных перспектив» не заметили, следовательно, никто не будет вкладывать сюда капиталы, и рассеяние иллюзий на этот счет было бы уместным и полезным для чукотского начальства.

Что делать?

Главная насущная задача современной Чукотки в том, чтобы сохранить специалистов и уберечь наиболее важные объекты. Выскажусь более определенно: Чукотку надо законсервировать. Среди интеллектуалов нередко заходит речь о создании резерваций для коренных жителей. Я бы предложил создать резервации для жителей материковых...

Мне вспомнились детские рисунки, выставленные в краеведческом музее Билибино. Дети — лучшие футурологи, их чувствительности может смело доверять прагматик. Рисунки подсказывают, что искать выход надо в континентальной Чукотке. На месте того же Билибино. Из этого небольшого города может вырасти северный мегаполис — первый из тех двух-трех десятков супергородов, которые, соединившись коммуникациями, «обвяжут» планету вдоль полярного круга. Билибино станет столицей и метрополией Чукотки, его центром. Микрорайоны мегаполиса назовут именами ныне существующих районов Чукотки, а внутри микрорайонов улицы будут носить названия поселков. Сюда переедут все (!) жители округа, а в портах и на пограничных постах работать будут вахтовым методом.

В самом Билибино первым делом будут созданы условия для женщин. Город должен состоять из институтов, техникумов, профтехучилищ, из учреждений культуры — библиотек, научных центров, музеев, театров, а также из магазинов, салонов, кафе, ресторанов, всевозможных клубов, танцзалов, бассейнов, спортзалов, галерей, цветочных магазинов и прочего, созданного

исключительно для женщин и управляемого женщинами. Ко всему надо приобрести четыре аэробуса и несколько гектаров на тихоокеанском побережье, куда женщины могли бы летать на выходные. Словом, необходимо создать среду, в которой они смогли бы самоутверждаться — прическами, нарядами, красотой, достойными профессиями, творчеством, наконец, своими мужчинами, которых в этом случае не стыдно показать.

Дорогой Борис Исаакович! Вы, как знаток женской психики, понимаете, что я прав и что это не утопия. Притом что женщина тащит на себе остатки России, притом что ей недостает тепла, любви, внимания и заботы, притом что ей самой некому эту заботу и тепло отдать, женщины обязательно устремятся туда, где почувствуют к себе внимание и возможность реализоваться. Ведь попадают наши красавицы на панели Турции или Греции не от хорошей жизни. Кстати, не так давно бежали они и на Крайний Север. Побегут и теперь. Заманить и удержать на Чукотке женщин — уже полдела. Все остальное они сотворят сами. Потому что, если захотят остаться на Чукотке женщины, останутся и дети. Тогда никуда не денутся и мужики.

Чукотский начальник собирается прорыть тоннель под Беринговым проливом и соединиться с Америкой. Похвальное намерение, свидетельствующее о том, что губернатор небезнадежен. Если бы он взялся за мегаполис с абсолютным приоритетом для жизни женщин, они со временем прорыли бы ему и тоннель.

Увидите, идея создания мегаполиса воплотится, и даже скорее, чем это можно предположить.

P.S. К письму прилагаю Хронику событий Лаврентия и рецепты приготовления блюд береговых чукчей и эскимосов. Теперь, если что, с голоду не пропадете...

Л А В Р Е Н Т И Я

(Хроника девяностых)

- 1991 — у острова Ратманова задержан японец на буере, добравшийся с американской стороны.
- 1991 — октябрь — многотонный выброс сайки на берег.
- 1992 — зарегистрирована фирма «Шиманский и К».
- 1992 — прекратил существование районный быткомбинат. Оборудование распродано. Здание изгроблено.
- 1993 — 26 февраля закрыт Дом культуры в микрорайоне Катрыткино.
- 1993 — 15 марта закрыта библиотека в Катрыткино.
- 1993 — ноябрь — закрыт Дом культуры в с.Нешкан.
- 1993 — ноябрь — наблюдение крупного НЛО.
- 1994 — разгромленная в с.Лорино столовая вновь открыта.
- 1994 — 13 июля открыт районный краеведческий музей.
- 1995 — закрыто акционерное общество «Гранит», бывшее СМУ-3. Имущество распродано.
- 1995 — январь — закрыт детсад в Катрыткино.
- 1995 — ноябрь — закрыта Детская школа искусств в Лорине.
- 1996 — вновь закрыта столовая в Лорине.
- 1996 — отключено сетевое радио в Лаврентия и в районе.
- 1996 — ноябрь — выброс сайки в Уэлене.
- 1996 — на звероферме совхоза им.50-летия Октября (с.Нешкан) произведен забой поголовья песцов.
- 1996 — октябрь — налажен прием окружного телевидения.
- 1997 — 20 июня — сгорел клуб на сто мест в Инчоуне.
- 1997 — апрель — создана секта евангелистов-баптистов в Уэлене и Инчоуне.
- 1997 — 18 мая — крещение первых шести членов секты из Лорина и Лаврентия.
- 1997 — 30 мая — православным священником из Магадана

- совершен обряд освящения кладбищ и панихида по усопшим.
- 1997 — 5 июня в зале Дома культуры проводилось торжественное служение в честь Вознесения Господня (священник РПЦ).
- 1997 — 10 июня сгорело здание ДК в с.Инчоун.
- 1997 — 8 июля пограничники вывезли из Инчоуна двух евангелистов-баптистов, пытавшихся пересечь границу.
- 1997 — с 1 сентября отпущены цены на хлеб.
- 1997 — 17-24 сентября в Норвегии состоялась международная китобойная комиссия по выделению квот на добычу китов, в том числе для Российской Федерации.
- 1997 — сентябрь — теплоход «Владимир Арсеньев» доставил три вельбота лоринским охотникам.
- 1998 — на 1 января население района составило 5 350 жителей. Из них коренных — 3944. С 1994 по 1996 из района выехали 400 чел. В 1997 году — 117.
- 1998 — впервые за время существования Лаврентия не завезено авиатопливо. Вертолеты базируются в Провидения.
- 1998 — с января отключено НТВ.
- 1998 — с июля отключен Второй общероссийский канал.
- 1998 — 8 августа празднование 350-летия открытия Берингова пролива.
- 1998 — сентябрь — открыла мелкооптовую торговлю Чукотская торговая компания (ЧТК) в помещении склада чукокторга.
- 1998 — 17 октября — празднование 70-летия Лаврентия.
- 1998 — на 1 ноября в Чукотском районе 350 матерей-одиночек, у которых на руках 472 ребенка.
- 1999 — на 1 января в районе проживают 5100 человек, из которых 4120 — коренные. Работающих 2116. В культуре — 72, в образовании — 434. В Лорине — 4500 оленей,

- в Нешкане — 2700.
- 1999 — 14 апреля — старт гонок «Надежда-99» (300 км). Участвуют 29 упряжек. Из них 16 — впервые. Добрались до финиша 24 упряжки. Первое место занял Федор Тынарыле из Нешкана.
- 1999 — 13 августа — приезд Ю.С.Рытхэу.
- 1999 — октябрь — вышел первый номер газеты «Народ и власть» (50 экз.).
- 1999 — 19 декабря — избрание Главой района В.В.Рудченко. Выборы в Госдуму.

Хроника событий ведется нач. отдела культуры Чукотского района Л.О.Филипповой и хранится в районной библиотеке.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПИЩА БЕРЕГОВЫХ ЧУКЧЕЙ И ЭСКИМОСОВ

(Из книги В.Леоновой «Память о Наукане»)

МАНТАК (ИТГИЛГЫН). Китовую кожу с салом едят в сыром и вареном виде. Вареную заготавливали впрок. Для этого кожу клали в деревянную бочку с плотно уложенными листьями иван-чая (уэуэхты), залитыми водой. Это блюдо ели только зимой. Растение придавало приятный запах и позволяло долго сохраняться. Осенью, с первыми заморозками, свежую кожу с салом укладывали в мясную яму, где она сохранялась до весны. Это был лучший подарок, когда ездили в гости в соседние села или к оленеводам.

НУВКУРАК' (вяленое мясо морзверя). Китовое мясо вялили так, чтобы затвердела только внешняя корка-оболочка. Внутри же оно оставалось сырым. Затем мясо варили в больших

котлах и укладывали в бочку с топленным тюленьим жиром. Ели его только зимой.

Мясо нерпы или лахтака нарезают на небольшие продолговатые куски и вешают на специальные сушилki. При солнечной погоде сушат недолго, до образования корочки. Также можно сушить ребрышки нерпы. Летом вяленое мясо едят с листочками горца змеиногo (нык'ынльак'), с белыми цветочками (к'атыг'ьех'ак'). Зимой нувкурак употребляют с листьями камнеломки или мать-и-мачехи.

СОНИРАК' (мясо морзверя с душком). Свежее мясо моржа или лахтака держат несколько дней в теплом помещении. Когда появляется специфический запах, мясо недолго варят, чтобы внутри оно оставалось сырым. Едят с листочками камнеломки, конского щавеля, мать-и-мачехи или просто макают в жир. Сонирак повышает аппетит.

К'УИЛИСИГ'АК'. Печень моржа держат в теплом помещении до тех пор, пока она не прокиснет и не выделит сок. Едят с жиром или с вареной кожей моржа. Считается вкусной и очень полезной пищей.

К'ЕГЫТ'. Кишки моржа или лахтака выворачивают наизнанку, моют и, положив на деревянную дощечку (аяльгаг'ок'), снимают пленку специальным костяным скребком (килиган). Кегыт едят макая в жир. Кишки, очищенные от пленки, надувают и развешивают на улице сушить. После сушки их разрезают и аккуратно сворачивают. Раньше из них шили легкие непромокаемые куртки (силъяг'ак').

ЛАХТАК-МАКЛЪАК. Лахтачье мясо варят несколько минут, чтобы оно было в собственном соку и сыроватым внутри. Бульон не заправляют.

НЕРПА-НЫХСАК. Нерпичье мясо варят 10-15 минут. Бульон заправляют листочками вербы, иван-чая, морской капустой или диким луком. Бульон получается очень вкусным. Внутренности нерпы тоже идут в пищу. Очищенные кишки можно высушить или обжарить на огне.

ЫРАК'ЫН'УРАТ. Свежее мясо моржа нарезают вместе с салом на мелкие кусочки. Варят долго (2-3 часа), потому что мясо жесткое. Вместе с мясом можно сварить и кожу, нарезанную небольшими кусками, и кишки, только их надо вытаскивать раньше, чтобы не переварились. Перед готовностью в бульон кладут листочки вербы, иван-чая, морскую капусту или дикий лук. Эта еда, по оценкам коренных жителей, очень аппетитная, вкусная и питательная.

К'ОГ'РАК (строганина). Мороженое мясо моржа, кита, лахтака, оленя или рыбы строгают женским ножом (улок') на тонкие кусочки и едят с листочками камнеломки, конского щавеля, мать-и-мачехи. Также мороженое мясо можно отбивать специальным большим молотком (к'угатак'). Раньше в холодной части яранги находились специальные большие морские камни с ровной поверхностью, на которых отбивали мороженое мясо или сало.

КАХУ. Свежую моржовую кожу режут на небольшие куски, не снимая щетину, и варят 15-20 минут. Перед употреблением щетину снимают. Едят с мясом, с кислой печенью моржа. Каху хрустит во рту и считается деликатесом.

К'ОПАЛГ'ЫН - КЫМГЫТ. Блюдо, приготовленное из моржового мяса и сала, вырезанных квадратом из спинной или боковой частей туши вместе со шкурой. В вырезку закладываются печенька, счищенные кишки, легкие, почки и по краю сшиваются кожей наружу. Получается рулет кымгыт. Хранится в прохладном месте. Ближе к холодам еще плотнее сшиваются края

кымгыт, чтобы предохранить мясо от чрезмерного закисания. Употребляют зимой в мороженом виде.

ВИЛЬЕГЫТ. Ласты нерпы, лахтака или моржа заворачивают в траву, потом держат в кожаном мешке. Через некоторое время повторяют этот процесс, только с более плотной завязкой мешка, и вывешивают на жерди яранги. В теплое летнее время, через 3-4 дня проверяют готовность. Если верхний кожный покров лапы легко отделяется — блюдо готово, и его едят с вялым мясом. Передержанные в мешке лапы, имеющие красномедный цвет, не годятся в пищу. Главное — не пропустить момент готовности. Считается исключительным деликатесом.

30 декабря. Лаврентия

Привет, Наиль!

Каково получать письма из Лаврентия?

Открою тебе тайну. Я на Чукотке для того, чтобы отыскать первого младенца, родившегося в двухтысячном году. Хотя — по всем показателям — это маловероятно.

Ещё в Москве одна дама, высказав восхищение моим замыслом, вдруг спросила: «А что если родится чукчонок?» Я говорю, что так даже лучше, все же Чукотка — их страна, и, вообще, кто рождается — не наше дело. Но она считает, что должен родиться русский. Тогда это будет символично, потому что чукчи — язычники. Причисляя себя к православным, она считает, что и первый ребенок века должен быть православным.

Спрашиваю: «Что значит "быть православным"?» Отвечает с ходу: «Это значит быть православным христианином». Я пе-

респросил. Она уточнила: «Верить в Христа и ходить в церковь». Потом добавила: «Поститься и читать религиозные книги». Это немало, но в чем отличие от католиков, которые и в церковь ходят, и книги читают, и в Христа веруют? Что тут началось, стоило упомянуть католиков! Она стала возмущаться: как это я посмел сравнить её, глубоко и по-настоящему верующую, с какими-то католиками? В ней тотчас проявились надменность к католикам и высокомерная ирония в соединении с жалостью — ко мне, заблудшей овце. Я защищался, утверждая, что в Евангелии ничего не сказано о разделении верующих на католиков, православных или протестантов. Тогда собеседница сменила гнев на милость, стала притворно улыбочивой и призналась, что раньше и сама так думала, «до своего воцерковления». В ней проснулось то умиленное снисхождение, которое отличает искушенного вояку от новобранца.

...Сколько людей, столько и представлений о Боге. У меня — одно, у тебя — другое, у соседа — третье, у этой православной христианки — четвертое... Выходит, сколько представлений, столько и богов! Можно ли назвать это монотеизмом? И поклоняемся мы скорее не Богу, а своим представлениям, воображая Бога «по своему образу и подобию», в соответствии со своим миропониманием. Чем же мы отличаемся от язычников, которые поклоняются идолам? Тем разве, что у них боги — рукотворные, а у нас — воображаемые. Ответ: поклонение собственным воображениям — не язычество?

А ведь Господь Бог, Которого Спаситель называл Своим Отцом, — конкретен и определен. В Нём невозможно ошибиться, принять за другого. Никому не дано Его познать, но не узнать Его — нельзя. Впрочем, что я говорю! Можно и не узнать... Если не знаешь, какой Он.

«Звать каких богов мы должны, чтоб Рима гибель отвратить?» — мучился Гораций, не ведая, что уже тысячу лет в сердцах человеческих отзывается Хвалебная песнь Давида:

«Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится. Говорит Господу: “прибежище моё и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!” Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы. Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень.

Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится: только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.

Ибо ты сказал: “Господь — упование моё”; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею; на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона.

“За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его, и прославлю его, долгою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое” (ПСАЛТЫРЬ. Псалом 90).

Когда у нас вспоминают Бога? Когда тяжело, а просить помощи не у кого. Но что за просьбы и какой тон! Дай, дай, дай... Я слышал, как говорили: «Подавай, Бог!» Словно не мы у Него, а Он у нас в услужении. И это притом что самое большее Он для нас уже сделал. Как и обещал — явил спасение: Сына послал, «чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих»!

Вот у тебя есть сын... Что большее еще у тебя есть?

И представь, отдав на очевидное заклятие самое дорогое, в ответ слышишь: «Подавай!»

Нет, нет, мы просто спятели!

А что, если после всего, что мы натворили, Ему до нас дела нет? И зачем мы Ему, если даже себе не нужны? Да и нужен ли нам Он? — тоже не Его вопрос, а наш.

«Да познает народ сей, что Ты, Господи, Бог, и Ты обратишь сердце их к Тебе». Отнесись с почтением к запятым и увидишь, что нет для нас молитвы более важной. Так Илия ходатайствовал за богобоязненный, религиозный, почти детский народ. Каковым же должен быть ходатай за нас и какой должна быть молитва, если даже Голгофы недостаточно?

Спроси у встречного, каковы главные заповеди Божии, и тотчас услышишь: не убивай; не кради; не ври. Но ведь не эти заповеди первые, и не они главные. Предположу, что это и не заповеди вовсе, а неперемные условия нашего бытия, без которых Господь не снизошел бы до разговора с человеком. Мы бы еще раз сознались в незнании Бога, если бы допустили, что, создавая первого человека (по Своему образу и подобию), Он, Господь, забыл вложить в его душу эти добродетели.

Запреты на убийство, воровство и ложь заложены в нас Творцом и з н а ч а л ь н о, присутствуют в каждом человеке от рождения в любой точке его обитания и к религии отношения не имеют.

Тогда какова главная и первая заповедь Божия?

Когда ученый муж, не расстающийся с торой, спросил Христа о том же, Он тотчас ответил: «Первая из всех заповедей: “Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею”, — вот первая заповедь! Вторая подобная ей: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”. Иной большей сих заповедей нет».

Главная заповедь и первое условие состоят в признании того, что Бог Саваоф, Бог Авраама, Исаака и Иакова, есть твой Господь Бог. Только Он и никто больше! Если эта заповедь принимается за важнейшую, то и остальные обретают смысл. О том и молился Илия.

Но вот еще один разговор:

— Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? — спрашивает юноша Иисуса.

— Соблуди заповеди, — отвечает Спаситель.

— Какие? — юноша словно не понимает, о каких заповедях идет речь, и получает немедленный ответ:

— Не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя.

Не услышав откровений, юноша недоумевает:

— Все это сохранил я от юности моей. Чего еще недостает мне?

Значит, соблюдения добродетелей, которыми Бог наделил каждого от рождения, — недостаточно, чтобы "иметь жизнь вечную"?

Видя перед собой незрелого юнца, Иисус сказал, чтобы тот продал имение, деньги роздал нищим и следовал за Ним. Остальное Он объяснит после. Да юноша и сам все увидит, все поймет...

И что же? «Услышав слово сие, юноша отошел с печалью». Как считает евангелист, он не пошел за Иисусом, потому что ему было жаль своего имения.

Нет. Не поэтому состоятельный молодой человек не пошел за Христом. Что в сравнении с имением, пусть даже самым большим, «жизнь вечная», о которой каждый иудей мечтал от рождения? Он потому и отошел от Иисуса «с печалью», сожалением и разочарованием, что ему не открыли тайну «вечной жизни». Просто юноша не понял, Кто позвал его. Он не признал в Иисусе — Христа. Не узнал Сына, потому что не знал Отца, то есть не соблюдал первой и главной заповеди. А тех, что «сохра-

нил от юности своей», оказалось недостаточно для обретения вечной жизни. Понадобились земной путь Спасителя, Фавор, Гефсиманская ночь и Голгофа, чтобы следовавшие за Ним поняли: вера без дела — мертва: «Ты веруешь, что Бог един, хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут» (Иаков, 2. 19).

Эскимосы и чукчи не знают Бога, а мы, которые «знаем», нарекли их язычниками. Но эти северные народы намного ближе к Богу, чем мы, как ближе к Нему те галилейские рыбаки, которые первыми признали в сыне плотника — Сына Божиего.

Я встречаюсь с эскимосами и чукчами, которые не знают Евангелия. Но вся их жизнь проходит в неустанном труде, в борьбе за хлеб насущный, в любви к ближнему и заботе об очаге. Если кто-то попадает в беду, к нему на выручку спешит первый встречный. На Севере всегда существовало святое правило поддерживать ближнего, делиться последним куском пищи. Не имея средств к существованию, охотники, рискуя жизнью, вылавливают кита, вытаскивают на берег и зовут всех жителей разделить с ними добычу, ничего не требуя взамен. Охотясь, они не убивают зверья или дичи больше, чем необходимо на пропитание, и всегда просят прощения у животного, ими убитого. Собирая грибы или ягоды, не набивают полные короба и кошелки. Им и в голову не приходит все это продавать или на что-то обменивать. Они собирают столько, сколько надо, чтобы не голодала семья. Я не встречал, чтобы кто-то из чукчей шил одежду «на продажу», желая разбогатеть, нажиться.

Вот что рассказала пожилая науканская эскимоска, хранящая в памяти многие предания.

В Наукане некогда жили мудрецы, которые могли предсказывать не только погоду, но и судьбы людей и даже будущее народов. Они отводили беду, оберегали от вторжений чужеземцев, исцеляли больных, могли понимать не только иностранную речь, но и язык животных, птиц и даже рыб. Это — великие ша-

маны, наиболее уважаемые и авторитетные из всех жителей Севера. Эскимоска помнит о них из рассказов старожилков.

Я спросил: случалось ли, чтобы шаман ходил по воде?

И эскимоска рассказала, как однажды с Аляски привезли ружье. Когда-то они были редкостью и в большой цене. Во время охоты на моржей охотник случайно выронил ружье в море. Все были в отчаянии, а виновник был готов прыгнуть вслед за оружием. Но за охотой со скалы наблюдал великий шаман. Он все видел. Спустившись к морю, он сел в лодку, подплыл к охотникам, а затем, оставив лодку, прошел по воде к тому месту, где обронили ружье. Шаман произнес заклинание, затем наклонился, словно шаря по дну, и достал ружье к всеобщей радости. Вот какие были шаманы!

Я поинтересовался: был ли случай, чтобы шаман мог накормить множество голодных? Эскимоска ответила, что и такое бывало. Когда замерзал Берингов пролив и не было возможности добывать морского зверя, наступал жесточайший голод. Тогда в Наукан приезжали чукчи и эскимосы из близких и далеких селений в надежде хоть немного добыть еды. И науканцы их выручали. Они обращались к великому шаману, и тот с помощью заклинаний доставал вдоволь мяса и жира. Всё могли шаманы!

Тогда я спросил, не помнит ли эскимоска случая, чтобы шаман исцелил слепого. И она ответила, что в детстве ей приводили множество примеров того, как шаманы вылечивали безнадежно больных. Был случай, когда исцеленным оказался слепой от рождения мальчик. Его родители обратились к знаменитому шаману Скребущая женщина. Тот пришел одетый в шкуру медведя, поставил перед собою слепого и произнес: «Чтобы исцелить, я превращаю тебя в землю, а сам становлюсь огромным медведем. Я сильный! Я разрываю землю и разбрасываю ее. Потом кладу болезнь в дыру и зарываю. Так я делаю тебя здоровым!» И он взял немного земли, смешал ее со слюной и помазал глаза мальчику. И тот прозрел — к радости родителей и удивлению всех жителей!

И что, спрашиваю эскимоску, могли даже воскрешать мертвых? Да, отвечает, и такое было. Они все могли, эти великие шаманы!

Был случай, когда поднялся страшный шторм. Охотники плыли на вельботе от острова Ратманова, тщетно пытаясь пристать к берегу. Весь поселок с тревогой следил за неравной борьбой стихии и человека. Предчувствуя беду, люди запричитали. Еще мгновение — и охотники погибнут... Но был среди жителей шаман. Он поднялся на утес, возвел руки и произнес заклинания. Тогда будто коридор образовался между страшными волнами, и находившиеся на вельботе его заметили и по нему добрались до берега.

Были среди шаманов и женщины. Одна из них много лет назад обратила внимание на молодую эскимоску с большими карими глазами, отзывчивой душой и красивыми руками. Шаманка эта была самой искусной рукодельницей во всей прибрежной тундре. Она знала секреты и потому могла шить так, как никто другой. Предчувствуя скорую кончину, шаманка призвала девушку, взяла ее руки, внимательно оглядела их, произнесла заклинание и подарила девушке наперсток. После этого молодая эскимоска постигла сокровенные таинства швейного мастерства и вскоре стала великой мастерицей, известной на Чукотке и далеко за её пределами. У эскимосской девушки необычайно красивое имя: Преломляющаяся волна, она из рода Ситкунагмит.

Меня интересовали ответы на всё новые вопросы, и, конечно, я не мог не спросить про блудниц: мог ли шаман отвратить их от богохульства? На это эскимоска ответила, что блудниц в Наукане не было, но шаману, которому под силу воскрешать, ничего не стоило вернуть грешницу на стезю добродетели.

«А воду мог превратить в вино?» — не унимался я. Но эскимоска ответила, что такого не припомнит. До появления американцев науканцы вообще не пили. Шаманы заклинали не пить, предупреждая: «Станете пить и курить — вымрете».

В конце разговора я спросил эскимоску, читала ли она Евангелие. Она тихо и, мне показалось, смущенно призналась, что не читала. Но добавила, что хочет прочитать. Когда я спросил, что она думает о возможном рождении первого младенца нового века в Лаврентия, она стала говорить о нем, ещё не родившемся, с теплом и радостью, а уж кто это будет — чукчонок, эскимос или русский — не важно. «Это, — сказала она, язычница, — как Бог даст».

Видишь, и вера без дела мертва, и дело без веры — тщетно.

Из книги Джорджа Кеннана «Кочевая жизнь в Сибири». Москва. 1872. сс.306-307

«...Въ одно лето они могли бы наловить и засушить столько рыбы, что ее хватило бы имъ на три года; но вместо этого, они запасаютъ себе продовольствія только на одну зиму, рискуя на следующую умереть съ голода. Ни тяжелый опытъ, ни громадныя страданія не делаютъ ихъ предусмотрительнее. Человекъ, едва избегшій голодной смерти въ эту зиму, скорей подвергнется той же опасности въ следующую, чѣмъ возьметъ на себя лишній трудъ и наловить больше рыбы. Даже если они видятъ, что гододъ неизбеженъ, они не предпринимаютъ никакихъ меръ, чтобы

несколько облегчить или предупредить его, пока наконец не уничтожается последняя крошка пищи.

Одинъ туземець изъ Анадырска говорилъ мне однажды, что у него оставалось только на пять дней корму на собакъ.

— Что же вы будете делать через пять дней? — спросилъ я его.

— Богъ знаетъ, — былъ характеристическій ответъ, и туземець равнодушно отвернулся, какъ будто въ факте этомъ не было ничего особенно непріятнаго. Онъ думалъ, кажется, что если одному Богу только дано знать, что надо делать, то другим нечего и спрашивать. Отдавъ собакамъ последнюю рыбу изъ своего балагана, онъ всегда успеетъ подумать о томъ, что предпринять; а до техъ поръ, что бесполезно тревожить себя?..»

Из книги И.С.Гарусова «Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки»:

«Большой вред социалистическому переустройству жизни коренного населения приносили шаманы...

...В Колючинской тундре кулак Апуле и шаман Анкай, угрожая оружием, выгнали из стойбища уполномоченных по выборам — председателя райисполкома Туккая и заврайзо Жданова. Как и прежде, в своей антисоветской агитации шаманы ориентировались на американцев. Они угрожали: "Скоро придет американский пароход, динамит привезет. Погибнут все, кто не слушается шаманов, и все русские". Они призывали население: "Не ешьте мясных консервов, они из человеческого мяса", "...Надо перебить всех собак, так как американцы везут хороших

лошадей", "Не отдавайте детей в школу, а то не будет морского зверя" и т.п.

Шаман из села Аляево, когда ему надо было повлиять на окружающих, втыкал в землю длинную палку, имитируя телеграфный вызов американского парохода. Шаман Анкауге весьма искусно сделал модель самолета и при камлании вечером устанавливал его наверху яранги. Во время сеанса он призывал американские самолеты и включал пропеллер модели. Раздавался сильный шум от вертящегося пропеллера. "Самолет летит, скоро бомбы бросать будет!" — кричал шаман. В это время раздавался громкий выстрел из обреза дробового ружья, вмонтированного в модель самолета. Все падали, ожидая смерти. Смерть не наступала. Анкауге торжествовал и говорил, что все здесь присутствующие остались в живых потому, что не пошли за русскими и Советской властью. Шаман Тынялин из с.Сердце-Камень долгое время при помощи особо устроенной шапки, наполненной нерпичьей кровью, демонстрировал свою бессмертность. Он стрелял в определенное место шапки, надетой на голову, из винчестера. Кровь лилась, шаман оставался живым. Но однажды, при демонстрации своего могущества, он прострелил себе голову.

В конце 1932 г. в с.Наукан возобновил свою антисоветскую деятельность шаман Нунегнилян, игравший главную роль в разоружении уполномоченного. Он же 8 марта 1933 г. в с.Наукан устроил спортивное соревнование с богатыми призами, чтобы отвлечь молодежь от праздника Дня равноправия женщин...

...Яростное сопротивление оказывали кулаки Чукотки проведению налоговой политики Советского государства. Кулак Амгуэмской тундры Кильхак выступил против уплаты налога и культсбора. Он говорил: "Налоговые агенты, как волки, губят оленей, их также надо уничтожать". Характерной особенностью кулаков Амгуэмы было то, что они действовали организованно и почти все отказывались платить налог, предлагая советским работникам убираться из стойбищ. Нутелькут отказался платить налог и говорил, что надо убивать русских. Кулак Гыргольты-

нау из Пильхинской тундры Чаунского района в марте 1941 г. Заявлял уполномоченному по сбору налогов тов.Жолобову следующее: “Я платить налог не буду... Скорее уезжайте, а если кто-нибудь приедет из русских, то я буду убивать. У меня есть три винчестера новых, американских, два лука и копье. Я жён вооружу винчестерами, а мы с сыном будем стрелять из луков. У меня три жены, и они могут хорошо стрелять”...»

5 января. Лаврентия

Привет, дорогая Вероника!
С Новым годом!

Не знаю, скоро ли ты получишь это письмо, но событие здесь произошло великое и почти неправдоподобное.

Всё случилось по сценарию, который иначе, чем чудом, не назовешь. Я уже был готов «придумать» Младенца-2000, для чего выяснял, как рожают в тундре, но жизнь еще раз доказала, сколь ничтожны наши замыслы и мелки вымыслы, как недооцениваем мы молчаливые заговоры, ожидания и желания, которые способны воплощаться.

Итак, в ночь на первое января в Лаврентия родился мальчик! Он появился на свет через пятнадцать минут после наступления Нового года.

Теперь подробности этого события.

Я до последнего надеялся на то, что младенец родится именно здесь, и многие желали того же, но навязчивой идеей, кроме меня, никто не страдал. Родится — так родится, а нет — тоже не беда. Акушерки сочувственно отнеслись ко мне, желая, чтобы у меня получился интересный материал, и, как мне показалось, готовили в роженицы местную жительницу. Но она родила рано утром 31-го. Когда я об этом узнал, то расстроился окончательно, потому что исчезла последняя надежда. Огорчились и акушерки, но сказали, чтобы я, на всякий случай, позвонил ближе к вечеру: вроде бы есть еще кандидатура.

Стемнело уже к трем, а ровно в четыре я позвонил в роддом. Трубку сняла Валентина Николаевна. Она дежурит и встречать Новый год будет в больнице. Вот ее ответ:

«Мы сейчас готовим роженицу, но у неё ещё нет родовой деятельности. Мы за ней наблюдаем. Она из Энурмина, ждет уже третьего ребеночка, очень хочет сына, и по всем признакам у нее будет мальчик... Звоните. Может, утром родит...»

Я стал объяснять, что родить утром — поздно, на что мне ответили, что это от акушеров не зависит. Я нашел в себе силы не тревожить врачей до вечера и позвонил только в десять. К телефону никто не подошел, что было подозрительным. Ничего не оставалось, как бежать в роддом.

Мороз, звезды, вокруг ни души. Вижу дымку, поднимающуюся из-за сопки. Так зарождается северное сияние. Откуда-то выбежала огромная собака и шарахнулась от меня. Я думал, волк. Недалеко от больницы замечаю звезду, столь медленно падающую, что успеваю загадать желание... Позже рассказал об

этом, но мне не поверили. Говорят, в декабре звезды не падают, и теперь я уже сам не верю в то, что видел. Пока добежал до больницы — страшно замерз. Поднялся на второй этаж. Звоню. Открыла Валентина Николаевна:

«Я только что осматривала Эльвиру. Кажется, начались схватки. Правда, пока небольшие. Но она может родить быстро, потому что у нее это уже третий ребенок. Идите, встречайте Новый год и звоните где-нибудь в начале второго...»

Я вышел из больницы и обомлел. От ближайшей сопки, через поселок, протянулась широкая красноватая лента. Мне даже почудились хлопки, и, пока я шел, выростали все новые круги этого сказочного серпантина, которые, колыхаясь и разматываясь, переносились к заливу. Но даже эта неопишуемая красота не могла отвлечь меня от того, что происходило в родильном отделении. Скорее, я рассматривал северное сияние как явление, сопутствующее чему-то более важному и значительному. Ожидаемое чудо способно подчинить себе происходящее вокруг, объединить кажущийся хаос в гармоничный мир, где всему найдется и место, и время. Тогда мир становится видимым, понятным и даже дорогим, и мы замечаем неотделимость от себя всякого действия, всякой вещи и всякой твари, а себя чувствуем центром мира и, подобно Вермееру, собравшему в единое полотно разбросанный Дельфт, начинаем по-настоящему беречь и любить то, чем окружены...

Только вернулся к себе — и тут же раздался звонок: Маргарита Сергеевна, у которой собралась вся семья, пригласила меня встречать Новый год. Через пять минут я был у неё. Многочисленные внуки Маргариты Сергеевны снуют по квартире, праздничный стол ломится от яств, все в предновогоднем возбуждении, а у меня в голове лишь одно: что сейчас в роддоме? Без четверти двенадцать звоню. Трубку сняла санитарка: «Эльвира рожает!»

Бегу в роддом. Северное сияние всюду колыхается над Лаврентия. Прибежал в начале первого, так что Новый год застал меня в дороге. Дверь открыла миниатюрная санитарочка и проводила в кабинет дежурного врача. Через несколько минут в кабинет вбежала Светлана Геннадьевна, врач-гинеколог, которая вместе с Валентиной Николаевной принимала роды: «Надевайте халат — и за мной!» Меня одели, дали тапочки. Я был в смятении, потому что еще не оказывался в подобной ситуации.

Первое, что увидел, войдя в небольшую комнату, — Валентина Николаевна, улыбаясь и светясь, держит перед собой шевелящийся и кричащий розовый комочек. Это и есть Младенец-2000! Она бережно положила его на небольшой столик. Ребенок то затихал, то вновь кричал. Это был не плач, не мольба о помощи, а настоящий крик, выражающий радость. Он и до сих пор у меня в ушах. Ничего более торжественного я не слышал.

Поверишь ли, но, когда я, обомлевший, не отрываясь, смотрел на это теплое и радостное создание, во мне невольно пробудились строки из Евангелия: «Истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь».

Только спустя некоторое время я увидел роженицу. Она лежала на высоком столе, была тиха, спокойна и счастлива. Смущения от моего присутствия не испытывала, видимо принимая меня за врача. Смущался больше я, пытаюсь её о чем-то спрашивать.

— Вы счастливы, что родился мальчик?

— Да.

— Знаете, что он первый младенец двухтысячного года на Земле?

— Да, конечно...

В это время ребенок закричал. Возле него хлопотала Валентина Николаевна.

— Чего он кричит?

— Они всегда так кричат.

— Как вы его назовете?

— Ромой. Дед и муж так хотели.

Я сделал еще несколько снимков новорожденного, у которого только что появилось имя.

— Кем он будет?

— Не знаю.

— Он прославит Энурмино и Чукотку... (Рома опять закричал.) Он что, голодный?

— Наверное.

— Крестить его не будете?

— Нет, наверное. Мы же язычники. — Эльвира улыбнулась.

Я извинился и, перед тем как выйти, еще раз взглянул на младенца. Он в это время зевнул. Надо же, не успел родиться, а уже зеваает! Затем акушер-гинеколог прошла в кабинет дежурного врача оформлять документы, а Валентина Николаевна осталась с Эльвирой и Ромой. Я же не знал, куда бежать и кому звонить. Акушерки тоже нервничали, потому что был строгий приказ немедленно сообщить о новорожденном в Анадырь. Но ни с Анадырем, ни с каким-либо другим городом связи не было и раньше утра не будет. Ошеломленный произошедшим, я наблюдал за тем, как Светлана Геннадьевна заполняет документы.

Схватки начались: 31.12.99 г. в 21:00.

Воды отошли: 01.01.2000 г. в 00:15.

Качество и количество вод: светлые, около 150 мл.

Полное открытие: 23:45, 31.12.99 г.

Начало потуг: 00:05, 01.01.2000 г.

Ребенок родился: мальчик, 1 января 2000 года, в 00ч. 15 мин. Живой. Головкой. Масса — 3 750, рост — 56 см. Окружность головки — 38 см, груди — 39 см.

Кроме цифр и чисел, воспроизведу казенный язык медиков: **«Первого января двухтысячного года, в ноль часов**

пятнадцать минут, на высоте потуги родился живой доношенный мальчик с оценкой по Апгар — восемь-десять баллов. Закричал сразу громко...»

Записывала Светлана Геннадьевна быстрым и неразборчивым почерком, а я уже не мог оставаться на месте. Надо было хоть с кем-то поделиться вестью о событии, свидетелями которого были лишь я да акушерки.

Прибежал в Дом культуры, где в это время проходили новогодние торжества. Собрал всех, кто там был, и зачитал известие о рождении ребенка. Все спрашивали: откуда мама, какой вес, какой рост? Каждый мой ответ сопровождался возгласом: «Ура!» За радостную весть Дед Мороз вручил мне шампанское. Я вернулся в свою келью и, сидя в темноте, осмысливал произошедшее...

Энурмино — маленький заполярный поселок, расположенный на берегу Ледовитого океана, неподалеку от мыса Сердце-Камень. Добраться туда можно лишь вертолетом или вездеходом. Основное население — чукчи. Русские почти все выехали. Единственные средства к существованию — охота и рыболовство.

Эльвира Росхином родилась в многодетной семье, точнее, в многодочерной: семь девочек и только один сын, к тому же — младший! Так что навыки женского труда у неё такие, каких не даст ни одно училище. Мама Эльвиры была мастерицей на все руки. Работала швеей в пошивочной мастерской, воспитательницей в детском саду и, кроме прочего, прекрасно готовила. К несчастью, она умерла в 1989 году. Отец Эльвиры — охотник. Эльвира вышла замуж и родила двух дочек: Соню — в 1991 году и Регину — в 1994. Муж — истопник в интернате, а отец мужа — охотник. Сама Эльвира работает поваром в школе. Получает 450 рублей, но и этих денег с июля не видела. Живет семья, как и большинство энурминцев, по спискам... Не знаю, как объяснить французам... Это похоже на то, как совершаются покупки у вас:

без наличных денег. Только здесь можно купить лишь ограниченный товар в ограниченном количестве: муки — один килограмм на человека, сахара — полтора, кое-какую крупу, хлеб... Бывает, «не дают» и этого. Летом продукты подвозят на барже. Зимой — только вертолетом. Поэтому питаются тем, что удастся добыть на охоте: китятиной, моржатиной, нерпой и лахтаком. С олениной сейчас плохо. Из одежды покупают лишь обувь. Остальное — кухлянки, нерпичьи штаны и зимние торбаса — Эльвира шьет сама.

Проживает энурминская семья на улице Советской в маленьком домике, где есть только кухня да комната. Двадцать лет стояло бесхозным основание, без крыши, пока Эльвира с мужем не решили его достроить. Удобства в домике минимальные. Зимой, а в Энурмине почти всегда зима, трактор подвозит лед, его откалывают, бросают в бочку, лед тает, и проблемы с водой нет. А чтобы воду нагреть, достаточно поставить ведро на печку. Потом мойся сколько душе угодно.

В Энурмине нет развлечений, кроме телевизора. Зато есть тундра и море: они заменяют все на свете. Неподалеку, на мысе Нэттэн, в избушке, оставшейся от полярной метеостанции, живут друзья Эльвиры, и она любит у них гостить с мужем и дочерьми. Часто ходят за ягодами и растениями. В тундру манит, там не бывает скучно. Конечно, две дочери — хорошо, но муж и особенно дед хотели сына и внука, надеялись на то, что Эльвира подарит им такую радость. И вот — она родила мальчика. Да какого!

...В середине декабря из Энурмина позвонила акушерка и сообщила, что в поселке намечаются преждевременные роды. Нужна помощь. Немедленно был снаряжен санрейс. Светлана Геннадьевна вместе с педиатром Леонидом Наумовичем, перелетев на север полуострова Дауркина, прибыли в Энурмино. Но оказалось, схватки были ложными. Просто акушерка перестраховалась. Тем не менее Эльвиру забрали в Лаврентия, провели обследование, взяли анализы и поместили в родильное отделение.

Срок у нее подходил с третьего по пятнадцатое января, поэтому врачи не особенно принимали ее в расчет, когда речь заходила о Младенце-2000. Но в последние дни Эльвира стала жаловаться на боли в пояснице, и опытные акушерки, знающие особенности чукчанок, не исключили, что это может быть предвестием родов.

Вечером, в канун Нового года, у нее начались схватки. К десяти часам они стали регулярными, а паузы между схватками короткими. В половине одиннадцатого стало ясно, что Эльвира скоро родит. Валентина Николаевна вызвала из дома акушерку-гинеколога, и они поместили Эльвиру в родильный зал. Без четверти двенадцать начались роды, о которых подробно рассказала Валентина Николаевна: «Где-то в ноль часов ее начало "дуть". Это значит — ребенок стал продвигаться. Мы командуем, она дует и плод продвигается. Только успели поздравить друг друга с Новым годом, как показалась головка. Поскольку Эльвира уже родила двоих и знает, что и как происходит, она послушно выполняла указания и помогала нам».

Меня откровенность акушерки немного смутила, и она это заметила: «Если бы мужчины знали: как? что? и почему?.. Если бы понимали, каково родить, то по-другому бы относились к женщине... ..Эльвира очень хотела мальчика. И мы тоже желали ей сына. По нашим акушерским приметам, по головке, по сердцебиению мы определили, что должен быть мальчик. Когда он появился, Эльвира заплакала, что с чукчанками случается редко: они

очень спокойны и внешне неэмоциональны. Мы все обрадовались. Я вытащила его: "Ура! Мальчик!" И Светлана Геннадьевна побежала сообщить вам об этом. Он родился нормальным, сразу закричал, ручками-ножками зашевелил, как и положено, розовый, оценка высшая — 10 баллов! Все у него хорошо. Отделила я его, пуповину перерезала, отнесла на столик, и там вы его уже увидели и сфотографировали. У Эльвиры тоже все прошло нормально...»

Так закончились эти роды, и началась новая жизнь. Не только для Ромы.

ЗДРАВСТВУЙ, ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК 2000-го!

1 января 2000 года в 00 часов 15 минут в родильном отделении центральной райбольницы в Лаврентия появился на свет первый в стране новорожденный XXI века. Это мальчик, которого уже назвали Романом. Рост 56 сантиметров, вес — 3 килограмма 750 граммов. Родители ребенка Эльвира Росхином и Юрий Анкарольтын — жители Энурмино. Роды приняли акушер-гинеколог С.Г.Быстрова и старшая акушерка родильного отделения райбольницы В.Н.Порохня.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВСЕХ С РОЖДЕНИЕМ НОВОГО ЖИТЕЛЯ ЭНУРМИНО, РАЙОНА, ЧУКОТКИ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВСЕГО МИРА!

«Народ и Власть». Пресс-бюллетень Совета депутатов и администрации Чукотского района. 7 января 2000 г.

...Я просидел в темноте, тишине и раздумье до самого утра. В девять тридцать за мной заехала машина, я зашел за Маргаритой Сергеевной, она надела эскимосскую одежду с узорами, взяла ярар, привезенный с Аляски, и мы отправились на близлежащую сопку встречать восход солнца — первый в двухтысячном году. Мне было важно встретить этот восход с кем-нибудь из науканских эскимосов. Ведь именно они и их предки первыми на Земле видели солнце нового дня. К счастью, Маргарита Сергеевна согласилась.

Мы проехали мимо родильного дома, и по пути я рассказал о ночном событии. Рассказывая о рождении Ромы, я неотрывно смотрел на горизонт, опасаясь прозевать восход: следующего

придется ждать тысячу лет! И то если в тот далекий от нас день будет безоблачно...

Между Лаврентия и ближайшей сопкой мы остановились и выскочили из машины. Наши взоры устремились на восток. Он начинался неподалеку, можно сказать, под ногами. Горизонт набух до предела и был готов взорваться. Сопки за нашими спинами уже окрасились в розовый цвет, и стоявшие на них могли бы видеть восход прежде нас, но там сейчас никого нет, и мы первыми увидим солнце. Науканская эскимоска сделала несколько шагов по направлению к восходу и приподняла над головой ярар: бум-бум-бум...

Нани тук атуг'лаку?

Мани ка Нувуками!

Аия-йя-аа-на,

Аия-йя-аа-на-йя.

Инг'эг'рум кайнани ысхакахнут

Масах'мук нуг'ылг'э нутан куянаха!

Аия-йя-аа-на,

Аия-йя-аа-на-йя...

И вместе с растекающимися по тундре звуками древнего гимна из-за горизонта вырвались, в мгновение достигли нас и тотчас ушли на запад первые солнечные лучи, и им вслед стало медленно всплывать огромное малиновое светило. Оно не было круглым и казалось придавленным невидимой силой, будто само время сопротивлялось новому восходу, отчего пульсирующий овал не был правильным, и создавалось впечатление, что солнце сложено из кирпичей. Поднимался этот мозаичный овал тоже не плавно, а рывками, подчиняясь звукам ярара, словно пританцовывая...

Где же мне петь эту песню?

Здесь, в Наукане!

Аия-йя-аа-на,

*Аия-йя-аа-на-ия.
На вершине горы Ингэзрук,
Там, где начинается Земля,
Там, где люди встречают Солнце!
Аия-йя-аа-на,
Аия-йя-аа-на-йя...*

Солнце поднималось все выше и становилось ярче. Мороз не позволял долго наблюдать за восходом, но я ждал, пока луч докатится до кирпичного здания на краю Лаврентия: там сейчас родившийся в полночь младенец. Это его первое утро, и я видел, как в окно на втором этаже заглянул его первый солнечный луч... Этот луч полетит дальше, пронесется по тундре, пробежит Якутию, пройдет через леса Сибири и горы Урала, минует Поволжье, долетит до Западной Европы, достигнет Парижа и, когда в Лаврентия уже настанет ночь, всё еще будет лететь над морями и океанами, континентами и островами... Сколько рук и лиц будут тянуться к нему, прежде чем солнечный луч, обогнув планету, вернется на Аляску, чтобы снова взойти над горизонтом, здесь, у восточных окраин Чукотки!

...Теперь можно уезжать. Всё, что я задумал, всё, чего желал, — совершилось. И больше того. Гораздо больше. Я со страхом думаю о том, как это изложить, какими словами. Ведь то, чему я стал свидетелем, настолько грандиозно, что, если и отважусь что-либо написать, получится лишь бледная тень того, что произошло на Чукотке на рубеже веков и тысячелетий.

Так, может, правильнее утопить в памяти все увиденное, чтобы не исказить его?

Но тогда зачем я здесь? И почему всё произошло именно так, как я того желал?..

Сохрани мои письма. Вероятно, мне придется их у тебя одолжить.

30 января. Анадырь

Дорогой Иверий!

Наконец-то я выбрался из Лаврентия, в котором застрял больше чем на месяц.

Никогда еще я не был в такой зависимости от обстоятельств, ни разу моя свобода (если исключить службу в армии) не была так ущемлена, а воля в такой степени парализована. И это притом что никто ни в чем меня не ограничивал. Я был волен в делах и поступках, ни от кого не зависел. В то же время я мог

находиться лишь в ограниченном пространстве. Никакие заборы в Лаврентия не нужны: и без них никуда не денешься. Но теперь ясно, что без «заточения» в Лаврентия Чукотка была бы гораздо более далекой от того образа, который я составил.

Анадырь, серый и неприветливый, с бестолковым и хаотичным нагромождением типовых зданий, дыра, в которой некуда себя деть, показался едва ли не европейским центром, светочем цивилизации и средоточием культуры. Я не мог налюбоваться его архитектурой, жизненной мощью, ночными огнями, улицами и площадями, интеллигентными лицами — то есть всем тем, что месяц назад повергло меня в шок и вызвало неопишную тоску. Что же будет, когда вернусь в Москву? Какой предстанет столица, к которой я до сих пор оставался равнодушным? Поразительно, но я мечтаю пройти у Никитских ворот. Нет, больше я не обреку себя на подобное небрежение свободой. Буду лишь там, откуда можно выбраться и где всякое перемещение будет в полной зависимости от моего желания, а не от того, чего и не объяснишь...

Что значит: выбраться из далекого северного поселка?

Никто не знает, кроме жителей этих поселков. Единственный транспорт — самолеты и вертолеты, и летают они не по расписанию, хотя оно и имеется, а по воле случая. Зная это, северяне не ропщут, не негодуют, а отдают себя в руки Провидения и смиренно ждут: день, два, три... неделю, вторую, третью... Могут прождать и месяц, и два, столько, сколько надо. Не то что жители материка — дерганые, психованные, нервные. Задержка самолета на час-другой доставляет им муки. Если вылет задержится на сутки, они звереют, превращаются в агрессивную и на все готовую толпу, мечутся по аэровокзалам, атакуют начальство, пишут жалобы «наверх» и даже создают общественные комитеты. Самое неприятное, что они при этом носятся по залам ожиданий и цепляют лапами своей одежды мирно дремлющих граждан.

Кстати, кто эти невозмутимые граждане, третьи, четвертые или десятые сутки находящиеся в аэропортах Краснодара, Хабаровска или Москвы?

Это наши северяне, возвращающиеся из отпуска или, напротив, в отпуск направляющиеся. Не обязательно все они из Лаврентия, Анадыря, Певека или Эгвекинота. Возможно, они с других полярных широт. Север — большой! А вот мы, человеки, ма-а-ленькие. И если так, надо тихо сидеть, не роптать, умерить гордыню, потому что лишь Богу ведомо, надо ли нам, беспомощным и хилым, лететь тотчас или лучше задержаться на недельку-другую и подумать кое о чем...

«Мы, когда из отпуска возвращаемся, три-четыре дня посидим в Москве, потом недельку-другую в Хабаровске или Магадане, потом дней десять-пятнадцать в Анадыре... Пока домой доберешься, так устанешь, что хоть снова отпуск бери», — делилась впечатлениями одна степенная лаврентийка. Она же призналась, как однажды возвращалась из отпуска, и все эти пересадки-перелёты происходили без задержек, ожиданий и проволочек. Добралась до Лаврентия за три дня! Теперь, говорит, о том отпуске и вспомнить нечего...

Многодневное «сидение» в аэропортах требует не только выдержки и терпения, но и особенной культуры и специфической дорожной экономики. Если ты пребываешь в аэропорту неделю, надо так распорядиться деньгами, чтобы их хватило на сам отпуск. Малейшее расслабление в баре или ресторане может закончиться тем, что ехать дальше будет не на что. То же и дорога домой: в отпуске надо так тратить деньги, чтобы часть их осталась на многодневный обратный вояж. Ведь, даже благополучно долетев до анадырского аэропорта, можно уже в нем просидеть одну-две недели, дожидаясь, пока наладится погода. В результате всякая поездка невольно превращается в путешествие, с тяготами и лишениями, которые, кроме того, что закаляют нервы и делают выносливым, насыщают жизнь эмоциями и переживаниями. Да такими, что затем год или два можно обходиться без них.

Мне рассказали, как некий пассажир, добираясь до Уэлена, две недели прождал в Анадыре, затем столько же в Лаврентия, потом безнадежно застрял в самом Уэлене и... стал писателем. Он не сидел сложа руки, а записывал ощущения, впечатления, переживания, и не только свои, но и соседей по залам ожиданий. Он даже выведал и переложил на бумагу галлюцинации, кои посещали самых нетерпеливых пассажиров. В итоге получилась любопытная книга.

А если к галлюцинациям добавить описание казенных стен, полов и потолков, рассказать подробно о сидениях и скамейках, косяках, дверных ручках и о самих дверях да расписать их скрип (ведь не найти в России нескрипящую дверь!), если скрупулезно разобрать граффити на стенах туалетов и буфетов, вывести образы буфетчиц, уборщиц и кассиров, показать диспетчеров, летчиков, стюардесс, попутчиков, запечатлеть их говор, изобразить походки, раскрыть характеры, а уж если заглянуть в их души...

Здесь не очерки и даже не романы — эпосы писать можно. И если только не закончился век книги и возможны великие литераторы, то только у нас, в России, из её душераздирающих недр, может произойти нечто значительное на этом, казалось, уходящем поприще.

Как же я выбрался из Лаврентия?

Все планы и многое сверх того я выполнил ко второму января и был готов вернуться в Анадырь, куда меня обещали доставить первым же бортом. Отдаю должное — слово сдержали. Вот только первый борт пришлось ждать месяц.

Сначала были новогодние праздники, и потому самолеты не летали. Потом новогодние праздники плавно перешли в рождественские, в дни которых работать — еще больший грех, чем в новогодние. Затем, когда закончились праздники и можно было улетать, началась пурга...

Если по прошествии двух месяцев пребывания на Крайнем Севере меня попросят назвать самое впечатляющее из всего, что

я здесь увидел и с чем Чукотка будет ассоциироваться до конца моих дней, отвечу не задумываясь. Но назову не сине-розовые сопки, не чудных оленей, не диковинных моржей, не загадочную ярангу, не собачью упряжку и даже не северных красавиц, хотя все они символы Чукотки. Я назову пургу. Она — настоящая хозяйка Чукотки и десница Божия в этом крае.

Кто здесь был и не пережил пургу, тот не знает Чукотки. Напротив, тот, кто на Чукотке не был, но хотя бы раз попал в пургу, даже если случится она в Африке, сможет составить представление о Чукотке.

Люди гадают: какого цвета пурга? И одни уверяют — белая, другим она кажется серой, третьи убеждены, что пурга синяя, а есть такие, которым пурга видится черной... Сколь однобоки эти суждения! Столь же нелепо выяснять, какого цвета Джоконда.

Многие задаются вопросом: как звучит пурга? Завывает ли, словно голодный полярный волк, или рычит, как истосковавшийся белый медведь, а может, она хрипит, подобно могучему гренландскому киту? Или, быть может, пурга порождает шум стаи полярных птиц, еще неведомых человеку?

Всякое сравнение уместно и вместе с тем неточно. Ведь то, что слышит один, по-иному слышит другой и совсем не слышит третий, потому что звучание пурги многомерно и многоголосно. Это нескончаемая месса, состоящая из бесчисленных хоров и оркестров, дирижирует которыми Сам Господь.

А есть ли у пурги запах?

Конечно. Не может столь грандиозное действо обойтись без запаха. Но если он существует, то каков он? И кто сможет его определить? Ведь для этого во время самой страшной пурги нужно выйти из дома, встать на открытое, незащищенное место и обратиться к стихии лицом... Только отчаянного безумца, решившегося на эту дерзость, пурга наградит необычайным, ни с чем не сравнимым ароматом, соединившим влажные запахи северного моря со свежим дыханием прибрежной тундры.

О-о-о! Даже глоток этого опьяняющего коктейля испить под силу не каждому.

Сама пурга — великая тайна. Никто не знает, когда она начнется, откуда придет, тем более — когда закончится. Пытаясь предсказать стихию, самонадеянные люди будут указывать на солнце и луну, на звезды и на собак, станут что-то выискивать в поведении детей, прислушиваться к старикам... Все это к пурге отношения не имеет. Стар и млад, опытные метеорологи и коренные жители, полвека прожившие в тундре, бессильны в прогнозах. Пурга неподвластна им, и я свидетель, как рушились самые авторитетные предсказания. Пурга всегда действует по-своему.

Седьмого января намечался рейс в Анадырь, но за сутки до этого с запада подул ветер, и началась пурга. Как мне объяснили — «низовая». Не было ни единого облачка, солнце сияло ярче обычного, но по земле стелился бушующий ураган, нещадно выметая остатки снега из лаврентьевских закоулков. Спустя сутки от снежного покрова не осталось и следа. Вместо снега пурга забавлялась песком, кружила его и уносила в сторону Берингова пролива. Стать против этого обжигающего потока — все равно что ошкурить себя наждачкой. Я ликовал: наконец-то! Но мне говорили, что это только легкий ветерок...

Лаврентьевцы утверждают: если пурга длится три дня и не стихает, значит, продолжится до шести; если не утихнет в шесть дней — будет бушевать девять, и так далее с циклом в три дня. Так во Франции подают к столу сыры: обязательно в нечетном количестве — один, три, пять, семь... Но изысканный сыр — во власти французов, а пурга не подвластна никому. То, что происходило, опровергало всё, о чем предупреждали местные жители. Пурга длилась и пять, и четыре, и восемь суток кряду. Она подкрадывалась к Лаврентия с разных сторон, но набрасывалась на поселок только с запада. И это было единственное предсказуемое действие стихии.

...Погода нуще свирепела,

*Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь, остервенясь,
На город кинулась...*

Если бы Александр Сергеевич заменил только одно слово («Неву» на «пургу»), ничего более точного о поведении пурги сказать было бы уже невозможно...

Пробушевав несколько суток, пурга затихала, дразня тех, кто мечтал вырваться из Лаврентия, но, едва надежды укреплялись, она возобновлялась. Пурга менялась и преображалась, становилась влажной, сухой, низкой, верховой — какой угодно, но только не останавливалась. Так хозяин дорогого ресторана, демонстрируя меню богатому гостю, обхаживает его, подкладывает лакомые кусочки и спрашивает: «Ну как?» И когда, кажется, уже испробовано все и не осталось блюда, которое бы не было вкушено, хозяин прищелкивает пальчиками: «А у меня припасено еще кое-что!»

Кроме того, что пурга непредсказуема, она не поддается заговору или заклинанию. Ни шаманы, ни колдуны, с их камланиями и причитаниями, ничего с нею не поделают. Пурга — сама колдунья, шаманка и заклинательница. Она — королева и владычица Чукотки. Покорства, благоговения и безоговорочного смирения — вот чего требует пурга. И добивается своего.

Никто не освободит из-под власти пурги. Даже самые сильные и могущественные мира сего, самые отважные и отчаянные не вырвут из её плена. И если владыки супердержав прикажут вытащить вас из объятий стихии и доставить к себе, это вызовет зловещую ухмылку пурги. Власть человека заканчивается с первым ее вздохом...

Антон Павлович Чехов, проезжая в поезде по нашим бескрайним просторам, записал на станции в Екатеринбурге: «На улице снег, и я нарочно опустил занавеску на окна, чтобы не видеть этой азиатчины».

А я, сидя в своем лаврентьевском убежище, плотно занавешивал окно, чтобы не видеть того, что за окном... ничего не видно.

Удивительно, но по прошествии времени начинаешь понимать: пурга вовсе не равнодушна и далеко не бесчувственна. Не напрасно кружит она дни и ночи и не случайно не выпускает из своих рук. И если пурга продолжает хозяйничать, значит, не все ее планы приведены в исполнение, значит, и ты еще не все понял, не все прочувствовал, не все вопросы задал себе. Глядя на нескончаемую стихию, не надо просить, чтобы она затихла. Лучше спроси себя: что еще не сделано и о чем еще не подумано, коль скоро пурга дает шанс еще раз обратиться к себе?

Пурга не зла и не жестока. Напротив, она добра и гуманна. И прежде чем считать её жертв — замерзших, потерявшихся, исчезнувших, — уместнее задуматься о том, скольких торопливых и самоуверенных удержала пурга от опрометчивых шагов! Скольких отчаянных смельчаков она заставила считаться с собою и тем спасла! Скольких пурга северная сделала кроткими, смилив их гордыню — этот величайший грех!

Вот, говорят, пурга началась, и человек замерз, пропал, исчез... А зачем он искушал стихию? Почему пошел тогда, когда не следовало бы идти? Уверяю, ни одной жертвы не было по вине пурги. Но всякая гибель — урок остальным, в особенности тем, у кого короткая память.

Ошибочно считать, будто пурга, удерживая в своем плену, наказывает. Напротив, она благоволит, оказывает расположение. И чем дольше ты остаешься ее пленником — тем это почетнее, тем ты значительнее и желаннее. Ведь не чья-то злая воля, не властный указ, но сам Господь сокрыл тебя под Своей сенью, успокоил и дал шанс творить. Не потому ли именно под неистовые и могучие симфонии пурги были рождены высшие достижения северного искусства? Там, в теплом пологе яранги, под тусклой лучиной жирника, рождались шедевры из кости, придумывались легенды и сказания, создавалось замечательное шитье,

изобретались приспособления для охоты и рыболовства, обдумывались способы ловли морского зверя.

Мне рассказали, как в один из зимних дней в Лаврентия прилетел известный художник. Заметив, что надвигается пурга и ему грозит многодневное заточение, он забрался обратно в самолет и улетел. Поверь, ничего не стоило пурге вернуть самолет, пусть и поднявшийся в воздух. Но пурга не стала тратить свое благоволение попусту. Она отпустила художника с миром и без тени сожаления...

Когда пурга немного притихла, я выбрался в магазин, где стал участником обсуждения стихии. Кто-то сказал, что, согласно поверью, пурга не закончится, пока не похоронят человека, скончавшегося еще в канун Нового года.

— Почему же его не похоронят? — спросил я.

— Пока не стихнет пурга, кладбище не отыщешь, — ответили мне.

— Но ведь вы говорите, что она потому и не стихает, что не хоронят!

— Верно, — отвечают.

— Так что же делать?

— Ждать, пока стихнет.

Вот какая логика!

В один из вечеров я наблюдал по телевизору оживленную дискуссию о цензуре, о том, нужна ли она в современной России, во благо ли будет ее введение или во вред... Один из участников — могущественный олигарх — доказывал, что цензура нужна, потому что журналисты теряют чувство меры, вываливая на головы людей потоки грязи. Другой участник — уважаемый политик — доказывал, что цензура не нужна, что люди в состоянии отделять зерна от плевел... Но вдруг на самом интересном месте дискуссия прекратилась: осерчавшая пурга разорвала кабель, идущий от ретранслятора. Отключились также телефон и радио. К счастью, пурга оставила электричество. Теперь мне понятно, почему на Севере трудно скрывать правду, даже если ввести са-

мую жесткую цензуру. Одна большая и неоспоримая Правда открыта каждому: человек — карлик, он ничтожен и беспомощен перед ликом Божиим.

Шестнадцатого января пурга наконец стихла. К вечеру показались звезды — предвестники хорошей погоды. Несмолкаемые грохот и рев сменились порывами, которые становились все реже, и ночью пурга лишь тихо подвывала, иногда замолкая вовсе. Тишина казалась непривычной. Впервые за десять дней я услышал ласковый шум лаврентьевских котельных, до пурги казавшийся мне нестерпимым. Утром показалось солнце... Но оно еще только восходило, как усилился ветер. Вскоре стало ясно, что пурга ушла лишь для того, чтобы набрать разбег. К вечеру она всюду бушевала, а ночью проявилась в доселе невиданном буйстве. Снежные лавины с грохотом и воплем проносились вдоль главной улицы. Плотность этой массы была такова, что не было видно домов на противоположной стороне. Я выходил на крыльцо и с восторгом обозревал стихию. Но если бы я высунулся за угол, убийственный поток смел бы меня и унес неведомо куда.

Если бы подобное хотя бы на минуту... Что я говорю! На тридцать секунд, даже на десять случись такое в Москве, в мире бы не было теле- и радиостанции, ни одной газеты, которые на первый план не вынесли бы сводку об этой катастрофе.

Как можно здесь жить? Как здесь любить, строить дома, выпекать хлеб?... Как можно рожать детей, растить и воспитывать их?

Но вот во время страшной пурги, когда за десять шагов ничего не видно и бесследно пропасть можно в центре поселка, я задал эти вопросы пожилой эскимоске. И она ответила, улыбаясь:

«А мне нравится такая пурга, я люблю этот ветер и этот шум... В детстве нас связывали веревкой друг с другом, и мы цепочкой шли по улицам нашего Наукана. Это очень хорошая погода! Это наша погода! Жара невыносима, мы от нее изнемогаем. Но когда вокруг все бушует и сопки не видны, и вообще ничего

не видно, тогда мое сердце наполняется радостью и свободой...
Хочется петь и танцевать! Это самая лучшая погода!»

Вот для кого Чукотка!

Вернусь к своему отлету из Лаврентия.

Пурга ненадолго останавливалась, давая шанс выбраться. На одиннадцатое был заказан транспортный рейс из Анадыря, которым меня грозились вывезти. Однако выяснилось, что начало Нового года, века и тысячелетия — хороший повод для введения строгого режима экономии, и потому на рейс не нашлось денег. Через четыре дня ожидался прилет пассажирского самолета, и — о чудо! — погода установилась замечательная. Ветер почти стих. Казалось, бери и лети, но... Это в Лаврентия, куда должен прилететь самолет, замечательная погода. А в Анадыре, откуда он вылетает, погода ужасная. Там всюду бушует пурга.

— Надолго? — спрашиваю у работников администрации.

— Кто его знает? — отвечают.

— Как же я улечу в Анадырь?

— А мы как летаем?

— Но я не могу больше здесь оставаться.

— А мы можем?

— У меня уже сил нет! — раздражаюсь я.

— А у нас есть? — спокойно отвечают.

И я остался в Лаврентия дожидаться случая, который позволит вылететь.

Вот так! Едва установится погода в Лаврентия — задует не с того боку в Анадыре; только успокоится в Анадыре — начнется пурга в Лаврентия; наладится погода в Лаврентия и Анадыре — заметет в Провидения.

— При чем здесь Провидения?

— Как при чем? Там находится запасной аэродром, без которого самолет не может вылететь: нельзя рисковать здоровьем граждан, — втолковывали мне.

— Так у меня уже не осталось здоровья, — жаловался я, но меня успокаивали и говорили, что я выгляжу намного лучше, чем когда только прилетел в Лаврентия.

В один из дней стих ветер и наладилась погода во всех трех пунктах. Я стал собирать вещи. Вдруг мне сообщили, что на близлежащие сопки, по которым ориентируются летчики, опустился туман и их вроде бы не стало видно.

— Как же не видны сопки, когда я их вижу? Вот они, посмотрите! — возмутился я в приемной у главы администрации, призывая присутствующих ответработников выглянуть в окно.

— Это не те сопки. Тех, что надо видеть, как раз и не видеть, — отвечали работники, не поднимая головы и поправляя теплые оренбургские шали.

В один из дней все совпало. Погода наладилась, тумана не было, ветра — тоже, и даже солнце вовсю светило. И так повсюду: в Анадыре, в Providения, в Магадане и даже в Воронеже... Лети — не хочу... Но тут у работников аэропорта наступили выходные дни. Суббота и воскресенье, как у всех, а понедельник — специальный.

— Какие у них могут быть выходные? — возмущался я.

— А что, они, по-вашему, не люди? — ответили мне.

— Но ведь две недели самолеты не летали! Могли отдохнуть.

— Кто же в рабочие дни отдыхает?

Ну а после того, как заканчивались выходные дни у аэропортовых работников, возобновлялась пурга — и так далее, бесконечно. Я ругал и клял этих работников, призывал посадить их за саботаж, но, когда вник в суть дела, понял, что каждому из них надо поставить памятник. Да не в Лаврентия — в Москве!

Кто знает, что такое почистить полосу к прилету самолета? Как это успеть за сутки, если она занесена по пояс, а снег утрамбован пургой так, что по нему можно ходить, как по асфальту? А техника? Кто, кроме аэропортовых работников, знает, в каком она состоянии? Единственная снегоуборочная машина на полу-

острове Дауркина дышит на ладан, и, случись что с нею, погибнет Лаврентия. А если занесет снегом гаражные ворота, где стоит эта машина? Или вдруг эти ворота заклинит?.. Все! Машина не выйдет, полоса не расчистится, самолет не прилетит... Кстати, самолеты здесь могут садиться и взлетать только в дневное время, когда видны окрестные сопки, а зимой день длится всего два-три часа...

— Ну когда же я улечу? — с безнадежной тоской спрашивал я лаврентьевцев.

— Обязательно улетите, — отвечали мне с жалостливой улыбкой. — Куда же вы денетесь? Посидите, отдохните, почитайте что-нибудь.

— Я уже отдохнул, все, что можно, перечитал, заканчиваю «Войну и мир»...

— А вы возьмите «Анну Каренину». Очень хорошо читаются здесь такие книги, — советовали мне.

Но вот случилось, что у всех закончились выходные, завершились праздники, расчистили полосу, приготовили все, что только можно, для прилета самолета, погода установилась на всей Чукотке, на всей Земле... Кроме Певека.

— При чем здесь Певек? Это же в другой части Чукотки! — кричал я.

— При том, что туда улетел самолет, — спокойно объяснили мне. — Он же не стоит без дела и, если нет погоды в Лаврентия, летит в Марково, в Билибино или в тот же Певек. Кто же виноват, что там началась пурга?

И я оставался в Лаврентия и сходил с ума от этих десятков и сотен причин. Можно даже оказаться в самолете, пристегнуть ремни, просидеть часа два-три... Затем покинуть салон, вернуться в зал ожидания и прождать вылета неделю-другую.

Мне рассказали, видимо желая успокоить, как однажды пассажиры, прождавшие две недели в Анадыре, сели в самолет, который благополучно долетел до залива Святого Лаврентия, сделал заход на посадку, и пассажиры уже находились в пред-

вкушении встречи с родными и даже видели их из иллюминаторов. Но... Неожиданно началась пурга, и самолет, набрав высоту, вернулся в Анадырь, где выгрузившиеся северяне просидели в зале ожидания еще полмесяца!

Но, что удивительно, Лаврентия ни за что не позволит оставить о себе дурные и пасмурные впечатления. Ведь покинуть его можно только в ясную, солнечную погоду, когда видны сопки, залив, голубое небо и добрые лица провожающих. И если первые впечатления — наиболее точные, то последние — самые запоминающиеся. Не от них ли особая лаврентьевская сентиментальность и желание обязательно вернуться? Не от того ли родилась песня, которую любят и те, кто навсегда уезжает, и те, которые всё еще здесь остаются?

ПРОЩАЛЬНАЯ

Стихи и музыка Федора Лыженко

И вот настало время расставанья,
До вылета лишь несколько минут,
Друзья собрались в зале ожиданья —
Ободрят взглядом, головой кивнут.

Капризную чукотскую погоду
Нам не забыть, наверно, до конца.
Но, покидая навсегда Чукотку,
Мы оставляем здесь свои сердца.

Мы улетаем, увозя с собою
Сиянья северного призрачный узор.
Одно лишь только не дает покоя —
Его не будем видеть с этих пор.

И первые весенние туманы,
И те цветы, что восхищают глаз, —
Все это будет, будет на Чукотке,
И как ни горько, но уже без нас!

И если вдруг нам вспоминать придется,
Где лучшие у нас прошли года,
Наверняка мы вспомним о Чукотке,
И сердце вновь запросится туда...